

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (3)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлегия журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Никитин В.В. Памяти Друга7
Калинина И.В. Слово о Рустеме Султановиче Габяшеве15

Статьи

Лычагина Е.Л. Роль Р.С. Габяшева в изучении
неолита Волго-Камья17
Никитин В.В. Неолитизация лесного Волго-Камья22
Вискалин А.В. О преемственности каменного инвентаря
позднемезолитического и раннеолитического
населения Нижнего Прикамья32
Березина Н.С. О гребенчатых комплексах неолита
Чувашского Поволжья41
Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения памятников
ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья52
Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной
технологии Нижнего Прикамья и времени распространения
древнейших керамических традиций60
Королев А.И. Некоторые аспекты изучения самарской культуры87
Сидоров В.В. Специфика каменной техники волосовской культуры96
Штилов А.В. Хронологические комплексы
XX Кузькинской стоянки в Нижнем Прикамье113
Косменко М.Г. Принадлежность и функции
каменных сооружений в Карельском Поморье126
Черных Е.М. Позднеананьинское святилище
на Зуевключевском I городище (Нижнее Прикамье)153
Фонякова (Чувило) Н.А. К семантике Шиловских пластин166
Данич А.В. Поясные накладки Питерского
(Степаново Плотбище) могильника181
Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана:
итоги раскопок 2011–2012 гг.197
Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного
монетного обращения в Булгарском вилайате
(вторая половина XIII – первая треть XIV вв.)216

Хроника

<i>Хузин Ф.Ш., Владимиров Г., Ситдииков А.Г.</i> IV Международный Болгарский форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации» (Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.)	232
<i>Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i> К юбилею Г.И. Дроздовой	237
<i>Садугина Н.П.</i> К юбилею И.Н. Васильевой	240
Список сокращений	244
Правила для авторов	246

CONTENTS

Nikitin V.V. To the memory of friend7
Kalinina I.V. A word about Rustem Sultanovich Gabyshev15

Articles

Lychagina E.L. The role of the R. Gabyzshev
to study Neolithic Volga-Kama region17
Nikitin V.V. Neolithization of forest Volga-Kama region22
Viskalin A.V. Stonetools continuity of late Mesolithic
and early Neolithic population of the Lover Kama region32
Berezina N.S. On the Neolithic comb-ornamented ware assemblages
of Chuvash Volga area41
Stavitsky V.V. Discussion of the study of the monuments
Middle Volgas comb-ceramics52
Vasilyeva I.N., Vybornov A.A. About Neolithic pottery technology
in the Lower Kama Region and the time
of ancient ceramic traditions expansion60
Korolev A.I. Some aspects of Samara culture investigation87
Sidorov V.V. Specificity of stone technology Volosovo culture96
Shipilov A.V. Chronological complexes of XXth Kuzkinsky stand
in the Bottom Prikamye113
Kosmenko M.G. Belonging and functions of stone constructions
in Karelian maritime area126
Chernych E.M. Sanctuary on the Zuevoklychevskoe I settlement
of the late Ananyino the Lover Kama Region153
Fonyakova (Chuvilo) N.A. To the semantics of plates
from the village of Shilovka166
Danich A.V. Flange sheets of Peter burial ground
(Stepanov's rafting ground)181
Smagulov E.A. Archaeological studies of the ancient Turkestan:
results of 2011–2012197
Bugarchev A.I., Petrov P.N. Stages of copper coin circulation in Bulgar willayat
(the second half of the XIII – the first third of the XIVth cc.)216

Chronicle

<i>Khuzin F.Sh., Vladimirov G., Sitdikov A.G.</i> IV International Bulgar forum «Origins, historical development and cultural heritage of Bulgarian Civilization» (Varna, Bulgaria, 22–25 October 2012)	232
<i>Abdullin Kh.M., Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh.</i> On the anniversary of G.I. Drozdova	237
<i>Salugina N.P.</i> On the anniversary of I.N. Vasilyeva	240
List of abbreviations	244
Rules for authors	246

**Рустем Султанович Габяшев
(1941–2010)**

Рустем Султанович Габяшев (1941–2010) – ярко одаренная личность, один из крупнейших специалистов по эпохе камня, внесший значительный вклад в первобытную археологию Среднего Поволжья. Опытный разведчик и прекрасный полевик, он выделялся оригинальностью своего видения исторического развития древнего населения Волго-Камского региона. Его разработки, отличаясь новизной мышления и принципиально новыми теоретическими построениями, казались первоначально «крамольными» и вызывали у непосвященных в исследовательскую кухню недоумение, а у старших наших корифеев порою резкую критику. Время показало, что он был прав во многом.

Rustem Sultanovich Gabyashev (1941–2010) is a brightly gifted person, one of the largest specialists who highly contributed to study of the Stone Ages archeology of the Middle Volga region. Experienced scout and excellent field scientist, he stood out due to the originality of his view on historical development of primitive population of the Volga-Kama region. His developments, characterized by the novelty of thinking and principally new theoretical schemes, initially looked «seditious» and caused incomprehension of those outside the research process, and sometimes incisive criticism from our senior choragi. The time has shown that he was right in many aspects.

ПАМЯТИ ДРУГА

© 2013 г. В.В. Никитин

Статья посвящена памяти выдающегося казанского археолога Рустема Султановича Габяшева (1941–2010). Он был одним из крупнейших исследователей мезолита и неолита Поволжско-Камского региона. Коллега и друг исследователя рассказывает о его научной, прежде всего экспедиционной деятельности, некоторых биографических данных и личных качествах.

Ключевые слова: археология, Р.С. Габяшев, Поволжье, Казань, персоналии, история археологии.

Рустем...

В моей памяти он останется Рустемом навсегда. В последние 30 лет в моей жизни не было человека, кроме Рустема, с кем непременно хотелось бы встретиться, поговорить о делах, экспедициях, планах и просто посидеть рядом друг с другом. Наше сотрудничество должно было начаться в августе-сентябре 1974 года, когда нами была организована разведка по р. Большая Кокшага. К большому разочарованию и сожалению, у Рустема в то время случилось несчастье и разведочный маршрут прошел без него.

В дальнейшем мы встречались в основном на конференциях, но особого влечения друг к другу не испытывали, было простое общение людей, связанных одной профессией и повышенным интересом к эпохе каменного века, которой вплотную занимался Рустем и которая постепенно, как зыбучий песок, втягивала меня в свои безграничные просторы и безвременные пространства. К этому времени Рустем Султанович был уже сложившимся исследователем и авторитетным специалистом в области мезолита – неолита Волго-Камья. Я же разрабатывал тематику волосовской культуры медно-каменного периода, которая не-

посредственно была связана с неолитическими культурами Поволжья.

В 1977 году по инициативе Геннадия Андреевича Архипова и при поддержке Альфреда Хасановича Халикова было решено организовать полковой семинар по проблеме культур волосовско-турбинского круга. Были приглашены исследователи Волго-Уральского региона с предложением принять участие в работе семинара. Откликнулись на приглашение: Геральд Николаевич Матюшин – ИА АН СССР, Москва; Виктор Петрович Третьяков – ЛОИА, Ленинград; Михаил Федорович Обыденнов – ИИЯЛ БФАН СССР, Уфа; Леонид Анатольевич Наговицин – НИИЯЛИ – Ижевск; Игорь Борисович Васильев – пединститут, Куйбышев; Альфред Хасанович Халиков, Сергей Владимирович Кузьминых, Петр Николаевич Старостин, Рустем Султанович Габяшев – ИЯЛИ КФАН СССР, Казань и сотрудники МарНИИ из Йошкар-Олы: Геннадий Андреевич Архипов, Валерий Валентинович Никитин и Татьяна Багишевна Шикаева, от Марийского государственного университета был Валерий Степанович Патрушев.

Дискуссии под открытым небом, настоящая волжская уха, непринуж-

денность и раскрепощенность общения у костра создали тот феномен временного профессионального интереса и душевного единения, который при удачном стечении обстоятельств способен перерасти в длительное научное сотрудничество и, что более важно, в потребность постоянного или регулярного общения. После этого семинара у нас (у меня и Рустема) появились общие знакомые и приятели. Некоторые из них стали соратниками в определенных научных направлениях. Незаметно создалось ядро сравнительно молодых (35–40 лет) исследователей нео-энеолитического времени Поволжья и Урала: Р.С. Габяшев, В.В. Никитин, Л.А. Наговицин, М.Ф. Обыденнов, И.Б. Васильев, Г.Г. Пенин, В.П. Третьяков, И.В. Калинина, В.Т. Ковалева. Несколько позже, ближе к 80-м годам, в эту группу вливаются Н.Л. Моргунова, А.А. Выборнов, А.И. Королев, Т.М. Гусенцова, А.Ф. Мельничук.

Частые встречи на конференциях разных уровней (студенческие, региональные, республиканские, всесоюзные и международные) выявляли наиболее актуальные проблемы истории древнейшего населения Волго-Уралья, отшлифовывали и вычленили теоретические разработки многих талантливых исследователей. Вторая половина 70-х – 80-е годы – это значительный подъем в отечественной археологической науке. Созрела до высокого профессионального уровня целая плеяда молодых ученых: И.Б. Васильев, Л.А. Наговицин, Н.Л. Моргунова, Т.М. Гусенцова, В.Т. Ковалева. Среди этих талантливых исследователей Рустем Габяшев выделялся оригинальностью своего видения исторического развития древних периодов

истории населения Волго-Камского региона. Его разработки, отличаясь новизной мышления и принципиально новыми теоретическими построениями, казались первоначально «крамольными» и вызывали у непосвященных в исследовательскую кухню, недоумение, а у старших наших корифеев порою резкую критику. Развитие своей научной концепции Рустему Султановичу давалось нелегко. Его схемы и построения принципиально не стыковывались с научными разработками А.Х. Халикова, признанных наших археологов Н.Н. Гуриной, М.Е. Фосс, Г.Н. Матюшина, Л.Я. Крижевской и др.

Убежденность в правоте своих теоретических построений подкреплялась достаточно солидной доказательной базой. На этот период Рустем Султанович Габяшев собрал, обработал и проанализировал десятки тысяч артефактов нео-энеолитических памятников Прикамья. И все-таки, несмотря на первоклассные коллекции, для того чтобы высказывать сомнения в схеме развития и этногенезе прикамских племен, разработанной учителем, необходимо было предъявить не только новую, более доказательную базу, но и проявить настойчивость, мужество.

Со временем, особенно в конце 1980-х – начале 1990 годов резко сокращаются возможности получения научной информации. Нарушена (вообще-то развалена) система комплектации научных библиотек, почти прекращаются научные командировки, редко удается выехать на конференции. При всем этом ограничении Рустем Султанович благодаря своей исследовательской эрудиции и научной интуиции выдает добротную и

качественную научную продукцию, за которую не стыдно перед потомками.

Рустем Султанович был коммуни-кабельным человеком. Он легко находил общий язык с людьми разных жизненных и профессиональных интересов: будь то рыбак, охотник, просто деревенский житель, турист или студент. Не удивительно, что у него было много друзей среди археологов России. Если посмотреть на список трудов Р.С. Габяшева, то можно заметить среди его оппонентов и соавторов, коллег из различных регионов Урала и Поволжья. Он поддерживал деловые отношения с известными неолитоведами лесостепных и лесных зон: Дмитрием Александровичем Крайновым (Москва), Арсеном Тиграновичем Синюком (Воронеж), Дмитрием Яковлевичем Телегиным (Киев), Лией Яковлевной Крижевской (Ленинград), Владимиром Петровичем Денисовым (Пермь) и целой плеядой ровесников из Ленинграда, Самары, Ижевска, Уфы, Свердловска, Саратова, Оренбурга и т.д.

Рустем Султанович для меня больше чем просто друг. У него я учился работать с каменными предметами, учился передавать в рисунке характерные признаки орудий труда, специфические элементы приемов расщепления и вторичной обработки кремня, различных видов ретуши, распознавать резцовую и псевдорезцовую технику, определять категории и типы рабочего инструментария. К тому же Рустем Султанович прекрасно рисовал даже левой рукой.

Меня с Рустемом роднила тяга к перемене мест, жажда поиска и открытий. Не удивительно, что Рустем без раздумий откликнулся на приглашения участвовать в разведочных или

стационарных работах на территории нашей Республики.

Он с удовольствием согласился пройти разведочным маршрутом по реке Малый Кундыш, левый приток Малой Кокшаги, организованном в 1976 году разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции под руководством тогда еще студентки четвертого курса МарГУ Шикаевой Татьяны. Несмотря на трудные условия маршрута: малозаселенность, что сказывалось на необходимости тащить на себе запасы продуктов (тем более что это годы жесткого подушного распределения в сельской местности, не рассчитанного на поставку продуктов в магазин более того, что положено по списку жителей), масса валежника после пожаров 1972 года и, естественно, бездорожье. Нужно было видеть довольное лицо и горящие глаза Рустема, сверкающие от счастья преодоленного препятствия. В такие минуты он был неподражаем, проявлялись абиссинские черты его облика, широкая улыбка обнажала прокуренные и пропитанные черным чайным налетом крупные зубы. Раздувающиеся от избытка чувств ноздри делали его похожим на цыгана, провернувшего удачную сделку. Он несколько раз участвовал в моей экспедиции в качестве консультанта. Его широкая натура, естественная доброта и порядочность притягивали к себе окружающих. У меня в экспедиции проходили полевую практику студенты Марийского пединститута, а это в большинстве девочки и несколько мальчиков, вчерашних школьников. Рустем ненавязчиво и незаметно становился их опекуном.

Суровые полевые условия, да еще при неблагоприятной погоде, не всег-

да способствовали хорошему настроению практикантов. В такие минуты Рустем находил необходимые и так нужные в данный момент слова и выражения вроде: птички вы мои золотокрылые; русалочки вы мои мокрохвостые; крепитесь дети – скоро будет солнце; хорошо тем – кому всегда хорошо и т.п., способные взбодрить и поднять дух уставших от житейских неудобств ребят. У него всегда к перерыву между работой был скипячен котелок воды и приготовлен чай – любой студент мог подойти и угоститься.

Вообще-то Рустем Султанович был удачлив в поле. Я его пригласил в 1980 г. к себе в экспедицию на исследование Дубовской стоянки по разведочным работам, считающейся волосовской. К нашему обоюдному удивлению, этот памятник в процессе раскопок содержал лишь несколько десятков волосовских черепков и имел основной мощный слой с постройками ранненеолитического времени. В этот же год нам посчастливилось раскопать еще одно подобное поселение у д. Отары. Здесь мы с Рустемом исследовали постройку с остатками материальной культуры носителей накольчатой посуды. Эти работы определили на два десятилетия основное направление моих научных интересов. Рустем Султанович еще не один сезон участвовал в совместных со мной работах на неолитических памятниках. Мы работали на Дубовском 8 поселении, где имелись постройки с материалами ранненеолитического (с накольчатой посудой), неолитического (гребенчато-ямочная посуда) и поздненеолитического (посуда протоволосовского типа) периодов. Он же раскапывал и обрабатывал со мной Дубовское 12 поселение с гребенча-

то-ямочной посудой. В этом же году он присутствует на раскопках Дубовского древнемарийского могильника в экспедиции Татьяны Шикаевой. Он успевает везде, и везде ему интересно: будь то абашевский курган у д. Кугунур, где он работает совместно с Борисом Соловьевым или же волосовские поселения у д. Майдан, раскапываемые экспедицией В. Никитина.

Практически ежегодно с 1975 года Рустем участвует в работах Марийской археологической экспедиции. Помнится, в 1975 г. мы исследовали Майданскую стоянку. Работы уже были завершены, студенты отправлены домой, а мы (Р.С. Габяшев, С.В. Кузьминых, Т.Б. Шикаева, Б.С. Соловьев и я) еще оставались. Продукты были, время летнее, жизнь прекрасная. Захотелось еще что-то сделать. Решили зачистить и разобрать обнажения слоя вдоль грунтовой дороги. Решили – сделали. И здесь началось. Оказалось, что это остатки волосовской полуземлянки. Пришлось ее докапывать. Работали с утра до вечера. Махали лопатами как экскаваторы и гребли отвалами как бульдозеры. Рустем работал как и все, без всяких поблажек. Да и не принял бы он поблажек. Не терпел он жалости к себе. Считал себя вполне самостоятельным и работоспособным. Его выносливости можно было только позавидовать. Совместные полевые работы, многочасовые дискуссии по разным полевым проблемам археологии, душевные беседы и песни у костра по вечерам сближали меня с Рустемом и цементировали нашу дружбу. Я любил петь просто так, для души – хоть хором, хоть в одиночку, а Рустем больше слушал. Иногда и подпевал, но это нужно было слышать. При полном отсут-

ствии музыкального слуха, будто на его ушах медведь плясал (притом что его отец был из числа первых выдающихся татарских композиторов), он с таким воодушевлением и старанием выдавливал из гортани звуки-стоны, в которые вкладывал столько чувства, что это его «завывание» воспринималось как «соловьиная» трель и, как это ни странно, вписывалось в общую тональность исполняемой песни. Все это было настолько естественно, что никому и в голову не приходило подшутить по этому поводу.

Меня всегда удивляла приспособляемость Рустема к различным условиям быта. Казалось, что ему в любой ситуации комфортно, всякая погода ему благодать, всякая пища ему нравилась, не имело особого значения и его бытовое обеспечение в поле. Он мог устроить себе крышу из простого куска целлофана, а постель из веток и травы. Независимо от изувеченной правой руки, Рустем мог полностью обеспечить свои бытовые потребности: рубить, пилить, строить, варить и т.д., работал лопатой как заправский землекоп, прекрасно делал зачистки сляя, успевал на раскопе зарисовать коллекции и сделать предварительные подсчеты. Я не могу припомнить ни одного случая, когда бы он на что-нибудь пожаловался или был в унынии. Он никогда ничем не болел в поле. Энергии у него хватило бы на двоих. От ее избытка он иногда страдал, его суетливость и резкость в движениях, бывало, приводила к травмам, зачастую серьезным. Даже получив травму (травмировали топором палец, распорили икроножную мышцу ножом), Рустем не покидал экспедицию, а всегда дорабатывал до конца. С ним было надежно. Он мог

в любое время подстраховать и упрасивать его для этого было не надо.

Не избалованный судьбой, он всего добивался сам, не требуя за свои успехи ни похвалы, ни наград. Сухопарый, резкий, энергичный, он создавал впечатление «вечного двигателя». Рустем относился к той категории людей, от которых можно получить толчок к положительным действиям. Он, словно маленькая искра, мог разгореться в большое пламя, постепенно охватывающее окружающих его людей. Для него было безразлично, как обустроен его быт, больше волновал вопрос – что достанется от него людям. Это сдерживало его от скоропалительных выводов и декларативных построений. Его научные работы практически всегда стимулировали коллег на новые научные идеи и разработки.

Бывая в Казани, я всегда останавливался у Рустема. Как-то так повелось, что впервые я остановился у него еще в середине 1970-х годов, когда они жили в небольшой комнате, а мое спальное место было на сундуке в прихожей. Казалось бы, при таком стеснительном положении и неудобствах лучше было бы поселиться в гостинице (тогда еще выделяли деньги на проживание), но присущая этой замечательной паре – Дании и Рустему доброта и участие тянуло к ним. Мне даже и в голову не приходила мысль, что я вношу в их быт определенные неудобства. Они всегда искренне рады были видеть у себя гостей. Так продолжалось почти 30 лет. Выросла единственная и очень любимая Рустемом дочь Айгуль. Затем появился внук. Рустем часами с гордостью мог рассказывать о своих детях и внуке. И в самом деле, было кем гордиться. Дети пошли по стопам родителей и

достигли значительных успехов в науке.

Рустем Султанович был очень толерантным человеком. Никому никогда не желал зла, не таил обиду, уважал

мнение оппонентов и коллег. Ярким показателем его порядочности было его окружение. В любом городе Волго-Уральского региона (и не только) у него были друзья или знакомые, кото-

Р.С. Габяшев на конференции «Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время». Юрино. 1972 г.

Р.С. Габяшев и В.В. Никитин на конференции «Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век)». Куйбышев. 1976 г.

Мастер-класс Р.С. Габяшева.
Удельно-Шумецкая стоянка. 1985 г.

На Майданской стоянке.
Р.С. Габяшев, В.В. Никитин,
Т.Б. Шикаева. 1978 г.

Дубовский могильник.
В.В. Никитин и Р.С. Габяшев. 1980 г.

Р.С. Габышев. 2000-е гг.

У музея археологии. Пермь. 1980 г.

Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов.
Секция «Археология каменного века». Йошкар-Ола. 1994 г.

рые знали его не только по публикациям, но и лично.

Рустем сделал много в науке. Вклад его в изучение древнейших периодов истории племен волжского бассейна огромен и, надеюсь, в будущем будет

подробно представлен в специальных библиографических исследованиях. Рустем Султанович это заслужил. Я благодарю случай и Бога за то, что имел возможность общаться с этим Человеком.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯ-ЛИ им. В.М. Васильева, (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация); tshikaeva@yandex.ru

TO THE MEMORY OF FRIEND

V.V. Nikitin

The article is dedicated to the memory of Rustem Sultanovich Gabyashev (1941-2010), an outstanding Kazan archeologist. He was one of the renowned experts in the Mesolithic and the Neolithic of the Volga-Kama region. The author, the researcher's colleague and friend, narrates about his scientific and, first of all, expedition activities, offers some biographical data and characterizes his personal qualities.

Key words: archaeology, R.S. Gabyashev, the Volga river region, Kazan, personalia, history of archaeology.

About the Author:

Nikitin Valeriy V., Doctor of Historical Sciences. Mari El Research Language, Literature and History Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

СЛОВО О РУСТЕМЕ СУЛТАНОВИЧЕ ГАБЯШЕВЕ

© 2013 г. И.В. Калинина

Статья содержит воспоминания о выдающемся казанском археологе, исследователе мезолита и неолита Поволжско-Камского региона Рустеме Султановиче Габяшеве (1941–2010). Коллега исследователя рассказывает о его профессиональной деятельности и наиболее ярких личных качествах.

Ключевые слова: археология, Р.С. Габяшев, Поволжье, Казань, история археологии, исследования волго-камского неолита.

Мысль, что судьба человека зависит от того, с кем он повстречается на своем жизненном пути, вряд ли постигаема в молодости, но с годами начинает волновать все чаще. Студенткой третьего курса Ленинградского университета я приехала в Ахмылово в экспедицию к Альфреду Хасановичу Халикову в поисках восточной родины волосовской культуры. Не знаю, как это случилось, но из Казани я уезжала с убеждением, что мое призвание – это волго-камский неолит. Помню, что на следующий год получила открытку от Рустема с адресом экспедиции. Предвиделось, что с билетами могут быть сложности: в Советском Союзе все куда-то ехали, особенно летом – к родственникам, знакомым, в отпуск или в командировку, но как-то и не подумалось, что местные рейсы могут быть не каждый день, а только два-три раза в неделю. Все дорожные перипетии, однако, стер в памяти последний день, когда пришлось с рюкзаком мчаться на мотоцикле по полям в поисках лагеря Рустема. На всю жизнь запомнился контраст пережитого страха, волнения – и тишины, безмятежности вечернего часа. И сейчас вижу на берегу реки Рустема, ловящего на ужин рыбу. Следующий день начался с обозрения просторов речных террас, глиняных черепков и нескончаемого разговора

об археологии. Тогда и открылось такое естественное понимание археологического братства, служения общему делу. Я получила в свое распоряжение – удивительно, что это подарком даже не воспринималось – еще неопубликованные материалы П Дубовогривской стоянки. Меня интересовали черепки, Рустем видел целые сосуды. Он сумел определить прямой путь, а мне пришлось еще долго плутать в поисках идеальных типов сосудов. Пройдя через технологию орнамента сосудов, я позднее ушла от волго-камского неолита к духовным смыслам древних культур. Но тогда это еще было очень далеко впереди. В 1970-х – начале 1980-х годов меня, как и Рустема, волновали проблемы неолита. Оба работали с полной отдачей сил и, обсуждая результаты работы на конференциях, радовались, что применяя разную методику, приходим к сходным выводам.

Постоянно я ощущала надежность, верность Рустема и его уважение к чужой работе. Эти личные качества Рустема Султановича в полной мере проявились в его профессиональной деятельности. У него были научные разногласия и с О.Н. Бадером, и А.Х. Халиковым, но Рустем Султанович проявлял по отношению к ним не только внешнюю вежливость. Рустем расценивал свою работу как продол-

жение работы своих учителей. Сделанное его предшественниками не было отвергнуто, но он пошел дальше и поднял планку исследования очень высоко. Глаз художника позволил ему увидеть в представленном обломками материале формы целых сосудов. Это сделало открытые им памятники эталонными. Несчастье настигло Рустема, но он преодолел увечье, научился рисовать другой рукой, и продолжал углубленно изучать материал своих памятников. Если бы в этот период появилась возможность публикации в виде монографии открытых им памятников, археология приобрела бы издание, востребованное и актуальное по сей день. Но этого не случилось, и однажды наступил момент, когда Рустем Султанович почувствовал, что работу с материалом он завершил. Теперь возможной стала защита докторской диссертации. Достоверной информацией я не располагаю, к этому времени мы уже редко встречались, да и не было у нас в обычае обсуждение тем за пределами сугубо археологических вопросов.

Информация об авторе:

Калинина Ирина Всеволодовна, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); irkalinina@yandex.ru

A WORD ABOUT RUSTEM SULTANOVICH GABYASHEV

I.V. Kalinina

The article contains reminiscences about Rustem Sultanovich Gabyashev (1941–2010), an outstanding Kazan archaeologist, researcher of the Mesolithic and the Neolithic in the Volga-Kama region. A colleague of the researcher narrates about his career and characterizes his most striking personal qualities.

Keywords: archaeology, R.S. Gabyashev, the Volga river region, Kazan, history of archaeology, studies of the Volga-Kama Neolithic.

About the Author:

Kalinina Irina V. Doctor of Culturology. **State Hermitage.** Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, St Petersburg, 190000, Russian Federation; irkalinina@yandex.ru

По отдельным косвенным замечаниям Рустема могу предположить, что написанию диссертации помешала зауральская кошкинская керамика. Рустем Султанович эту керамику видел, но сопоставление и сравнение материалов оказалось невозможным из-за иного уровня проработки материала и другой научной традиции.

Рустем Султанович в конце концов предпринял попытку издания материалов своих памятников в виде монографии. К этому времени здоровье его сильно ухудшилось, и стала подводить память. С болью и горечью передал он мне свою книгу, сказав, что все пришлось ему делать самому. Используя эту книгу как ориентир, будущим археологам еще предстоит вернуться к отчетам, первым публикациям Рустема Султановича, чтобы исправить неточности и восстановить его видение, понимание памятников. Только на этой основе, убеждена, может быть сделан следующий шаг в изучении неолита лесной и лесостепной зоны Урало-Поволжья.

Статьи

РОЛЬ Р.С. ГАБЯШЕВА В ИЗУЧЕНИИ НЕОЛИТА ВОЛГО-КАМЬЯ

© 2013 г. Е.Л. Лычагина

В статье анализируются работы Р.С. Габяшева, посвященные характеристике неолитических культур Поволжско-Камского региона с накольчатой и гребенчатой керамикой. В 1970-е годы исследователем была разработана хронология неолитических памятников Нижнего Прикамья и предложена концепция их происхождения и развития. Новейшие исследования с применением радиоуглеродного анализа подтвердили правомерность основных выводов Р.С. Габяшева: об автохтонном происхождении неолитических культур на территории Средней Волги и Нижней Камы; об одновременном существовании памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой; о синхронности южных энеолитических культур с неолитическими культурами лесной полосы; а также выделение двух этапов существования памятников с накольчатой керамикой. Но предложенная Р.С. Габяшевым датировка неолитических памятников в настоящее время удревнена.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Нижняя Кама, неолит, накольчатая и гребенчатая керамика, каменный инвентарь, культурогенез, хронология, радиоуглеродное датирование.

Большой прорыв в изучении неолита Волго-Камья произошел в 1970–1980-х годах. Этот прорыв был во многом связан с работами Р.С. Габяшева на Нижней Каме и Средней Волге. В своих исследованиях Р.С. Габяшев касался наиболее актуальной тогда проблемы соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой. В частности, автором были проанализированы неолитические памятники устья Камы (Габяшев, 1976, с. 35–46).

В своей работе Р.С. Габяшев дал подробное описание каменного инвентаря и накольчато-прочерченной керамики данного района. Так, автор отмечал, что на нижекамских стоянках 37,2% орудий изготовлено на пластинах, то есть каменную индустрию

памятников с накольчато-прочерченной керамикой можно считать отщепово-пластинчатой. Орудия в основном изготавливались на крупных пластинах и отщепах. Ведущими формами орудий были наконечники стрел, проколки, ножи, скребки, скобели, резцы, скребла, долота, тесла, ножи-ложкари. Такая индустрия имела ближайшие аналогии в позднем мезолите данного района. Отсюда и тезис о местном происхождении накольчатой керамики.

В керамике преобладали фрагменты, украшенные треугольными наколами. Всю накольчатую керамику устья Камы автор разделил на две группы. К первой группе относилось 80% керамики. Для нее характерны тонкостенные (0,3–0,5 см) сосуды с

примесью песка и мелких растительных остатков в тесте, днища округлые, узор в виде треугольных наколов палочкой, орнамент разреженный, по шейке венчика у некоторых сосудов просматриваются «жемчужины».

Ко второй группе относились толстостенные сосуды (до 1 см), имеющие венчики с наплывом. Хотя орнаментальные композиции на сосудах второй группы были почти такие же, как у первой, но сами наколы имели более крупные размеры и были нанесены с некоторой небрежностью. Встречались также ячеистые наколы и наколы, нанесенные углом мелкозубчатого штампа. Керамика второго типа, по мнению автора, имела ближайшие аналогии на стоянках Чашкинское Озеро VI, III Обсерваторская, II Лебединская.

Р.С. Габяшев коснулся и проблемы соотношения гребенчатой и накольчатой керамики. Отметив сходства между двумя видами керамики в составе примесей, профилировке верхних частей сосудов и форме венчиков, автор выдвинул две гипотезы: 1) оба типа керамики сформировались на общей мезолитической основе; 2) на одной территории синхронно развивались и контактировали между собой две группы различного населения (Габяшев, 1976, с. 35–46).

Опираясь на периодизацию А.Х. Халикова, Р.С. Габяшев датировал накольчатые памятники устья Камы первой половиной – серединой IV тыс. до н.э. (II–III этапы волго-камской культуры).

В дальнейшем исследователь уделял особое внимание сравнению каменного инвентаря памятников с гребенчатой и накольчатой керамикой. Так, он отметил, что на памятниках

с накольчатой керамикой выше индекс пластинчатости, много наконечников стрел и мало тесел и долот. На памятниках с гребенчатой керамикой наоборот – орудия чаще делались на крупных отщепах, среди них много орудий для обработки дерева и мало наконечников стрел и дротиков. По мнению автора, это могло быть связано с разной хозяйственной деятельностью населения (Габяшев, 1978а, с. 40–67).

В конечном итоге Р.С. Габяшевым была предложена собственная хронология неолита Нижнего Прикамья (Габяшев, 1978б, с. 74–76). Сравнивая памятники с гребенчатой и накольчатой посудой, автор взял за основу три критерия единовременности и единичности памятников: 1) единство приемов окончательной отделки орудий из пластин и отщепов и наличие одинаковых типов орудий внутри каждого комплекса; 2) постоянное и устойчивое сочетание орудий и отщепов, зафиксированное по сериям памятников с однотипной керамикой; 3) корреляция типологических данных статистического анализа.

Анализ выявил сходство по следующим показателям: макролитизм, пластинчато-отщеповая техника, преобладание частичной краевой ретуши, сходный состав орудий. Различия наблюдались лишь в удельном весе крупных орудий для обработки дерева (16,5% в накольчатых комплексах, 35,4% в гребенчатых). Отсюда Р.С. Габяшев делал вывод, что кремневая индустрия накольчатого и гребенчатого населения развивалась синхронно (Габяшев, 1978б, с. 74–76).

Рассматривая керамические комплексы, автор выделил несколько памятников, где накольчатые и гребен-

чатые черты сочетаются. Это стоянки: II Лебединская, IV Матюшинская, III Обсерваторская. С накольчатой керамикой их объединяет техника накола и разреженность форм, с гребенчатой – толстостенность, примеси в тесте и форма сосудов. Причем отдельные черепки были украшены обоими техническими приемами орнаментации. Отсюда Р.С. Габяшев опять-таки делал вывод о синхронности развития двух орнаментальных традиций.

Датировку усть-камских памятников автор производил, синхронизируя их со II и III этапами днепро-донецкой культуры, – вторая половина IV тыс. первая половина III тыс. до н.э. Памятники же с накольчатой керамикой автор делил на два этапа:

I этап – развитый и поздний неолит, памятники типа Щербетской II стоянки;

II этап – энеолит, памятники типа II Татаро-Азибейской стоянки (Габяшев, 1978б. С.74–76).

Рассматривая переходный от неолита к энеолиту период, автор выделял новые черты, появившиеся на поздненеолитических памятниках. К ним относятся: профилированность некоторых сосудов, наличие воротничков, разреженность орнаментальных композиций, появление новых типов гребенчатых штампов, появление орудий на крупных пластинах (Габяшев, 1980, с. 12–13). В хронологическом плане Р.С. Габяшев синхронизировал поздненеолитические памятники Камы с южными энеолитическими памятниками типа могильника у с. Съезжее.

В своей обобщающей монографии Р.С. Габяшев в целом подтвердил свою приверженность к предложенной ранее концепции (Габяшев, 2003).

В частности, он считал, что переход к неолиту в Нижнем Прикамье был автохтонным процессом, не связанным с проникновением новых культурных групп населения (Габяшев, 2003, с. 122). Основой для памятников с накольчатой керамикой послужили материалы с микролитическим инвентарем позднемезолитических памятников типа IV Татаро-Азибейской стоянки, а гребенчатой – макро-микролитические материалы Кабы-Копрынской стоянки. Важным является замечание автора о том, что памятники с накольчатой керамикой необходимо выделить из круга поселений камского типа и рассматривать в качестве самостоятельной культурной группы (Габяшев, 2003, с. 124). В вопросах периодизации и хронологии Р.С. Габяшев остался на прежних позициях, отмечая необходимость проведения радиоуглеродного датирования для уточнения абсолютного возраста памятников.

Работы по радиоуглеродному датированию неолитических памятников Волго-Камья были проведены в начале XXI в. группой исследователей под руководством А.А. Выборнова (Выборнов, 2008а; Выборнов, 2008б, с. 15–24; Выборнов и др., 2008а, с. 36–45; Выборнов и др., 2008б, с. 88–94). Эти работы, с одной стороны, удревнили время существования неолитических культур в регионе до VI–V тыс. до н.э. (в калибровочных значениях), с другой стороны, подтвердили многие тезисы Р.С. Габяшева.

В частности, была подтверждена правомерность выделения двух этапов существования памятников с накольчатой керамикой и отнесение накольчатой керамики II Татарско-Азибейского поселения к энеолиту

(Выборнов, 2008а, с. 243). На основе радиоуглеродного анализа был подтвержден также тезис об одновременном существовании памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой на территории Нижней Камы – Средней Волги. Справедливым является и замечание о синхронности южных энеолитических культур с неолитическими культурами лесной полосы.

Открытие новых и исследование уже известных «чистых» памятников с накольчатой керамикой на территории региона подтвердили правомерность отделения их от памятников камского типа (с гребенчатой керамикой) и необходимость рассмотрения в рамках отдельной культуры (Выборнов, 2008а; Лычагина, 2008, с. 344–353).

Подтверждение или опровержение тезиса о различии в хозяйственной деятельности носителей разных орнаментальных традиций во многом будет зависеть от трасологических исследований каменного инвентаря. Первые шаги в этом направлении уже сделаны (Галимова, 2008, с. 48–92; Лычагина, Поплевко, 2011, с. 4–10).

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о появлении первой

керамики в регионе. На сегодняшний день наиболее древние датировки имеет накольчатая керамика II Щербетской стоянки (К1-14134, 6620±90) (Выборнов, 2008а, с. 243). На наш взгляд, появление накольчатой керамики на Нижней Каме связано с какими-то импульсами из лесостепной-степной зоны, что не исключает участия в формировании культуры местного позднемезолитического населения и формирования каменной индустрии на местной основе.

Еще более сложным выглядит вопрос о появлении памятников с гребенчатой керамикой. Возможно, данная традиция является автохтонной, но механизм ее формирования еще до конца не изучен. В решении этого вопроса необходимо сотрудничество специалистов разных отраслей и, в первую очередь, специалистов по технико-технологическому анализу керамики.

Проведенный анализ научного наследия Р.С. Габяшева показал, что многие из его идей нашли подтверждение в современных исследованиях. Труды Р.С. Габяшева служат фундаментом для последующего изучения неолита Волго-Камья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008а. – 490 с.
2. *Выборнов А.А.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008б. – № 4. – С. 15–24.
3. *Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.* Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2008а. – Вып. 2. – С. 36–45.
4. *Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В.* К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 2008б. – С. 88–94.

5. *Габяшев Р.С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976. – С. 35–46.
6. *Габяшев Р.С.* II Татаро-Азиебейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань, 1978а. – С. 40–67.
7. *Габяшев Р.С.* Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. – 1978б. – № 153. – С. 74–76.
8. *Габяшев Р.С.* Нижнее Прикамье в эпоху ранних металлов // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. – Оренбург, 1980. – С. 12–13.
9. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. – Казань: «ФЭн», 2003. – 226 с.
10. *Галимова М.Ш.* Развитие технологии производства каменных орудий и проблемы реконструкции сырьевой стратегии и охотничье-хозяйственной деятельности первобытного населения Волго-Камья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань, 2008. – С. 48–92.
11. *Лычагина Е.Л.* Неолит Пермского Предуралья: итоги исследований // Человек, адаптация, культура. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 344–353.
12. *Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н.* Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – 1 (14). – С. 4–10.

Информация об авторе:

Лычагина Евгения Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); LychaginaE@mail.ru

THE ROLE OF THE R.S. GABYASHEV TO STUDY NEOLITHIC VOLGA-KAMA REGION

E.L. Lychagina

The works by R.S. Gabyashev characterizing the Neolithic cultures of the Volga-Kama region with their combed and stroke-ornamented ceramics are analyzed in the article. In the 1970s, the researcher worked out a chronology of the Neolithic sites located in the Lower Kama river region and suggested a concept of their origin and development. The latest studies using radiocarbon dating have confirmed the validity of the basic conclusions made by R.S. Gabyashev, namely: on the autochthonous origin of the Neolithic cultures in the Middle Volga – Lower Kama river territory; on simultaneous existence of sites with combed and stroke-ornamented pottery; on synchronicity of the southern Chalkolithic cultures and the forest-belt Neolithic ones; as well as those referring to the two stages in the existence of sites with stroke-ornamented pottery singled out by him. However, the dating of the Neolithic sites proposed by R.S. Gabyashev has currently been modified with a view of their earlier emergence.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Lower Kama river region, the Neolithic, combed and stroke-ornamented pottery, stone tools, cultural genesis, chronology, radiocarbon dating.

REFERENCES

1. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
2. Vybornov, A. A. 2008. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4, 15–24 (in Russian).
3. Vybornov, A. A., Gabyashev, R. S., Galimova, M. Sh., Denisov, V. P., Kovaliukh, N. N., Lychagina, E. L., Mel'nichuk, A. F., Skripkin, V. V. 2008. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum for Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals Region)* 2, 36–45 (in Russian).
4. Vybornov, A. A., Gusentsova, T. M., Kovaliukh, N. N., Nikolaev, V. V., Skripkin, V. V. 2008. In *Arkheologicheskaya ekspeditsiya: noveishie dostizheniya v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Evrazii (Archaeological Expedition: Recent Achievements in Studying the Historical and Cultural Heritage of Eurasia)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–94 (in Russian).
5. Gabyashev, R. S. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–46 (in Russian).
6. Gabyashev, R. S. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 40–67 (in Russian).
7. Gabyashev, R. S. 1978. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 153, 74–76 (in Russian).
8. Gabyashev, R. S. 1980. In *Problemy epokhi eneolita stepnoi i lesostepnoi polosy Vostochnoi Evropy (Issues of the Chalcolithic Archaeology of the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 12–13 (in Russian).
9. Gabyashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysyacheletiyakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: “Fän” Publ. (in Russian).
10. Galimova, M. Sh. 2008. In *Problemy izucheniya pervobytnosti i golotsena v Volgo-Kam'e (Issues of Prehistoric and Holocene Studies in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: *Arkheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan, 48–92 (in Russian).
11. Lychagina, E. L. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura (Man, Adaptation, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Grif i K” Publ., 344–353 (in Russian).
12. Lychagina, E. L., Poplevko, G. N. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1 (14)). Tyumen: Institute for problems development of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 4–10 (in Russian).

About the Author:

Lychagina Evgeniia L. Candidate of Historical Sciences. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; LychaginaE@mail.ru

НЕОЛИТИЗАЦИЯ ЛЕСНОГО ВОЛГО-КАМЬЯ

© 2013 г. В.В. Никитин

Проблема неолитизации Поволжско-Камского региона получила отражение, прежде всего, в трудах казанских археологов А.Х. Халикова и Р.С. Габяшева. В настоящее время определена территория расселения раннеолитических групп, обозначены хронологические рамки их существования, прослежена дальнейшая трансформация их в культуры камского и окского неолита. Но при этом до сих пор существует проблема критериев, определяющих рубеж мезолита и неолита. Исследование комплексов переходного периода от мезолита к неолиту позволили автору сделать вывод об одновременном процессе неолитизации в лесной полосе Европейской России на рубеже VII–VI и всего VI тыс. до н.э. Также предполагается, что истоки наиболее ранней для Среднего Поволжья неолитической культуры носителей плоскодонной керамики с накольчато-резным орнаментом связаны с южными лесостепными культурами елшанского типа. Продвижение групп населения с юга имело место в первой половине VI тыс. до н.э. В Марийской низине они вступили в контакт с местным позднемезолитическим населением и создали новое культурное образование, родственное елшанской, самарской и верхневолжской культурам.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, Среднее Поволжье, поздний мезолит, неолитизация, накольчатая керамика, кремневый инвентарь.

Последние три десятилетия XX и начала XXI века археологами изучены десятки стоянок и поселений эпохи мезолита и неолита в лесной полосе Восточной Европы, получивших радиоуглеродные даты, подтвержденные споро-пыльцевым анализом, что позволяет относиться к ним как к достаточно достоверным.

Эпоха рубежа мезолита-неолита Волго-Камского региона изучалась А.Х. Халиковым (Халиков, 1969, с. 40 и сл.), А.А. Выборновым (Выборнов, 2008), Р.С. Габяшевым (Габяшев, 2003) и другими исследователями, но до сих пор нет четких критериев, определяющих конец мезолита и начало неолитической эпохи. В принципе это и не столь важно, т.к. переходное время может зависеть от различных обстоятельств, которые способны создавать ситуацию, нивелирующую культурно-определяющие признаки (независимо

от наличия керамики) и позволяющие относить отдельные комплексы к мезолиту или к неолиту.

Неолитизация лесной части Восточной Европы начинается на рубеже VII–VI тыс. до н.э., что демонстрируется калиброванной радиоуглеродной шкалой для нижней границы верхневолжской культуры 7200–7300 лет т.н., подкрепленной данными споро-пыльцевого анализа. Эта дата вряд ли подвергнется значительным изменениям в сторону удревнения (Тимофеев, 2000, с. 81–82). Позднемезолитический горизонт стоянки Залесье II датирован 7840 ± 90 ВР и 7900 ± 180 ВР, а раннеолитический слой верхневолжской культуры этой же стоянки относится к 6850 ± 100 ВР (Лозовский, Лозовская, 2000, с. 48.). На период сосуществования отдельных памятников позднего мезолита и раннего неолита указывают материалы Вол-

го-Окского междуречья (Энговатова, 2000, с. 94). Сходная ситуация просматривается и в валдайской культуре на территории Тверской области, где поздний мезолит имеет дату 6440 ± 370 ВР, а ранненеолитический слой – 6296 ± 260 ВР; 5910 ± 170 ВР; 5440 ± 140 ВР; 5570 ± 80 ВР (Синицына, 2000, с. 70).

Практически одновременно происходит неолитизация центральной части Восточной Европы, когда на юге Восточной Европы появились неолитические культуры, на севере все еще развивались культуры мезолита (Зайцева, Дергачев, 2000, с. 27–28).

Если в лесной и лесостепной зонах в VI тыс. до н.э. продолжают существовать бескерамические комплексы, то в лесостепи уже в VII тыс. до н.э. появляется глиняная посуда, четко маркирующая неолитическую эпоху (Мамонов, 2000, с. 51). Период неолита в Волго-Уральской лесостепи начинается со второй половины VII тыс. до н.э. и существует до середины V тыс. до н.э. (Моргунова, 2000, с. 56). Возникновение неолита на Среднем Дону синхронизируется со временем бытования елшанских древностей (Синюк, 2000, с. 71).

Устойчивая совокупность культурно-определяющих признаков стоянок степного Поволжья (типа Орловки) со степными неолитическими культурами с плоскодонной керамикой и накольчато-прочерченным орнаментом – каиршакской, тентексорской и джангарской, позволяет объединить их в самостоятельную (орловскую) археологическую культуру, генетически связанную с сероглазовскими мезолитическими комплексами (Юдин, 1995, с. 8), в более поздних работах отнесенных к нижеволжской куль-

турной общности, сложившейся на местной мезолитической основе (Юдин, 2006, с. 12–18).

Рубежом VII–VI тыс до н.э. датируются ранние неолитические комплексы Северного Прикаспия (Козин, 2000, с. 31).

Ранним временем датируется начальный этап неолита Южного Прионежья – 7240 ± 60 ВР (Иванищев, Иванищева, 2000, с. 29), что сопоставляется с датой позднего мезолита Волго-Окского бассейна по материалам стоянки Сахтыш II а – 7390 ± 40 ВР и 7530 ± 60 ВР (Костылева, Зарецкая, 2000, с. 33).

Подобная картина наблюдается в Прибалтике, где определяющие черты яниславицкой мезолитической культуры присутствуют в ранне-неолитических культурах (Кольцов, 1977, с. 192; Левковская, 2000, с. 41). Здесь ранне-неолитические слои датируются 6770 ± 60 лет т.н., калибровочные значения 5660 ± 310 до н.э. (Тимофеев, Зайцева, 2000, с. 337).

Сосуществование поздне-мезолитических и ранне-неолитических культур отмечается на Европейском Северо-Востоке, где поздне-мезолитические стоянки типа Топыд-Нюр VII имеют дату 6450 ± 60 ВР, а ранне-неолитический памятник Прилукская I – 6680 ± 70 ВР и 6350 ± 60 ВР (Волокитин, Карманов, 2000, с. 14). Хронология гребенчатого Камского неолита установлена по нагару сосуда стоянки Пезмог IV на р. Вычегде – 6820 ± 70 ВР л.н. 5840 (93%) 5610 до н.э.; по углю – 6730 ± 50 ВР л.н. 5730 (95,4%) 5530 до н.э. (Волокитин, Карманов, 2006, с. 140).

Ранним временем датируются накольчато-прочерченные комплексы бассейна р. Вятки – 5410 ± 60 ВР (Гусенцова, 2000, с. 22), отражающие

уже процесс сосуществования смешанных гончарных традиций: накольчатой, гребенчатой, гребенчато-ямочной (Гусенцова, 1993, рис. 44–53; 65–67; 75–79), частично утратившие мезолитические традиции, что отразилось в резком увеличении орудий на отщепах и кремневых плитках при снижении доли пластин (Гусенцова, 2000, с. 22). Ранний возраст накольчатой и гребенчатой керамики установлен в последнее время по керамике в пределах середины – второй половины VI тыс. до н.э. – 6410±80 ВР, 5480–5310 ВС, 5530–5210 ВС для стоянки Кыйлуд II – 6280±90 ВР, 5360–5200 ВС, 5470–4990 ВС для стоянки Тархан II (Выборнов, 2008, с. 246).

В то же время отмечается сходство кремневой индустрии населения с накольчатой керамикой и инвентарем позднемезолитического местного населения, в частности в бассейне реки Вятки. Объяснить это только сохранением собственных традиций пришлого населения не представляется возможным. Очевидно, при рассмотрении проблемы взаимосвязи различных традиций необходимо учитывать не только вариант прихода населения с накольчатой посудой, но и возможность изначального изготовления ее местным населением (Гусенцова, 1993, с. 194–195).

Раннеолитические слои с гребенчатой керамикой в бассейне р. Сухоны датируются временем 6500±170 ВР (Недомолкина, 2000, с. 57).

Полученные в последние три десятилетия материалы в Среднем Прикамье дают возможность наметить характер материальной культуры древнего населения бассейна Средней и Верхней Камы на грани мезолита-неолита, где выявлены па-

мятники с пластинчатым инвентарем мезолитического образа, которому сопутствовали мелкие фрагменты керамики камского неолита. По мнению исследователя, в начале эпохи неолита древнее население продолжало традиционные формы жизнедеятельности, свойственные мезолиту, что могло сказаться на характере размещения раннеолитических памятников в глубине от основных водных артерий Приуралья на берегах малых рек (Мельничук, 2001, с. 50).

Ранний возраст камского неолита в последнее время подтвердился серией абсолютных дат, сделанных по керамике. Так, накольчатые комплексы укладываются в пределах 5930±80 ВР, 4860–4710 ВС, 5000–4590 ВС для гребенчатой посуды Хуторской стоянки; 5950±80 ВР для керамики Боровое озеро I, 5960±80 ВР для посуды стоянки Чернушка, 5880±80 ВР для гребенчатых комплексов стоянки Усть-Залазнушка. Для комплексов посуды с накольчатым орнаментом имеются даты 5920±80 ВР – Чашкинское озеро VI и 6310±90 ВР – Чашкинской озеро VII (Выборнов, 2008, с. 246–247).

Комплексы накольчатой плоскодонной посуды получили радиоуглеродную дату по углю из очага жилища Отарского VI поселения (анализ произведен Г.И. Зайцевой в лаборатории ИИМК РАН) – 6700±40 лет т.н. (JE- 5998), значение калиброванных интервалов 5595 ВС – 5528 ВС, 5628 ВС – 5488 ВС, т.е. середина VI тыс. до н.э. Для культуры накольчатой посуды в марийском Поволжье получена серия дат по керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюха (Выборнов, 2008, с. 245, Никитин, 2010, с. 76) – для Отарского VI поселения (накольчатый комплекс) –

6020±90 ВР, 5040-4790 ВС, 5250-4650 ВС (Кі 14424); перекрывающая эти слои посуда с ямочно-гребенчатым орнаментом 5930±80 ВР, 4860-4710 ВС, 5000-4590 ВС (Кі 14449); Дубовское III – 6130±100 ВР, 5150-4920 ВС, 5310-4800 ВС (Кі 14584), Дубовское VII – 5950±90 ВР, 4940-4710 ВС, 5050-4610 ВС (Кі 14532); Сутырское V – 5710±90 ВР, 4490-4320 ВС, 4600-4050 ВС (Кі 14540). Починковское VII по углю из очага имеет дату 4730±40 ВР (Кі 3150).

Средневожские неолитические (ляловские) слои датируются началом или же первой четвертью IV тыс до н.э. (Никитин, 2000, с. 58) и отражают процесс сосуществования накольчатых и гребенчатых традиций в украшении посуды.

По керамике из Дубовского III поселения получена дата 5930±80 ВР, 4860-4700 ВС, 5000-4590 ВС (Кі 14535); Дубовское VIII – 5720±80 ВР, 4690-4460 ВС, 4730-4440 (Кі 15736), 5880±90 ВР, 4850-4610 ВС, 4950-4490 ВС (Кі 15735); Дубовское XII – 5970±90 ВР, 4960-4720 ВС, 5250-4600 ВС (Кі 15737); Галанкина гора II – 5610±80 ВР, 4500-4350 ВС, 4620-4320 ВС (Кі 15733), 5430±90 ВР/ 4360-4220 ВС, 4460-4040 ВС (Кі 15734); Старо-Мазиковская III – 5635±80 ВР, 4550-4360 ВС, 4690-4330 ВС (Кі 14422), 5760±80 ВР, 4710-4520 ВС, 4800-4450 ВС (Кі 15106). Починковское VII по углю из очага имеет дату 4730±40 ВР (Кі 3150). Полученные даты согласуются со шкалой ляловских древностей Волго-Окского междуречья раннего и позднего этапов (Зарецкая, Костылева, 2010, с. 180).

Анализ существующих в настоящее время материалов позволяет определить мезо-неолитический пе-

реход в пределах рубежа VII–VI – середины VI тыс. до н.э., когда в лесной полосе четко определяется две линии развития ранней керамической посуды: 1 – с традицией накольчатого орнамента, 2 – с традицией гребенчатого орнамента. Хронологическое соотношение двух керамических традиций требует специального изучения, хотя уже сейчас намечаются их истоки в средневожской культуре (накольчато-гребенчатой), оказавшей влияние на лесное Поволжье и сформировавшейся на основе елшанской (Выборнов, 2000, с. 16).

Очевидно, мезолитические образования типа Русско-Луговской II стоянки и раннеолитические с накольчатым орнаментом, изученные в Марийском Поволжье (типа Щербетской II стоянки) и имеющие серию дат по керамике от 6620±90 ВР до 6090±90 ВР (Выборнов, 2008, с. 243), формируются и на других территориях Среднего Поволжья и сопредельных территорий (Ластовский, 2000, с. 96–110).

Наиболее ранней в лесном Поволжье представляется культура носителей накольчатой традиции в украшении посуды, которая занимает территорию распространения мезолитических образований (иеневскую, бутовскую, усть-камскую, камскую), локализуясь отдельными группами от истоков р. Волги до верхнего течения р. Камы.

Какое-то время накольчатая посуда существует в чистом виде: плоскодонные или плосковогнутые банки с тонкими стенками, залощенной поверхностью, приостренным и плоским краем устья, с рядом наколов по краю горла, орнаментированных в основном треугольным наколом в верхней

и придонной части при наличии неорнаментированных.

V тыс. до н.э. датируются ранние гребенчатые слои бассейна р. Вятки, которые развиваются с накольчатыми синхронно (Гусенцова, 2000, с. 23). Видимо, к этому же времени следует относить памятники со смешанными накольчато-гребенчатыми комплексами типа Старо-Мазиковских II и III стоянок, содержащих материалы льяловской культуры, ранние слои которой датируются рубежом V–IV тыс. до н.э. (Энговатова, 1997, с. 117).

Появление керамики в лесной полосе Волго-Камья в период существования здесь позднемезолитических образований ставит проблему связи ее с мезолитическими местными комплексами. Возникновение накольчатой посуды на основе средневолжского мезолита предполагал А.Х. Халиков (Халиков, 1969, с. 41–52), на местное происхождение верхневолжской культуры указывал Д.А. Крайнов (Крайнов, 1996, с. 166), к этому же заключению пришла и Е.Л. Костылева (Костылева, 1987, с. 23).

Ранний вариант накольчатых комплексов обусловлен, прежде всего, мезолитическим обликом кремневых индустрий, что отмечается всеми исследователями, изучающими ранне-неолитические периоды лесной части Волго-Камского бассейна.

Так, для ранне-неолитических поселений с накольчатой керамикой Марийского Левобережья Волги характерна пластинчато-отщеповая техника расщепления кремня. Орудия на пластинах составляют на отдельных памятниках от 43% до 65% всего орудийного состава скобле-режущего характера (ножи, скребки, скобели, острия, наконечники, резцы), что

сближает индустрию раннего неолита с поздне-мезолитической, где орудия на пластинах составляют 46,2–61% (Никитин, 1988, с. 63; 1996, с. 17–30, 90–100).

Высокий процент орудий на пластинах отмечается на ранне-неолитических памятниках Вятского бассейна, который колеблется на отдельных памятниках от 50% до 66,3% (Гусенцова, 1993, с. 183).

Ярко выраженные мезолитические традиции в кремневом комплексе памятников с накольчатой посудой дали основание А.Х. Халикову считать носителей накольчатого орнамента посуды населением, образовавшимся на базе местного поздне-мезолитического, оставившего памятники т.н. бескерамического неолита (типа II Русско-Луговской стоянки), развившегося в рамках волго-камской культуры вплоть до перерастания в новое культурное образование волосовской общности эпохи раннего металла (Халиков, 1969, с. 40–92). Типологическая и морфологическая близость поздне-мезолитических и ранне-неолитических (накольчатых) кремневых индустрий, отмеченная А.Х. Халиковым, очевидна, но недостаточна для утверждения их генетического единства.

Работами В.В. Никитина в Марийском Поволжье установлено, что гончарная традиция накольчато-тычкового орнамента не складывается на местной мезолитической основе, а привнесена сюда с южных районов степи и лесостепи (Никитин, 1996, с. 108–112). Их продвижение в левобережную часть Средней Волги происходило в первой половине VI тыс. до н.э. на территорию, где продолжали существовать поздне-мезолитические

местные коллективы, оставившие памятники типа Ясачное I, Дубовские X, XI, XIII, Удельный Шумец X, XII, Нижняя Стрелка I, VI, Мольбище I и др. Следует отметить, что ни на одном позднемезолитическом поселении в слоях или постройках не обнаружено глиняной посуды, а ранненеолитические комплексы, особенно с построек, не имеют примеси ни ранних, ни более поздних образований. Это обстоятельство позволяет в достаточно корректной форме сопоставлять кремневые индустрии позднего мезолита и раннего неолита, определенное время сосуществующих на общей территории (Никитин, 2006, с. 254–265).

Не вникая в причины, вызвавшие миграционные процессы в лесостепи, отметим, что мигрантам, продвинувшимся в северном и северо-восточном направлении, необходимо было организовать такую систему жизнеобеспечения, которая способствовала бы выживанию их в новых условиях, предполагающих экологическую, экономическую и социальную формы адаптации.

Экологическая адаптация прошла достаточно быстро и отразилась на одновременном использовании построек легкого наземного типа (южные) и полуземлянок (северные), освоении низкой надпойменной террасы в местах широкой поймы, богатой разнотравьем и свободной от лесных формаций.

Что касается социальной адаптации, то и здесь наблюдается устойчивое стремление к расселению коллективами в пределах поселения, фиксируемых наличием компактной системы построек, а также временных стойбищ на дюнных останцах или бортовых террасах, где не фиксируются

постройки, а слои незначительные. Это стоянки типа Сосновая Грива (Соловьев, 1984, с. 73–76) или Сутырское V поселение (Большов, Инягин и др., 1989; Выборнов, Королев, Ставицкий, 2004, с. 27–30), свидетельствующие о более широкой, чем прибрежная, зоне хозяйственной деятельности, связанной с охотой и собирательством.

Таким образом, социальная адаптация ранненеолитического коллектива была близка организации местного населения и состояла из родового объединения, в случае необходимости и в зависимости от сложившихся обстоятельств способной распадаться на отдельные производственные коллективы (охотники, рыболовы, собиратели, а с учетом наличия домашних животных – скотоводы, возможно и примитивное земледелие) в теплое время года, и вновь объединяться с наступлением холодов. Социальная адаптация в значительной мере решала и экономические задачи жизнедеятельности. В Среднем Поволжье нет качественного кремневого сырья, не встречаются здесь и выходы кварцита. Новая для носителей накольчатой керамики сырьевая база, основанная на валунном кремне, требовала навыков первичной его обработки и технологии производства орудий. Эта задача могла решаться путем длительного эксперимента или же заимствования технологий у аборигенного населения (Никитин, 2003, с. 12–22).

На данном этапе исследований вырисовывается процесс заимствования пришельцами технологии обработки валунного кремня, доломитов и кремневых галек у населения, находящегося на стадии позднемезолитической формации. Прежде всего, отмечается значительное распростра-

нение деревообрабатывающих инструментов (клинья, топоры, долота, тесла, стамески) у ранненеолитического населения Среднего Поволжья по отношению к их южным сородичам. Это вызвано необходимостью строительства постоянных жилых и хозяйственных построек и различного рода плавсредств для занятия сетевым рыболовством (о его наличии свидетельствуют каменные грузила). Одновременно с деревообрабатывающими предметами в кремневом наборе ранненеолитического населения появляются наконечники дротиков на крупного лесного зверя (чего нет в ранненеолитических культурах степи и лесостепи юга) и ряд других изделий из позднемезолитического арсенала.

В позднем мезолите сохраняется резцовая техника, широко применяются боковые и угловые резцы на пластинах, срединные резцы на отщепках, продолжают встречаться резцы на обломках нуклеусов; применяются скребки в сочетании с резцовым сколом, острия, оформленные резцовыми сколами; пластины с крутой микроретушью прямого скошенного или вогнутого торца; большое место занимают односторонне оформленные острия с частичной или нерегулярной ретушью; специфические скребки с оттянутым углом или с противолежащими торцовыми лезвиями.

Активные контакты пришельцев с аборигенами способствовали взаимной интеграции отдельных элементов их культуры. Эти моменты отразились, кроме перечисленного выше, в различного рода остроконечниках на пластине. Так, для мезолитического населения характерны ланцетовидные острия с центральным жалом, оформ-

ленные чаще всего мелкой ретушью по скошенным краям. Иногда ретушь наносилась только по одному краю, а другой оформлялся резцовым сколом. Не менее характерны и скошенные острия с ретушью по краю со стороны спинки, иногда ретушь двухсторонняя сплошная или же частичная. Встречаются наконечники постсвидерского типа с частичной обработкой пера или насада.

Сопоставление кремневых орудийных наборов двух культур показывает, что ранненеолитическое население заимствовало пластины с ретушированным торцом, удлиненные листовидные наконечники на пластине с частичной ретушью пера или насада, скребки-резцы, крупные наконечники треугольно-черешковой и ромбической формы.

В то же время в позднемезолитических орудийных наборах проявляются черты неолитизации в технике вторичной обработки орудий. Появляются изделия со сплошной, иногда двухсторонней ретушью, уменьшается доля орудий с крутой и полукрутой ретушью, большой процент изделий обработан пологой уплощающей ретушью. Появляются проколки с ярко выраженным боковым жалом, бытующие в неолитических культурах степи и лесостепи и неизвестные в лесных районах до появления здесь глиняной посуды.

В мезолите Урала этот тип проколки появляется на линевском этапе, датированном в пределах IV тыс. до н.э. (Матюшин, 1976, с. 172–173), нет таких изделий в кремневом наборе усть-камской культуры (Галимова, 2001), отсутствуют они в иеневской и бутовской культурах, верхняя хронологическая граница которых опреде-

ляется второй половиной VI тыс. до н.э. (Кольцов, 1989, с. 68–81). С появлением на Средней Волге носителей посуды с накольчатой орнаментацией в позднемезолитических комплексах появляются изделия на кварците, явно занесенные сюда пришельцами.

Одинаковое применение в позднемезолитическое и раннеолитическое время таких форм, как торцовые на пластинах и плоских отщепах скребки, скребки с угловым резцовым сколом, торцевоскошенные пластины, косолезвийные на пластинах и отщепах ножи, сегментовидные ножи, ножи-резчики с овальноскошенным краем, мелкие листовидные наконечники с частичной подретушевкой периметра, применение нерегулярной ретуши, широкое бытование резцов на пластине и т.п., в какой-то мере сnivelировало различия в мезолитическом и неолитическом каменном ассортименте, отразив процесс неолитизации местного населения и заимствования местной кремнеобработывающей традиции мигрантами. Пока нет данных для определения длительности этого процесса, но на более поздних памятниках, характеризующихся смешанными комплексами керамики с гребенчатой и накольчатой традицией в украшении посуды, набор кремневого инвентаря значительно отличается от раннеолитического. Так, в каменном наборе Старо-Мазиковской II стоянки орудия на пластинах со-

ставляют 19% (здесь еще значительный пласт накольчатой посуды), а на более поздней Старо-Мазиковской III орудия на пластинах составляют всего 3,5% (Халиков, 1960, с. 42, 48–49). Здесь уже нет ланцетовидных наконечников, нет пластинчатых острий, практически отсутствуют резцы на пластинах, крайне редко применяется нерегулярная или частичная ретушь, повсеместное применение двухсторонней ретуши, устойчивые формы иволистных и треугольно-черешковых наконечников. Все это свидетельствует о постепенном изживании мезолитических традиций в обработке кремня и производстве орудий.

Процесс взаимодействия генетически различных групп населения на грани мезолита-неолита в лесной части Среднего Поволжья крайне сnivelировал их материальное выражение, но не привел к образованию оригинальной культуры. Причины этого еще предстоит выяснить, но в развитую пору неолита (уже в V тыс. до н.э.) этому не способствовали продвигавшиеся с запада льяловские, а с востока камские племена с гребенчато-ямочной и гребенчатой традицией украшения посуды, оставившие стоянки типа Старо-Мазиковских II и III, где отражен процесс их совместного сосуществования, или же Починковских I, II, IV, Дубовского XII и др. с чистыми льяловскими (балахнинскими) чертами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большов С.В., Инягин П.Г. и др.* Работы Марийского республиканского краеведческого музея в зоне водохранилища // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. (АЭМК. Вып. 15). – Йошкар-Ола, 1989.
2. *Волокитин А.В., Карманов В.Н.* Проблемы хронологии неолита Европейского Северо-Востока // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.

3. Волокитин А.В., Карманов В.Н. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // РА. – 2006. – № 1.
4. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. – Самара, 1992.
5. Выборнов А.А. Хронологические аспекты изучения неолита Поволжья // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
6. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
7. Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитический комплекс Су-тырского V поселения // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара, 2004.
8. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье р. Камы. – М.; Казань, 2001.
9. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1993.
10. Гусенцова Т.М. Периодизация неолитических памятников бассейна р. Вятки // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000.
11. Зарецкая Н.Е., Костылева Е.Л. Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 8 Т. 1. – Тверь, 2010.
12. Иванищев А.М., Иванищева М.В. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
13. Козин Е.В. Хронология памятников неолита Северного Прикаспия // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
14. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. – М., 1977.
15. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. – М., 1989.
16. Костылева Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхне-волжской ранне-неолитической культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
17. Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. Археология. – М., 1996.
18. Ластовский А.А. Мезолитические культуры Среднего Поволжья // История Самарского Поволжья. Каменный век. – Самара, 1996.
19. Левковская Г.М. Хронологии и палеогеография озерных трансгрессий и регрессий эпох мезолита, неолита и ранней бронзы в Восточной Прибалтике (Лубанская и Цедморская низины) // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
20. Лозовский В.М., Лозовская О.В. Хронология перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
21. Мамонов А.А. Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
22. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М., 1976.
23. Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Векса, Векса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.
24. Никитин В.В. Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Марийского Поволжья (по материалам Удельно-Шумецкого XII поселения) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.

25. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. (Тр. МарАЭ. Т. IV). – Йошкар-Ола, 1996.
26. *Никитин В.В.* Носители ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита // *Хронология неолита Восточной Европы*. – СПб., 2000.
27. *Никитин В.В.* Социально-экономическая адаптация и культурная интерграция мезолита-неолита (по материалам Марийской археологической экспедиции) // *Из археологии Поволжья и Приуралья*. – Казань, 2003.
28. *Никитин В.В.* На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья // *Тверской археологический сборник*. Вып. 6, Т. 1. – Тверь, 2006.
29. *Никитин В.В.* Культурная ситуация в позднем мезолите – раннем неолите на Средней Волге // *Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности*. – Чебоксары, 2010.
30. *Синицына Г.В.* «Клады» валдайской культуры и их хронология // *Хронология неолита Восточной Европы*. – СПб., 2000.
31. *Синюк А.Т.* Проблемы хронологии неолита Среднего Дона // *Хронология неолита Восточной Европы*. СПб., 2000.
32. *Соловьев Б.С.* Поселения Сосновая Грива // *Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края*. (АЭМК. Вып. 7). – Йошкар-Ола, 1984.
33. *Тимофеев В.И.* Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы // *Хронология неолита Восточной Европы*. – СПб., 2000.
34. *Тимофеев В.И., Зайцева Г.И.* Проблемы абсолютной хронологии // *Неолит Северной Евразии*. – М., 1996.
35. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. (Тр. МарАЭ. Т. I). – Йошкар-Ола, 1960.
36. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
37. *Энговатова А.В.* Охотники и рыболовы Подмосковья. – М., 1997.
38. *Энговатова А.В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // *Хронология неолита Восточной Европы*. – СПб., 2000.
39. *Юдин А.И.* Неолит и энеолит Степного Заволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995.
40. *Юдин А.И.* Культурно-исторические процессы в эпоху неолита-энеолита на территории Нижнего Поволжья. Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Ижевск, 2006.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯ-ЛИ им. В.М. Васильева, (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

NEOLITHIZATION OF FOREST VOLGA-KAMA REGION

V.V. Nikitin

The problem of Volga-Kama neolithization was reflected primarily in the works by the Kazan archaeologists A.Kh. Khalikov and R.S. Gabyashev. Currently, the settlement area of the early Neolithic formations has been defined, chronological framework of their existence has been designated, and their further transformation to the culture of the Kama and Oka Neolithic has been traced. But still there is the problem of criteria for defining the boundary of the Mesolithic and Neolithic. The study of complexes referring to the transitional period

from the Mesolithic to the Neolithic has allowed the author to make a conclusion about a simultaneous process of neolithization in the forest zone of European Russia that had taken place at the turn of the 7th to 6th and throughout the 6th millennium BC. It is also assumed that the origins of the bearers of flat-bottomed stroke-ornamented and incised pottery, the earliest for the Middle Volga Neolithic culture, are associated with the southern forest-steppe Yelshan type cultures. The migration of population groups from the south took place in the first half of the 6th millennium BC. In the Mari lowland, they came into contact with the local Late Mesolithic population and developed a new cultural formation, related to the Yelshan, Samara and Upper Volga cultures.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, the Middle Volga river region, the Late Mesolithic, neolithization, stroke-ornamented pottery, flint tools

REFERENCES

1. Bol'shov, S. V., Iniagin, P. G. et al. 1989. In *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Fieldworks in the Cheboksary Water Reservoir Area in 1980-1986)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 15. Yoshkar-Ola, 183-190 (in Russian).
2. Volokitin, A. V., Karmanov, V. N. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 14-15 (in Russian).
3. Volokitin, A. V., Zaretskaia, N. E., Karmanov, V. N. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 137-142 (in Russian).
4. Vybornov, A. A. 1992. *Neolit Prikam'ia (Neolithic of the Kama Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
5. Vybornov, A. A. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 15-16 (in Russian).
6. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University.
7. Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitskii, V. V. 2004. In *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of the Ural and Volga Areas Archaeology)* 2. Samara, 27-40 (in Russian).
8. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Palaeolithic and Mesolithic Sites near the Mouth of Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
9. Gusentsova, T. M. 1993. *Mezolit i neolit Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Mesolithic and Neolithic of the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
10. Gusentsova, T. M. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 21-23 (in Russian).
11. Zaretskaia, N. E., Kostyleva, E. L. 2010. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 8 (1). Tver: Tver State United Museum, 175-183 (in Russian).
12. Ivanishchev, A. M., Ivanishcheva, M. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 61-69 (in Russian).

13. Kozin, E. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 31-33 (in Russian).
14. Kol'tsov, L. V. 1977. *Final'nyi paleolit i mezolit Iuzhnoi i Vostochnoi Pribaltiki (Final Palaeolithic of the Southern and Eastern Baltic Areas)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Kol'tsov, L. V. 1989. In Kol'tsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (The Mesolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 2. Moscow: "Nauka" Publ., 68-86.
16. Kostyleva, E. L. 1987. *Khronologiiia, periodizatsiia i lokal'nye varianty verkhnevolzhskoi ranneneoliticheskoi kul'tury (Chronology, Periodisation and Local Variants of the Upper Volga Culture of the Early Neolithic Age)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
17. Krainov, D. A. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: Archaeology 3. Moscow: "Nauka" Publ., 166-173 (in Russian).
18. Lastovskii, A. A. 1996. In Vybornov, A. A., Kolev, Yu. I., Mamonov, A. E. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dni. Kamennyi vek (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Stone Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 96-110 (in Russian).
19. Levkovskaia, G. M. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
20. Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 48 (in Russian).
21. Mamonov, A. A. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
22. Matiushin, G. N. 1976. *Mezolit Iuzhnogo Urala (Mesolithic of Southern Ural)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Nedomolkina, N. G. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 265-279 (in Russian).
24. Nikitin, V. V. 1988. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia rannego neolita lesnoi polosy Evropeiskoi chasti SSSR (Studying Early Neolithic in the Forests of the European Part of the USSR)*. Izhevsk: Ural Branch, Academy of Sciences of the USSR, 54-77 (in Russian).
25. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IV. Yoshkar-Ola (in Russian).
26. Nikitin, V. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
27. Nikitin, V. V. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 12-23 (in Russian).
28. Nikitin, V. V. 2006. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 6 (1). Tver: Tver State United Museum, 254-259 (in Russian).
29. Nikitin, V. V. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specifics of the Volga and Sura Rivers Area in Prehistoric Age)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 68-80 (in Russian).
30. Sinitsyna, G. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 69-71 (in Russian).

31. Siniuk, A. T. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiya neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
32. Solov'ev, B. S. 1984. In *Istoriografiia i istochnikovedenie po arkheologii i etnografii Mariiskogo kraia (Historiography and Source Studies on the Archaeology and Ethnography of the Mari Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 7. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 67-84 (in Russian).
33. Timofeev, V. I. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiya neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 81-82 (in Russian).
34. Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: Archaeology 3. Moscow: "Nauka" Publ., 330-348 (in Russian).
35. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition I. Yoshkar-Ola: Mari Book Publisher (in Russian).
36. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Engovatova, A. V. (ed.). 1997. *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ia po materialam mnogosloinogo poseleniia epokhi kamnia i bronzy — Voimezhnoe 1 (Ancient Hunters and Fishermen of the Moscow Region According to the Materials of the Stone and Bronze Ages Multilayered Site Voymezhnoye 1)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
38. Engovatova, A. V. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiya neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the Neolithic in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 238-246 (in Russian).
39. Iudin, A. I. 1995. *Neolit i eneolit Stepnogo Zavolzh'ia (Neolithic and Chalcolithic of the Trans-Volga Steppes)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
40. Iudin, A. I. 2006. *Kul'turno-istoricheskie protsessy v epokhu neolita-eneolita na territorii Nizhnego Povolzh'ia (Processes of the Cultural History in the Neolithic and Chalcolithic Age on the Territory of the Lower Volga Area)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).

About the Author:

Nikitin Valeriy V. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute for Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОГО И РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

© 2013 г. А.В. Вискалин

В работе подвергается сомнению распространенный тезис о преемственности населения в эпохи мезолита и неолита на территории Нижней Камы, основанный на сходстве комплекса каменного инвентаря наиболее ранних неолитических культур региона – накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики – и предшествующих мезолитических памятников. Утверждается, что данное сходство каменного инвентаря эпохи мезолита и неолита является следствием механической примеси мезолитического кремня в неолитических слоях, нивелирующей культурные различия. На это указывает наличие отдельных неолитических памятников, где в составе каменного инвентаря практически отсутствуют архаические черты, связанные с местным мезолитом.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, поздний мезолит, ранний неолит, каменный инвентарь, проблема преемственности.

Изучение неолита нижней Камы начато во второй половине XIX в. с открытием стоянок Вороний куст, Сорочьи Горы и Ново-Мордовская. Выделение из общего круга неолитических древностей раннеолитических памятников накольчато-прочерченной керамики в Нижнем Прикамье происходит через 100 лет в результате проведения в 60-е годы XX века А.Х. Халиковым, Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, М.Г. Косменко, П.Н. Старостиним систематического обследования берегов Куйбышевского водохранилища. Логическим завершением масштабных исследований становится не потерявшая своего значения монография А.Х. Халикова «Древняя история Среднего Поволжья», вышедшая в свет в 1969 г. Во второй главе этой книги ее автором дается обоснование раннеолитического возраста комплексов накольчато-прочерченной керамики и делается первая попытка охарактеризовать сопровождающий эту керамику каменный инвентарь (Халиков, 1969, с. 40–60). Проведенное А.Х. Халико-

вым сравнение материалов опорных стоянок позднего мезолита (Кабы-Копрынская, Русско-Луговская II) и раннего неолита (Щербетская II) выявляет значительное сходство их каменного инвентаря, что приводит исследователя к выводу о местных истоках раннего неолита. На типологическую связь комплексов накольчато-прочерченной керамики Среднего Поволжья с местным мезолитом, по мнению А.Х. Халикова, указывает сохранение в раннеолитической каменной индустрии мезолитического уровня пластинчатости и мезолитических видов орудий: концевых скребков, наконечников стрел, проколов, ножей, скобелей, резцов на пластинах, крупных долот и тесел ассиметричного сечения с частичной шлифовкой, либо без шлифовки. Различие между позднемезолитической и раннеолитической каменными индустриями выглядит не столь очевидным и укладывается в рамки стадийных изменений, характерных и для других регионов Восточной Европы. Ранне-

неолитические новации носят не качественный, а скорее количественный характер: уменьшается доля пластин и рубящих орудий, увеличивается – наконечников стрел и т.д. Единственным новым видом изделий становится специализированный нож-скребок под названием ложкарь.

Однако логичная на первый взгляд гипотеза А.Х. Халикова о формировании культуры накольчато-прочерченной керамики на основе позднемезолитического субстрата, являясь составной частью общей схемы развития неолита Среднего Поволжья, не находит поддержки у крупнейших специалистов по неолиту Восточной Европы. О.Н. Бадер, Л.Я. Крижевская, В.П. Третьяков считали появление накольчато-прочерченной керамики на Средней Волге результатом проникновения с юго-запада нового населения, а местное происхождение оставляли только за племенами гребенчатой керамики (Бадер, 1973, с. 103–105; Крижевская, 1973, с. 129; Третьяков, 1972, с. 46–51). Кроме того О.Н. Бадер отвергал и раннеолитическую атрибуцию накольчато-прочерченной керамики, датируя ее по аналогии со вторым этапом днепро-донецкой культуры развитым неолитом.

Столь серьезные разногласия между специалистами в оценке одних и тех же фактов были вызваны отсутствием бесспорных датировок и стратиграфических доказательств раннеолитического возраста комплексов накольчато-прочерченной керамики. Сегодня сомнение вызывает и методологическая сторона вопроса, когда результаты сравнения единичных опорных комплексов переносятся на весь круг однокультурных объектов, что может привести к усилению роли случайного фактора.

Поиск нового решения такой чисто технической задачи, как соотношение мезолитического и раннеолитического кремневого инвентаря, тесно связанной с проблемой происхождения раннего неолита Среднего Поволжья, был предложен во второй половине 1970-х гг. Р.С. Габяшевым (Габяшев, 1978, с. 4–7; 1988, с. 34–46). Для этого исследователем выделено 24 чистых комплекса накольчато-прочерченной керамики, к числу которых отнесена и Щербетьская II стоянка, содержащая 95% накольчато-прочерченной и только 5% – гребенчатой керамики. Полученная в результате арифметического сложения сводная коллекция каменного инвентаря насчитывала более 5,6 тыс. предметов, в том числе 564 орудия, что вдвое превышало коллекцию Щербетьской II стоянки. Привлечение новых материалов, безусловно, расширило источниковедческую базу исследования, уменьшив тем самым влияние случайного фактора, что создавало необходимые условия для получения более объективной картины.

Проведенное Р.С. Габяшевым сопоставление сводной коллекции каменного инвентаря памятников накольчато-прочерченной керамики нижней Камы с материалами позднего мезолита выявило сохранение в раннем неолите архаичных традиций кремнеобработки и мезолитических видов каменных орудий. Полученные наблюдения позволили исследователю присоединиться к точке зрения А.Х. Халикова о местных истоках племен накольчатой керамики. В одной из своих более поздних работ Р.С. Габяшев подробно останавливается на признаках сходства и отличия мезолитического и раннеолитического каменного инвентаря (Габяшев, 2003,

с. 47). К архаичным признакам каменной индустрии раннего неолита, сближающих ее с мезолитическими комплексами типа Русско-Луговская II и Кабы-Копрынская стоянки, им отнесены пластинчатые наконечники стрел, краевые резцы и пластины со скошенным ретушью концом. В этот перечень по непонятным причинам не попадают характерные для местного мезолита крупные долотовидные орудия, карандашевидные и конические нуклеусы, занимающие, судя по приведенным в опубликованных работах иллюстрациям и количественным данным¹, заметное место в каменном инвентаре памятников накольчато-прочерченной керамики щербетьского типа. Развитыми чертами каменной индустрии памятников накольчато-прочерченной керамики нижней Камы, отличающих последние от мезолитических комплексов, Р.С. Габяшев считает листовидные, подромбические, треугольно-черешковые наконечники стрел, специализированные ножи и ложкари, комбинированные орудия и шлифованные долота и тесла, наконечники дротиков.

Результаты проведенного сравнения оказываются, на наш взгляд, вполне ожидаемыми, поскольку половину сводной коллекции каменного инвентаря комплексов накольчато-прочерченной керамики нижней Камы составляют задающие общую «тональность» материалы стоянки Щер-

бетьская II. Однако примечательным, на наш взгляд, представляется другое. В ходе сравнительного анализа было выявлено неявное прежде сходство каменного инвентаря памятников накольчато-прочерченной, гребенчатой и смешанной накольчато-гребенчатой керамики нижней Камы. Различие каменных индустрий трех выделенных неолитических групп оказалось незначительным и касалось лишь количественных показателей той или иной категории орудий, но не их состава.

Оценивая формально-типологическое сходство кремневых индустрий местного мезолита и наиболее ранних групп накольчато-гребенчатого неолита щербетьского типа Р.С. Габяшев выдвинул два взаимосвязанных тезиса, призванных в корне изменить схему развития неолита нижней Камы. Согласно первому тезису, обе группы неолитического населения сложились на основе местного мезолита: группа накольчато-прочерченной керамики на основе позднемезолитических памятников типа Кабы-Копрынской и Русско-Луговской II стоянок, являющихся, по мнению В.В. Никитина (Никитин, 2006, с. 224–232) и автора данной работы, опорными комплексами русско-луговской мезолитической культуры, а группа ранней гребенчатой керамики – на основе микролитического мезолита, представленного на нижней Каме Татарско-Азибейской IV стоянкой. Второй выдвинутый тезис оговаривал одновременность существования накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики в рамках развитого неолита (Габяшев, 1988, с. 40, 45).

Несложно заметить, что полученные Р.С. Габяшевым выводы поставили под «удар» периодизацию

¹ Долотовидные орудия в комплексах накольчато-прочерченной керамики нижней Камы по данным Р.С. Габяшева составляют 16,5% от общего числа изделий со вторичной обработкой, а нуклеусы со следами снятия узких пластин отмечены на 7 иллюстрациях (Габяшев, 2003, с. 150).

средневожского неолита А.Х. Халикова, основу которой составляла последовательная смена накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики. Однако и намеченная Р.С. Габяшевым схема развития Нижнего Прикамья в неолите оказалась не лишенной недостатков и вызывает ряд встречных вопросов, не находящих прямого ответа. Чем следует заполнить возникшую пустоту между поздним мезолитом и развитым неолитом после «омоложения» накольчато-прочерченной керамики? По какой причине на относительно небольшой территории на протяжении всего неолита могли существовать две самостоятельных традиции изготовления керамики? Чем вызвано формирование на основе родственного мезолитического населения двух неолитических групп, сохраняющих свою самобытность в течение одного тысячелетия?

Ответы на эти вопросы были получены только несколько лет назад после введения А.А. Выборновым в научный оборот 200 новых радиоуглеродных дат, уточнивших хронологическое положение накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики (Выборнов, 2008, с. 239–247). Массовые революционные даты однозначно указывают, что появление накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики на нижней Каме разведено во времени как минимум на 500 лет. Из чего следует, что формирование гребенчатого неолита не могло произойти на базе местного мезолита, поскольку в раннем неолите вся эта территория была занята племенами накольчато-прочерченной керамики, не оставившими для анклава мезолитического населения, на базе которого впоследствии могла раз-

виться культура гребенчатой керамики, свободного места.

Основанные на новейших радиоуглеродных датах выводы об отсутствии прямой связи племен гребенчатой керамики с местным мезолитом и ее разведение во времени с племенами накольчато-прочерченной керамики приходят в явное противоречие с обнаруженным Р.С. Габяшевым типологическим сходством каменного инвентаря комплексов накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики и требуют логического объяснения. Подсказку правильного решения проблемы содержат в себе выявленные в последние два десятилетия XX столетия нетипичные объекты накольчато-прочерченной керамики. В число таких объектов входит изученная автором данной работы на рубеже 80–90-х годов XX столетия стоянка Лесное Никольское III (Вискалин, 1997, с. 27–40).

Памятник расположен неподалеку от приустьевой части Камы на берегу левого притока Волги – р. Майна. В процессе раскопок было выявлено, что кратковременная стоянка имеет тонкий культурный слой, не превышающий 5–10 см, в пределах которого находится несколько скоплений накольчато-прочерченной керамики и кремня, сконцентрированных вокруг очагов, – предположительно, остатков наземных жилищ. Ниже уровня неолитического горизонта находок не обнаружено. Наряду с развалами накольчато-прочерченной керамики (20 сосудов) обнаружено несколько рассеянных по поверхности культурного слоя обломков гребенчатой керамики (1–2 сосуда).

Изделия из камня количественно уступают керамике в 2,5 раза. Вто-

ричную обработку имеют 146 предметов, что делает коллекцию пригодной для статистической обработки. Индустрия носит пластинчато-отщеповой характер. Нуклеусы призматические и аморфные. Ни на одном из них не обнаружено следов снятия микропластин. В число изделий со вторичной обработкой входят скребки, скребла, ножи, краевые резцы на отщепах и пластинах. Выразительную серию образуют треугольно-черешковые и иволистные наконечники стрел с двусторонней обработкой. Органическую связь с накольчатой керамикой, по крайней мере, для части из них доказывает совместное залегание в заполнении очагов и следы растрескивания в огне. Рубящие орудия имеют укороченные пропорции и овальное поперечное сечение. Правильные микропластины и орудия из них в коллекции не представлены.

С гребенчатой керамикой с большой долей уверенности можно связать всего несколько орудий, в том числе 2 ножа на кремневых плитках и обломок хорошо шлифованного массивного долота с «горбатой спинкой», типологически довольно легко выделяющиеся на фоне основного комплекса находок. Данное обстоятельство позволяет рассматривать каменный инвентарь памятника условно «чистым».

При общем количественном и, отчасти, качественном сходстве, каменный инвентарь поселения Лесное Никольское III отличается от материалов Щербетской II стоянки отсутствием микролитического компонента и крупных частично шлифованных долотовидных орудий ассиметричного сечения, преобладанием среди находок обломков керамики над изделиями из камня.

Еще одним «нетипичным» объектом является поселение Кыйлуд II, расположенное за пределами Нижнего Прикамья на территории Камско-Вятского междуречья (Гусенцова, 1993, с. 82, 83). Памятник содержит небольшой, но относительно чистый комплекс накольчатой керамики, связанный с заполнением углубленного жилища. Количество полученного здесь каменного инвентаря не превышает 400 предметов, в том числе 70 орудий, что, хотя и ограничивает его использование для статистических операций, но не является критичным при проведении общего анализа. Система расщепления основана на утилизации призматических нуклеусов, не имеющих следов снятия узких пластин. Орудия представлены концевыми и округлыми скребками, ножами, проколками и сверлами. Из остальных категорий орудий следует отметить угловой резец, черешковый наконечник стрелы, обломок шлифованного рубящего орудия. Соотношение изделий на пластинах и отщепах примерно одинаковое. Микролитический компонент по сравнению с другими неолитическими памятниками Камско-Вятского междуречья представлен наиболее слабо, что убедительно демонстрирует распределение пластин по ширине (Гусенцова, 1993, с. 202). Отсутствуют характерные для местных позднемезолитических памятников трапеции, пластины со скошенным и усеченным ретушью концом, угловые резцы (Гусенцова, 1993, с. 199). Следует отметить, что количество кремня невелико и примерно соответствует количеству обломков керамики. Внимание обращает системное сходство кремневого инвентаря с материалами стоянки Лесное Никольское III.

Интересные наблюдения дает еще один объект Камско-Вятского междуречья. На поселении Кочуровское I вскрыто углубленное жилище, с которым связана значительная по объему коллекция накольчатой керамики (1457 фр.), залегающая вместе с керамикой, украшенной зубчатым штампом (125 фр.) и насечками (151 фр.) (Гусенцова, 1993, с. 87–91). Каменный инвентарь этой стоянки (538 предметов) количественно заметно уступает керамике. Наличие нескольких культурных групп неолитической керамики не позволяет относить этот кремневый комплекс к числу эталонных. Но, несмотря на смешанность разновременных неолитических материалов, данный памятник подтверждает отмеченные выше особенности кремневой индустрии комплексов накольчато-прочерченной керамики. Каменный инвентарь стоянки характеризуется традиционным набором неолитических типов изделий из отщепов и пластин, включающих скребки, ножи, сверла, наконечники стрел, рубящие шлифованные орудия, краевые резцы. Часть названных орудий изготовлена из плитчатого кремня и может быть связана с гребенчатой керамикой.

Следует отметить наличие относительно небольшого количества угловых резцов и шлифованных рубящих орудий, представленных исключительно изделиями укороченных пропорций, общую малочисленность кремня, количественно уступающего керамике в 3 раза. Внимание обращает еще одна интересная деталь. Несмотря на многочисленность накольчато-прочерченной керамики, кремневый инвентарь поселения Кочуровское I практически не содержит микро-

пластин и орудий из них (Гусенцова, 1993, с. 202). Легко заметить, что эти же самые черты были отмечены в материалах стоянки Лесное Никольское III и Кыйлуд II.

Практически полное отсутствие микролитического компонента зафиксировано в материалах стоянки Елшанка XI. Памятник находится в верхнем течении р. Свияги в пределах Ульяновского Поволжья (Вискалин, 2004, с. 144–154). Неолитический слой, «запечатанный» в толще пойменных отложений, содержит смешанную коллекцию раннеолитической елшанской, накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики (393 обломка от 27–28 сосудов) и немногочисленного каменного инвентаря (383 предмета). В число каменных изделий входят типичные для неолита орудия на пластинах и отщепах, шлифованные топор и тесло. Но среди них практически полностью отсутствуют узкие пластинки и частично шлифованные рубящие орудия, что свидетельствует об изживании микропластинчатой техники у всех представленных на стоянке культурных раннеолитических групп.

Сходная картина прослеживается и на ряде объектов накольчато-прочерченной керамики Марийско-Чувашского Поволжья, в число которых входит жилище 1 стоянки Утюж I в Алатырском Посурье (Березина и др., 2007, с. 14–23), раскоп 2 стоянки Дубовская III (Никитин, 1981, с. 17–19), жилища 3–5 стоянки Дубовская VIII (Никитин, 1983, с. 10–12) и стоянка Сутырская VII (Николаев, 2006, с. 118–129). Каменная индустрия перечисленных объектов при сохранении пластинчато-отщепового характера демонстрирует уменьше-

ние доли микропластин, краевых резцов и скобелей на пластинах, либо полное их исчезновение; увеличение численности наконечников стрел и сокращение количества рубящих орудий; появление среди последних укороченных тесел овального и прямоугольного сечения, не характерных для местного мезолита (Вискалин, 2011, с. 52–56).

Иначе говоря, в пределах Волго-Камского региона сегодня удастся выделить количественно относительно небольшой, но типологически достаточно выразительный круг комплексов накольчато-прочерченной керамики, практически не содержащих микропластинчатого инвентаря и архаичных типов изделий, присутствующих на большинстве других однотипных памятников региона. По всем остальным показателям эти комплексы вполне соответствуют облику своей культурной группы, что не позволяет рассматривать их в качестве инокультурного образования. Представленность подобных «нетипичных» объектов на всей территории Волго-Камья заставляет отказаться от версии об их случайности. Единственным логичным объяснением отмеченного феномена является отсутствие на этих «нетипичных» объектах трудно диагностируемой примеси мезолитического кремня, входящей в состав каменного инвентаря большинства т.н. «типичных» объектов.

Влияние посторонней примеси на типологический облик каменного инвентаря достаточно хорошо изучено и вполне предсказуемо (Сорокин, 2008, с. 102–110). Наличие даже небольшого количества мезолитического кремня неизбежно придает неолитическому комплексу архаичный

облик, что может восприниматься свидетельством преемственности с местным мезолитом. Включение мезолитического инвентаря в коллекции одновременных и разнокультурных комплексов приводит к их нивелировке и затушевыванию культурных и временных различий. Представляется, что именно мезолитическая примесь оказывает отмеченное ранее исследователями сближающее воздействие на каменные индустрии разведенных во времени культурных групп накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики.

Осуществленный автором данной работы критический анализ опорных памятников накольчато-прочерченной керамики Среднего Поволжья выявил присутствие мезолитической примеси во многих из них. Не является исключением и важнейший опорный памятник нижнекамского неолита – Щербетская II стоянка. На вероятность присутствия в ее каменном инвентаре включений мезолитического кремня указывает характер культурных отложений и типологический состав каменного инвентаря. В ходе раскопок памятника была отмечена относительная мощность культурных отложений, достигающих 40 см, и «смазанность» планиграфической и стратиграфической структуры (Габяшев, 2003, с. 36), указывающая на многослойность объекта. Среди находок имеются призматические и конические нуклеусы со следами снятия микропластин, пластины с краевой ретушью, краевые резцы на пластинах, симметричные острия на узких и средних пластинах, постсвидерские наконечники стрел на пластинах, массивные и удлинённые долотовидные орудия без шлифовки, которые находят самые тесные ана-

логии в комплексах русско-луговской культуры позднего мезолита, но отсутствуют в условно чистых комплексах накольчато-прочерченной керамики.

В качестве заключения хочется еще раз подчеркнуть, что по предварительным наблюдениям автора данной работы большинство известных комплексов накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики нижней Камы, предположительно, содержат механическую примесь мезолитического кремня, вызывающего типологическую нивелировку и затрудняющего их дальнейшее изучение. Немногочисленные «чистые» и «условно чистые» комплексы демонстрируют почти полное отсутствие микропластин, увеличение числа наконечников стрел, уменьшение количества, размеров и изменение формы деревообрабатывающих орудий. Культурно-хозяйственное значение этих изменений еще не достаточно ясно и требует специального осмысления.

Сегодня на территории Нижнего Прикамья выявлено мизерное количество «чистых» комплексов накольчато-прочерченной керамики, что затрудняет выяснение связи ранне-неолитического населения с местными мезолитическими обитателями. Для успешного решения этой задачи необходимо, как минимум, расширить число комплексов, пропущенных через внутреннюю критику. В этой связи одной из первоочередных задач неолитоведения становится критический пересмотр всего наследия. Учитывая малую информативность большинства коллекций каменного инвентаря, полученных в результате сборов на памятниках с разрушенным культурным слоем, не менее важной задачей является выявление и изучение по современной методике с трехмерной фиксацией находок на плане новых неолитических комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. – 1973. – № 172.
2. Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. – Самара, 2007.
3. Вискалин А.В. Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания. Вып. 2. – Самара, 1997.
4. Вискалин А.В. Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5. – Самара, 2004.
5. Вискалин А.В. Культурные процессы в раннем неолите Волго-Камья по данным изучения каменного инвентаря комплексов накольчатой керамики // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8 (14). Часть 2. – Тамбов, 2011.
6. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
7. Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978.
8. Габяшев Р.С. Каменный инвентарь неолитических памятников Нижнего Прикамья // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань, 1988.

9. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетия до нашей эры. – Казань, 2003.

10. *Крижевская Л.Я.* Неолитические племена Южного Предуралья // МИА. – 1973. – № 172.

11. *Никитин В.В.* Отчет неолитического отряда о работе в Горномарийском районе Марийской АССР летом 1980 года / Архив МарНИИЯЛИ. – Оп. 1, д. № 567. 1981.

12. *Никитин В.В.* Отчет о работе неолитического отряда в Марийской археологической экспедиции за 1982 года / Архив МарНИИЯЛИ. – Оп. 1, д. № 659. 1983.

13. *Никитин В.В.* Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. – Тверь, 2006.

14. *Николаев В.В.* Сутырское VII поселение (к проблеме изучения раннего неолита Марийского Поволжья) // Влияние природной среды на развитие древних обществ. – Йошкар-Ола, 2006.

15. *Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. – М., 2008.

16. *Третьяков В.П.* Ранненеолитические племена Среднего Поволжья. КСИА. – 1972. – Вып. 131.

17. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.

Информация об авторе:

Вискалин Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия); alvisk@mail.ru

STONE TOOLS CONTINUITY OF LATE MESOLITHIC AND EARLY NEOLITHIC POPULATION OF THE LOWER KAMA REGION

A.V. Viskalin

A widespread thesis concerning population continuity in the Lower Kama region during the Late Mesolithic and the Early Neolithic is challenged in the article. The thesis in question has been based upon the similarity of the stone tools complex of the earliest Neolithic cultures in the region – those of the Stroke-ornamented and Combed Ware and the preceding Mesolithic monuments. It is argued that the similarity of the stone tools referring to the Mesolithic and the Neolithic results from mechanical admixture of Mesolithic flint in the Neolithic layers, which had produced the leveling of cultural differences. This view is supported by the presence of individual Neolithic monuments, where the stone tools corpus is practically lacking archaic features connected with the local Mesolithic.

Keywords: archaeology, the Lower Kama river region, the Late Mesolithic, the Early Neolithic, stone tools, the problem of continuity.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoi i lesostepnoi zony Evropeiskoi chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic-Cultural Communities in the Forest and Forest-Steppe Belt of the European Part of the USSR in the Neolithic Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 99–106 (in Russian).

2. Berezina, N. S., Viskalin, A. V., Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitskii, V. V. 2007. In *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara Region in History of Russia)* 3. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 14–23 (in Russian).
3. Viskalin, A. V. 1997. In *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia: sbornik trudov molodykh uchenykh (Historical and Archaeological Studies: Young Scientists' Collected Papers)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 27–40 (in Russian).
4. Viskalin, A. V. 2004. In *Istoricheskie issledovaniia (Historical Studies)* 5. Samara, 144–154 (in Russian).
5. Viskalin, A. V. 2011. In *Istoricheskie, filosofskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical Sciences and Law Studies, Culturology and Art Studies: Issues of Theory and Practice)*. No. 8 (14). Part 2. Tambov: "Gramota" Publ., 52–56 (in Russian).
6. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
7. Gabyashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age in the Lower Kama Region)*. PhD Thesis. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
8. Gabyashev, R. S. 1988. In *Pamiatniki pervobytnoi epokhi v Volgo-Kam'e (Sites of Prehistoric Time in the Volga-Kama Region)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 34–35 (in Russian).
9. Gabyashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
10. Krizhevskia, L. Ya. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoi i lesostepnoi zony Evropeiskoi chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic-Cultural Communities in the Forest and Forest-Steppe Belt of the European Part of the USSR in the Neolithic Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 126–127 (in Russian).
11. Nikitin, V. V. 1981. *Otchet neoliticheskogo otriada o rabote v Gornomariiskom raione Mariiskoi ASSR letom 1980 goda (Report of the Neolithic Team on Fieldworks in the Gornomariysky District, Mari Autonomous Republic, Summer of 1980)*. Archive of Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 567 (in Russian).
12. Nikitin, V. V. 1983. *Otchet o rabote neoliticheskogo otriada v Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1982 god (Report on Fieldworks of the Neolithic Team in the Mari Archaeological Expedition in 1982)*. Archive of Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 659 (in Russian).
13. Nikitin, V. V. 2006. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 6. Vol. I. Tver: Tver State United Museum, 224–232 (in Russian).
14. Nikolaev, V. V. 2006. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitiie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 116–129 (in Russian).
15. Sorokin, A. N. 2008. *Mezolitovedenie Pooch'ia (Mesolithic Studies of the Oka Region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
16. Tret'iakov, V. P. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131, 46–52 (in Russian).
17. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Viskalin Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences. Ulyanovsk State University, Faculty of Humanities. Leo Tolstoy St., 42, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation. alvisk@mail.ru

О ГРЕБЕНЧАТЫХ КОМПЛЕКСАХ НЕОЛИТА ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2013 г. Н.С. Березина

В статье анализируются керамические комплексы эпохи неолита с гребенчатой орнаментацией, открытые в Чувашском Поволжье. Приводится общая характеристика данной керамики, включая формы сосудов, технологические признаки, орнаментальные композиции и мотивы. Определяется культурно-хронологическая атрибуция памятников с гребенчатой керамикой. Начало бытования керамики с гребенчатой орнаментацией в Чувашском Поволжье относится к концу V тыс. до н.э. Большинство изученных комплексов с гребенчатой керамикой относится к камской культуре, предположительно, к ее раннему и развитому этапам. Рассматриваемая территория представляет собой западную окраину ареала данной культуры и гребенчатой керамики в целом.

Ключевые слова: археология, Поволжье, неолит, камская археологическая культура, гребенчатая керамика, орнамент.

Памятники неолита с гребенчатой орнаментальной традицией в Поволжье впервые были выделены О.Н. Бадером на материалах Среднего Прикамья и отнесены к камской этнокультурной области (Бадер, 1963). Позднее область распространения волго-камской культуры была расширена до Примокшанья; в области Поволжья и Нижнего Прикамья выделены самые ранние памятники, а распространение традиции мелкозубчатой гребенчатой орнаментации отмечено с территории раннего этапа днепро-донецкой культуры (Халиков, 1969). Исследователи неолита Волго-Камья обосновали необходимость разделения гребенчатых и накольчатых памятников (Третьяков, 1972; Габяшев, 1978; Калинина, 1979). С появлением новых археологических памятников происходило уточнение соотношения гребенчатых комплексов в Поволжье и Прикамье. И.Б. Васильев и А.А. Выборнов обосновали отличия гребенчатых комплексов северной и южной лесостепи. Формирование гре-

бенчатой традиции они связывали с северными районами лесостепи Сурско-Мокшанского междуречья (Васильев, Выборнов, 1988). В.В. Ставицкий, проводя анализ гребенчато-накольчатой неолитической керамики Верхнего Посурья и Примокшанья, отмечает преобладание на памятниках посуды с гребенчатой орнаментацией и их различный генезис. Но, по его мнению, преобладание на памятниках орнаментации с длинным зубчатым штампом, видимо, не является признаком автохтонного происхождения гребенчатой традиции в Посурье. Здесь ранний пласт гребенчатой традиции не выделяется, а наибольшее сходство с камской керамикой достигается на развитом хуторском этапе (Ставицкий, 1999). Исследованиями 1980–1990-х годов под руководством В.В. Никитина были изучены гребенчатые комплексы в Марийском Поволжье. Выявлено более 40 памятников, но все они носят смешанный характер. Гребенчатые комплексы встречаются здесь вместе

с ямочно-гребенчатыми, соотношение между которыми установить пока не удалось (Никитин, 1996).

Памятники с гребенчатой орнаментацией на керамике в Чувашском Поволжье отмечены при исследовании утюжского комплекса памятников в Алатырском Присурье в 2006–2011 гг. (стоянки Утюж, Молёбное, Вьюново и Черненькое озеро). Были обнаружены немногочисленные фрагменты сосудов, которые были украшены оттисками гребенчатого штампа в традиции камской археологической культуры. В Алатырском краеведческом музее хранится подъемный материал, собранный в 1970-х годах в Алатырском Присурье, характеризующий неолитические традиции изготовления посуды с гребенчатым орнаментом. Керамические комплексы с гребенчатой орнаментацией также были найдены при исследовании памятников в Чувашском Заволжье. Несмотря на малочисленность археологических памятников с посудой с гребенчатой орнаментацией и отсутствию керамических комплексов, которые можно соотнести с культурным слоем, а значит и невозможностью достоверно связать их с каменным инвентарем, керамические материалы достаточно яркие и позволяют дать характеристику этому культурному явлению неолита этого региона.

На стоянке Черненькое озеро выделена группа керамики с гребенчатым штампом – 13 фрагментов примерно от 4 сосудов (Березина и др., 2010). Сосуды тонкостенные (0,6–0,8 мм), изготовлены из запесоченной илистой глины или из среднезапесоченной глины с обильной примесью шамота и органического раствора. Выделяется округлое днище, украшенное сочета-

нием горизонтальных рядов оттисков гребенчатого штампа, чередующихся отпечатками короткого зубчатого инструмента (рис. 1: 8). Второй сосуд украшен оттисками длинной гребенки, расположенной горизонтально (рис. 1: 9). Фрагменты от разных сосудов (что подтверждается и технологически) украшены горизонтальными рядами гребенчатых прямых отпечатков, разделенных наклонными короткими зубчатыми оттисками (рис. 1: 10–11). Эта схема соответствует композиции группе керамики, украшенной прямыми прочерками. Обнаружен один черепок с рядом короткого зубчатого штампа, сходного с посудой, декорированной ногтевидными насечками. К гребенчатому комплексу относятся по составу пластического сырья и орнаментальным мотивам сосуды с наклонными рядами прямых оттисков гладкого штампа, разделенных короткими ногтевидными насечками, ряды прямых прочерков.

На многослойном поселении Утюж I были обнаружены несколько фрагментов с гребенчатым орнаментом (Березина и др., 2007). Длинные тонкие оттиски гребенки образуют горизонтальную «елочку». Форму сосудов восстановить из-за фрагментарности не удалось. К этой группе керамики примыкает большой фрагмент сосуда с оттисками гладкого штампа, расположенного горизонтальными рядами, где ряды длинных оттисков, чередуются с короткими (рис. 2: 3,5).

На стоянке Молебное озеро были найдены немногочисленные фрагменты керамики (рис. 2: 4, 6, 7, 9). Три фрагмента, вероятно, от одного сосуда орнаментированы длинным слегка изогнутым тонким штампом, по всей видимости, сделанным из створки

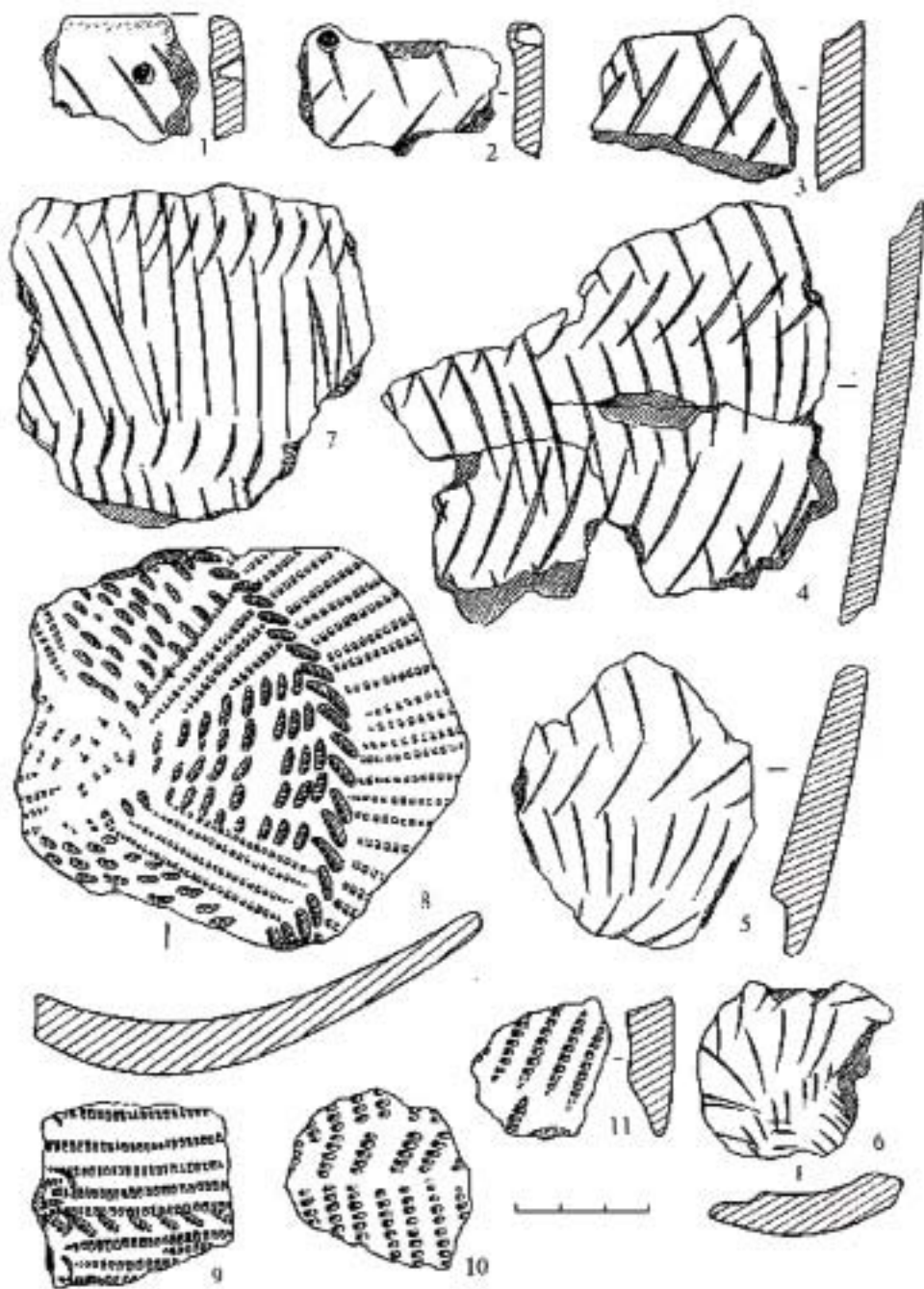

Рис. 1. Черненькое озеро. Керамика.

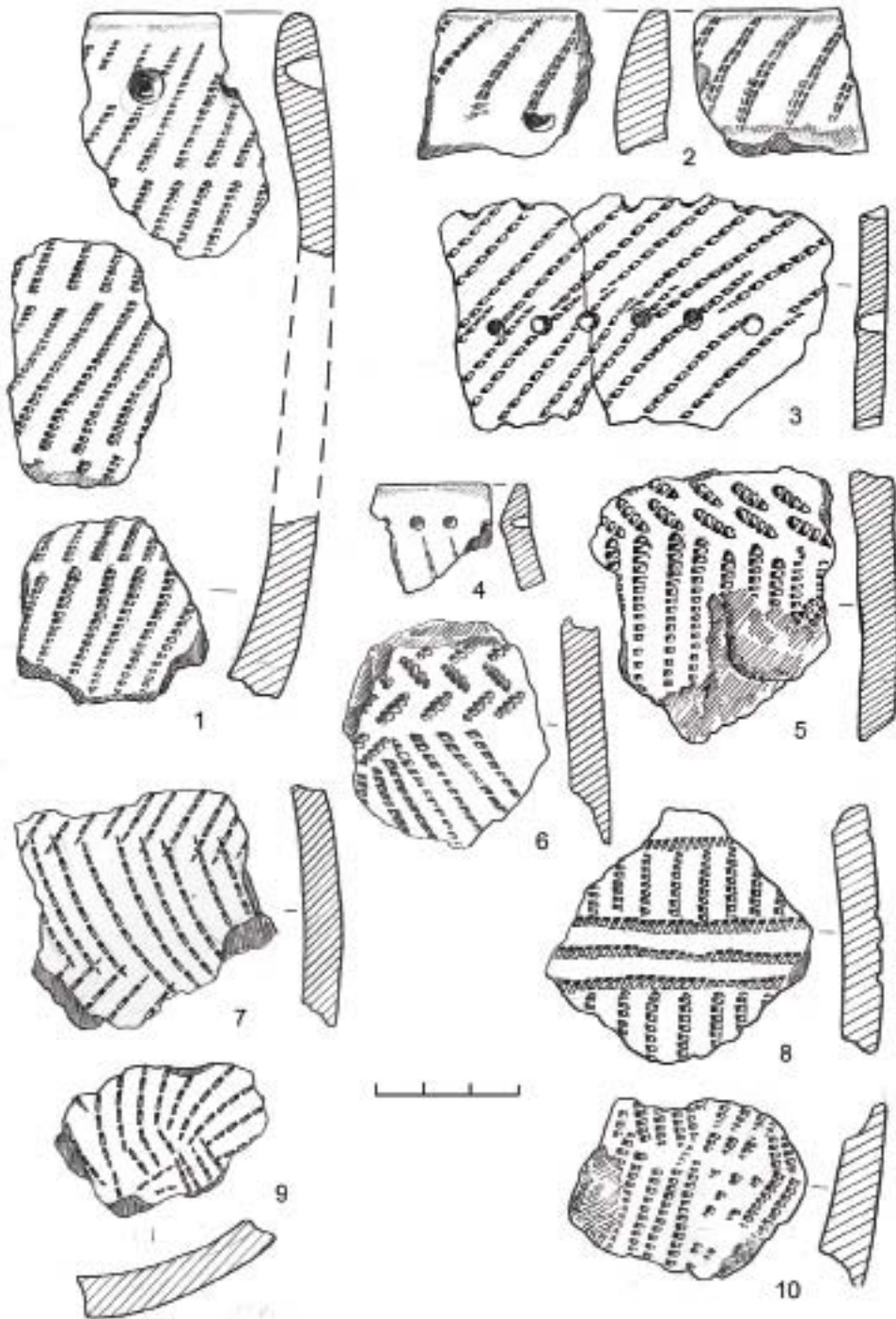

Рис. 2. Керамика 1, 2, 8, 10 – из окрестностей г. Алатырь;
4, 6, 7, 9 – Молебное озеро I; 3, 5 – Утюж I.

раковины. Орнамент покрывал весь сосуд горизонтальными рядами наклонного штампа, т.н. горизонтальной «елочкой». Сосуд имел округлое дно, которое также покрывал узор. Этот орнамент и штамп, которым он сделан, фиксируют качества, присутствующие комплексам с гребенчатыми и плоскими оттисками. Второй сосуд (1 фр.) также имеет горизонтальную зональность орнамента и украшен рядами оттисков наклонно поставленных длинного и короткого штампов. Один фрагмент венчика с прямым срезом и наплывом изнутри имеет ряд ямочных вдавлений по краю, ниже него – ряд наклонных оттисков тонкого гребенчатого штампа. Связать с этим керамическим комплексом определенный каменный инвентарь стоянки сложно, так как памятник многослойный с невыраженной планиграфией и стратиграфией.

Во время раскопок на стоянке Вьюново озеро 1 были обнаружены немногочисленные фрагменты с гребенчатым штампом. Состав пластического сырья, определенного визуально, содержит глину и большое количество мелкого шамота. Поверхность сосудов заглажена. Первый крупный сосуд, представленный 1 фрагментом венчика толщиной 10 мм, имел хорошо заглаженную внешнюю поверхность. Венчик прямой с плоским скошенным наружу срезом, на внутренней стороне наблюдается небольшой наплыв. По краю венчика проходит ряд ямочных вдавлений, ниже – ряд горизонтальных длинных прямых оттисков тонкого штампа (рис. 3: 1). От второго сосуда имеются четыре фрагмента стенок, толщина их 9 мм. Орнамент покрывал, вероятно, всю поверхность и состоял из зон

вертикально и горизонтально поставленных оттисков штампов длинных тонких гребенчатых штампов (рис. 3: 4–6). У третьего сосуда (1 фр.) толщина стенок 8–9 мм. Орнамент состоял из горизонтальных рядов косо поставленных длинного и короткого штампов (рис. 3: 8).

В фондах Алатырского краеведческого музея хранятся несколько фрагментов одного сосуда из местонахождения Борки, и из окрестностей г. Алатырь, которые украшены гребенчатым (камским) орнаментом (рис. 2 : 1, 2, 8, 10). Форма сосуда, вероятно, была с округлым дном и с слегка прикрытым горлом. Венчик с округлым срезом и с небольшим наплывом изнутри. По краю венчика проходит ряд округлых ямочных вдавлений. Орнамент представлен горизонтальными рядами длинного мелкозубого косо поставленного штампа, покрывавшего всю поверхность сосуда. Имеется один венчик с выраженным «воротничком», украшенным гребенчатым штампом.

В материалах Мукшумского комплекса памятников Заволжья, исследованных в 1990–2000-х годах также встречаются фрагменты сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом в камской традиции (Березина и др., 2003). На Мукшумской IV стоянке был собран подъемный материал, среди преобладающей керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом оказалось несколько фрагментов с гребенчатым, в том числе один большой фрагмент венчика довольно крупного сосуда. Венчик прямой с округлым срезом, толщиной 11 мм, поверхность хорошо заглажена. Орнамент состоит из горизонтальных зон, сочетающих несколько штампов. По краю венчика

проходит два ряда наклонных оттисков коротких штампов, один – тонкого, другой толстого штампа, а поверх них нанесен ряд разреженных наколов, вероятно, имитирующий ряд ямочных вдавлений. Ниже расположены ряды вертикально- и косо поставленного длинного штампа, разделенные двумя рядами горизонтальных оттисков толстого короткого. Поверх ряда длинного штампа в одном месте нанесен двойной оттиск длинного штампа. На фрагменте есть сверленное отверстие, сделанное после обжига (рис. 4: 6). Второй сосуд представлен 1 фрагментом стенки, толщиной 7–8 мм, сочетающий оттиски длинного и короткого штампов, нанесенных поверх друг друга (рис. 4: 9).

На Мукшумской XIV стоянке в 2002 и 2008 гг. были проведены раскопки (Березина, 2006), а в разные годы собран значительный подъемный материал. Раскопки показали, что основной материал памятника составляет комплекс каменных изделий мезолитического возраста. Он приурочен к выраженному цветом и структурой культурному слою – углистуму заполнению котлованов жилищ, которые читались и на поверхности в виде западин. В слое, перекрывающем жилище, были найдены немногочисленные фрагменты керамики. Наряду с ямочно-гребенчатым льяловским орнаментом имелись фрагменты с гребенчатыми оттисками. Два фрагмента стенок одного сосуда были украшены «шахматным» узором, где зона, украшенная вертикально поставленным длинным узким штампом, сменялась зоной, заполненной коротким штампом, поставленным наискось, вероятно, оттиском угла того же длинного штампа (рис. 4: 4). Фрагмент венчика

другого сосуда прямой формы, имеет округлый край, украшен оттисками короткого прямого штампа, образующего горизонтальные и наклонные ряды (рис. 4: 3).

Мукшумская XVII стоянка расположена у подножия дюнного всхолмления и в настоящий момент затоплена Чебоксарским водохранилищем. Среди преобладающего подъемного материала с ямочно-гребенчатым орнаментом были найдены фрагменты с гребенчатым, в том числе четыре прямых венчика от разных сосудов, с округлым срезом, на всех имеется горизонтальный ряд ямочных вдавлений по краю (рис. 4: 1, 2, 5, 7, 8). Два сосуда украшены горизонтальной «елочкой» из длинных и коротких оттисков тонкого штампа (рис. 4: 2, 8). На втором сосуде по краю венчика проходит ряд наколов и ряд ямочных вдавлений, ниже – горизонтальный ряд косо поставленных оттисков длинного штампа. Здесь мы наблюдаем сочетание гребенчатых и накольчатых элементов (рис. 4: 1). Венчик четвертого сосуда украшен горизонтальным рядом вертикально поставленных оттисков длинного тонкого штампа, поверх которого нанесен ряд ямочных вдавлений (рис. 4: 5). Кроме венчиков есть небольшой фрагмент стенки сосуда, где поверх оттисков вертикальных длинных штампов проходит ряд коротких (рис. 4: 7). К этой же группе керамики относятся три фрагмента одного сосуда. Небольшой сосуд с округлым дном, прямым венчиком с округлым срезом, причем венчик утончается. Вся поверхность покрыта орнаментом горизонтальной «елочки» из оттисков гладкого штампа.

Таким образом, можно подвести первые итоги. Все известные гребенча-

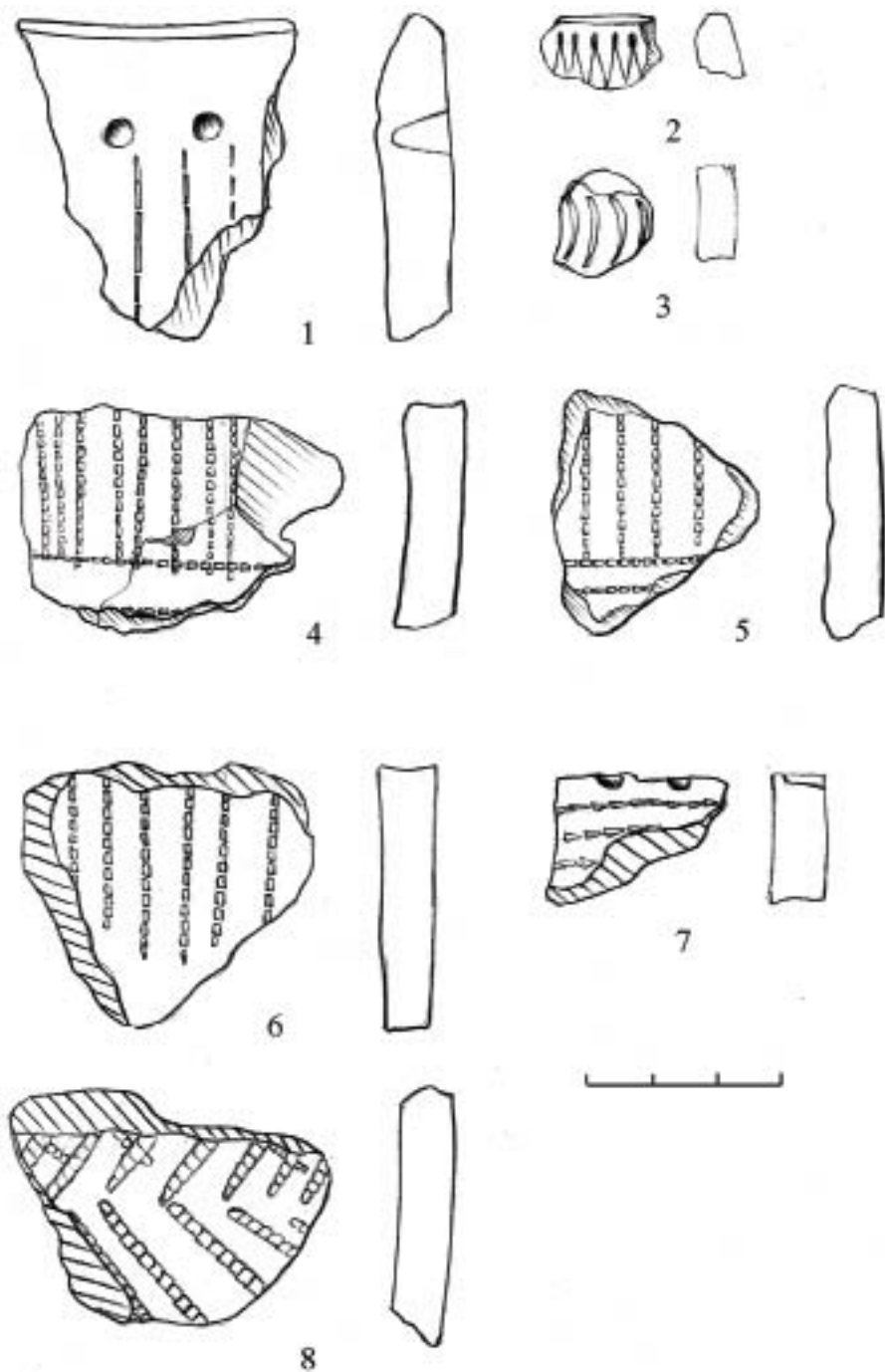

Рис. 3. Стоянка Выюново озеро I. Керамика.

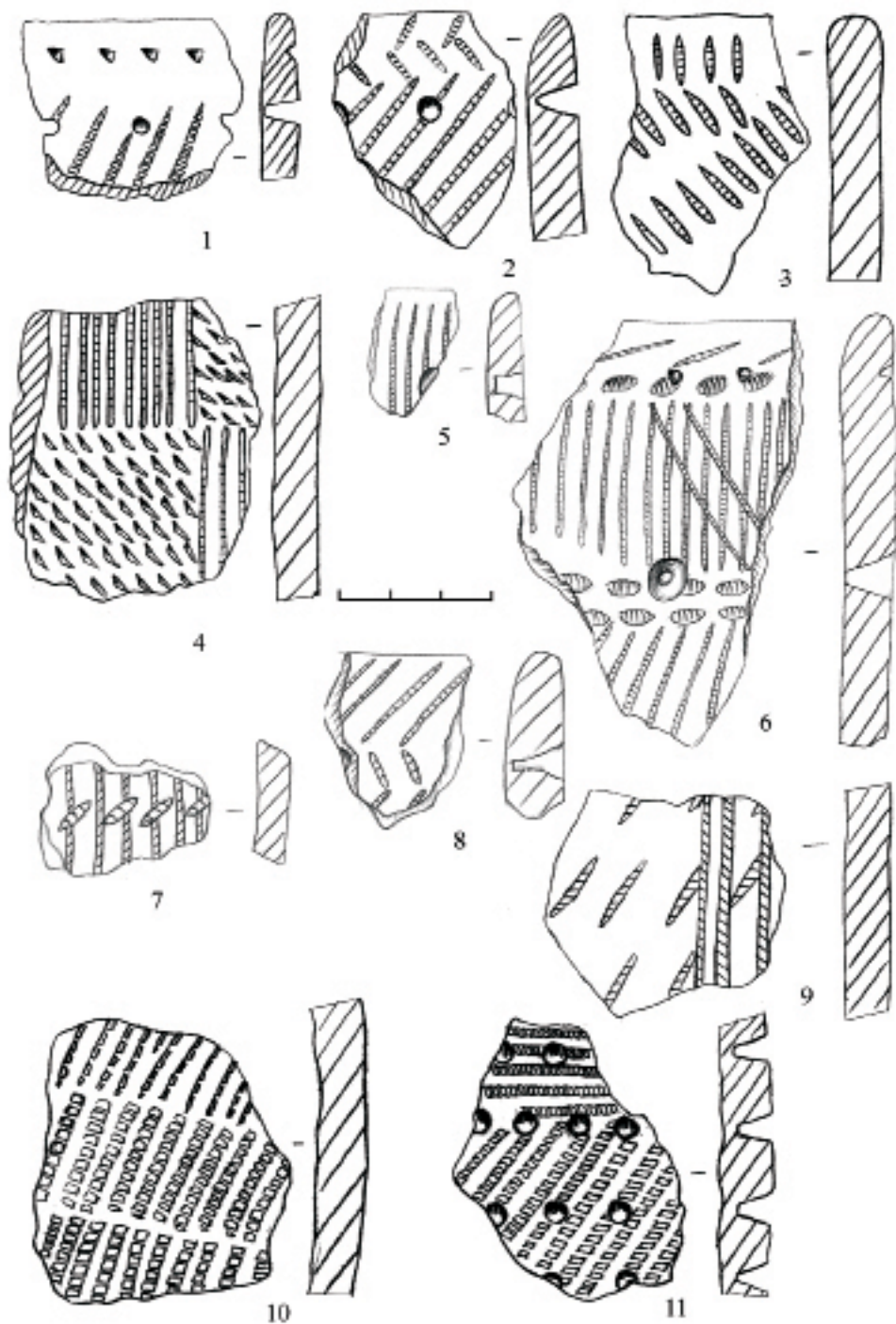

Рис. 4. Керамика 1, 2, 5, 7, 8 – Мукшумская XVII стоянка; 3, 4 – Мукшумская XIV стоянка, 6, 9 – Мукшумская IV стоянка; 10, 11 – Мукшумская V стоянка.

тые комплексы Чувашского Заволжья имеют прямые венчики с округлым срезом, редко с напылом внутрь, форма сосудов реконструируется с открытым или со слабо прикрытым горлом. Орнамент нанесен, как правило, мелкозубчатым и среднезубчатым штампом. По большей части мотивы простые: горизонтальные пояса вертикально или наклонно поставленных длинных оттисков штампа, разделенные линиями из коротких оттисков угла того же штампа, а также присутствует «шахматный» узор. На части венчиков отмечается такой элемент, как ряд ямок под срезом венчика. Отсутствуют вертикальное зонирование и сложные мотивы типа шагающей гребенки, решетки, а также отсутствуют узоры из короткого изогнутого штампа, что объединяет эти памятники с памятниками Сурско-Мокшанского междуречья и Нижнего Прикамья.

Особенностью утюжской гребенчатой керамики является наличие воротничка на одном фрагменте венчика. Наличие симбиотической керамики на поселении Утюж I, где сочетаются камские и воротничковые традиции, а также дата, полученная по фрагменту с гребенчатым штампом с Молебного озера I ВР 5980±90 л.н. (Кi-14442) (Выборнов и др., 2008, с. 20–25), позволяют говорить о бытовании гребенчатой традиции с конца V тыс. до н.э. до более позднего времени. Фрагменты с гребенчатой системой орнаментации стоянки Черненькое озеро находят аналогии в материалах стоянки Озименки II на р. Мокше (Выборнов и др., 2006, с. 117, рис. 8), где представлено два сосуда, типологически более ранние, чем основная часть посуды с гребенчатыми узорами. Учитывая, что поздняя керамика, декорированная гребенкой,

датируется по радиоуглероду началом IV тыс. до н.э., то данный комплекс допустимо относить к более раннему времени.

Орнаментальный «шахматный» мотив, отмеченный на Мукшумской XIV стоянке Заволжья, стоянке Черненькое озеро и поселении Утюж I Среднего Присурья, уже известен в литературе. Прямые аналогии имеются в материалах стоянки Лебединская II (Халиков, 1969, с. 17, 63), расположенной в устье Камы, Кыйлуд III, расположенной в Камско-Вятском междуречье (Гусенцова, 1993, с. 85), стоянки Чекалино IV, расположенной в Самарском Заволжье, в верховьях р. Сок, а также стоянки Подлесное IV (Выборнов, 2008, с. 403, рис. 155), расположенной в верховьях Суры. Столь яркий элемент орнамента наряду с другими признаками маркирует сложные процессы продвижения групп носителей гребенчатых традиций на восток и северо-восток. По мнению А.А. Выборнова, сурско-мокшанские гребенчатые комплексы имеют более ранние датировки, чем комплексы Нижнего Прикамья, что свидетельствует об инфильтрации населения в восточном направлении (Выборнов, 2008, с. 136–137).

На Заволжских памятниках имеются два сосуда с симбиотической гребенчато-накольчатой орнаментацией, что говорит о сосуществовании на каком-то этапе гребенчатой и накольчатой керамической традиций. Но в отличие от южных территорий Среднего Поволжья, Примокшанья и Верхнего Посурья, современные знания позволяют предположить, что в Чувашском Поволжье, так же как и в Марийском Поволжье и Нижнем Прикамье, не складывается устойчивой накольчатой-гребенчатой культурной традиции,

хотя отдельные памятники Устья Камы, такие, как Старомазиковская III, имеют синкретические сосуды, на которых сочетаются накольчатые и гребенчатые элементы. Полученные датировки гребенчатых комплексов Верхнего Посурья Подлесное III и IV, Марийского Поволжья Отарская VI (Выборнов, 2008) подтверждают бытование гребенчатых комплексов в последней четверти V тыс. до н.э.

В группе гребенчатой посуды присутствуют сосуды и с гладким штампом. Композиции этой группы сходны с гребенчатыми, где присутствуют прямопрочерченные отпечатки и гребенчатые оттиски. Такая керамика обнаружена на поселении Утюж I, стоянке Черненькое озеро и Мукшумской XVIII стоянке в Чувашском Поволжье (Березина, Березин, 2003, с. 158, рис. 41, 15). Аналогичная керамика с насечками была обнаружена на стоянке Сауз I в устье р. Белой, залегающая совместно с гребенчатой (Бадер, Калинина, 2003, с. 27, рис. 7).

Данных по гребенчатой керамике Чувашского Поволжья пока слишком

мало. Отсутствуют памятники с выраженным культурным слоем, большая часть материалов носит подъемный характер, но можно попытаться сделать предварительные выводы. Вышеописанные качества соответствуют первой группе усть-камских гребенчатых комплексов, выделенных Р.С. Габяшевым (Габяшев, 2003). По комплексу признаков (форма сосудов, венчиков, орнаментальные композиции) гребенчатые комплексы Чувашского Поволжья близки к памятникам хуторского типа камской культуры, таким, как Лебединская II, Зиарат, а также к гребенчатым памятникам Сурско-Мокшанского междуречья. Эти аналогии, а также абсолютные датировки, полученные в недавнее время по вышеназванным памятникам (Выборнов, 2008), позволяют высказать предположение, что большая часть изученных гребенчатых комплексов Чувашского Поволжья относится к раннему и развитому этапам развития камской культуры. Территория Чувашского Поволжья, так же как и Марийского, представляет западную окраину камского (гребенчатого) мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. – М., 1963.
2. Бадер О.Н., Калинина И.В. Саузовская I стоянка // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 3. – Пермь, 2003. – С. 11–30.
3. Березина Н.С. Раскопки мезолитической Мукшумской XIV стоянки в Чувашском Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 6. – Тверь, 2006. – С. 233–240.
4. Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары, 2003. – С. 89–171.
5. Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. – Самара, 2007. – С. 14–23.
6. Березина Н.С., Выборнов А.А., Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. Черненькое озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. – Рязань, 2010. – С. 61–75.

7. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев, 1988. – 112 с.
8. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008. – 490 с.
9. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Березина Н.С., Вискалин А.В., Ставицкий В.В. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 20–25.
10. Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2006. – Вып. 4. – С. 113–120.
11. Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – 20 с.
12. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. – Казань, 2003. – 226 с.
13. Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. Вып. 20. – Л., 1979. – С. 5–27.
14. Никитин В.В. Каменный век Марийского края. (Тр. МАЭ. Т. IV) – Йошкар-Ола, 1996. – 180 с.
15. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. – Пенза, 1999. – 196 с.
16. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. – Л.: Наука, 1972. – 136 с.
17. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 395 с.

Информация об авторе:

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, зав. отделом археологии Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

ON THE NEOLITHIC COMB-ORNAMENTED WARE ASSEMBLAGES OF CHUVASH VOLGA AREA

N.S. Berezina

The Neolithic comb-ornamented ceramic ware assemblages discovered in the Chuvash Volga area are analyzed in the article. The general characteristics of this ceramics, including vessel shapes, technological traits, ornamental compositions and patterns is given. The cultural and chronological attribution of the sites with combed ceramics is offered. The emergence of the comb-ornamented ceramic ware in the Chuvash Volga area has been dated to the late 5th millennium BC. The majority of the studied comb-ornamented pottery assemblages have been attributed to the Kama culture, presumably its early and advanced stages. The territory under study had represented the western edge of the area of this culture and comb-ornamented ceramics in general.

Keywords: archaeology, the Volga river region, the Neolithic, the Kama archaeological culture, combed ware, decoration.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1963. *Drevneishaiia istoriia Prikam'ia (The Earliest History of the Kama River Basin)*. Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

2. Bader, O. N., Kalinina, I. V. 2003. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* 3. Perm: Perm State Pedagogical University, 11–30 (in Russian).
3. Berezina, N. S. 2006. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 6. Tver: Tver: Tver State United Museum, 233–240 (in Russian).
4. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2003. In Mikhailov, E. P. (ed.). *Novye arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (New Archaeological Research in the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 89–171 (in Russian).
5. Berezina, N. S., Viskalin, A. V., Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitskii, V. V. 2007. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara Region in History of Russia)* 3. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 14–23 (in Russian).
6. Berezina, N. S., Vybornov, A. A., Kondrat'ev, S. A., Shalapinin, A. A. 2010. In *Materialy po istorii i arkheologii Rossii (Materials and Research of the Russian Archaeology)* 1. Ryazan: "Aleksandriia" Publ., 61–75 (in Russian).
7. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
8. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
9. Vybornov, A. A., Kovaliukh, N. N., Skripkin, V. V., Berezina, N. S., Viskalin, A. V., Stavitskii, V. V. 2008. In *Aktual'nye voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Recent Issues of the Ural and Volga Areas Archaeology)*. Samara, 20–25 (in Russian).
10. Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitskii, V. V. 2006. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 113–120 (in Russian).
11. Gabyashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age in the Lower Kama Region)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
12. Gabyashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
13. Kalinina, I. V. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad, 5–27 (in Russian).
14. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* IV. Yoshkar-Ola (in Russian).
15. Stavitskii, V. V. 1999. *Kamennyi vek Primokshan'ia i Verkhnego Posur'ia (Stone Age of the Moksha and Upper Sura Basins)*. Penza: Penza State United Museum of Local Studies (in Russian).
16. Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose evropeiskoi chasti SSSR (Dotted-and-Combed Ware Culture in the Forest Belt of the European Part of the USSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Berezina Natalia S. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Ave., 29, building 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2013 г. В.В. Ставицкий

В статье рассматривается ряд вопросов, касающихся происхождения и хронологии неолитических памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, а также их соотношения с памятниками других культур. Наиболее вероятным представляется распространение носителей ямочно-гребенчатой керамики в результате миграции с территории Волго-Окского междуречья в восточном направлении. Остается актуальным вопрос о соответствии радиоуглеродной хронологии стратиграфическим данным неолитических стоянок Поволжья. В среднем течении Суры по радиоуглеродным датам древности культуры ямочно-гребенчатой керамики предшествуют стоянкам с гребенчатой керамикой, что требует пересмотра вопросов их синхронизации, основанных на типологических данных. В лесостепной зоне последовательность развития керамических традиций, видимо, могла отличаться от той, которая имела место на более северных территориях.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Посурье, неолит, ямочно-гребенчатая керамика, радиоуглеродная хронология, типология, стратиграфия.

Поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики относятся к числу наиболее многочисленных памятников эпохи неолита на территории лесной зоны. Данные памятники были открыты в конце XIX в. и на протяжении всей первой половины XX в. они неоднократно привлекали внимание исследователей, в результате чего вошли в разряд наиболее хорошо исследованных древностей неолитической эпохи. Свообразным итогом данных исследований стала диссертация В.П. Третьякова, посвященная локальным вариантам культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая была защищена им в 1966 г., а чуть позже опубликована в виде монографии (Третьяков, 1972). Практически одновременно памятники Среднего Поволжья с ямочно-гребенчатой керамикой были проанализированы А.Х. Халиковым в его докторской диссертации и вышедшей через три года монографии (Халиков, 1969).

После этого сложилось мнение, что основные вопросы изучения данной культуры разрешены, и ее изучение приобрело спорадический характер. На новый уровень научного осмысления культура ямочно-гребенчатой керамики была выведена В.В. Сидоровым, который в 1980-х гг. защитил диссертацию по ямочно-гребенчатой (ляльковской) культуре западной части Волго-Окского междуречья. К концу XX в. источниковедческая база по памятникам ямочно-гребенчатой керамики многократно увеличилась и по территории Среднего Поволжья. Однако данные материалы долгое время не становились целью самостоятельного исследования и рассматривались археологами попутно, по отдельным локальным группам, при решении других проблем неолита (Никитин, 1996; Ставицкий, 1999), что затрудняло изучение общей картины развития региона. Этот пробел устранило диссертационное исследование

С.А. Кондратьева, в котором им были приведены в систему все имеющиеся на данный период источники по памятникам ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья (Кондратьев, 2011). На основе их детального анализа было предложено решение основных проблем культурогенеза, развития, связей, хронологии и синхронизации данных культурных образований на исследуемой территории. Это первая после выхода в свет книги А.Х. Халикова (1969) обобщающая работа, охватывающая памятники ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья в системе их исторического развития. Несмотря на то, что основные положения предложенной С.А. Кондратьевым концепции все-сторонне проработаны и аргументированы, в работе имеется ряд дискуссионных моментов, разбору которых и посвящена эта статья.

Хронологические рамки существования памятников культуры ямочно-гребенчатой керамикой в целом определены С.А. Кондратьевым периодом с конца V тыс. до н.э. до середины III тыс. до н.э. (по некалиброванной радиоуглеродной шкале). Если нижняя граница не вызывает сомнений, то верхняя выглядит значительно омоложенной. Точка зрения о бытовании памятников ямочно-гребенчатой керамики вплоть до середины III тыс. до н.э. представляется анахронизмом, поскольку в начале этого тысячелетия повсеместное распространение получают памятники энеолитических культур.

Памятники ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья, были проанализированы С.А. Кондратьевым по трем локальным группам: среднесурской, поволжской и примок-

шанской. Сравнение керамических комплексов данных групп показало, что с одной стороны фиксируется значительная степень сходства между материалами памятников Среднего Посурья и среднего течения Волги, а с другой – имеется ряд существенных отличий в технологии и орнаментации керамики между данными памятниками и стоянками Примокшанья. К сходным выводам ранее пришел и автор данной статьи, сравнивая средневолжские и примокшанские группы памятников с материалами стоянок Верхнего Посурья. Вновь выявленные памятники в бассейне среднего течения Суры подтвердили точку зрения о проникновении носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики в Верхнее Посурье с территории Среднего Поволжья (Ставицкий, 1999, с. 135, 180).

Значительно менее информативными являются комплексы каменных орудий с памятников ямочно-гребенчатой керамики, большинство которых носит смешанный характер. Данный факт затрудняет сравнительный анализ кремневой индустрии названных групп памятников, и особенно сложен данный вопрос для памятников Среднего Посурья. С.А. Кондратьевым была предпринята попытка выявить характерный комплекс орудий данной группы памятников с помощью анализа кремневого сырья и путем подбора аналогов орудий из монокультурных комплексов Примокшанья, Верхнего и Марийского Поволжья. Однако, на наш взгляд, население данных территорий не принимало непосредственного участия в генезисе присурских памятников, поэтому окончательное решение этого вопроса требует более основательной базы источников.

Культурная принадлежность локальных групп памятников Среднего Поволжья была установлена С.А. Кондратьевым путем их сопоставления с комплексами сопредельных территорий. Проведенное сравнение позволило прийти к справедливому выводу, что в целом ямочно-гребенчатая керамика Среднего Поволжья имеет широкие аналогии в материалах раннего и развитого этапов льяловской культуры Волго-Окского междуречья. При этом материалы Посурья и Марийского Поволжья наиболее близки керамике Нижнего Поочья, а также керамике стоянок бассейна р. Волги, выше устья р. Оки. Близкие аналогии ямочно-гребенчатой керамике Нижнего Поочья имеются и в Примокшанье, но наибольшее сходство посуда примокшанских памятников обнаруживает с разновременными комплексами Рязанского Поочья (Кондратьев, 2008; 2009а).

Следует отметить, что происхождение памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории данного региона всегда рассматривалось исследователями с аллохтонных позиций. С.А. Кондратьев присоединяется к сторонникам данной концепции и находит ряд новых аргументов в ее поддержку. Иная точка зрения на проблему генезиса была высказана нами для территории Примокшанья, где на поселении Озименки 2 была собрана керамика, украшенная гребенчатыми оттисками, поверх которых были нанесены разреженные ряды ямочных вдавлений. Сходство данной посуды с керамикой финального периода верхневолжской культуры позволило нам высказать предположение о том, что данный регион мог входить в зону формирования льяловской керами-

ческой традиции (Ставицкий, 2006). С.А. Кондратьевым была проведена детальная верификация данной гипотезы, в результате чего был получен ряд доказательств, отрицающих подобную возможность, что позволяет снять с повестки дня тезис об автохтонном сложении культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории Примокшанья до получения новых более убедительных данных.

Не вызывает возражений и точка зрения С.А. Кондратьева о генетической связи носителей ямочно-гребенчатой керамики Марийского и Казанского Поволжья с населением Волго-Окского междуречья. Дискуссионным, на наш взгляд, является его предположение о появлении в Среднем Посурье памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в результате миграции с территории Марийского Поволжья. Судя по радиоуглеродной хронологии, данные памятники синхронны, а некоторые присурские стоянки имеют и более древние даты. Более вероятно, что оба названных региона были заселены носителями ямочно-гребенчатой керамики в результате миграции с территории Волго-Окского междуречья родственными группами населения, что и предопределило их сходство. К тому же переселение носителей ямочно-гребенчатой керамики на р. Суру с территории Марийского Поволжья могло произойти только в случае их возвратного движения, для которого в раннеल्याловское время, судя по всему, не было никаких объективных предпосылок.

При разработке периодизации памятников ямочно-гребенчатой керамики Марийского и Казанского Поволжья С.А. Кондратьев склоняется к точке зрения В.П. Третьякова (1972)

о невозможности выделения периодов в развитии культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории данного региона, не соглашаясь с периодизацией В.В. Никитина, основанной на ряде стратиграфических наблюдений и топографии расположения памятников. Занятую в данном вопросе позицию С.А. Кондратьев аргументирует отсутствием развития в орнаментации средневожской керамики, основная масса которой сопоставима с раннеляловскими комплексами. Однако данный факт свидетельствует только о том, что развитие керамических традиций средневожского населения протекало иначе, чем на территории Волго-Окского междуречья, следовательно, необходим поиск иных критериев при разработке их периодизации.

Достаточно обоснованным представляется ряд поправок по периодизации памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Примокшанья, предложенных С.А. Кондратьевым. Возражение вызывает только разделение на два разновременных комплекса ограниченной коллекции ямочно-гребенчатой керамики поселения Широмазово 3, основная масса которой связана с жилищным сооружением и, вероятно, представляет собой переходный комплекс, в котором нашли отражение как ранние, так и поздние признаки. Кроме того, неправомерно оспорена наиболее поздняя хронологическая позиция керамики поселения Шаверки 5, 40% которой украшено только ямочными отпечатками, в том числе развал целого сосуда, а также имеются фрагменты, не содержащие ямочных вдавлений, и фрагменты с полями, свободными от орнамента. Все эти признаки являются поздними, не характерными

для других керамических комплексов Примокшанья (Ставицкий, 1999, с. 166, 168, 170–172, рис. 68, 69).

Важные выводы получены С.А. Кондратьевым по хронологии памятников Среднего Поволжья, которые опираются на ряд новых радиоуглеродных определений, выполненных по фрагментам керамики (Кондратьев, 2009б). Полученные даты подтверждают ранний возраст большинства поселений Примокшанья и Среднего Посурья. Более широкий разброс во времени демонстрируют радиоуглеродные даты Марийского Поволжья, что может свидетельствовать об их принадлежности к разным хронологическим этапам, несмотря на то, что все они находят близкие аналогии в ранней ляловской керамике Волго-Окского междуречья.

Новаторскими являются выводы С.А. Кондратьева, основанные на радиоуглеродных датах по фрагментах керамики, о том, что на территории Примокшанья носители ямочно-гребенчатой керамики на протяжении достаточно продолжительного времени сосуществовали с представителями традиций гребенчатой (длиннозубчатой) орнаментации керамики. Однако, судя по радиоуглеродным датам, на стоянках Верхнего Примокшанья носители гребенчатой традиции не сосуществуют с носителями ямочно-гребенчатой керамики, а приходят им здесь на смену. Датировка гребенчатой керамики стоянок Примокшанья: Имерка Ia – 5820 ± 90 л.н. (Ki-14562), Имерка IV – 5670 ± 80 л.н. (Ki-14575), 5590 \pm 80 л.н. (Ki-14560), Ковыляй I – 5830 ± 80 л.н. (Ki-14457), 5990 \pm 80 л.н. (Ki-15098). Еще более поздним временем датируется гребенчатая керамика стоянки Озименки II 5650 ± 80 (Ki-

14589), 5490 ± 90 (Ki-14138), 5370 ± 90 (Ki-14102), а ямочно-гребенчатой керамики примокшанских стоянок в целом имеет более ранние даты: Имерка IV – 5880 ± 90 л.н. (Ki-16167), Имерка VIII – 5890 ± 90 л.н. (Ki-16036), Озименки II – 5840 ± 90 л.н. (Ki-14571) (Выборнов, 2008, с. 244; Выборнов, Кондратьев, 2009; 2010).

Как видим, все даты ямочно-гребенчатой керамики, кроме единственной даты стоянки Ковыляй 1, древнее гребенчатой, следовательно, имело место не сосуществование их носителей, а смена одних другими, либо радиоуглеродные датировки не соответствуют реальному возрасту продатированной керамики. Причем даже с учетом даты Ковыляйской стоянки период сосуществования определяется временем не более сотни лет, что не выходит за пределы стандартной погрешности радиоуглеродных определений.

Судя по радиоуглеродным датам, несколько более раннюю хронологическую позицию по отношению к древностям ямочно-гребенчатой керамики в Примокшанье занимают памятники с керамикой, украшенной короткими оттисками зубчатого штампа (по терминологии А.А. Выборнова – зубчатой), с которой, вероятно, связана и ранняя накольчатая керамика, имеющая разреженную систему орнаментации. Фрагменты с зубчатой посудой стоянки Ковыляй 1 имеют радиоуглеродную дату 6140 ± 90 , а с разреженной накольчатой – 6040 ± 90 (Выборнов, 2008).

Принятие указанных радиоуглеродных дат в корне меняет наше представление о хронологическом соотношении гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамики на территории Примокшанья и требует объяснения:

возможно ли это в принципе? При раскопках многослойного поселения Имерка III, А.А. Выбороновым и В.П. Третьяковым было зафиксировано, что в прибрежной части памятника максимум находок гребенчато-накольчатой керамики приходился на 2 штык (43% фрагментов), а ямочно-гребенчатой на 4-й (71%), чему было найдено объяснение в обратной стратиграфии залегания слоев, сложившейся в результате береговых осыпей (Выборнов, Третьяков, 1987, с. 55, 57). Однако с тезисом об обратной стратиграфии не совсем согласуется факт отсутствия в двух нижних штыках (толщина штыка составляла 18–20 см) фрагментов волосовской керамики, найденной в трех верхних штыках, на что мною ранее уже обращалось внимание (Ставицкий, 1999, с. 118–119). На основной части раскопа столь заметного преобладания ямочно-гребенчатой керамики не зафиксировано, тем не менее, в нижнем литологическом слое светлого тонкозернистого песка найдено 34% от общего количества ямочно-гребенчатой керамики и только 24% гребенчато-накольчатой (Выборнов, Третьяков, 1987, с. 56).

Кроме того, в жилищном сооружении поселения Имерка VII, не имевшем видимых перекопов культурного слоя, был зафиксирован развал сосуда ямочно-гребенчатой керамики позднего облика, украшенный ямочными вдавлениями, которые образовывали треугольные фигуры под венчиком сосуда (Ставицкий, 1999, с. 160, рис. 62: 1), что может свидетельствовать о синхронизации существования гребенчатой керамики Примокшанья с поздним или, как минимум, развитым этапом культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Также следует отметить, что в Прикамье гребенчатая традиция орнаментации керамики продолжает развиваться и в то время, когда на территории Волго-Окского междуречья происходит ее замена на ямочно-гребенчатую. Подобное сохранение гребенчатых традиций могло иметь место в верховьях бассейнов рек Суры и Мокши, где древности ямочно-гребенчатой керамики не столь многочисленны. Ведь именно здесь на гребенчатой керамике стоянки Озименки II фиксируются следы возможных контактов между носителями двух названных традиций. Поскольку по радиоуглеродным датам период существования ямочно-гребенчатой керамики был сравнительно непродолжительным, то через некоторое время носители гребенчатой керамики могли занять места их прежних поселений.

Впрочем, нельзя исключать возможности того, что указанная разница в датировке образцов керамики может объясняться различными традициями отбора глинистого сырья для изготовления керамики у названных групп населения. Поскольку в той или иной степени в данном сырье присутствует более древняя органика, которая оказывает влияние на радиоуглеродную датировку. В одних местах, скажем, в береговых и прибрежных отложениях водоемов со стоячей водой, ее может быть больше, а в других (с проточной) – меньше.

Наиболее сложной является проблема финала культуры ямочно-гребенчатой керамики на Средней Волге. Для территории Марийского Поволжья С.А. Кондратьевым предложен ряд новых аргументов в поддержку концепции В.В. Никитина о сложении на основе древностей ямочно-гребенчатой керамики про-

товолосовских памятников красномотовского типа. Более дискуссионными являются выводы автора диссертации о возможности прекращения существования ямочно-гребенчатых памятников Посурья в результате инфильтрации населения хвалынской культуры, поскольку на поселении Утюж I при раскопках 2011 г. зафиксирована более поздняя стратиграфическая позиция ямочно-гребенчатой керамики по отношению к древностям хвалынской культуры. Подобный факт ранее отмечался и на поселении Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995). К тому же наиболее вероятным временем появления хвалынского населения на Средней Суре является начало IV тыс. до н.э. (по некалиброванной радиоуглеродной шкале), поскольку последующий период характеризуется более высокой увлажненностью климата, приведшей к смещению на юг лесных биотопов, что, конечно, не способствовало миграциям на Суру населения, хозяйственно-культурный тип которого был связан с освоением луговых и остепненных пространств.

Достаточно сложен вопрос о взаимодействии населения культуры ямочно-гребенчатой керамики с носителями «воротничковых» древностей, влияние которых находит отражение только в керамике и совсем не прослеживается в кремневом инвентаре, что, видимо, свидетельствует об ограниченном объеме подобных контактов.

Поднимая вопрос о финале примокшанских древностей ямочно-гребенчатой керамики, С.А. Кондратьев отмечает, что на данной территории их носители продолжали бытовать вплоть до четвертой четверти IV тыс. до н.э., когда сюда проникают представители среднестоговской

культуры. Однако, судя по радиоуглеродным датам, на территории Верхнего Примокшанья нет памятников с ямочно-гребенчатой керамикой древнее, чем первая четверть IV тыс. до н. э., когда их сменяют здесь носители гребенчатой керамики. А на территорию Среднего Примокшанья среднестоговские племена, по всей видимости, не проникают, поскольку ни одного среднестоговского местонахождения керамики здесь не известно. Следовательно, на этой территории имело место развитие прежних культурных традиций, которые впоследствии, видимо, трансформируются в волосовские.

Вероятно, более существенное влияние продвижение среднестогов-

ских и алтатинских (алексеевских) энеолитических племен оказало на население Посурья, поскольку здесь обширные коридоры степной растительности уходят по правобережью р. Суры далеко на север, вплоть до бассейна р. Теши. О том, что подобная ландшафтная ситуация имела место и в более раннее время, свидетельствует присутствие здесь почв черноземного типа, что способствовало миграциям в Посурье степного энеолитического населения. Следы данных миграций нашли отражение в керамике и каменном инвентаре присурского населения, которые и предопределили своеобразие местной культуры энеолитического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья: сб. научных статей. – Самара, 1995. – С. 136–163.
2. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: СамГПУ, 2008. – 490 с.
3. Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Изв. Самарского научного центра РАН. – 2009. – Том 11, № 6 (32). – С. 282–284.
4. Выборнов А.А., Кондратьев С.А. К вопросу о соотношении гребенчатого и ямочно-гребенчатого комплексов в Примокшанье // Изв. Самарского научного центра РАН. – 2010. – Том 12, № 2 (34). – С. 252–255.
5. Выборнов А.А., Третьяков В.П. Стоянка Имерка 3 на реке Вад // Древности Среднего Поволжья. (АЭМК. Вып. 13). – Йошкар-Ола, 1987. – С. 55–68.
6. Кондратьев С.А. О своеобразии ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том 1. – Пенза, 2008. – С. 136–147.
7. Кондратьев С.А. Сравнительный анализ ямочно-гребенчатой керамики восточной и западной частей Среднего Поволжья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4. – Липецк, 2009а. – С. 29–37.
8. Кондратьев С.А. Новые данные по хронологии ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной. – СПб., 2009б. – С. 162–164.
9. Кондратьев С.А. Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011. – 24 с.

10. Никитин В.В. Каменный век Марийского Поволжья. (Тр. МАЭ. Т. IV). – Йошкар-Ола, 1996. – 180 с.

11. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. – Пенза, 1999. – 196 с.

12. Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 46 с.

13. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. – Л.: Наука, 1972. – 136 с.

14. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, профессор, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

DISCUSSION OF THE STUDY OF THE MONUMENTS MIDDLE VOLGAS COMB-CERAMICS

V.V. Stavitsky

A number of issues concerning the origin and chronology of the Neolithic Pit-Comb Ware culture monuments, as well as their correlation with those referring to other cultures are tackled in the article. The spread of pit-combed pottery bearers as a result of their eastward migration from the territory of the Volga-Oka river interfluvium seems most likely. Still, the problem of correspondence between radiocarbon dating and stratigraphy data from the Neolithic sites located in the Volga region has not lost actuality. The results of radiocarbon dating show that in the middle reaches of the Sura river pit-comb ware cultures had preceded the combed pottery sites, which requires a revision of the issues of their synchronization based on typological data. In the forest-steppe zone, the sequence of ceramic traditions development could probably differ from that prevalent in the territories located further north.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Sura river region, the Neolithic, pit-combed pottery, radiocarbon dating, typology, stratigraphy.

REFERENCES

1. Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 136–163 (in Russian).

2. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

3. Vybornov, A. A., Kondrat'ev, S. A. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 11 (6 (32)), 282–284 (in Russian).

4. Vybornov, A. A., Kondrat'ev, S. A. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 12 (2 (34)), 252–255 (in Russian).

5. Vybornov, A. A., Tret'iakov, V. P. 1987. In *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola, 55–68 (in Russian).
6. Kondrat'ev, S. A. 2008. In Stavitskii, V. V. (ed.). *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone) 2 (1)*. Penza: Penza State Museum of Local Studies, 136–147 (in Russian).
7. Kondrat'ev, S. A. 2009. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers) 4*. Lipetsk, 29–37 (in Russian).
8. Kondrat'ev, S. A. 2009. In Vasil'ev, S. A. (ed.). *Vzaimodeistvie i khronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoi Evropy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu N. N. Gurinoi (Mesolithic and Neolithic Cultures of Eastern Europe: Interaction and Chronology. Abstracts of the International Conference, Dedicated to the Centennial of the Professor Nina N. Gurina)*. Saint Petersburg: Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 162–164.
9. Kondrat'ev, S. A. 2011. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki Srednego Povolzh'ia (Dotted-and-Combed Ware Culture in the Middle Volga Area)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
10. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).
11. Stavitskii, V. V. 1999. *(Stone Age of the Moksha and Upper Sura Basins)*. Penza: Penza State United Museum of Local Studies (in Russian).
12. Stavitskii, V. V. 2006. *Neolit, eneolit i rannii bronzovyi vek Sursko-Okskogo mezhdurech'ia i Verkhnego Prikhoper'ia: dinamika vzaimodeistviia kul'tur severa i iuga v lesostepnoi zone (Neolithic, Chalcolithic and Early Bronze Age in the Sura and Oka Interfluves Area and in the Upper Koper River Basin: evolution of the North-South cultural interactions in the forest-steppe belt)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).
13. Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose evropeiskoi chasti SSSR (Dotted-and-Combed Ware Culture in the Forest Belt of the European Part of the USSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

О НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ И ВРЕМЕНИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ¹

© 2013 г. И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

В статье представлены результаты типологического, технико-технологического и радиоуглеродного анализов неолитической керамики культур Нижнего Прикамья. Исследование было проведено с целью уточнить ряд вопросов о соотношении и характере взаимодействий носителей различных культурных традиций. Определены характерные отличительные признаки посуды камской и волго-камской культур, прослежены их специфические особенности на разных этапах развития. Была скорректирована абсолютная хронология всех периодов каждой культуры, доказана их синхронность на определенных фазах. Получены достоверные данные о взаимодействии носителей камской и волго-камской культур на территории Прикамья.

Ключевые слова: археология, Прикамье, неолит, керамика, радиоуглеродный анализ, технико-технологический анализ, камская культура, волго-камская культура, культурная традиция, хронология.

Среди многочисленных аспектов изучения неолита и эпохи раннего металла Волго-Камья, которым Р.С. Габышев посвятил свои исследования, вопрос о соотношении комплексов с накольчатой и гребенчатой керамикой Нижнего Прикамья занимает особое место. Поэтому в предлагаемой статье представлены результаты комплексного изучения неолитической керамики Нижнего Прикамья, предпринятого нами с целью определения механизмов и времени появления древнейших гончарных традиций, а также ареалов их распространения в Поволжье.

Нижнее Прикамье, как часть этого большого региона, не было изолировано от общих процессов неолитизации Поволжья, хотя имело свою специфику. Его географическое расположение своеобразно: южнее простирается северная периферия лесостепных про-

странств, где в неолите располагались памятники средневолжской культуры; севернее подступает южная граница хвойных лесов, в которых преобладают стоянки камской культуры; на востоке он ограничен устьем р. Белая и соприкасается со Средним Прикамьем; западная граница фиксируется впадением р. Камы в р. Волгу. Такое удобное географическое расположение давало возможность неолитическому населению Нижнего Прикамья осуществлять культурные контакты во всех направлениях. В ходе исследования неолитических памятников этого региона археологические следы взаимодействия и культурных контактов были неоднократно зафиксированы. Однако точки зрения исследователей на время и характер этих взаимодействий различны.

А.Х. Халиков рассматривал памятники, на которых представлена кера-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 10-01-00393а и проект «Волжские земли в истории и культуре России» № 13-11-63005 /а.

мика с накольчатой орнаментацией, и стоянки, где доминирует посуда, украшенная гребенчатым штампом, в рамках одной волго-камской культуры. Первые он считал более ранними, а вторые, по его мнению, складывались на их основе (Халиков, 1969; 1973).

О.Н. Бадер (Бадер, 1970; 1973), а вслед за ним и другие специалисты (Третьяков, 1972; Габяшев, 1976; Выборнов, 1976; Калинина, 1979) относили гребенчатые и накольчатые керамические комплексы к разным культурам, доказывали одновременность стоянок, на которых была представлена керамика с разной системой орнаментации: на позднем (Калинина, 1984), развитом (Габяшев, 1978; 2003) и даже на раннем (Выборнов, 1986) этапах развития местного неолита.

Следует признать, что обе гипотезы, помимо сильных сторон, имели и определенные недостатки. Например, синхронность накольчатых и гребенчатых комплексов в ранний период неолита предполагалась на основе обнаружения керамики обоих типов на таких стоянках, как II Щербетская и Кабы-Копрынская (Третьяков, 1990; Выборнов, 1986). Но в данном случае это могло быть и результатом механического смешения разновременных материалов. Не могли стать строгим доказательством и находки разнотипной посуды в жилище II Лебединской стоянки. Отсутствие радиоуглеродных дат для неолитических памятников Прикамья усложняло ситуацию (Выборнов, Мамонов, 2007). Не сложилось общей позиции и по определению характера взаимоотношений групп населения с разными керамическими традициями. Одни исследователи трактовали их как эпизодические контакты в пограничных зонах,

другие видели причину образования гибридной керамики не в территориальном соприкосновении, а в их социальном взаимодействии (Калинина, 1993). Однако проработать этот вопрос лишь на типологическом уровне было не всегда возможно. Очевидно, что вопрос об их соотношении может решаться не столько на уровне типологии, сколько с помощью технологического анализа и прямого радиоуглеродного датирования фрагментов разного облика. Аналогичная ситуация сложилась и с периодизацией памятников камской культуры Нижнего Прикамья. Одни исследователи относили стоянки русско-азийского типа к левшинскому этапу (Габяшев, 1978), а другие – к более позднему времени (Выборнов, 1984; Калинина, 1993). Опираясь на археологические критерии, исследователи предполагали, что поздний этап мог датироваться второй половиной IV тыс. до н.э., развитый этап – первой половиной – серединой этого тысячелетия, а ранний этап мог начинаться в V тыс. до н.э. (Васильев, Выборнов, 1993).

За последние годы была проведена активная работа по радиоуглеродному датированию неолитических памятников Нижнего Прикамья. Учитывая отсутствие органических веществ в культурных слоях стоянок этого региона, была использована методика анализа по органике в самой керамике (Ковалюх, Скрипкин, 2007). Понимая все недостатки новой методики, исследователи ставили перед собой задачу получить хотя бы предварительные данные о времени существования стоянок с накольчатой и с гребенчатой посудой, т.к. существовала насущная необходимость определить ориентировочные хронологические рам-

ки этих культур и конкретизировать временные отрезки сосуществования данных культурных комплексов. В ходе проведения этих работ были получены определенные результаты (Выборнов, Габяшев, Галимова, Денисов, Ковалюх, Лычагина, Мельничук, Скрипкин, 2008). Учитывая подобную работу, проведенную по неолитическим материалам с культурно близкими комплексами Камско-Вятского междуречья и приведшую к результатам, аналогичным Прикамью в целом (Выборнов, Гусенцова, Ковалюх, Николаев, Скрипкин, 2008), можно считать выборку полученных радиоуглеродных дат по керамике вполне презентативной.

В данной статье представлены результаты изучения неолитической керамики Нижнего Прикамья, проведенного с применением новых методик и комплексного исследовательского подхода, ранее не привлекавшегося к решению указанных проблем.

Во-первых, из-за невозможности продатировать каждый сосуд из коллекций неолитических памятников, осуществлена более детальная группировка керамики: разделение ее на культурно-хронологические группы на основе различий в технике ornamentации и особенностях формы сосудов, отдельные сосуды из которых затем были подвергнуты радиоуглеродному датированию. Дело в том, что даже на таких опорных памятниках, как II Щербетская стоянка, которую исследователи относят к памятникам с накольчатой керамикой, имеется несколько разновидностей посуды. В коллекции данного памятника представлены следующие группы керамики: тонкостенные сосуды профилированной формы без орна-

мента; тонкостенные прямостенные и плоскодонные сосуды лишь с рядом ямок под венчиком; тонкостенная посуда с мелкими треугольными наколами, нанесенными в технике отступаения; фрагменты керамики со стенками средней толщины, орнаментированные крупными насечками; стенки сосудов средней толщины с наколами подквадратной формы в разреженной манере; толстостенные фрагменты, украшенные коротким зубчатым или длинным гребенчатым штампом (Выборнов, 2008).

Во-вторых, применение методики радиоуглеродного датирования керамики позволило установить более точные хронологические границы бытования разных керамических комплексов и групп. При этом учитывались результаты многолетних изысканий наших предшественников по типологии, направленные на выделение определенных этапов развития культур Прикамья. Нами было предпринято получение серии новых радиоуглеродных дат, сделанных в основном по образцам керамики конкретных культурно-хронологических групп, а также и по другим материалам в разных радиоуглеродных лабораториях. В большинстве случаев даты керамики подтвердили разработанную к настоящему времени общую периодизацию камской культуры. Во-первых, подтвердилось выделение ее раннего этапа (Выборнов, 1984; 1992). По четырем стоянкам раннего этапа бытования гребенчатой керамики в Прикамье было получено шесть дат в рамках от 6300 до 6000 лет ВР. Предположение о существовании наиболее архаичных памятников с гребенчатой керамикой уже в последней четверти V тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2008)

стало достаточно обоснованным. С целью верификации полученных данных в лаборатории университета г. Уппсала на АМС была получена дата по нагару с сосуда из стоянки Зиярат – 6323 ВР. Она подтвердила даты, полученные по органике в керамике данного памятника сцинцилляционным методом в лаборатории г. Киева. Во-вторых, по 12 стоянкам развитого (хуторского) этапа получено 17 дат в интервале от 5900 до 5600 лет назад. В-третьих, по накольчатой керамике ряда памятников Нижнего Прикамья получена серия дат в рамках 6700–6100 лет назад. Она позволяет более достоверно предполагать определенную хронологическую синхронность ранних стоянок с гребенчатой и накольчатой керамикой в интересующем регионе, по крайней мере, в интервале 6300–6000 лет ВР.

Однако и это установленное хронологическое соотношение не может служить достоверным доказательством взаимодействия групп населения, оставивших разные керамические комплексы. Существуют определенные типологические различия неолитической керамики с гребенчатой орнаментацией на развитом этапе камской культуры в разных районах Прикамья. Так, на Хуторской стоянке Верхнего Прикамья преобладают сосуды закрытой формы, а на II Лебединской стоянке в Нижнем Прикамье доминируют прямостенные сосуды. На первой значителен процент наплывов на внутренней стороне венчиков, а на второй они не превышают и трети от всех сосудов. В то же время на нижнекамской посуде представлен ряд ямочных вдавлений под срезом венчика. Кроме того, в данном регионе значителен процент относительно

тонкостенных фрагментов, а также высока доля сосудов, на которых орнаментальное поле имеет разреженность. На лебединской посуде вдвое меньше процент шагающей гребенки, чем на керамике Хуторской стоянки. Вот далеко не полный перечень различий между керамическими «гребенчатыми» комплексами, распространенными на территории двух соседних регионов – Верхнего и Нижнего Прикамья. В то же время следует отметить, что перечисленные особенности гребенчатой посуды Нижнего Прикамья сближают ее с посудой средневожской лесостепной культуры. Однако для получения более конкретных результатов большую эффективность может дать технико-технологический анализ керамики всех групп неолитической посуды.

В-третьих, произведено микроскопическое исследование и сравнительный анализ керамики по методике А.А.Бобринского с целью определения культурных традиций в гончарстве разных неолитических коллективов Нижнего Прикамья, их общих черт и различий.

Ниже представлены результаты проведенного исследования.

М О Р Ф О Л О Г И Ч Е С К А Я ГРУППИРОВКА КЕРАМИКИ:

1. Керамический комплекс с гребенчатым орнаментом.

Разделение керамики гребенчатого комплекса (камской культуры) на хронологические группы производилось на основе морфологических особенностей.

К ранней группе отнесены небольшие (диаметром до 20 см и высотой не более 30 см), прямостенные или чуть прикрытые круглодонные сосуды, в основном тонкостенные (0,7–

0,9 см), полностью орнаментированные мелким гребенчатым штампом. Количество композиций невелико, схемы узоров просты, при этом отсутствует шагающая гребенка (Выборнов, Крижевская, 1988) (рис. 3: 1–5).

Группа керамики развитого (хуторского) этапа включает более крупные и толстостенные (0,9–1,2 см) круглодонные сосуды закрытой формы с наплывом на внутренней стороне венчика, орнаментированные среднезубчатым штампом. Орнаментальные композиции более многочисленные и разнообразные. Большое место среди них занимает «шагающая гребенка» (Выборнов, 1988) (рис. 2: 8–11).

К группе керамики позднего (левшинского) этапа относятся профилированные и прямостенные округлодонные сосуды с редкими напльвами на венчиках, орнаментированные средним и крупным гребенчатым штампом, на сосудах появляются незаполненные пространства. Количество узоров сокращается (Выборнов, 1993) (рис. 3: 7–12). Учитывая, что даты развитого этапа относятся к первой половине IV тыс. до н.э., а наиболее ранние энеолитические комплексы красномостовского и новоильинского типов датируются 5200 лет ВР, то наиболее вероятным интервалом бытования позднеолитических памятников можно предполагать третью четверть IV тыс. до н.э. Это подтверждается и серией радиоуглеродных дат по органике в керамике целого ряда памятников Нижнего Прикамья, содержащих посуду воротничкового типа (Выборнов, 2008).

2. Керамический комплекс без орнамента, с накольчатым орнаментом и гладким штампом (насечками) (волгокамская культура).

К данному комплексу отнесены плоскодонные, прямостенные или закрытые баночные сосуды некрупных размеров, тонкостенные (0,4–0,8 см), с хорошо заглаженной и подлощенной поверхностью. Под овальными или плоскими срезами венчиков у двух третей сосудов имеется горизонтальный ряд ямочных вдавлений с наружной или внутренней стороны (рис. 1: 1, 3, 4; 2: 1–2). Часть сосудов совсем лишена орнамента (рис. 1: 2). Более 80% сосудов украшено наколами треугольной (преимущественно), овальной и подквадратной формы в отступающей технике (рис. 1: 4–5; 2: 1–6). Композиции представлены наклонными, горизонтальными или волнистыми рядами, порой поставленными под углом друг к другу. Фрагменты с «ногтевидными» насечками, занимающие подчиненное место, по внешнему облику не отличаются от вышеописанной посуды (рис. 1: 6–7; 2: 12).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ:

Исследование неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья осуществлялось по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978; 1999).

Микроскопическому изучению было подвергнуто 195 образцов (фрагментов верхних и донных частей, а также стенок сосудов) из коллекций 6 неолитических стоянок Нижнего Прикамья: I Лебединской, II Лебединской, IV Тетюшской, II Щербетской, VI-а Балахчинской, Черки-Кильдуразы. Из них к группе керамики с гребенчатым орнаментом относится 78 образцов, к не орнаментированной – 38 образцов, к накольчатой – 45 образцов, к группе керамики с насечками – 34 образца. Кроме того, было учтено 6 образцов

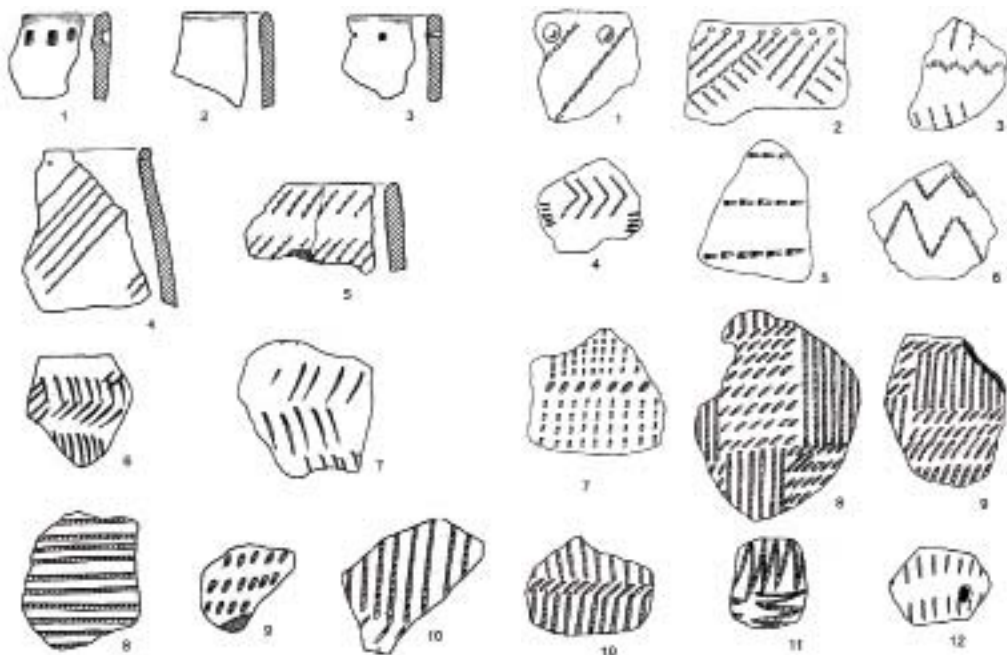

Рис. 1. Керамика II Щербетской стоянки.
1–3 – неорнаментированная;
4–5 – накольчатая; 6–7 – с насечками;
8–10 – гребенчатая.

Рис. 2. Керамика IV Тетюшской
и II Лебединской стоянок.
1–6 – накольчатая; 7 – гребенчатая;
8–11 – гребенчатая; 12 – с насечками.

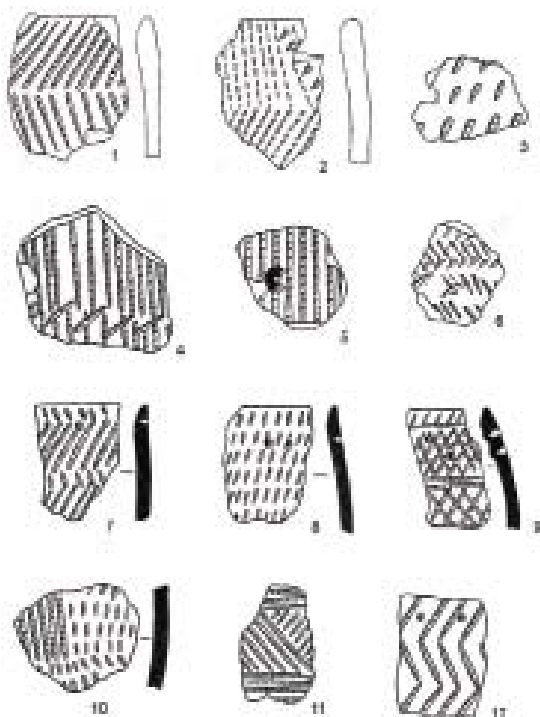

Рис. 3. Керамика стоянки
Зиарат и Va Балахчинской.
1–5 – гребенчатая;
6 – накольчатая;
7–12 – гребенчатая.

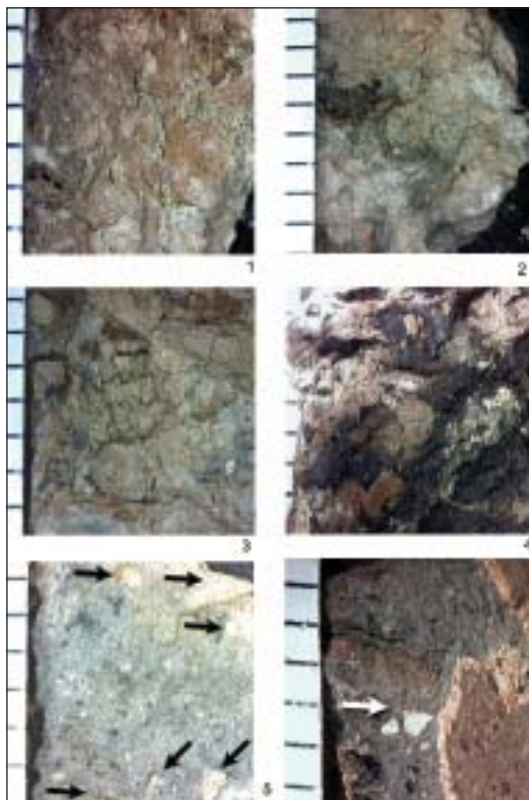
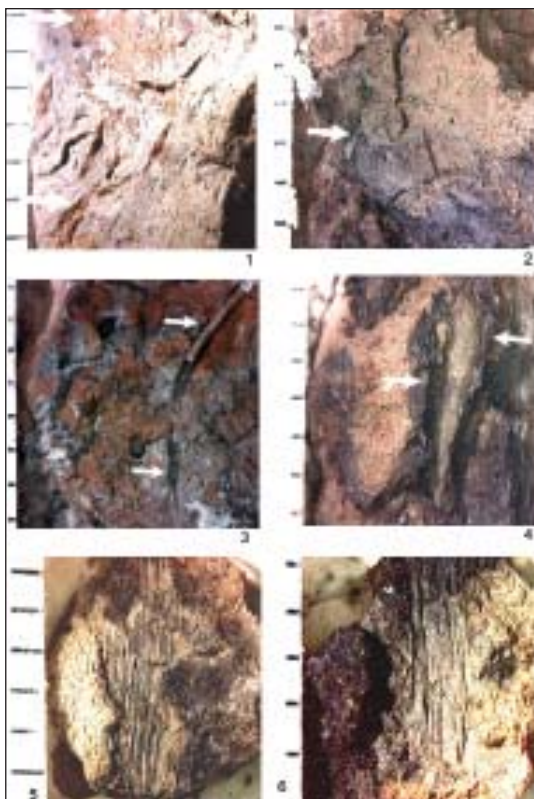

Рис. 4. Микрофотосъемка исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики Нижнего Прикамья.

1–4 – пластичное сырье в дробленном состоянии, формовочные массы с большой концентрацией шамота и органического раствора в керамике с гребенчатым орнаментом (1–2 – Зиарат; 3 – Лебедино I; 4 – Балахчинская стоянка);
5–6 – сырье в естественно увлажненном состоянии, формовочные массы с небольшой концентрацией шамота и органического раствора в керамике с накольчатым орнаментом (II Щербетская стоянка).

Рис. 5. Микрофотосъемка исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики Нижнего Прикамья.

1 – органический раствор (Балахчинская стоянка); 2 – отпечаток чешуи рыбы (Лебедино II); 3 – кость рыбы (Лебедино II); 4–6 – отпечатки растительности как естественной примеси илстых глин (4 – Балахчинская стоянка; 5–6 – IV Тетюшская стоянка).

керамики раннего этапа камской культуры из слоя стоянки Зиарат.

В ходе микроскопического изучения выделение информации производилось в рамках этих морфологических групп керамики по стадиям и ступеням структуры гончарной технологии (Бобринский, 1999, с. 9–11). Следует отметить неравномерность полученной информации: наиболее подробные сведения получены о трудовых навыках подготовительной и закрепительной стадий, а данные конструированию сосудов очень неполные и общие. Основной причиной этого являются объективные обстоятельства: практически полное отсутствие развалов сосудов и сильная измельченность керамического материала, предложенного для технико-технологического анализа. Изложение результатов исследования в данной статье построено также в соответствии с естественной структурой гончарных производств.

Стадия I – подготовительная:

ступень 1 – отбор исходного сырья;

ступень 2 – добыча исходного сырья;

ступень 3 – обработка исходного сырья;

ступень 4 – составление формовочной массы.

Стадия II – созидательная:

ступень 5 – конструирование начала сосуда;

ступень 6 – конструирование его полого тела;

ступень 7 – придание сосуду формы;

ступень 8 – механическая обработка поверхностей.

Стадия III – закрепительная:

ступень 9 – придание прочности сосуду;

ступень 10 – устранение влагопроницаемости его стенок.

Необязательные ступени производства:

ступень 11 – конструирование служебных скульптурных частей емкостей (в изучаемом гончарном производстве отсутствовала);

ступень 12 – орнаментация сосудов.

Ниже представлена характеристика навыков труда неолитических гончаров Нижнего Прикамья, которые были реконструированы на основании изучения следов работы с помощью микроскопического исследования и сравнения археологической керамики с эталонными сериями.

I. ГРУППА КЕРАМИКИ С ГРЕБЕНЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ (84 обр.)

1. Подготовительная стадия. Исходным пластичным сырьем (ИПС) называются природные материалы, которые могли применяться в качестве самостоятельного пластичного сырья для изготовления посуды (Бобринский, 1999, с. 17). Исследование нео-энеолитической гончарной технологии Поволжья и сопредельных регионов, а также проведение экспериментальных работ позволили выделить 3 вида ИПС, использовавшегося в производстве древнейшей керамики региона: *илы, илестые глины и глины* (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; Васильева, 2006; Васильева, 2011). Микроскопический анализ неолитической керамики Нижнего Прикамья позволил выявить два вида ИПС: *илестые глины и глины*. К *илестым глинам* отнесено сырье, в котором редко, но встречаются мелкие углефицированные обрывки растительных тканей (детрит менее 1 мм), отпечатки нитевидных растений (водо-

рослей), отдельные включения чешуи и костей рыбы. Единично встречены разрушенные обломки раковин пресноводных моллюсков (менее 1 мм). Во втором виде ИПС (глинах) выше обозначенные признаки близости сырья к водоемам полностью отсутствуют.

На уровне подвидов глины и илистые глины разделяются на «тощие» и «жирные». Поскольку эти свойства пластичного сырья оказывают большое влияние на последующие этапы работы гончаров (лепку, сушку сосудов и их обжиг), то каждый подвид сырья требовал выработки особых навыков работы с ним. Очевидно, что отбор того или другого подвида ИПС имел устойчивый характер и был связан с определенными культурными традициями. При изучении прикамской неолитической керамики были выделены два подвида ИПС: «жирные» (незапесоченные и слабоzapесоченные) и «тощие» (среднеzapесо-

ченные и сильноzapесоченные). Все глины были ожелезненными.

Среди способов обработки исходного пластичного сырья выявлены два: 1) дробление ИПС в сухом виде (фиксируется по наличию в формовочной массе не растворившихся до конца комочков сухой глины, а также линз и вытянутых слоев чистой глины); 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии (при отсутствии признаков его дробления).

В целом навыки труда неолитических гончаров на подготовительной стадии фиксируются на следующих уровнях:

1. *Виды ИПС*: ИГ – илистые глины (рис. 5: 4–6) и Г – глины (рис. 4: 1–4). Данный уровень характеризует общие представления групп населения о сырье для изготовления бытовой посуды.

2. Виды ИПС подразделяются на *подвиды*: «жирные» и «тощие», отражающие культурные традиции отбора сырья.

Таблица 1

Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики Нижнего Прикамья с гребенчатым орнаментом

Памятники, абсолютные даты (некалиброван.)	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
<i>ранний этап</i>									
1. Зиарат 6110±80BP						6			6
<i>хуторской этап</i>									
2. I Лебединская	11	3	1	–	2	2	1		20
3. II Лебединская 5670±100BP	3	1	–	–	–	3	–	–	7
4. IV Тетюшская	1	–	1	–	–	–	–	–	2

5. II Щербетская	5	–	–	–	–	5	2	–	12
ВСЕГО:	20	4	2	–	2	10	3	–	41
	26/63%				15/37%				
<i>левшинский этап</i>									
6. VI-а Балахчинская	9	22	–	–	–	–	–	–	31
7. Черки-Кильдуразы 5660±80BP	4	–	2	–	–	–	–	–	6
ВСЕГО:	13	22	2	–	–	–	–	–	37
	37/100%				–				

Сокращения: увл. – увлажненное состояние ИПС; др.с/с – дробление ИПС в сухом состоянии. Ед. измерения – изученный образец.

3. *Навыки подготовки сырья.* Выделяются два способа: дробление ИПС в сухом состоянии (рис. 4: 1–4) и использование естественно увлажненного сырья (рис. 4: 5–6).

Сравнительный анализ данных о навыках отбора и обработки пластичного сырья гребенчатой керамики Нижнего Прикамья разных хронологических периодов выявил следующие особенности:

Для характеристики самого раннего этапа бытования керамики с гребенчатым орнаментом была использована информация по технологии изготовления керамики стоянки Зиарат, расположенной на пограничной территории. В ходе изучения керамики данной стоянки были выявлены такие устойчивые культурные традиции в производстве ранней гребенчатой керамики Прикамья: 1) массовое распространение взглядов на глину как сырье для производства бытовой посуды; 2) использование только жирных ожелезненных глин; 3) дробление сырья в сухом виде и применение сухих смесей (Васильева, Выборнов, 2012а). Можно констатировать, что именно эти гончарные традиции были

изначально свойственны населению Прикамья, изготавливавшего посуду с гребенчатым орнаментом.

На хуторском этапе в гончарных производствах населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом, наблюдается очевидное преобладание *илистых глин* в общем объеме ИПС (63%). При этом отбирались в основном жирные илистые глины (92%)². Преобладающая часть их использовалась в увлажненном состоянии (77%), но существовали также приемы дробления илистых глин в сухом состоянии (23%). Доля глин в общем объеме ИПС составляла 37%. Из них 80% – жирные, которые в основном дробились в сухом состоянии (83% от общего числа жирных глин). Данные взгляды на пластичное сырье

² Далее в тексте используются результаты подсчета данных в процентах, не указанные в таблицах, т.к. они значительно бы их усложнили. Подсчет процентов производился: в случае определения доли видов ИПС – от общего количества образцов керамики конкретного этапа и комплекса, в случае определения доли жирного и тощего сырья и приемов дробления – от количества изученных сосудов, изготовленных из данного вида ИПС.

и приемы его обработки указывают на преемственность с ранним этапом бытования гребенчатой посуды Прикамья (Зиарат). Основываясь на результатах исследования более ранних южных ареалов неолитического гончарства Поволжья, можно предполагать, что распространение представлений об илестых глинах как сырье для изготовления бытовой посуды, приемов использования сырья в увлажненном состоянии без дробления и его запесоченных подвидов было связано именно с ними (Васильева, 2006). При этом следует отметить, что если для елшанского гончарства был характерен отбор запесоченных илестых глин, то в производстве керамики с накольчатым орнаментом средневожской культуры использовались оба подвида илестых глин: жирные и тощие.

Если перейти от усредненных данных по всем памятникам хуторского этапа Нижнего Прикамья к отдельным стоянкам, то картина становится более разнообразной: из глин изготовлено 43% всех изученных сосудов стоянки II Лебединская и 58% сосудов II Щербетской стоянки, но всего 25% сосудов стоянки I Лебединская. Представляется, что за этими различными количественными данными стоят конкретно-исторические причины: степень интенсивности культурных контактов или хронологическое положение памятников. Учитывая же усредненные данные и сравнивая их с подобными по Среднему и Верхнему Прикамью, где процент использования илестых глин для изготовления керамики хуторского этапа составлял всего 29%, можно сделать вывод о значительно большем распространении южных традиций в неолитическом гончарстве Нижнего Прикамья на

развитом этапе, чем у более северных коллективов (Васильева, Выборнов, 2012а). Это могло быть результатом более тесных и интенсивных контактов нижекамского населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом, с южным средневожским неолитическим населением.

Гончарные традиции неолитического населения Нижнего Прикамья на левшинском этапе были исследованы по материалам двух стоянок: VI-а Балахчинской и Черки-Кильдуразы. Было зафиксировано 100-процентное распространение взглядов на илестые глины как сырье. Для изготовления сосудов VI-а Балахчинской стоянки использовались только жирные (в основном высокопластичные) илестые глины. Большая их часть дробилась в сухом состоянии (71%). Следы дробления проявились в наличии нерастворившихся комочков глины размером до 1 см, а также линз и потеков глинистой массы без песка. Сосуды стоянки Черки-Кильдуразы сделаны из жирных (67%) и тощих (33%) илестых глин, которые использовались в естественно увлажненном состоянии без дробления. Возможно, расширение источниковой базы внесет какие-то изменения в наши представления о гончарстве этого хронологического этапа. Пока на основании полученных данных можно констатировать очевидное смешение гончарных традиций, проявившееся в преобладании отбора илестых глин и вместе с тем нехарактерного для более южного средневожского неолитического гончарства приема их дробления. Обращает на себя внимание отсутствие сосудов, изготовленных в соответствии с ранними культурными традициями (Зиарат), т.е. из дробленых в сухом состоянии

жирных глин. Можно констатировать полную смену представлений населения с гребенчатой посудой о сырье: вместо глин стали использоваться илистые глины, но прием их подготовки путем дробления оставался прежним. Представления о пластичном сырье относятся к субстратным навыкам труда в гончарстве, полное перерождение которых способно было произойти в условиях смешения в течение жизни не менее 5–6 поколений гончаров, причем, если каждое новое поколение вступало в контакт с носителями иных технологических традиций изготовления керамики (Бобринский, 1978, с. 244). Полученные результаты указывают на длительный процесс смешения населения, изготавливавшего гребенчатую прикамскую керамику, с инокультурными коллективами, вероятнее всего, средневожскими неолитическими группами населения.

На ступени подготовки формовочных масс (ФМ) изучаются рецепты ФМ, включавшие ИПС и искусственные добавки: 1) *шамот* (порошкообразная минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов); 2) *органические растворы* (различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения) (Бобринский, Васильева, 1998, с. 212; Бобринский, 1999, с. 85).

Проведенное ранее исследование неолитической керамики Верхнего и Среднего Прикамья выявило принципиальное значение информации о приемах составления ФМ на уровне концентрации и размерности шамота. Для ранних традиций изготовления керамики с гребенчатым орнаментом было характерным составлять формовочные массы из сухих порошков: раздробленных в сухом виде глин и

шамота крупного размера (3–5 см) в большой концентрации (1:2; 1:3). Эта смесь пропитывалась значительным количеством органического раствора, в ходе чего производилось своего рода склеивание сухой смеси (рис. 4: 1–4). В таблицу 2 были включены все перечисленные позиции: рецепт, концентрация шамота и размерность этой примеси. Концентрация минеральной примеси подсчитывалась по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1999, с. 38). В таблице 2 приняты следующие обозначения: Ш 1/1-3, что означает шамот в концентрации 1:1–3, т.е. на 1–3 части глины – 1 часть шамота; или Ш 1/4: т.е. на 4 части глины – 1 часть шамота и т.д. В изучаемом гончарстве использовался некалиброванный шамот, поэтому в таблице указаны наиболее крупные размеры зерен шамота, прослеженные в черепке: 2 и 3–5 мм. По существу были зафиксированы две традиции добавки в ФМ: 1) более мелкой фракции шамота, наиболее крупные частицы которого достигали 2 мм (остальные в изучаемом черепке были меньше) (рис. 4: 5–6); 2) более крупной фракции с зёрнами шамота, достигающими 3–5 мм (остальная часть включений шамота в этой фракции также была меньше этих крайних значений). Шамот был представлен разноцветными остроугольными включениями. Следует отметить, что в крупных частицах шамота довольно часто встречались включения же шамота, т.е. старые раздробленные сосуды также были сделаны из масс с шамотом. Эти данные свидетельствуют о большой устойчивости в прикамском гончарстве традиции составления ФМ с шамотом. *Органические растворы* фиксировались по присутствию в черепке керамики плоскостных и аморфных

Таблица 2

Результаты изучения формовочных масс (ФМ) группы керамики с гребенчатым орнаментом

Памятники Абс. даты (некалибр.)	Формовочные массы с шамотом и органическим раствором							Итого:
	Шамот в концентрации:							
	1:1–3		1:4		1:5		Ед.	
	Ш<2 мм	Ш<3– 5 мм	Ш<2 мм	Ш<3– 5 мм	Ш<2 мм	Ш<3– 5 мм	Ш<2 мм	
<i>Ранний этап</i>								
1. Зиарат: 6110±80	2	4						6
<i>Развитый (хуторской) этап</i>								
2. I Лебедин- ская		6	2	6	6			20
3. II Лебедин- ская: 5670±100		4		3				7
4. IV Тетюш- ская				2				2
5. II Щербеть- ская	4	1	1	3	1	2		12
ВСЕГО:	4	11	3	14	7	2		41
	15/36%		17/42%		9/22%			100%
<i>Поздний (левишинский) этап</i>								
6. VI-а Балах- чинская		5	2	10	3	6	5	31
7. Черки- Кильдуразы: 5660±80 ВР		2	2		2			6
ВСЕГО:		7	4	10	5	6	5	37
	7/19%		14/38%		11/30%		5/13%	100%

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, 1: 3 – концентрация шамота (на 3 доли глины – 1 доля шамота); <3–5 мм: крупность частиц шамота – менее 3–5 мм. Единица измерения – изученный образец керамики. Абс. даты – абсолютные даты по керамике в некалиброванной системе.

пустот размером от 1 мм до 1 см (рис. 5: 1), а также налета и пленок определенной плотности и цвета по стенкам пустот и вокруг включений шамота и сухой глины. Стенки пустот покрыты веществом рыжевато-белого цвета или густым маслянистым, иногда матовым коричневатого-черным налетом. Наблю-

дались также следы пропитки этим веществом мелких пор на значительных участках излома черепка. Пустоты-полости были рассредоточены по всей толще черепка и не были связаны с проникновением нагара в поверхностные поры черепка. По мнению А.А. Бобринского, введение органиче-

ских растворов в формовочные массы во время замеса способствовало приданию керамике полезных свойств: вязкости, влагонепроницаемости, прочности (Бобринский, Васильева, 1998, с. 212; Бобринский, 1999, с. 85). Проведенные нами экспериментальные исследования позволяют предполагать использование в замесе формовочных масс вместе с водой рыбьего клея (?) или скорее желе, образовавшегося при варке рыбы.

Таким образом, в неолитическом гончарстве Нижнего Прикамья зафиксирована единственная традиция составления формовочных масс с шамотом и органическим раствором. Различия выявляются только на уровне рецептов ФМ (размерности шамота и его концентрации).

«Шамотная» традиция впервые появилась в раннеолитическом гончарстве Поволжья в рамках елшанской культуры (Васильева, 2011). Керамика елшанского типа с шамотом немногочисленна и встречена на нескольких стоянках, наиболее массово – в материалах Ивановской стоянки (Оренбургская обл.). В изготовлении ранних групп елшанской керамики преобладает рецепт, в котором доля шамота небольшая: 1:5, иногда 1:6 и менее. Шамот не калиброван, хотя его размеры в целом менее 2 мм. Он добавлялся в естественно увлажненное пластичное сырье (илистые глины). Нами было высказано предположение о том, что данная традиция имела скорее ритуальную, а не технологическую нагрузку. В позднелшанском керамическом комплексе процент посуды с шамотом увеличился, и появились рецепты, в которых концентрация шамота составляла 1:4, а его размеры достигали 3 мм, т.е. традиция

добавки в формовочную массу шамота приобрела технологический смысл. В средневожских производствах керамики с накольчатым орнаментом традиция изготовления посуды с шамотом также имела распространение. В ходе исследования была выявлена очевидная тенденция увеличения ее доли в общем объеме рецептов ФМ: с единичных показателей на раннем этапе до 54% в некоторых комплексах позднего этапа (Васильева, Выборнов, 2012, с. 10). Микроскопическое изучение технологии изготовления прикамской керамики с гребенчатым орнаментом выявило «шамотную» традицию, имевшую существенную качественную специфику. Крупный шамот (размером 3–5 мм) смешивался с раздробленной в сухом виде глиной в концентрации не менее 1:3, и эта смесь пропитывалась водой и органическим раствором. На современном этапе исследования пока невозможно выявить «корни» этой традиции, но можно предполагать, что они имели не местный (т.е. не поволжский) характер.

Рассматривая результаты микроскопического изучения рецептов формовочных масс керамики Нижнего Прикамья через призму вышеизложенных данных, можно сделать следующие выводы.

На раннем этапе (стоянка Зиарат) фиксируется 100-процентное распространение составления ФМ из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1:1, 1:2, 1:3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использования крупной фракции шамота (менее 3–5 мм) составляла 70%.

На хutorском этапе доля рецептов ФМ с большой концентрацией шамота

составляла всего 36%. Но существенно увеличилось количество сосудов, изготовленных из масс с концентрацией шамота 1:4 (42%), и среди них преобладали рецепты с крупным шамотом (82% от всех сосудов с концентрацией шамота 1:4). Эти рецепты обнаруживают связь с ранними гончарными традициями. Обращает на себя внимание появление традиции подготовки ФМ с добавкой шамота в концентрации 1:5 (22%), причем с преобладанием использования также более мелкого шамота (78% от всех рецептов с концентрацией шамота 1:5). Вполне вероятно связывать распространение данной традиции с влиянием южных средневожских гончарных традиций.

На левшинском этапе процент рецептов ФМ, в соответствии с которыми шамот вводился в концентрации 1:1–3, сократился до 19%. Рецепты с концентрацией шамота 1:4 также обнаружили тенденцию к уменьшению – 38%. Хотя доля использования крупного шамота в тех и других оставалась также высокой. Значительно повысился процент рецептов с меньшей концентрацией шамота 1:5 (30%) и появились сосуды, изготовленные с символической примесью шамота (13%). Причиной этих изменений в составе традиций изготовления посуды с гребенчатым орнаментом, по нашему мнению, несомненно, являлся процесс интенсивных культурных смещений с южными средневожскими группами населения.

2. *Созидательная стадия.* Как выше уже говорилось, информация о навыках труда на данной стадии крайне неполная. Очевидно, что вся керамика являлась продукцией домашних производств, т.е. она изготавливалась без применения гончарного круга.

Конструирование сосудов с гребенчатым орнаментом производилось лоскутным налепом, вероятнее всего, с помощью форм-моделей. Как показали экспериментальные работы, лепка сосудов из формовочных масс с таким количеством шамота и органического раствора способами скульптурной лепки на плоскости без использования форм-моделей крайне затруднительна. Однако прямых доказательств этого предположения к настоящему времени нет – последующее тщательное заглаживание и уплотнение поверхностей не оставило следов конкретных форм-моделей. О применении лоскутного налёпа свидетельствует зафиксированная в ряде случаев многослойность строительных элементов в продольном и поперечном изломах сосудов. В ряде случаев определены размеры лоскутков: 3 x 3 см, 0,8 x 2,5 см. Изучение керамики II Щербетской стоянки выявило использование спиралевидного наращивания лоскутков (1 сосуд) и прием многослойного размазывания порций ФМ (2 сосуда). Среди приемов конструирования керамики левшинского этапа зафиксированы признаки зонального наращивания сосуда в виде пальцевых отпечатков на коротких спаях между зонами. При сохранении лоскутного налёпа использовались более крупные строительные элементы длиной более 4 см.

Обработка поверхностей неолитических сосудов Нижнего Прикамья производилась путем простого влажного заглаживания и сплошного уплотнения-лощения. Заглаживание осуществлялось мягкими материалами (кожей?) и твердыми орудиями типа деревянных ножей и галек, сплошное уплотнение и лощение – отполированными гальками или

костью по высушенной, но смоченной перед данной операцией поверхности. Этому способу подвергались, как правило, внешние поверхности верхних частей сосудов. Хотя встречаются сосуды, у которых уплотнению были подвергнуты обе поверхности. Различия между способами обработки поверхностей сосудов хutorского и левшинского этапов не прослежены.

3. *Закрепительная стадия.* Навыки труда на данной стадии изучались по механической прочности и следам изменения первоначальной окрашенности поверхности и изломов сосудов под действием разных температур. Часть сосудов подвергалась костровому обжигу с низкотемпературным режимом и с кратковременным пребыванием в температурах каления (650–750°). Об этом свидетельствует низкая механическая прочность сосудов и трех-и-двухслойная окрашенность изломов сосудов, с темно-серой сердцевинной черепка. Менее половины изученных образцов имеют бурый слоистый или полностью светло-коричневый излом. Эти признаки указывают на более длительный временной отрезок пребывания сосудов в температурах каления. Учитывая присутствие в составе формовочных масс изученной керамики органических добавок, можно квалифицировать состояние представлений неолитического населения Нижнего Прикамья о термической обработке как частично сформированное (Бобринский, 1999, с. 102).

Перед тем как перейти к обобщению данных о технологии изготовления керамики с гребенчатой орнаментацией, необходимо остановиться на важном моменте, который, казалось бы, очевиден, но нуждается

в уточнении. Речь пойдет о гончарстве населения, в среде которого были распространены «гребенчатые» орнаментальные традиции, отражавшие культурную самоидентификацию этого населения, т.е. отдельные его группы, оставившие стоянки на разной территории в различные хронологические отрезки. Очевидно, что они осознавали свою культурную, а возможно, и родственную близость. Однако исследование их гончарной технологии выявило определенную неоднородность, вызванную смешением различных в культурном отношении групп неолитического населения.

По итогам изучения можно предполагать существование в Нижнем Прикамье в эпоху неолита двух групп родственного населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом. Для первой группы были свойственны несмешанные гончарные традиции, по-видимому, изначально присущие населению с «гребенчатой» керамикой, для второй – смешанные, появившиеся в Нижнем Прикамье в результате культурных контактов, следующим образом:

Несмешанные гончарные традиции:

– на подготовительной стадии:
1) взгляды на природные глины как пластичное сырье для производства бытовой посуды; 2) отбор жирного ожеженного пластичного сырья; 3) дробление ИПС в сухом состоянии; 4) применение в качестве искусственных примесей шамота и органического раствора (причем преобладали рецепты с шамотом и ОР в большой концентрации, использовался некалиброванный шамот, наиболее крупные частицы которого достигали 3–5 мм).

– на созидательной стадии: 1) распространение приемов лоскутного налепливания и применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

– на закрепительной стадии: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам, отражавших частично сформированное состояние взглядов на термическую обработку.

Смешанные гончарные традиции:

– на подготовительной стадии: 1) взгляды на илистые глины как пластичное сырье для производства бытовой посуды; 2) отбор жирного, реже тощего ожелезненного пластичного сырья; 3) дробление ИПС в сухом состоянии и использование в естественно увлажненном состоянии; 4) применение в качестве искусственных примесей шамота и органического раствора. Были распространены рецепты как с крупным шамотом (менее 3–5 мм) и ОР в большой концентрации, так и с более мелким шамотом (менее 2 мм) и ОР в меньшей концентрации.

– на созидательной стадии: 1) распространение приемов лоскутного налепливания и применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

– на закрепительной стадии: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам, отражавших частично сформированное состояние взглядов на термическую обработку.

На современном исследовательском уровне детализация причин, по которым образовывались те или иные смешанные традиции в неолитиче-

ском гончарстве Нижнего Прикамья, пока невозможна. Довольно четко прослеживается тенденция увеличения доли смешанных гончарных традиций от хуторского к левшинскому этапу, в результате чего к позднему этапу бытования на территории Нижнего Прикамья практически не осталось несмешанных неолитических производств гребенчатой керамики.

II. ГРУППЫ КЕРАМИКИ БЕЗ ОРНАМЕНТА, С НАКОЛЬЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ И ГЛАДКИМ ШТАМПОМ (НАСЕЧКАМИ) (117 обр.)

В разделе рассматриваются данные о технологии изготовления керамического комплекса Нижнего Прикамья с не-гребенчатым орнаментом. К нему отнесены группы керамики без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками.

1. *Подготовительная стадия.* Результаты изучения исходного пластичного сырья, приемов его отбора и подготовки в производствах керамики данных групп отражены в таблице 3.

Группа керамики без орнамента. Была изготовлена преимущественно из *илистых глин*, которые использовались в естественно увлажненном состоянии (90% от общего количества сосудов данной группы). Преобладали навыки отбора жирных илистых глин (80% от общего числа сосудов этой группы, изготовленных из илистых глин), но существовали приемы отбора и тощих илистых глин (20%). В коллекции IV Тетюшской стоянки изучено 4 сосуда (10% от общего количества сосудов данной группы), которые были сделаны из пластичных (жирных) *глин*, но без приема дробления сырья в сухом состоянии. Можно констатировать, что гончарные традиции населения, изготавли-

Таблица 3

Результаты изучения ИПС керамики без орнамента,
с накольчатым орнаментом и насечками Нижнего Прикамья

Памятники, абсолютные даты (некалиброван.)	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
<i>Неорнаментированная керамика</i>									
IV Тетюшская	10	–	–	–	4	–	–	–	14
II Щербетская	17	–	7	–	–	–	–	–	24
ВСЕГО:	27	–	7	–	4	–	–	–	38
	34/90%				4/10%				100%
<i>Накольчатая керамика</i>									
IV Тетюшская 6170±90 BP	4	–	3	–	–	2	–	–	9
II Щербетская 6270±90 BP	23	–	9	–	4	–	–	–	36
ВСЕГО:	27	–	12	–	4	2	–	–	45
	39/87%				6/13%				100%
<i>Керамика с насечками</i>									
IV Тетюшская	2	5	–	–	–	–	–	–	7
II Щербетская	10	–	4	–	3	–	–	–	17
ВСЕГО:	12	5	4	–	3	–	–	–	24
	21/88%				3/12%				100%

Сокращения в таблице: ИПС – исходное пластичное сырье; увл. – увлажненное состояние ИПС; др. с/с – дробление ИПС в сухом состоянии. Единица измерения – изученный образец.

вавшего неорнаментированную керамику Нижнего Прикамья, на уровне субстратных представлений о сырье и приемах подготовки данного сырья близости с вышеописанными традициями изготовления ранней гребенчатой керамики не обнаруживают.

Группа керамики с накольчатой орнаментацией. В гончарном производстве посуды с накольчатым орнаментом прослеживается похожая ситуация: количество сосудов из илистых глин, использованных в естественно увлажненном виде, составляет 87% (рис. 4: 5–6). В составе навыков отбора илистых глин доля

«тощего» сырья слегка повышается до 31%. Приемы дробления илистых глин в сухом состоянии в рамках производств керамики с накольчатым орнаментом отсутствовали. Только 13% от общего количества изученных сосудов этой группы из коллекций IV Тетюшской и II Щербетской стоянок изготовлены из природных жирных глин. Однако из них лишь 2 сосуда со следами дробления пластичного сырья.

Здесь необходимо остановиться на следующем вопросе. Представления о природных глинах как сырье для изготовления бытовой посуды и на-

выки отбора жирных подвидов этого сырья были известны в гончарстве неолитического населения, оставившего Варфоломеевскую стоянку и изготавливавшего керамику с накольчатый орнаментом (Васильева, 2009). Однако это сырье использовалось им в естественно увлажненном состоянии без дробления, а искусственной добавкой в рецептах ФМ служила дробленая раковина пресноводных моллюсков. Таким образом, навыки отбора жирных природных глин были известны населению с накольчатой керамикой, поэтому можно говорить о смешанных традициях изготовления только 2 сосудов с накольчатым орнаментом из IV Тетюшской стоянки, изготовленных из жирных глин, дробленых в сухом состоянии.

Группа керамики с насечками. Состав навыков труда подготовительной стадии производства данной керамики очень близок традициям изготовления неорнаментированной керамики, за исключением одного, а именно: присутствия среди них приемов дробления илистых глин. В то же время эти смешанные приемы были выявлены при изучении керамики с гребенчатой орнаментацией. Они были зафиксированы по материалам хуторского этапа, а в левшинский период стали очень распространенными. Как уже выше говорилось, это может свидетельствовать о смене представлений населения с гребенчатой посудой о сырье и значительной их смешанности. Наличие таких взглядов среди населения, изготавливавшего керамику с насечками, указывает на его культурную или хронологическую близость с левшинскими группами населения с гребенчатой посудой (типа VI Балахчинская).

Результаты исследования формовочных масс керамики вышеописанных групп подведены в таблице 4.

Микроскопическое изучение формовочных масс керамики данных групп выявило новый вид минеральных добавок, не встреченный в материалах гребенчатого комплекса. Глинистые твердые комочки серого, красного или смешанного цвета размером менее 2–3 мм имели округлую и овальную форму, иногда их очертания были остроугольными. Часть их содержала песок, но в основном это были включения жирной глины без каких-либо примесей. После проведения экспериментальных работ данная примесь была охарактеризована нами как шамот-обожженная глина. Данная добавка могла быть получена в результате дробления неровно обожженных комков природной ожелезненной глины в костре. Подобная примесь известна в неолитической керамике Сурско-Мокшанского междуречья, в частности, в слабо орнаментированном (елшанского типа) сосуде из стоянки Имерка VII (Васильева, 2010, с. 113).

В целом, по результатам изучения ФМ керамики данных групп можно подвести следующие итоги:

Группа керамики без орнамента. Состав традиций составления формовочных масс в среде производителей данной керамики, как видно из таблицы 4, имел существенные отличия от гребенчатого комплекса: доля рецептов с большой концентрацией шамота и ОР составляла всего 3% (ср.: Зиарат – 100%; на хуторском этапе – 36%, на левшинском – 19%). Распространенность рецептов с шамотом в концентрации 1:4 и 1:5 была высокой – 13% и 18%, в целом 31%. Керамика

Таблица 4

Результаты изучения формовочных масс группы керамики без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками Нижнего Прикамья

Памятники, абс. даты (некалибр.)	Формовочные массы												В С Е Г О	
	Ш+ОР						Шо/г+ОР				ОР			
	Концентрация шамота:													
	1:3		1:4		1:5		Ед.	1:4		1:5				
<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<3- 5 мм				
<i>Неорнаментированная керамика:</i>														
IV Тетюш- ская		1		3		3	1			1	4	1	14	
II Щербеть- ская				2	4				8	1			9	24
Итого:		1		5	4	3	1	8	1	1	4	10	38	
		1/3%		5/13%		7/18%	1/3%		9/23%		5/13%	10/ 27%	100%	
<i>Накольчатая керамика:</i>														
IV Тетюш- ская: 6170±90		1			1	1	3					3	9	
II Щербеть- ская 6270±90			3	3	13					5	11	1	36	
II Лебедин- ская							1						1	
Итого:		1	3	3	14	1	4			5	11	4	46	
		1/2%	6/13%		15/33%		4/9%			16/34%		4/9%	100%	
<i>Керамика с насечками</i>														
IV Тетюш- ская:	3					4							7	
II Щербеть- ская				2	8		3			4			17	
Итого:	3			2	8	4	3			4			24	
	3/12%			2/8%		12/50%	3/12%			4/18%			100%	

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, Шо/г – шамот-обожженная глина. 1: 3 – концентрация шамота (на 3 доли глины – 1 доля шамота); <3–5 мм: крупность частиц шамота – менее 3–5 мм. Абс. даты – абсолютные даты по керамике в некалиброванной системе. Единица измерения – изученный образец керамики.

с единичными включениями шамота составляла 3%. Значительную представленность в составе рецептов неорнаментированной керамики имели рецепты с шамотом из обожженной глины (46%), в которых концентрация минеральной примеси составляла 1:4 (23%) и 1:5 (13%). Почти треть сосудов данной группы (27%) изготовлена вообще без шамота, с одним органическим раствором.

Группа керамики с накольчатым орнаментом. Состав традиций подготовки ФМ керамики с накольчатой орнаментацией почти аналогичен вышеописанному. Хотя есть некоторые различия в процентном соотношении: существенно выше доля рецептов с шамотом в концентрации 1:5 (33%) и с единичным присутствием шамота в черепке (9%). Также имели место рецепты составления ФМ без шамота,

только с органическим раствором – 9%.

Группа керамики с насечками. Отличительной особенностью состава традиций составления ФМ этой керамики является отсутствие рецептов ФМ, не содержащих шамот. Количественная представленность рецептов с шамотом также несколько отличается от двух вышеописанных: рецепты с большой концентрацией больше – 12% (но крупность шамота менее 2 мм); наиболее массовым был рецепт с шамотом в концентрации 1:5 (50%), а также чаще встречались сосуды с единичной концентрацией шамота (12%). Были зафиксированы и рецепты с шамотом из обожженной глины (18%).

Обобщая результаты изучения традиций составления ФМ керамики без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками, следует отметить, что они обнаруживают определенную близость между собой, а также с традициями населения средневожской неолитической культуры. Данная культура была оставлена смешанным населением, включавшим постелшанские группы, коллективы с традицией изготовления накольчатой посуды и, по-видимому, гребенчатой керамики. Сходство прослеживается, во-первых, в наличии традиции составления ФМ только с органическим раствором (причем в значительно меньшей концентрации, чем в посуде с гребенчатой орнаментацией) без добавки шамота; во-вторых, в навыках подготовки ФМ с более мелким шамотом в небольшой концентрации. Вместе с тем наблюдаются и отличия, прежде всего – массовое распространение «шамотной» традиции, что отсутствует в материалах южного Средневожья, а также, хоть и единичное, при-

менение рецептов, свойственных для производств гребенчатой керамики. Эти признаки как будто указывают на процессы смешения между этими двумя группами неолитического населения Нижнего Прикамья.

Созидательная стадия. Фрагментарный характер изученных образцов данных групп керамики аналогичен группе гребенчатой керамики, поэтому информация о способах конструирования и обработки поверхностей сосудов очень ограничена. Микроскопическое изучение керамики без орнамента выявило использование приемов лоскутного налепа. Для одного сосуда из II Щербетской стоянки удалось конкретизировать способ налепа – спиралевидный лоскутный. Достоверных данных об использовании форм-моделей в процессе формообразования не получено. Хотя у небольшой части сосудов были зафиксированы небольшие незаглаженные участки на внешней и внутренней поверхностях со статическими отпечатками волос, свидетельствовавшие о возможности использования прокладок из плохо очищенной кожи или шкуры животных. Основная часть изученных сосудов была подвергнута тщательному сплошному уплотнению поверхностей (внутренних и внешних), иногда – лощению по сухой, но слегка смоченной перед данной операцией, поверхности. В конструировании керамики с накольчатым орнаментом также можно предполагать использование лоскутного налепа. У пяти сосудов удалось определить признаки применения спиралевидного лоскутного налепа. Строительными элементами служили мелкие лоскутки размером не более 2х2 см. Среди приемов обработки поверхностей преоб-

ладали способы уплотнения-лощения внешней поверхности и заглаживания мягкими материалами внутренней поверхности сосудов.

Способы конструирования керамики с насечками, по-видимому, были аналогичны вышеописанным. Чаще внешняя поверхность сосудов с насечками подвергалась уплотнению, а внутренняя заглаживалась мягким материалом, реже твердыми предметами.

3. *Закрепительная стадия.* Придание сосудам прочности и устранение влагопроницаемости достигались с помощью термической обработки. Поверхность большинства сосудов пятнистая – серо-коричневая. Цветовой спектр изломов представлен 3 видами: 1) с темно-серыми прослоями или сердцевинной; 2) бурые пятнистые; 3) насквозь прокаленные, коричневые. Наиболее многочисленны первые, насквозь прокаленные черепки единичны. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления (650–750°).

В целом гончарная технология неолитического населения Нижнего Прикамья, оставившего керамику без орнамента, с накольчатой орнаментацией и с насечками, характеризуется общими *массовыми* навыками труда:

– на *подготовительной стадии*: 1) использование илистых глин в качестве ИПС для производства посуды; 2) отбор «жирного», реже «тощего» ожелезненного пластичного сырья; 3) использование естественно увлажненного сырья; 4) распространение массовых рецептов ФМ: ИПС+Ш+ОР, в которых преобладает шамот (менее 2 мм) в концентрации 1:4 и 1:5; 5) появление специфической минеральной

добавки – шамота из обожженной глины; 6) для групп керамики без орнамента и с наколами – наличие архаического рецепта с ОР без шамота.

– на *созидательной стадии*: 1) распространение приемов лоскутного налепливания и вероятное применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и сплошное уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

– на *закрепительной стадии*: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В результате комплексного исследования неолитического керамического комплекса Нижнего Прикамья можно констатировать различия между керамикой с гребенчатой орнаментацией с одной стороны, и керамикой без орнамента, с наколами и насечками с другой стороны – не только по морфологическим признакам, но и по технологии их изготовления. Чтобы понять и интерпретировать эти различия, необходимо коснуться двух моментов. Во-первых, любая интерпретация полученных результатов исследования должна опираться на определенную систему теоретических представлений об объекте исследования. Наша работа проводилась в рамках историко-культурного направления в изучении древней керамики (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012). С ним связана методика, терминология, а главное, исходной точкой исследования раннего неолитического гончарства Поволжья и Прикамья послужила гипотеза А.А. Бобринского о зарождении древнего гончарства на базе опыта использования в догончарном периоде органических и других глиноподобных материалов и связи

между сформированными в догончарных производствах представлениями об определенном виде пластических материалов и раннеолитическими (протогончарными) производствами, в рамках которых изделия из пластических материалов уже подвергались обжигу и таким образом могли сохраниться в культурных слоях неолитических стоянок. Взгляды на пластическое сырье, по мнению А.А. Бобринского, относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, к группе субстратных навыков, которые способны сохраняться без видимых изменений даже в условиях смешения культурных традиций разных групп населения очень длительное время (Бобринский, 1978, с. 73). Таким образом, проблема зарождения гончарства может решаться с новых позиций, а именно с рассмотрения особенностей возникновения взглядов древнего населения на конкретные природные пластические материалы как сырье для изготовления емкостей, и, главное, с учетом конкретных археологических источников – раннеолитической керамики. Различия природных пластических материалов могут свидетельствовать о принадлежности древних гончарств, выявленных по археологическим материалам, к разным центрам или очагам происхождения гончарства.

Во-вторых, информация, полученная в результате проведенного исследования неолитической керамики Нижнего Прикамья, может быть осмыслена и понята благодаря сравнению с уже имеющимися данными по неолитической гончарной технологии более южных регионов Поволжья. К настоящему времени известно два ареала раннеолитических гончар-

ных традиций Поволжья: 1) ареал древнейшего гончарства, основанного на илах (нижневолжская культура Нижнего Поволжья: наиболее ранняя керамика стоянки Каир-Шак III относится к первой половине VI тыс. до н.э.) и 2) ареал елшанских гончарных традиций, связанный с использованием илистых глин и «шамотной» традицией составления формовочных масс (Волго-Уралье: наиболее ранняя керамика Ивановской стоянки относится к первой половине VI тыс. до н.э.) (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; 2011; Выборнов, 2008). Комплекс радиоуглеродных дат указывает на одновременность появления этих двух ареалов, как минимум, во второй четверти VI тыс. до н.э. (Выборнов, 2008).

Для первого ареала было характерно использование илов, насыщенных остатками сгнившей растительности и обломками раковины пресноводных моллюсков, с песком и чаще без песка. Позднее в этом ареале был зафиксирован переход к новым видам пластического сырья – илистым глинам и глинам (Варфоломеевка). Неолитическое население этого региона использовало в основном «жирные» виды сырья (Васильева, 2009), но совершенно не было знакомо с приемами составления формовочных масс с шамотом. Параллельно с переходом к илистым глинам и глинам формировалась одна культурная традиция – составление формовочных масс с искусственной примесью дробленой раковины. Во втором «елшанском» ареале древнейшего гончарства Поволжья были распространены взгляды на илистые глины как сырье для производства посуды; преобладали приемы отбора в основном запесоченного ожелезнен-

ного сырья без раковины; впервые появилась традиция добавления в ФМ шамота, имевшая скорее символический или ритуальный характер.

Ко второй четверти V тыс. до н.э. относится формирование на юге Средневожья средневожжской неолитической культуры, гончарные производства которой характеризуются смешением традиций двух вышеописанных ареалов раннеолитического гончарства и их развитием (Васильева, Выборнов, 2012). Именно с ними обнаруживают близость материалы Нижнего Прикамья, а именно, керамические комплексы без орнамента, с наколами и насечками. Сходство прослеживается, прежде всего, в архаичных субстратных представлениях об илестых глинах как сырье для изготовления посуды, а также в ряде рецептов формовочных масс и приемов конструирования посуды. Вместе с тем имеется и существенное отличие, а именно, массовое распространение традиции практически обязательного введения в формовочные массы шамота в среде нижекамских производителей такой посуды. Можно было бы предположить, что это явилось результатом эволюционного развития елшанских гончарных традиций, однако, в «очаге» елшанской культуры, Волго-Уралье данный процесс не имел места. В материалах большинства стоянок средневожжской культуры этого региона постелшанская плоскодонная керамика с ямочно-жемчужным орнаментом и посуда с накольчатый орнаментом, в основном, сделаны без примеси шамота. На разных памятниках процент керамики позднего елшанского типа с шамотом составляет 4–10%, а поздней накольчатой посуды с шамотом: 4–12%. Только в керамическом

комплексе одной стоянки Лебяжинка IV эти показатели выше (22% и 54%) (Васильева, Выборнов, 2012, с. 63–64). Поэтому мы видим причину своеобразия гончарных традиций данных групп нижекамского неолитического населения в процессах сосуществования, влияния и смешения с соседними коллективами, изготавливавшими керамику с гребенчатым орнаментом.

Благодаря изучению неолитической керамики Среднего и Верхнего Прикамья был выявлен новый ареал неолитических гончарных традиций в поволжском регионе (в широком смысле этого понятия), связанный с населением камской культуры. Особенность гончарных традиций данного ареала заключалась в распространении специфичных представлений об исходном пластичном сырье для изготовления бытовой посуды, а именно в использовании сухих смесей: «жирных» глин, дробившихся в сухом состоянии и смешивающихся с шамотом почти в равных долях, которые затем буквально «склеивались» органическим раствором (желе рыбного бульона?). Вполне вероятно изначальная связь этих технологических традиций с орнаментальными традициями нанесения орнамента штампованием (гребенчатым или зубчатым штампами). Хронология камской культуры опирается на радиоуглеродные даты, полученные по органике в керамике (Выборнов и др., 2008). На современном уровне радиоуглеродного датирования наиболее ранняя керамика этой культуры в данном регионе датируется последней третью V тыс. до н.э. Это подтверждается и датами по нагару, полученными на АМС. Истоки данной керамической традиции пока не ясны, но связывать ее происхождение

со средневожской культурой нет оснований.

Базируясь на результатах изучения керамического материала можно предполагать, что Прикамье стало зоной взаимодействия и смешения двух различных в культурном отношении групп неолитического населения: средневожских, пришедших с юга, и условно камских, которые, по-видимому, также являлись в данном регионе мигрантами. Некоторые новые радиоуглеродные даты, сделанные как по органике в керамике, так и по нагару, указывают на вероятность более раннего проникновения в Прикамье немногочисленных средневожских коллективов. Однако данный вопрос нуждается в дальнейшей, более детальной разработке.

Процессы смешения между этими группами неолитического населения имели разную направленность в Нижнем Прикамье, с одной стороны, и в Среднем и Верхнем Прикамье – с другой стороны.

В Среднем и Верхнем Прикамье признаки смешения южных средневожских гончарных традиций с камскими в производствах гребенчатой керамики незначительны, хотя и фиксируются. Гончарная технология населения, изготавливавшего керамику без орнамента и с накольчатым орнаментом, очень неоднородна, что может объясняться существенной смешанностью этого населения. При этом значительная часть такой посуды изготовлена в соответствии с камскими традициями, характерными для производства гребенчатой керамики,

вследствие чего можно предполагать почти полную ассимиляцию данной группы населения «местным» населением, изготавливавшим гребенчатую керамику.

В Нижнем Прикамье прослеживается иная, можно сказать, противоположная ситуация. В производстве гребенчатой керамики уже на хуторском этапе преобладают смешанные навыки труда, а на левшинском этапе происходит практически полное пере рождение субстратных представлений о сырье: распространяются приемы отбора илистых глин. Это может свидетельствовать об определенной степени ассимиляции носителей традиций изготовления гребенчатой посуды южными группами населения. Традиции же изготовления керамики без орнамента и с наколами, близкие средневожским, очень устойчивы. Лишь единичные сосуды данных морфологических групп изготовлены посредством характерных камских приемов. В то же время, в среде этого населения получил массовое распространение прием введения шамота в формовочные массы, что было в целом не свойственно средневожским гончарам. Представляется, что это произошло под влиянием камского гончарства, и зона данной смешанной культурной традиции была в неолите Поволжья значительно обширнее, чем оконтурена в настоящее время. Возможно, дальнейшее расширение географических рамок нашего исследования в западном направлении позволит уточнить и расширить ее границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – С. 157–171.

2. Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. – 1973. – № 172. – С. 99–106.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978. – 272 с.
4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. – Самара, 1999. – С. 5–109.
5. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: СамГПУ, 1998. – С. 193–214.
6. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Некоторые итоги изучения неолита Волго-Камья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993. – С. 20–21.
7. Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 72–96.
8. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара, 2006. – С. 426–439.
9. Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. – Оренбург: ОГПУ, 2007. – С. 23–38.
10. Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург, 2009. – С. 65–77.
11. Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в Поволжье в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности. – Чебоксары, 2010.
12. Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2011. – № 2 (48). – С. 70–81.
13. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Поволжье // Самарский край в истории России. – Самара, 2012. – С. 61–68.
14. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // ТКАЭЭ. Вып. VIII. – Пермь, 2012а. – С. 33–50.
15. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара, 1999.
16. Выборнов А.А. К вопросу о хронологическом соотношении гребенчато-накольчатых и гребенчатых комплексов в неолите Волго-Камья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1976. – С. 9–10.
17. Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 16 с.
18. Выборнов А.А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев, 1988. – С. 62–77.
19. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. – Самара, 1992. – 148 с.

20. *Выборнов А.А.* Проблемы периодизации неолита Прикамья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993. – С. 32–33.
21. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008. – 490 с.
22. *Выборнов А.А., Крижевская Л.Я.* Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая // КСИА. – 1988. – Вып. 193. – С. 71–75.
23. *Выборнов А.А., Мамонов А.Е.* Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб, 2007. – С. 188–198.
24. *Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.* Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. – Пермь, 2008. – С. 36–45.
25. *Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В.* К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008. – С. 88–94.
26. *Габяшев Р.С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. КФАН СССР. – Казань, 1976.
27. *Габяшев Р.С.* Неолит Нижнего Прикамья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – С. 1–19 с.
28. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань, 2003. – 224 с.
29. *Калинина И.В.* Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник. – Вып. 20. – Л., 1979. – № 20. – С. 5–27.
30. *Калинина И.В.* О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур // Сообщения Гос. Эрмитажа. – Вып. XLIX. – Л., 1984. – С. 33–35.
31. *Калинина И.В.* Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 21 с.
32. *Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб., 2007. – С. 120–126.
33. *Третьяков В.П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. – 1972. – Вып. 131. – С. 46–52.
34. *Третьяков В.П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. – Л.: Наука, 1990. – 189 с.
35. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 390 с.
36. *Халиков А.Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. – 1973. – № 172. – С. 107–121.
37. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. – М., 2012. – 380 с.

Информация об авторах:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

ABOUT NEOLITHIC POTTERY TECHNOLOGY IN THE LOWER KAMA REGION AND THE TIME OF ANCIENT CERAMIC TRADITIONS EXPANSION

I.N. Vasilyeva, A.A. Vybornov

The results of typological and technological analysis and radiocarbon dating of the Neolithic ceramics in the Lower Kama region are presented in the article. The study was aimed at clarifying a number of issues related to the relationship and interaction character between bearers of different cultural traditions. The characteristic distinctive features of the Kama and Volga-Kama cultures ware have been defined, the specificity of these cultures at different stages of development has been traced. The absolute dating of all periods of each culture has been checked, their synchrony at certain stages being proved. Reliable data on interactions between the bearers of the Kama and the Volga-Kama cultures in the Kama river region have been accumulated.

Keywords: archaeology, the Lower Kama river region, the Neolithic, ceramics, radiocarbon dating, technological analysis, the Kama culture, the Volga-Kama culture, cultural tradition, chronology.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1970. In Formozov, A. A. (ed.). *Kamennyi vek na territorii SSSR (Stone Age on the Territory of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 157–171 (in Russian).
2. Bader, O. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoi i lesostepnoi zony Evropeiskoi chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic-Cultural Communities in the Forest and Forest-Steppe Belt of the European Part of the USSR in the Neolithic Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 99–106 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
5. Bobrinsky, A. A., Vasil'eva, I. N. 1998. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 193–214 (in Russian).
6. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1993. In *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala (Archaeological Cultures and Cultural-Historical Communities of the Big Ural)*. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 20–21 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 1999. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 72–96 (in Russian).
8. Vasil'eva, I. N. 2006. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 426–439 (in Russian).
9. Vasil'eva, I. N. 2007. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* VIII. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 23–38 (in Russian).

Supported by the Russian Foundation for the Humanities: Project No. 10-01-00393a; Project No. 13-11-63005 /a on "The Volga lands in the history and culture of Russia".

10. Vasil'eva, I. N. 2009. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Studies of the Early Bronze Cultures in the Steppe Zone of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 65–77 (in Russian).

11. Vasil'eva, I. N. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specific of the Volga and Sura Rivers Area in Pre-historic Age)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities (in Russian).

12. Vasil'eva, I. N. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (2). Novosibirsk, 70–81 (in Russian).

13. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara region in History of Russia)* 4. Samara, 61–68 (in Russian).

14. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VIII. Perm, 33–50 (in Russian).

15. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 181–198 (in Russian).

16. Vybornov, A. A. 1976. In *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek) (Issues of Archaeology of the Volga Region and Cis-Urals: Neolithic and Bronze Age)*. Kuybyshev, 9–10 (in Russian).

17. Vybornov, A. A. 1984. *Neolit i epokha rannego metalla pravoberezh'ia Nizhnei Beloi (Neolithic and Early Metal Age of the Lower Belaya River Right Shore)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

18. Vybornov, A. A. 1988. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Problemy izucheniia arkheologicheskoi keramiki (Issues of Studying of Archaeological Ceramics)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 62–77 (in Russian).

19. Vybornov, A. A. 1992. *Neolit Prikam'ia (Neolithic of the Kama Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University.

20. Vybornov, A. A. 1993. In *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala (Archaeological Cultures and Cultural-Historical Communities of the Big Ural)*. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 32–33 (in Russian).

21. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University.

22. Vybornov, A. A., Krizhevskaiia, L. Ya. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 193, 71–75 (in Russian).

23. Vybornov, A. A., Mamonov, A. E. 2007. In Zaitseva, G. I., Kulkova, M. I. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniiax: Materialy konf., posviashch. 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN. 9–12 aprelia 2007 g. Sankt-Peterburg (Radiocarbon in Archaeological and Paleontological Studies: Materials of the Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Radiocarbon Laboratory of IHMC RAS. 9–12 April, 2007)*. Saint Petersburg: "Teza" Publ., 188–198 (in Russian).

24. Vybornov, A. A., Gabiashev, R. S., Galimova, M. Sh., Denisov, V. P., Kovaliukh, N. N., Lychagina, E. L., Mel'nichuk, A. F., Skripkin, V. V. 2008. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum for Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals Region)* 2. Perm, 36–45 (in Russian).

25. Vybornov, A. A., Gusentsova, T. M., Kovaliukh, N. N., Nikolaev, V. V., Skripkin, V. V. 2008. In *Arkheologicheskaia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo nasledii*

Evrázii (Archaeological Expedition: the Latest Achievements in the Study of Historical and Cultural Heritage in Eurasia). Izhevsk: "Izhevskaiia respublikanskaia tipografiia" Publ., 88–94 (in Russian).

26. Gabiashev, R. S. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–47 (in Russian).

27. Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age in the Lower Kama Region)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

28. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).

29. Kalinina, I. V. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 20. Leningrad, 5–27 (in Russian).

30. Kalinina, I. V. 1984. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XLIX. Leningrad, 33–35 (in Russian).

31. Kalinina, I. V. 1993. *Neoliticheskaia keramika lesnoi zony Ural'skogo regiona (Neolithic Ceramics of the Forest Zone of the Ural Region)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

32. Kovaliukh, N. N., Skripkin, V. V. 2007. In Zaitseva, G. I., Kulkova, M. I. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniikh: Materialy konf., posviashch. 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN. 9–12 apreliia 2007 g. Sankt-Peterburg (Radiocarbon in Archaeological and Paleontological Studies: Materials of the Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Radiocarbon Laboratory of IHMC RAS. 9–12 April, 2007)*. Saint Petersburg: "Teza" Publ., 120–126 (in Russian).

33. Tret'iakov, V. P. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131, 46–52 (in Russian).

34. Tret'iakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the East European Forest Belt)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

35. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

36. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 172, 107–121 (in Russian).

37. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Vasilyeva Irina N. Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vybornov_kin@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ САМАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2013 г. А.И. Королев

В статье рассматриваются проблемы происхождения самарской культуры в контексте развития энеолитических культур степного и лесостепного Поволжья в целом. Преобладает точка зрения о формировании самарской культуры в результате взаимодействия различных южных (прикаспийских) и северных (лесных и лесостепных) групп волго-уральского неолитического населения. На основании анализа керамики и антропологических материалов Съезжинского могильника автор приходит к выводу, что самарская культура сформировалась в результате западного культурного и расового импульса со стороны мариупольской общности культур, при последующем влиянии носителей хвалынской культуры.

Ключевые слова: археология, Поволжье, энеолит, самарская культура, съезжинский тип керамики, хвалынская культура, мариупольская культурная общность.

Впервые схема развития энеолитических культур степи-лесостепи Поволжья была разработана И.Б. Васильевым. В ней признавался приоритет прикаспийской и самарской культур, развитой энеолит был представлен хвалынской и вторым этапом самарской культуры, поздний – культурными типами позднего энеолита (Васильев, 1978, с. 169–184; 1980, с. 27–52; 1981). Формирование хвалынской культуры связывалось с прикаспийской и самарской культурами (Васильев, 1981, с. 34). Во многом с позицией И.Б. Васильева совпадают взгляды Н.Л. Моргуновой (Моргунова, 1984, с. 58–78; 1986, с. 31–36; 1995; 2011). По итогам раскопок Виловатовской стоянки наметились возможности разделения культуры на два этапа, и вскоре Н.Л. Моргунова обосновала выделение второго (ивановского) этапа и синхронизировала его с токским типом керамики в пределах первой половины IV тыс. до н.э. (Моргунова, 1984, с. 65–67, 75–76).

Эта схема развития энеолита была принята не всеми специалистами. Прикаспийская культура в Северном Прикаспии представлена малочислен-

ными материалами, преимущественно керамикой из сборов, без стационарных поселений и могильников (Васильев, 1981, с. 12–14; Барынкин, Васильев, 1985, с. 58–75). В степном Заволжье известны памятники прикаспийского типа с сохранившимся культурным слоем, изученные небольшими раскопками (Юдин, 1986, с. 36–56). Единственное исследованное широкой площадью поселение Озинки II содержит остатки жилища, керамику, кремнево-кварцитовый инвентарь, в которых отчетливо проявляется связь уже с ивановским этапом самарской культуры (Лопатин, 1989, с. 135–146). Характерные черты прикаспийской керамики совпадают с самарской, а территории распространения смыкаются примерно на границе степи-лесостепи. Изучение проблемы соотношения раннеэнеолитических материалов привело П.П. Барынкина к выводу о том, что прикаспийские воротничковые комплексы являются региональным типом самарской культуры (Барынкин, 1992, с. 17). Позднее произошла эволюция взглядов исследователя, и он объединил прикаспийские и самарские материалы

в культурный тип «воротничковой» керамики (Барынкин, 2003, с. 48–60), и далее в культуру «воротничковой» керамики (Барынкин, 2004, с. 41–47). По мнению П.П. Барынкина, речь должна идти скорее о сосуществовании раннеэнеолитических самарской и хвалынской культур, чем об их последовательности и преемственности (Барынкин, 1992, с. 17–18; Барынкин, 2001, с. 38–40).

На глубоких отличиях хвалынской культуры от материалов типа Съезжей и отсутствии между ними генетической связи настаивают В.И. Пестрикова и С.А. Агапов (Пестрикова, 1987; Агапов, Пестрикова, 2010, с. 103–105, 110–111).

Следует остановиться на развитии взглядов В.В. Ставицкого по данной проблеме. В совместной с А.А. Хрековым монографии формулируется мысль о том, что воротничковая керамика могильника, по сути, является прикаспийской (Ставицкий, Хреков, 2003, с. 123). Вскоре, конкретизируя это определение, исследователь предлагает называть ее съезжинской (Ставицкий, 2005, с. 70). Позднее В.В. Ставицкий предложил материалы могильников у с. Съезжее, Липовый овраг, Виловатовской стоянки и материалы прикаспийской культуры объединить в рамках съезжинского типа (культуры), а за поселенческими памятниками Самарского Заволжья сохранить название самарской культуры (Ставицкий, 2006, с. 74). Все это указывает на серьезные разногласия среди специалистов и сохранение остроты проблематики самарской культуры. Остановимся на некоторых вопросах подробнее.

До настоящего времени не может считаться окончательно решенным вопрос о происхождении самарской культуры. В работах И.Б. Васильева ее возникновение рассматривается

как результат взаимодействия южной (сероглазовской) и северной (камской и лесостепной) групп волгоуральского неолита (Васильев, 1981, с. 19–21). Эта гипотеза с изучением средневожского неолита получила дальнейшее развитие (Васильев, Выборнов, 1988, с. 42–43). Убедительно показаны признаки средневожского неолита, но лишь в той части самарской культуры, которая относится ко второму (ивановскому) этапу.

Н.Л. Моргунова также приходит к выводу о самарской культуре как результате длительного взаимодействия южного и северного неолитического населения, при доминирующем значении лесостепного неолита (Моргунова, 1995, с. 62–62). В материалах Съезжинского могильника представлена воротничковая керамика, средневожский аналог прикаспийской, безворотничковая – неолитическая средневожская и группа с синкретическими чертами воротничковой и безворотничковой посуды – результат взаимодействия пришлой воротничковой и местной неолитической групп населения. Типологические наблюдения подтвердились технологическим изучением керамики, проведенным И.Н. Васильевой. Заключение исследователя: «памятник оставлен тремя глубоко различными в культурном отношении группами населения» (Васильева, 1999, с. 200). Безворотничковая и воротничковая без меандрово-ленточных рисунков керамика составила (вторую) единую технологическую группу, дистанцировался в 3 группу сосуд, украшенный наколами. Этот вывод согласуется с наиболее вероятным механизмом культурогенеза, как взаимодействием двух или более групп населения. Немаловажно, что по технологическому признаку – использование илистых глин с раковинной примесью – отчетливо отделилась

1 группа воротничковой керамики, орнаментированная криволинейными меандрово-ленточными фигурами. Она была определена как пришлая.

Однако происхождение ключевого участника этих событий – съезжинских воротничковых материалов 1 группы (с меандрово-ленточной орнаментацией) – осталось вне детального анализа и аргументации. Несомненно, возникновение этой новой традиции на Средней Волге связано с приходом населения, уже изготавливавшего посуду съезжинского типа. Истоки воротничковой традиции, по мнению А.И. Юдина следует искать в коллекции Варфоломеевской стоянки. Здесь в верхнем слое содержится немногочисленная воротничковая керамика, в том числе с очерченной и заполненной проташенной гребенкой лентой. Проведенные А.И. Юдиным тщательные наблюдения заслуживает самого внимательного рассмотрения (Юдин, 1996, с. 21–23; Юдин, 1998, с. 83–104). Венчики с утолщением действительно похожи на воротничковые, как бы в зеркальном отражении. На керамике слоя 2А присутствует сложный геометрический орнамент, здесь можно найти ленты, меандры, появляются отогнутые утолщенные венчики, найден воротничковый венчик с накольчатый орнаментом (Юдин, 2004, с. 51, рис. 31: 7). С этим предположением контрастировали первые датировки по кости из поздненеолитического слоя 2А Варфоломеевской стоянки, практически уложившиеся в третью четверть IV тыс. до н.э. Впоследствии слой был передатирован по керамике, и новые даты от 6970±90 до 5810±80 л.н., с одной стороны, как будто не противоречат точке зрения исследователя, но с другой дают слишком «длинную» хронологию гомогенного слоя (Юдин, 2008, с. 121–127). Оставляет место для сомнений и разработанная

хронология второго предполагаемого компонента – керамики с зубчатой и гребенчатой орнаментацией средне-волжской культуры, которая имеет абсолютный возраст, соответствующий концу V – первой половине IV тыс. до н.э. (Выборнов, 2008, с. 241–242). Как видим, она синхронизируется лишь с ивановским этапом самарской культуры. Прикаспийская и аналогичная ей съезжинская керамика появляются в «готовом» виде и достаточно надежных прообразов воротничкового оформления венчиков и меандровой орнаментации в неолите региона не обнаружено. Ее появление в средне-волжском регионе вряд ли можно объяснить взаимодействием неолитических культур Нижней Волги и Северного Прикаспия, не имеющих традиции воротничкового оформления венчиков, гребенчатой орнаментации сосудов и целого набора других мариупольских признаков. Эволюционное возникновение воротничковой керамики из орловской без внешнего импульса маловероятно. Однако при всех сложностях вопроса точка зрения А.И. Юдина об орловской культуре, как одном из слагаемых компонентов раннего энеолита, может быть поддержана.

Также считаю необходимым поддержать предложение В.В. Ставицкого в той части, где он соотносит керамику 1 группы Съезжинского могильника с материалами прикаспийской культуры (Ставицкий, Хреков, 2003, с. 123). Типологические различия между ними минимальны и вполне могут отражать внутренние хронологические и структурные аспекты одной культуры и на фоне объединяющих признаков малозаметны. Разделяя мнение исследователя о недостатках принятого определения «прикаспийская культура» (Ставицкий, 2005, с. 70), относительно корректности но-

вой дефиниции «съезжинская культура» выскажу свои сомнения. Они основаны на известном (и доказанном) синкретизме Съезжинского могильника, сочетающем различные культурные компоненты. А это означает, что включение второй керамической группы в «съезжинскую культуру», разрушает логику выдвинутой аргументации. Введение новой дефиниции «съезжинский тип», как отражающий территориальный аспект, может быть оправдан только включением материалов I группы в рамки прикаспийской культуры, так как содержание самарской культуры, по сути, определяется лишь ее вторым (ивановским этапом). Представляется, что такая конкретизация позволит сохранить приоритетное определение (по А.Н. Мелентьеву и И.Б. Васильеву), утвердившееся в энеолитоведении для данной категории материалов, как прикаспийской культуры, и в целом согласуется с выводами П.П. Барынкина об их глубоком сходстве. Наименование «воротничковый» тип или «воротничковая» культура не вполне конкретны, так как позволяют включить и материалы хвалынской культуры, керамика которой по существу воротничковая, а также могут затруднить разграничение с нижнедонской культурой, русско-азийским типом и т.д.

Для оставшейся воротничковой и безворотничковой керамики характерно использование ила и несколько иной подход к орнаментации сосудов (Васильева, 1999, с. 200–201). Керамика без воротничков, как уже отмечалось, имеет типологические особенности соответствующие неолитической средневожской культуре. Объединение ее с частью воротничковой керамики во вторую группу по технологическим признакам, подтверждает активное участие местного неолитического населения в склады-

вании самарской культуры. В данном случае точка зрения Н.Л. Моргуновой о доминировании местного населения более убедительна, чем мнение В.В. Ставицкого, предостерегающего от преувеличения роли автохтонного субстрата (Ставицкий, 2005, с. 70). Дополнительным аргументом в пользу существенной роли местного компонента в этом процессе является явное преобладание памятников средневожской культуры над редкими прикаспийско-съезжинскими материалами региона. Лесостепное население осталось численно превосходящим, но восприняло новую для себя систему ценностей. В материальной культуре новации отразились в каменном инвентаре, гончарстве, погребальной обрядности. То есть, они коснулись основных сфер жизни традиционного общества, включая мужскую и женскую субкультуры, что указывает на востребованность, своевременность и устойчивость новых явлений.

Типологические и технологические наблюдения над керамикой нашли подтверждение и в результате анализа антропологического материала могильника. А.А. Хохлов пришел к заключению о гетерогенности оставшегося его населения. Обособились материалы из коллективного погребения, которые имеют признаки местного неолитического компонента. Одиночные погребения, по заключению антрополога, могут отражать факт проникновения сюда степного европеоидного типа (Хохлов, 2000, с. 281, 283, 286). Таким образом, типологический, технологический и антропологический аспекты изучения Съезжинского могильника доказывают приход нового в расовом отношении населения со сложившимися традициями материальной и духовной культуры из западных областей

мариупольской общности (вероятно, через Нижнюю Волгу), который стал толчком формирования самарской культуры. Затем она испытывает влияние со стороны хвалынской культуры, в результате которого приобретает облик, хорошо известный по материалам ивановского этапа. Керамика ивановского типа не вполне однородная и включает в себя как сосуды без следов хвалынского влияния, так и посуду синкретического облика. Потенциально она заключает в себе возможность разделения на этапы. Данные могильника уникальны, так как дают редкую возможность отследить процесс взаимодействия населения еще не «сплавившегося» в единую культуру.

Хронология изучаемых археологических событий в недавнее время получила подкрепление абсолютными датами. Привлекает внимание то обстоятельство, что съезжинская и прикаспийская (со стоянки Буровая 41) керамика с меандровым орнаментом получили даты, уходящие в первую половину V тыс. до н.э., т.е. более ранние, чем западные аналогии мариупольской общности, соответствующие второй половине этого тысячелетия (Моргунова и др., 2010, с. 21–22). Типологически аналогичная Буровой 41 посуда со стоянки Корпеже-Молла оказалась моложе приблизительно на 800 лет, что вызывает вопросы о причинах такого «разрыва». В то же время продатированная керамика первой группы с меандровым орнаментом могильника у с. Съезжее оказалась древнее керамики второй группы (с гребенчатым орнаментом) также примерно на 800 лет (Моргунова и др., 2010, с. 21–22), что вступает в противоречие с типологическими и технологическими данными о сосуществовании и взаимодействии здесь как минимум двух групп населения. Столь ранние датировки керамики 1

группы находятся также за пределами хронологической возможности контакта со средневолжским населением, изготавливающим керамику с зубчатой и гребенчатой орнаментацией. В этот период на Средней Волге полностью господствовала накольчатая орнаментация посуды (Выборнов, 2008, с. 131–135). Неслучайно А.А. Выборнов допускает возможность корректировки хронологии керамики 1 группы могильника у с. Съезжее и 41-й Буровой в сторону омоложения (Выборнов, 2008, с. 138). Данные хронологии, как представляется, подкрепляют сомнения относительно самой возможности поиска местных истоков воротничковых материалов прикаспийской культуры и соответственно керамики 1 группы могильника у с. Съезжее. Волго-Уральские материалы демонстрируют несомненную системную близость с мариупольскими памятниками западного ареала. Но если опираться на их хронологический приоритет, становится неясно, почему влияние самарских (прикаспийских) керамических традиций в Доно-Днепровских комплексах не заметно. Там, как представляется, автохтонное возникновение и развитие практики изготовления воротничковых сосудов, как и других системных элементов мариупольских древностей, лучше подкреплено источниками. Мнение об истоках азово-днепровской культуры на южном Урале, сформулированное В.Н. Даниленко, когда восточный ареал мариупольской общности был практически не изучен (Даниленко, 1974, с. 39), современными данными не подкрепляется.

Изучение волго-уральских материалов мариупольского времени И.Б. Васильевым, А.Т. Синюком, Н.Л. Моргуновой, П.П. Барынкиным и другими учеными выявило направление западной ориентации связей с

Нижним Подоньем, Приазовьем, Поднепровьем. Не лишним будет упомянуть традицию орнаментации заполненными ленточными и меандровыми фигурами, как и изготовление налепных элементов на посуде еще в бугодноднестровской культуре (Даниленко, 1969, с. 150–153). В материалах азово-днепровской и нижнедонской культур фиксируется комплекс признаков, позволяющих объединить их с памятниками прикаспийской и самарской культур в мариупольскую общность, что многократно и убедительно показано И.Б. Васильевым. Особенности погребального обряда заволжских памятников самарской культуры, керамика, каменный и костяной инвентарь, украшения, многократно проанализированы специалистами, выявлены специфические изделия типа пластинок с поперечными нарезками из клыка кабана, раковинных бусин, костяных фигурок животных, орудий на крупных пластинах (Васильев, 1980; 1981; 1985; 2003; Васильев, Синюк, 1985; Васильев, Овчинникова, 2000; Моргунова, 1984; 1989; 1995; 2011; Овчинникова, 1995; 2007 и др.).

На азово-днепровской и нижнедонской керамике первого-второго этапов можно проследить возникновение воротничка из кососрезанных наружу венчиков. Последовательное нарастание изменений, которые привели к формированию этой традиции, доказывает их местное происхождение. Верхний край сосудов оформлялся более разнообразно, чем в керамике самарской культуры. В орнаментации распространены волнистые и зигзагообразные прочерченные линии, очерченные фигуры, заполненные оттисками гребенки, есть и орнаментация «качалкой» (Даниленко, 1974 с. 36–38; Кияшко, 1987, с. 73–74; Белановская, 1995, с. 109–120; Котова,

2002, с. 186–190). Получают распространение орудия на крупных ножевидных пластинах. Эти признаки проявляются и на раннеэнеолитической керамике Среднего Дона и Северского Донца (Синюк, 1979, с. 63–72; Васильев, Синюк, 1984, с. 102–117; Котова, 1984, с. 130–139; Гурин, 1998, с. 137; Скоробогатов, 2012, с. 12–13, 17). Правда, «шагающая гребенка» здесь не характерна, менее распространен и поясок ямок под венчиком. Можно отметить, что к настоящему времени полных аналогий прикаспийско-сезжинской посуде, как в основном ареале ее распространения, так и за его пределами, не выявлено. Однако, принимая во внимание комплекс данных, подтверждающих постепенное и раннее вызревание основных, определяющих культурную ориентацию признаков мариупольской общности в материалах неолита-раннего энеолита Приазовья и Нижнего Дона, логически следует вывод, что именно из этого региона последовал импульс, приведший к возникновению сезжинско-прикаспийских древностей. К выводу о начале энеолитизации волго-уральского междуречья в связи с «импульсом из более западных раннеземледельческих центров наряду со встречным движением» приходит Н.Л. Моргунова (Моргунова, 2011, с. 61). Первый этап нижнедонской культуры может датироваться, по Н.С. Котовой, второй половиной V тыс. до н.э. (Котова, 1994, с. 54). Такая хронология при несомненной близости материалов не противоречит мысли о западных истоках мариупольских традиций. Имеющаяся хронология ранних комплексов мариупольской общности Днепро-Донецкого междуречья оставляет возможность их синхронизации с началом энеолита в Волго-Уралье (Моргунова, 2009, с. 9). Окончательное их оформление в ре-

гионе, видимо, связано с орловской культурой.

Следует коснуться еще одного аспекта поднятой проблематики. По мнению В.В. Ставицкого, керамика Съезжинского могильника включает два комплекса. Первый аналогичен посуде прикаспийской, а второй – средневожской культуры. В то же время, наличие сосуда с «ушками» и плотная гребенчатая орнаментация увязывается им не со средневожской культурой, а с Зауральем (Ставицкий, 2006, с. 73). Действительно, эти признаки можно найти в энеолитической посуде различных культурных типов Зауралья (Кокшаров, 2009, с. 35, 55, 57, 71, 89). Но плотно поставленные ряды «шагающей» гребенки присутствуют и в камской, и в средневожской посуде, поэтому выводить этот признак из-за Урала без конкретизации существовавших связей преждевременно. По поводу значимости зауральских контактов более взвешенной выглядит аргументация А.А. Выборнова (Выборнов, 2008, с. 137–138). Следует отметить, что

керамика восточных (агидельских, по Г.Н. Матюшину) воротничковых памятников типа Муллино позволяет синхронизировать ее лишь с ивановскими комплексами. Ранние памятники с меандровой орнаментацией расположены в Прикаспии и Поволжье, но не в Приуралье. Это вполне согласуется с западным импульсом материалов съезжинского типа, представляющих собой восточную группу мариупольской общности. В связи с хронологическим приоритетом съезжинских воротничковых материалов над зауральским энеолитом, (Чаиркина, 2005, с. 287–296) появление зооморфных лепных изображений на посуде теоретически можно связывать с неолитом этого региона. Но здесь мы сталкиваемся с рядом противоречий, связанных с территориальной и хронологической разобщенностью, иными традициями орнаментации сосудов. Бассейн р. Урал как пограничная территория пока слабо представлен энеолитическими памятниками, и намеченные параллели требуют дополнительной проработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганов С.А., Пестрикова В.И.* Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. – Самара, 2010.
2. *Барынкин П.П.* Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992.
3. *Барынкин П.П.* Поволжье и Южное Предуралье в период энеолита (к определению основных характеристик культурных процессов) // XV УАС. Тез. док. науч. конф. – Оренбург, 2001.
4. *Барынкин П.П.* Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. – Самара, 2003.
5. *Барынкин П.П.* Хвалынская культура как феномен степного энеолита Заволжья (к характеристике культурных связей в период позднего неолита – раннего энеолита в степной части Юго-Восточной Европы) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара, 2004.
6. *Барынкин П.П., Васильев И.Б.* Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. – Воронеж, 1985.

7. *Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. – СПб., 1995.
8. *Васильев И.Б.* Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. (АЭМК. Вып. 3). – Йошкар-Ола, 1978.
9. *Васильев И.Б.* Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980.
10. *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев, 1981.
11. *Васильев И.Б.* Могильник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985.
12. *Васильев И.Б.* Некоторые проблемы исследования самарской энеолитической культуры в лесостепном Волго-Уралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы науч. конф. – Пермь, 2003.
13. *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев, 1988.
14. *Васильев И.Б., Овчинникова Н.В.* Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара, 2000.
15. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди Восточной Европы. Межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1984.
16. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев, 1985.
17. *Васильева И.Н.* Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. – Оренбург, 1999.
18. *Гурин Ю.Г.* Памятники раннего энеолита бассейна Северского Донца. – Луганск, 1998.
19. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
20. *Даниленко В.Н.* Неолит Украины. – Киев, 1969.
21. *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. – Киев, 1974.
22. *Кияшко В.Я.* Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. – 1987. – Вып. 192.
23. *Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург, 2009.
24. *Котова Н.С.* Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди Восточной Европы. Межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1984.
25. *Котова Н.С.* Мариупольская культурно-историческая область. – Луцк, 1994.
26. *Котова Н.С.* Неолитизация Украины. – Луганск, 2002.
27. *Лопатин В.А.* Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989.
28. *Моргунова Н.Л.* Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984.
29. *Моргунова Н.Л.* Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986.
30. *Моргунова Н.Л.* Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989.
31. *Моргунова Н.Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург, 1995.

32. Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург, 2009.
33. Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург, 2011.
34. Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. – 2010. – № 4.
35. Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995.
36. Овчинникова Н.В. Итоги изучения самарской энеолитической культуры в лесостепном Поволжье // XVII УАС. – Екатеринбург; Сургут, 2007.
37. Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
38. Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 1979.
39. Скоробогатов А.М. Энеолитические памятники донской лесостепи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2012.
40. Ставицкий В.В. Проблемные вопросы изучения хвалынской энеолитической культуры // II Городцовские чтения. Материалы науч. конф. – М., 2005.
41. Ставицкий В.В. Процессы взаимодействия и смены волго-уральских раннеэнеолитических культур // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Материалы межрегион. конф. – Самара, 2006.
42. Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит-ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. – Саратов, 2003.
43. Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара, 2000.
44. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург, 2005.
45. Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986.
46. Юдин А.И. Проблемы синхронизации прикаспийской энеолитической культуры // Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы междунар. конф. Часть 1. – Донецк, 1996.
47. Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.
48. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов, 2004.
49. Юдин А.И. Хронология Варфоломеевской стоянки // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, том 1. – Пенза, 2008.

Информация об авторе:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

SOME ASPECTS OF THE SAMARA CULTURE INVESTIGATION

A.I. Korolev

The problems of the Samara culture origin in the context of the Eneolithic cultures development in the whole steppe and forest-steppe Volga river region territory are discussed in the article. The view of the Samara culture formation that had resulted from the interaction of a variety of southern (the Caspian area) and northern (forest and forest-steppe area) groups of the Neolithic Volga-Ural population prevails. Based on the analysis of ceramics and anthropological materials of the S'yezzhee burial ground, the author concludes that the Samara culture had been formed as a result of a western cultural and racial impulse from the Mariupol cultural community, being subsequently influenced by the Khvalynsk culture bearers.

Keywords: archaeology, the Volga river region, the Eneolithic, the Samara culture, the S'yezzhee type of ceramics, the Khvalynsk culture, the Mariupol cultural community.

REFERENCES

1. Pestrikova, V. I., Agapov, S. A. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura (Khvalynsk Chalcolithic Burial Grounds and Khvalynsk Chalcolithic Culture)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 11-120 (in Russian).
2. Barynkin, P. P. 1992. *Eneolit i ranniaia bronza Severnogo Prikaspiia (Chalcolithic and Early Bronze Age of the Northern Caspian Basin)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
3. Barynkin, P. P. 2001. In *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (15th Ural Archaeological Conference)*. Orenburg, 38-40 (in Russian).
4. Barynkin, P. P. 2003. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara, 47-60 (in Russian).
5. Barynkin, P. P. 2004. In *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Ural and Volga Regions)* 2. Samara, 41-49 (in Russian).
6. Barynkin, P. P., Vasil'ev, I. B. 1985. In *Arkheologicheskie pamiatniki na Evropeiskoi territorii SSSR (Archaeological Sites in the European Part of the USSR)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 59-75 (in Russian).
7. Belanovskaia, T. D. 1995. *Iz drevneishego proshlogo Nizhnego Podon'ia: poselenie vremeni neolita i eneolita Rakushechnyi Iar (From the Oldest History of Lower Don Region: Rakushechnyi Iar Neolithic and Chalcolithic Settlement)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
8. Vasil'ev, I. B. 1978. In *Lesnaia polosa Vostochnoi Evropy v volosovsko-turbinskoe vremia (East-European Forest Belt in the Volosovo and Seyma-Turbino Time)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 3. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 169-184 (in Russian).
9. Vasil'ev, I. B. 1980. In *Eneolit Vostochnoi Evropy (East European Chalcolithic)*. Kuybyshev (in Russian).
10. Vasil'ev, I. B. 1981. *Eneolit Povolzh'ia (step' i lesostep') (Chalcolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
11. Vasil'ev, I. B. 1985. In *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 3-19 (in Russian).
12. Vasil'ev, I. B. 2003. In *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie (International (13th Ural) Archaeological Session)*. Perm, 16-17 (in Russian).
13. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
14. Vasil'ev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Vybornov, A. A., Kolev, Yu. I., Mamonov, A. E. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei*.

Kamennyi vek (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Stone Age). Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 216-277 (in Russian).

15. Vasil'ev, I. B., Siniuk, A. T. 1984. In *Epokha medi Vostochnoi Evropy (Copper Age in Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 102-129 (in Russian).

16. Vasil'ev, I. B., Siniuk, A. T. 1985. *Eneolit Vostochno-Evropеiskoi lesostepi (Chalcolithic of the East-European Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

17. Vasil'eva, I. N. 1999. *Tekhnologiia keramiki mogil'nika u s. S"ezzhee (Technology of Pottery in the Burial Ground near Syezzheye Village)*. Series: Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region) 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

18. Gurin, Yu. G. 1998. *Pamiatniki rannego eneolita basseina Severskogo Donsa (Early Chalcolithic Sites in the Seversky Donets River Basin)*. Lugansk: "Osiris" Publ. (in Russian).

19. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

20. Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy. Glavy drevneishei istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (The Neolithic of Ukraine. Chapters from the Most Ancient History of South-Eastern Europe)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

21. Danilenko, V. N. 1974. *Eneolit Ukrainy (The Eneolithic of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

22. Kiiashko, V. Ya. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 192, 73-79 (in Russian).

23. Koksharov, S. F. 2009. *Pamiatniki eneolita severa Zapadnoi Sibiri (Eneolithic Sites in the North of Western Siberia)*. Yekaterinburg: "Volot" Publ. (in Russian).

24. Kotova, N. S. 1984. In *Epokha medi Vostochnoi Evropy (Copper Age in Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 130-139 (in Russian).

25. Kotova, N. S. 1994. *Mariupol'skaia kul'turno-istoricheskaiia oblast' (Dnepro-Donskoe mezhdurech'e) (Mariupol Cultural-Historical Region in the Dnieper and Don Interfluves Area)*. Series: Arkheolohichni pam'yatky ta istoriya starodavn'oho naseleennya Ukrainy (Archaeological Sites and the History of Ancient Residents of Ukraine) 1. Lutsk: "Vezha" Publ. (in Russian).

26. Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: "Shlyakh" Publ. (in Russian).

27. Lopatin, V. A. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 135-146 (in Russian).

28. Morgunova, N. L. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga Vostochnoi Evropy (Copper Age in the South of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 58-78 (in Russian).

29. Morgunova, N. L. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Ancient Cultures of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 31-36 (in Russian).

30. Morgunova, N. L. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 118-135 (in Russian).

31. Morgunova, N. L. 1995. *Neolit i eneolit iuga lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia (Neolithic and Chalcolithic of the Southern Part of the Forest Belt between the Volga and Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

32. Morgunova, N. L. 2009. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Studies of the Early Bronze Cultures in the Steppe Zone of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 6-26 (in Russian).

33. Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
34. Morgunova, N. L., Vybornov, A. A., Kovaliukh, N. N., Skripkin, V. V. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 18-27 (in Russian).
35. Ovchinnikova, N. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 164-190 (in Russian).
36. Ovchinnikova, N. V. 2007. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (17th Ural Archaeological Conference)*. Yekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 107-109 (in Russian).
37. Pestrikova, V. I. 1987. *Khvalynskii eneoliticheskii mogil'nik kak istoricheskii istochnik (Khvalynsk Chalcolithic Burial Ground as the Historical Source)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
38. Siniuk, A. T. 1979. In *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 63-72 (in Russian).
39. Skorobogatov, A. M. 2012. *Eneoliticheskie pamiatniki donskoi lesostepi (Chalcolithic Sites in the Forest-Steppe Zone of the Don River Basin)*. PhD Thesis. Voronezh (in Russian).
40. Stavitskii, V. V. 2005. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia (2nd Gorodtsov's Readings)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 145. Moscow: State Historical Museum, 69-78 (in Russian).
41. Stavitskii, V. V. 2006. In *Problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviia v Uralo-Povolzh'e: istoriia i sovremennost' (Issues of Ethnic and Cultural Interrelations in the Ural and Volga Region: History and Present Day)*. Samara, 72-75 (in Russian).
42. Stavitskii, V. V., Khrekov, A. A. 2003. *Neolit — rannii eneolit lesostepnogo Posur'ia i Prikhoper'ia (Neolithic and Early Chalcolithic of the Forest-Steppe Zone of the Sura and Koper Rivers Basin)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
43. Khokhlov, A. A., Iablonskii, L. T. 2000. In Vybornov, A. A., Kolev, Yu. I., Mamonov, A. E. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Stone Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 278-307 (in Russian).
44. Chairkina, N. M. 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia (Chalcolithic in Middle Trans-Urals)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
45. Iudin, A. I. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Ancient Cultures of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 36-55 (in Russian).
46. Iudin, A. I. 1996. In Usachuk, A. N. (ed.). *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit-bronzovyi vek) (North-Eastern Azov Region in the System of Eurasian Antiquities (Eneolithic – Bronze Age))* 1. Donetsk: Donetsk State University, 21-23.
47. Iudin, A. I. 1998. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 83-105 (in Russian).
48. Iudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevskaya Site and the Neolithic of the Steppe Part of the Volga Basin)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
49. Iudin, A. I. 2008. In Stavitskii, V. V. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropeskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 2 (1). Penza: Penza State United Museum of Local Studies, 121-126 (in Russian).

About the Author:

Korolev Arkadiy I. Candidate of Historical Sciences. Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

СПЕЦИФИКА КАМЕННОЙ ТЕХНИКИ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2013 г. В.В. Сидоров

Представлены результаты исследования летнего поселения волосовской культуры Маслово Болото 4 (III тыс. BC), расположенного на торфянике на р. Клязьма и раскопанного в 1972–1982 гг. Монокультурный характер памятника дал возможность определить специфику каменной техники волосовской культуры по сравнению как с синхронной льяловской культурой, так и с предшествующими неолитическими. На стоянке Маслово Болото 4 на протяжении веков существовали мастерские, где делались рубящие орудия. Материалом служили желваки местного кремня. Обработка велась с применением кремневых ретушеров и завершалась деревянными посредниками. Разнообразие типов связано со специализацией орудий. Характерные для волосовской культуры формы – трапецевидные скребки с острым лезвием, часть со шлифовкой и зубчатые; ножи из плоских отщепов с пологой ретушью; сверла с втянутым рабочим концом, часто с резцовыми сколами. В качестве сверл нередко использовались наконечники стрел. Большая часть скребков использовалась для изготовления лодок. Наконечники стрел и копий не отличаются от неолитических, но среди них выделяются изделия тонкой работы. Присутствуют изделия («отщепы с пуговкой», фигурные кремни), которые могли иметь ритуальное значение. Основные отличия каменной техники волосовской культуры от неолитических касаются рабочих инструментов и технологий.

Ключевые слова: археология, Волго-Окское междуречье, энеолит, волосовская культура, обработка кремня, каменные орудия.

Каменная техника как совокупность приемов работы специфична для каждой археологической культуры, поскольку является отражением традиционных рабочих навыков и представлений о «правильных» – для данной культуры – формах орудий и способах их использования. Но исследователи, уделяя основное внимание керамике, редко фиксируют отдельные детали каменного инструментария, и, как правило, не проводят его покультурного разделения на смешанных памятниках. Получается, что этот круг источников характеризует эпоху, а не конкретный этнос с его культурой. При этом необходимо учитывать, что керамические традиции и традиции обработки камня отражают две весьма различных субкультуры – женскую и мужскую, и характер цир-

куляции в обществе этих субкультур не обязан совпадать.

Достоверно каменная техника конкретной культуры может быть охарактеризована на чистых комплексах. Исследование волосовского памятника стоянки Маслово Болото 4, не содержащего неолитической примеси, позволило провести размежевание льяловской и волосовской техники. Получив такой эталон, мы можем далее сопоставлять с ним смешанные материалы, выделяя из них компонент, специфичный для исследуемой культуры. Оказалось, что набор навыков обработки позволял волосовским мастерам преодолевать различия в качестве сырья, которое весьма разнообразно в пределах Волго-Окского междуречья. Привыкания к определенному сорту кремня не возникало.

Есть районы, где не встречается высококачественный кремль (бассейн р. Дубны, озера группы Неро-Плещеево, Центральная Мещера). Узнаваемые волосовские типы орудий получались и из зернистого (окристаллизованного) галечного кремня, хотя и импорт кремня из коренных месторождений тут был налажен.

Необходимо отметить, что в волосовскую культурную общность, существовавшую на протяжении III тыс. до н.э., оказались объединены общности, контактировавшие друг с другом, но имеющие разное происхождение. Эпонимный памятник – Волосовская стоянка (Цветкова, 1988) – относится к волго-окской волосовской культуре, возникшей в результате миграции с запада, из озерного края Великого Водораздела в истоках Днепра, Даугавы, Волхова и Волги (Сидоров, Энгватова, 1996). Группы с льяловской керамикой были включены далеко не во все локальные варианты волосовской культуры. Знакомство с коллекциями показало, что восточная граница этой общности находится в районе устья Оки. Далее к востоку марийские волосовские памятники (а также бассейнов Ветлуги, Мокши и Суры) сформировались в результате миграции с востока. За протоволосовские памятники тут можно принять содержащие керамику красномостовского типа (Никитин, 1996) При этом льяловские (балахнинские) группы участия в формировании марийской волосовской культуры, вопреки мнению В.П. Третьякова (Третьяков, 1990) и В.В. Никитина, не принимали. Льяловцы (балахнинский вариант?) исчезают с р. Суры за два-три века до появления красномостовской керамики (Кондратьев, 2011). Этот интервал

заполняется присутствием хвалыньских комплексов, зафиксированных на Средней Сура.

Контакты между двумя волосовскими культурами – волго-окской и марийской – существовали: единичные волосовские орудия попадают в составе марийских и сурских комплексов, а в керамике есть сосуды с рамчатым штампом и некоторыми другими специфическими признаками, но их мало. В то же время и на окских волосовских стоянках есть сосуды с наплывом с внутренней стороны венчика и с шагающей гребенкой – специфическими средневожскими признаками (2–3%). Необходимо отметить, что характеристика волго-окской волосовской керамики, выполненная И.К. Цветковой (Цветкова, 1953) по поздним комплексам и частично повторенная Д.А. Крайновым (Крайнов, 1989) очень далека от реальности. Г-образные и Т-образные венчики, крупный гребенчатый штамп, шнур начинают встречаться только на самых поздних поселениях и, как и плоское дно, вовсе не типичны для этой культуры.

Маслово Болото – обширный торфяник, длиной более 20 км в западной Мещере на второй террасе р. Клязьмы. Между размытыми моренами московского ледника сохранилось озеро, распадавшееся на несколько плесов. Периферийные плесы заболотились и в волосовское время уже не были доступны на лодке. Стоянки волосовской культуры концентрируются только в центральной части торфяника, где озеро оставалось доступным. Они возникали на островах – остатках моренного рельефа, и на этих же островах бывали стоянки и верхневолжской и льяловской культур. Раскопки

проведены мною в 1972–1983 гг. на пяти поселениях этой культуры, общей площадью около 2000 кв. м при весьма значительной насыщенности слоев. Исследованы жилища волосовской культуры, врезанные в культурный слой, и материал в них сильно смешан. Но Маслово Болото 4 не имеет неолитического слоя. Это летнее поселение, располагалось на заторфованном лугу, и здесь слой не нарушали перекопами. Не все участки его были заняты одновременно. Мощностность слоя на мысовой части достигала 95 см, на периферии – 25–30 см. Оно было исследовано почти полностью – раскопки 1972–1982 гг. общей площадью 628 кв. м. Слой формировался за счет накопления торфа, кухонных куч, кремневых мастерских, но более всего за счет песчаных «подушек» – очажных насыпей, которые сооружались на настилах из горбылей. Множество разновременных наземных жилищ наслаивались друг на друга и проследить отдельное жилище нет возможности. О летнем характере поселения говорит также обилие поплавок, рыбьей чешуи.

Поселение возникло на торфянистом берегу, когда около 5000 л.н. сюда пришла группа, пользовавшаяся керамикой, характерной для бассейна Верхнего Днепра. Они отнесены А.М. Микляевым и А.Н. Мазуркевичем к руднянской культуре (Микляев, 1994), но ее можно рассматривать как вариант валдайской культуры. Об этом свидетельствует существенная примесь верхнеднепровской «лапчатой» керамики (4 сосуда из 14, происходящие из нижнего слоя). Этот термин применяется к оттискам штампа из тонкого шнура, намотанного на тонкую палочку и оттиснутого углом.

И.К. Цветкова включала ее в материал третьего этапа рязанской культуры, возникший после волосовского (Цветкова, 1970). Б.А. Фоломеев включил такую керамику вместе с поздней волосовской в дубровическую культуру (Фоломеев, 1975). В остальных сосудах можно узнать руднянскую и валдайскую гребенчатую керамику. В дальнейшем волосовская культура Маслово болота оказывается интегрирована в единую волосовскую культуру Волго-Окского междуречья.

Пришедшая группа использовала высокие острова для зимних поселений, а как летнее оборудовала жилую площадку на самой кромке берега. Площадка использовалась как летнее (сезонное) стойбище на протяжении всего времени существования волосовской культуры – около тысячи лет. На площадке существовали мастерские, где массово изготавливались заготовки рубящих орудий – здешний кремь был наиболее удобен для них.

Местный равномерно-зернистый кремь оказался идеальным сырьем для рубящих орудий. Внутренние части крупных желваков состоят из мелкоструктурного кремня, дающего гладкий скол, наружные слои, а также тонкие желваки дают зернистый кремь. Кремь других месторождений встречается среди орудий, но не дебитаж. Такая же однородность каменного сырья характерна и для других волосовских памятников (для каждого района своя).

Коллекция включает около 30 тыс. отщепов и чешуек (взят кремь не весь – эталонные навески дебитаж из мастерских, средние и крупные отщепы), 3 тыс. заготовок, более тысячи морфологически выраженных орудий, сотни кремневых ретушеров,

отбойников, осколков шлифовальных плит. Такая база позволила проследить специфику обработки камня, а также варианты типов орудий и их функции¹.

Первичная обработка кремня началась вне поселения. Выходы такого кремня можно ожидать по оврагам, прорезающим террасы р. Клязьмы в 12–15 км севернее. Он залегает в белой глине. На поселение приносили опробованные на месте желваки. Нуклеусов в неолите нет – отщепы получались обивкой через край при изготовлении двусторонне оббитых заготовок. Пластинчатые сколы возникали как результат параллельного скалывания (рис. 1: 1). На 30 тыс. отщепов и орудий к пластинам с большой натяжкой можно отнести 15, но это только случайные вариации отщепов. Обивка через ребро велась кварцитовыми и кремневыми отбойниками, площадки не подготавливались, соответственно отсутствуют технологические сколы. Ударные бугорки массивные, занимают половину брюшка. Удлиненных плоских отщепов таким методом получить не удается, но первичная обивка заготовок велась именно таким методом. Заготовки рубящих одних и тех же типов получались как при двусторонней обивке желвака (рис.1: 8–10, 14), так и при обивке крупных первичных отщепов. Сложился устойчивый прием изготовления острообушковых тесел из асимметричных отщепов: короткий бок отщепа был почти готовым

желобчатым лезвием, а скошенное основание и ударная площадка спрямлялись грубой краевой обивкой. При изготовлении крупных трапециевидных скребков брался симметричный трапециевидный отщеп. Первичный контур получался точно таким же обрубанием основания.

Ретушеры кремневые определяются по полюсам давления на противоположных концах. Они могли использоваться в рычаговом станке. Костяных и роговых ретушеров нет. Тонкие стержни, принимаемые за ретушеры, таковыми не являются – их концы не имеют следов деформации. На соседнем поселении найдены 5 роговых ретушеров в виде толстых и коротких стержней с разбитыми концами. Судя по охватываемому желобку, ими работали как молотком на рукоятке. Но значительная часть сколов и фасетки на законченных орудиях показывают иной тип ретушеров. Ударные бугорки не выражены, ударная площадка карнизом нависает над проксимальным концом и нередко шире его. Посредник (ретушер) захватывал значительную часть кромки заготовки. Такая форма точки отделения скола показывает, что удара не было, было упругое и мощное давление, не дающее лишних трещин, и рабочий край готового орудия получается без трещин и не требует снятия ребер между негативами бугорков. Это может быть результатом применения ретушировочного рычагового станка с посредником из твердого дерева. Компактность и насыщенность пятен рабочих точек тоже указывает на применение на поселении стационарных станков для ретуши.

На наличие станкового оборудования указывает и техника шлифовки.

¹ Автор не питает большого пиетета к трасологическому методу определения функций орудия, особенно когда орудие изношено сильно. Заполированность, повреждения рабочих кромок, подправка и ремонт видны и без увеличения.

Если льяловские тесла шлифовали круговым движением на крупных и массивных кварцитовых плитах, то волосовские плиты невелики и тонки. Стертость плоских поверхностей гораздо слабее, чем узких продольных торцов. Ими работали как рубанком по закрепленной в станке неподвижной заготовке. Такие «шлифовальные рубанки» (рис. 12) бывают как двухручные, так и одноручные с обработанной пикетажем стороной, противоположной абразивному торцу. Шлифовка на плоскости тоже применялась, но не была основным приемом. Торцовый износ и небольшая массивность плит обычны для всех волосовских поселений.

По-видимому, основная продукция мастерских Маслово Болота 4 – заготовки рубящих орудий, а не готовые изделия. Они доделывались в другом месте (плит тут не так уж много). К тому же, если обивка давала брак, который и попадает в коллекцию, то изделия, дошедшие до стадии шлифовки, уходили с поселения. Около 35 заготовок несут следы минимальной пробной шлифовки плоских сторон (рис. 2: 6), у двух полностью шлифована одна из плоскостей, когда к другой еще не приступали. Переоформление поврежденного и затупленного рубящего орудия начиналось с ретуши, и к шлифовке приступали только после удаления массивных выступов (рис. 3: 2, 13). Немногие острообушковые тесла, уже бывшие в работе, полностью сформированы ретушью и имеют минимальную обработку лезвий (рис. 2: 7–9).

Абразивная обработка применялась не только к камню. Плитки из рыхлого песчаника пригодны для обработки органических материалов –

их поверхность осыпается, не успев засалиться, и не требует дополнительной обработки. Довольно много оказалось шлифовальников в виде плоской лепешки с краями, обработанными пикетажем. Они удобны для захвата рукой при полировке крупных деревянных изделий.

Самая массовая категория орудий, как обычно на неолитических стоянках – скребки. На всех волосовских памятниках обязательно присутствует специфичный тип трапециевидных скребков, всюду представленный самой многочисленной серией – это своего рода визитная карточка волосовской техники (рис. 4: 1–15, 18–22). Их слабоизогнутые лезвия оставались острыми, несмотря на многочисленные подправки – иногда они заполированы в работе до блеска и сработаны подправкой до ударного бугорка и при этом лезвия остаются без нависающих карнизов. Отрывающая ретушь это позволяла. Боковые стороны отщепы ретушированы не всегда, но столь же тщательно, как и рабочие. Рабочее лезвие может иметь округленные углы, а может, острые (именно такую форму И.К. Цветкова называла резчиками, считая острые углы при стыке с боками главным рабочим признаком). Лезвия могут быть зубчатыми, при этом зубчатость делалась острым кремневым ретушером. Она видна у 30–40 % скребков этого типа. Но зубчатость быстро изнашивается, хотя весьма эффективна в работе по дереву. Довольно много (до 20%) среди них скребков со шлифованным лезвием. Изредка встречается шлифовка со стороны брюшка и в этом случае лезвие скребка оказывается тождественным лезвию тесла. Шлифовка встречается также на скребках с носи-

ком, который бывает выражен на рабочем лезвии тех же трапециевидных скребков (бывают и с двумя рядом расположенными носиками) (рис. 4: 3, 36, 41, 45). Очень редко шлифуется лезвие концевых скребков, которые отличаются от трапециевидных только длиной (но это переменная величина и меняется в процессе работы). Трапециевидные скребки часто имеют подтеску на брюшке – снимается ударный бугорок с подправкой для крепления в сменной рукоятке. Среди специфических волосовских скребков – массивные овальные с боками, обработанными отвесными сколами и округлым крутым рабочим концом (рис. 4: 35, 37). Их правильнее определять как скребла. Оформление их такое же, что у заготовок рубящих.

Очень мало оказалось скребков с округлым рабочим краем без каких-либо выступов (рис. 4: 28, 32, 46). Именно эти единичные скребки могут рассматриваться как кожевенные. Не много и аморфных с нависающей кромкой, которая возникает при работе по твердому материалу (кость) без регулярной подправки. Совершенно не характерными для волосовской техники оказались самые распространенные в льяловской культуре короткие многосторонние с переменным положением рабочего лезвия (рис. 4: 30, 42).

Обязательно для волосовских коллекций присутствие ножей с пологой ретушью из плоских отщепов (рис. 5). Обычно сочетание на одном орудии нескольких лезвий – вогнутых, прямых, реже выпуклых. Той же формы и функции ножи из тонких отщепов с мелкой и нерегулярной ретушью, не приобретших стандартных очертаний – они еще не проходили переоформляющую подправку плоской ретушью.

Если отщеп был массивен и использование длительным, ретушь становилась высокой, заходящей на спинку (рис. 5: 1; 6: 11, 12). Ножи сложной формы обычно имеют довольно крутую ретушь, которая и создает их нестандартную форму (рис. 5: 7, 8; 6: 3–5, 9, 10). Похоже, что их готовили для какой-то сложной работы. Лезвие, пригодное для резания и скобления, занимает небольшую часть периметра. Нет уверенности в утилитарном характере этих изделий. Особая форма – ложкари (рис. 6: 1, 11, 17, 26). Это скребки с узким округлым концевым лезвием, переходящим в типичные ножевые лезвия на продольных сторонах отщепа. Они встречаются и в поздних льяловских комплексах.

Струги – тоже не специфически волосовская вещь. Это ножи с двумя, реже одним прямым или выпуклым лезвием с высокой ретушью, заходящей на спинку. Их характерная черта – подтеска торца с брюшка, возможно, для крепления в рукояти одновременно двумя концами (рис. 4: 42). Встречаются регулярно, но не многочисленны.

Резцы относительно малочисленны (рис. 9: 34–40). Но они делались из крупных плоских отщепов и их обломков, довольно часто – из обломков копий. Делались резцы из обломков ножей, стругов, редко – из скребков. Использование обломков орудий – это не комбинирование, а утилизация. Обычно они крупнее льяловских, с длинным резцовым снятием. Аморфные и нуклеидные встречаются не часто и в этом тоже их отличие от льяловских. Большинство их срединные с расходящимися от одного ребра сколами, немного уступают по коли-

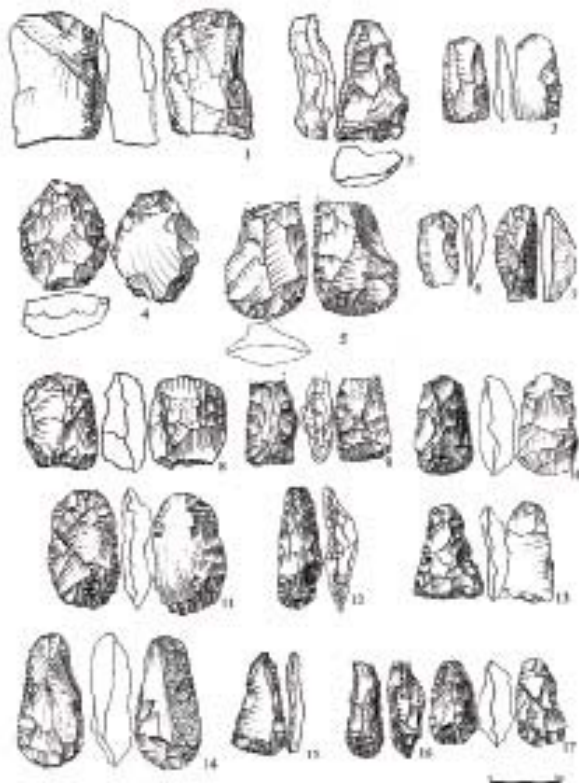

Рис. 1. Заготовки тесел.

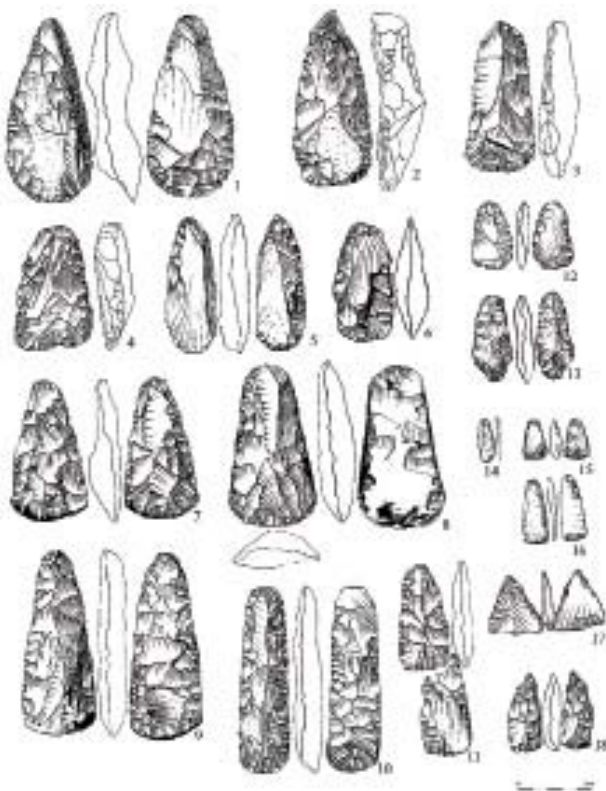

Рис. 2. Заготовки тесел (1–5), заготовки долот (10–12), тесла с начатой шлифовкой (6–9, 13), стамески (14–18).

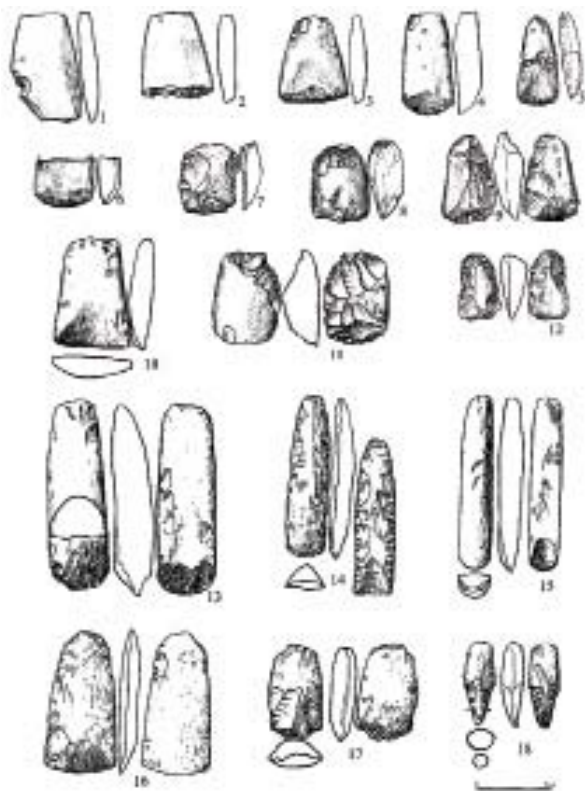

Рис. 3. Тесла и долота шлифованные.

Рис. 4. Скрепки.

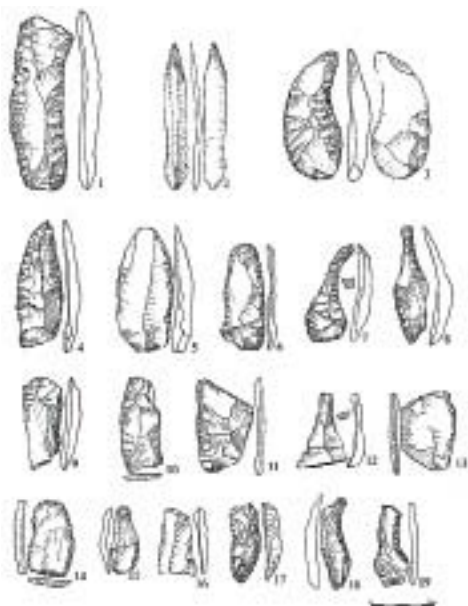

Рис. 5. Ножи из пластинчатых отщепов, фигурные ножи.

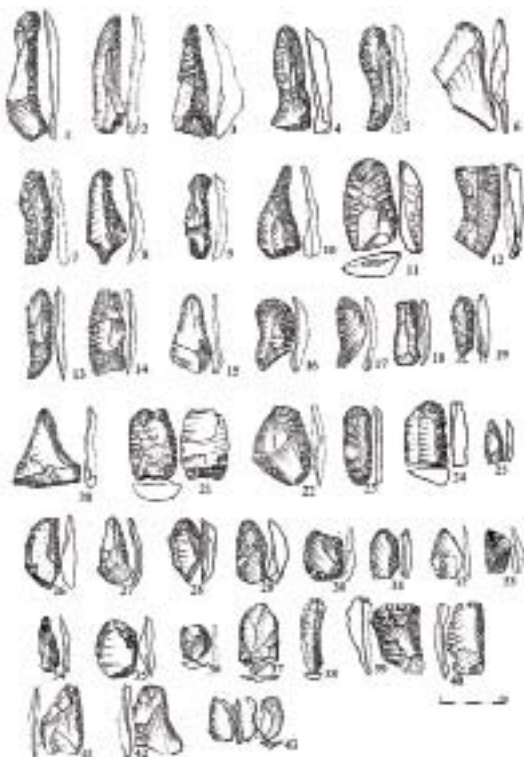

Рис. 6. Ножи и ложки из отщепов.

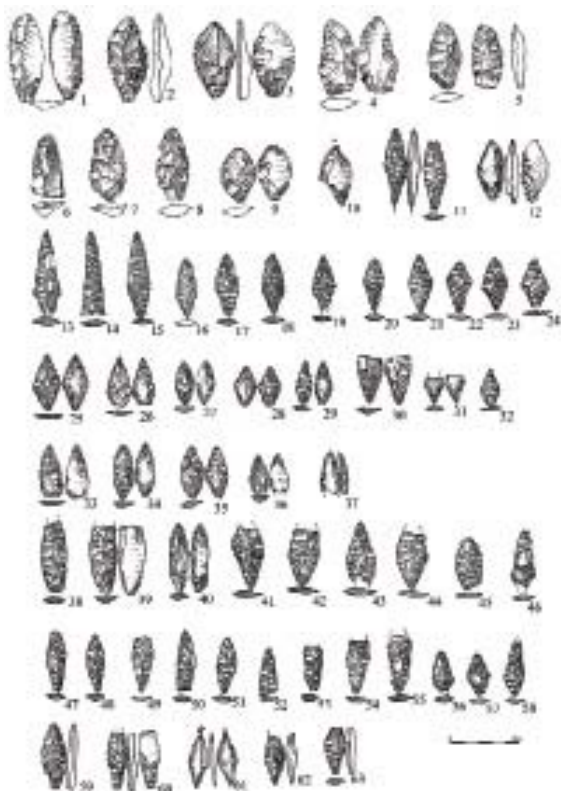

Рис. 7. Наконечники стрел и заготовки.

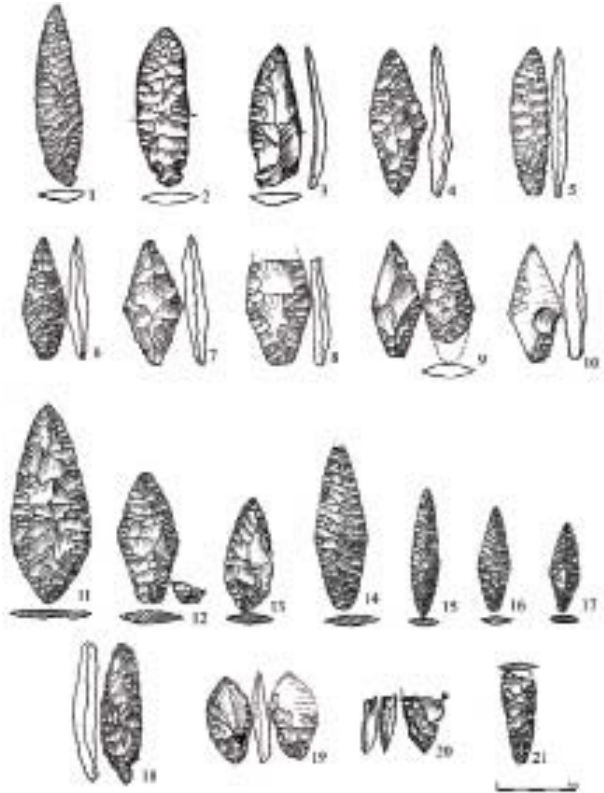

Рис. 8. Кинжалы (1–3, 5, 18), наконечники дротиков (4, 6–14, 19), наконечник копья (5), наконечники стрел 15–17, 21, резец из обломка копья (20).

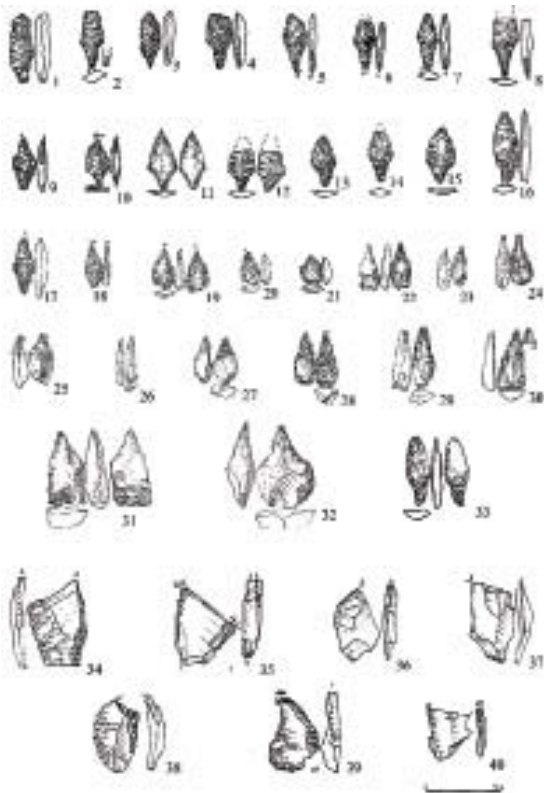

Рис. 9. Наконечники стрел, сработанные как сверла (1–18), сверла (19–33), резцы (34–40).

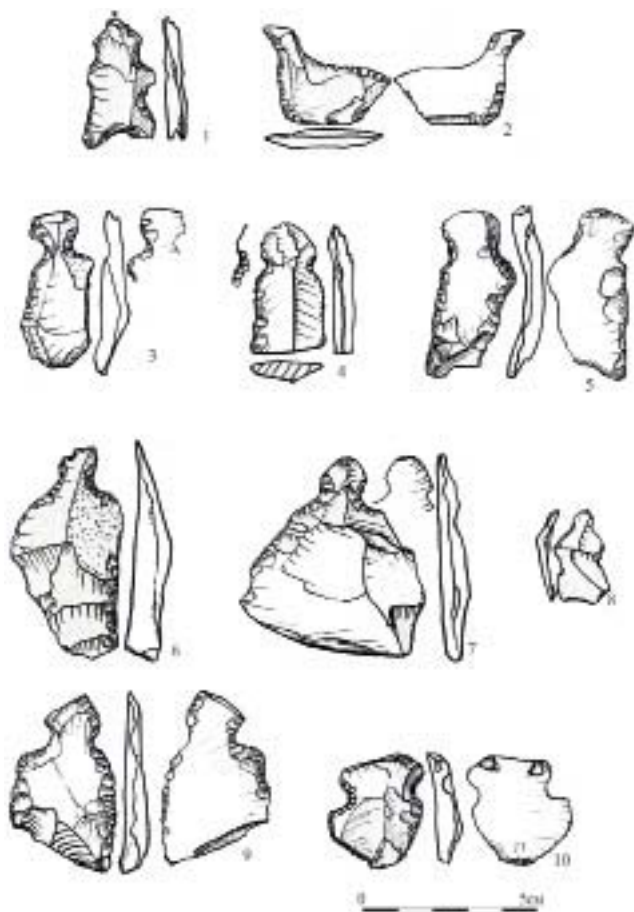

Рис. 10. Фигурные кремни (1, 2), отщепы с выделенной головкой (3–10).

Рис. 11. Клевец или кинжал 17,2 см.

Рис. 12. Торцовые шлифовальные плиты.

честву угловые, со сколом от поперечного излома.

Резцовый скол регулярно применялся для оформления жальца сверл. Обилие сверл – тоже один из основных признаков волосовской техники, который наблюдается на валдайских стоянках с раннего неолита. Классическое волосовское сверло имеет расширенную рукояточную часть, нередко оформленную по контуру краевой ретушью, и плоскими сколами, снимающими утолщение (рис. 9: 24). Стандарта в размерах рукоятки не заметно. Более стандартны жальца, выделенные плечиками и обработанные как плоской, так и отвесной поперечной ретушью, часто освеженной резцовыми сколами от острия сверла. Сверла бывают двух калибров – около 1 см и около 0,5 см. Несмотря на освежающую подправку, хорошо заметна сильная стертость лезвий и острия в работе. Очень многие наконечники стрел и дротиков, а также их заготовки оказались переоформлены в плечиковые сверла. Но для волосовской культуры характерно их ситуационное использование

Кроме плечиковых, есть и иные типы сверл, но они не столь специфичны (рис. 9: 19–33), хотя по количеству их не меньше, чем сверл с вытянутым жальцем и плечиками. Это орудия из отщепов, у которых приспособлен для работы подходящий выступ. Он может быть подправлен краевой ретушью, может использоваться и без подправки. Встречаются сверла, у которых небольшое жальце формировалось в результате подправки тонкого края отщепа в процессе работы. Такие орудия есть и в иных культурах. Проколки отличаются тонким жальцем,

сформированным из относительно тонких отщепов краевой ретушью.

Рубящие орудия разнотипны, и все типы их сосуществуют (рис. 3). Различия их определялись функциональной спецификой. Многие подвергались ремонту, у расколотых поперек формировался новый обушок, те, что утратили угол, превращались в узкие долота. Пропорции в плане – категория переменная, они менялись по мере срабатывания. Более устойчивы пропорции и сечения рубящих орудий. Целые тесла обычно сильно затуплены, они подправлялись ретушью. Но осколки лезвий показывают, что в рабочем состоянии это были хорошо заточенные орудия.

Перечислим эти типы. Массивные горбатые тесла желобчатые с почти полной шлифовкой, включая тупой обушок (рис. 3: 4, 13). Желобок проточен шлифовкой, заметно уже лезвия, в результате к желобку примыкают поля, совпадающие с плоскостью брюшка. Заточка велась наискось, срезая и поля, и желобок, который с каждой заточкой укорачивался. Тесла острообушковые с широким желобком. Именно он формировался из естественного изгиба отщепа, но есть и сформированные бифациально, плоскими длинными сколами (рис. 2: 3, 5, 10, 12). Для этих орудий полная шлифовка не обязательна. Желобчатые долота – толщина их не намного меньше ширины. Желобок формировался ретушью и подправлен протачиванием. Плоские тесла с минимальным изгибом лезвия, иногда прямым. Очень напоминают фатьяновские клиновидные топоры с линзовидным сечением, но заточка у них односторонняя (рис. 3: 1, 16). Шлифовка полная, включая прямо срезанный обушок.

Размеры рубящих – функционально очень существенный признак. На нашем памятнике преобладали мелкие орудия в среднем 5–6 см длиной. Но и целые ненамного больше. Законченное тесло обычно составляло 10–12 см, но волосовская техника позволяла делать и рубящие орудия до 20–22 см длиной.

Стамески – условная группа. В нее входят плоские изделия, по форме совпадающие с рубящими острообушковыми, чаще всего сделанные из тонких отщепов с минимальной заточкой лезвия, а иногда только с ретушью. Есть стамески из отщепов, у которых обработано шлифовкой только лезвие, остальное дает естественная форма отщепа (рис. 2: 12–18; 3: 18).

Почти все орудия кремневые. Только два сланцевых из подходящей формы гальки с минимальной шлифовкой лезвия. Небольшая серия – орудия из опоки, хорошо шлифованные. Формы их – те же самые, что у кремневых. Но они связаны только с верхним слоем, который оставила маленькая стоянка с «лапчатой» керамикой верхнеднепровской культуры. Шесть из них составляют клад, который сопровождал коллективное погребение в этом слое.

К рубящим могут относиться массивные валиковые клинья, диоритовые и сланцевые, тщательно шлифованные. Они овальные, почти круглые в сечении с симметричным хорошо заточенным острым лезвием без забитости его. На тупом обушке нет следов жестких ударов, но бить по нему могли и деревянной колотушкой. Предполагаю, что это орудия для откалывания досок-горбылей, широко применявшихся волосовцами при строительстве. Здесь были найдены

настилы, выложенные из горбылей длиной до 2,2 м при ширине 18 см.

Оружие – наконечники стрел, дротиков, копий, кинжалы, клевцы, серповидные ножи. Наконечники стрел (рис. 7, 8) не отличаются от льяловских, за исключением редких форм, которые нельзя признать и за волосовские. По технике обработки они образуют две группы. Большинство довольно грубы, многие не имеют полной ретуши с брюшка, а иногда и на спинке: сочетание длинных фасеток с краевыми. Формы листовидные узкие и ромбические, далеко не всегда их можно различить, и при переделке они могли переходить одна в другую. Размеры – от миниатюрных длиной менее 1,5 см, до средних – 5 см. Фасетки кладутся перпендикулярно линии краев, диагональная струйчатая ретушь в волосовской технике не используется. У этой группы нередки фасетки с ямками от ударных бугорков, то есть тут применялся жесткий ретушер.

Вторая группа, составляет около 20% – наконечники, выполненные мягким ретушером без образования ямок от бугорка (рис. 8: 14–17). Такая обработка не требует слоя мелкой ретуши. Отличается и по форме, и по размеру. Здесь почти нет ромбических наконечников, листовидные более тонки и узки. В эту же группу входят псевдоромбические с длинным листовидным пером и коротким треугольным насадом. В некоторых случаях наконечник ставился перевернуто – треугольным острием вперед. Длина наконечников такого типа достигает 8 см, хотя обычно они не намного длиннее грубых. Тонкие наконечники составили погребальный комплекс, входят в состав кладов и именно эти

определяют лицо волосовских стрел, хотя их меньше, чем массивных.

Редкие формы – треугольные, с параллельными краями, с выступающими шипами, пильчатые, не образуют серий ни на одном волосовском памятнике и их можно рассматривать как импорты.

Дротики отличаются от крупных наконечников стрел большей массивностью. Они в 3–4 раза тяжелее стрел. Форма преимущественно листовидная, у ромбических более подчеркнут переход к черешку, что характерно и для копий (рис. 8: 7–12). Наконечники копий обрабатывались тонкими и плоскими фасетками мягким ретушером, не оставляющим негативов ударных бугорков с минимальной подправкой. Фасетки лежат перпендикулярно кромке, широкие, одинаковы с обеих сторон (у стрел и дротиков качество обработки несколько различается на разных фазах). Встречается прием специального затупливания абразивной обработкой лезвий насада, но этот прием известен и в поздних льяловских комплексах. Таким способом можно было предотвратить повреждение ременной оплетки в месте прикрепления наконечника. Формы листовидные относительно широкие (позднее льяловские листовидные узкие), треугольно-черешковые, близкие к ромбическим, но часто встречается и длинный прямо срезанный черешок с параллельными краями. Бывают редкие формы, но на Маслово Болоте есть только стандартные.

Небольшая группа копий и дротиков (все из сиреневого кремня) сделана из очень крупных плоских отщепов с неполной, но крупной и пологой ретушью, с сохранением участков без вторичной обработки. Стратиграфи-

ческое положение позволяет связывать эти наконечники с комплексом с лапчатой керамикой. На территории верхнеднепровской культуры тоже находят такие не полно обработанные, но вполне законченные копия. Качество заготовки ее и не требовало.

Кинжалы в волосовском вооружении преимущественно костяные. Кремневые немногочисленны. Любой наконечник копья мог быть использован как кинжал. В эту группу выделены только те, у которых имеются специальные детали для крепления – выделенные ретушированными выемками «пуговики» (рис. 8: 1–3, 5). Один такой наконечник с пуговкой на насаде найден в погребении на поясе. Двусторонне обработанные ножи с пуговкой есть и на нашем летнем поселении.

Но имеется небольшая серия орудий с резко выраженной асимметрией: один край слабо выступающая дуга, другой – горбом со смещением к концу, который можно считать боевым. Обработка такая же, как на наконечниках копий. Два таких изделия длиной 17 и 21 см найдены у подножия берега (рис. 11). Узкий конец вполне мог крепиться в расщеп. Асимметричные двусторонне обработанные острия могут быть истолкованы как клевцы, лезвия томагавков. Двусторонняя плоская обработка применялась только к оружию. Подобные изделия встречаются в неолите Валдая и на предыдущих этапах (Гадомля 9 на оз. Наволок), известны они в составе памятников со смешанным слоем (Мышецкая). В льяловской культуре тоже существовали клевцы, но совершенно иного типа – это сланцевые шлифованные сверленные так называемые «мотыги», которые встречаются в единичных экземплярах на десятках

ляловских стоянок. Качество обработки, наличие знаков говорит, что это именно оружие. Вероятно, волосовцы имели оружие аналогичного действия.

Весьма загадочная категория – «серповидные ножи». Их техника обработки такая же, как у наконечников стрел с тонкой ретушью. Встречены они пока только в тех комплексах, которые содержат также верхнеднепровскую керамику. И.К. Цветкова (1970) истолковывала их как серпы с намеком на возможность зародыша земледелия – «специализированного собирательства». Но кремневый серп безошибочно определяется по характеру заполировки, а на этих орудиях она отсутствует. Очень слабая и совершенно не связанная с работой в качестве серпа заполированность касается острия и выпуклой стороны лезвия и никогда – вогнутой. Эти изделия по размерам близки дротикам, имеют двухстороннюю плоскую обработку и линзовидное сечение. Обломок острия такого орудия не отличается от наконечников, насад закруглен, и не отличается от насада дротиков. Такая обработка бывает только у оружия. Изгиб составляет от 120 до 90°.

Кремневая техника касается не только утилитарных предметов. Так, спорным орудием является нуклевидный резец. Что-либо резать им невозможно, только процарапывать его углами и выступами довольно широкую борозду. Но на костяных изделиях нет следов подобной работы. Нередко такие изделия трактуются как остаточные нуклеусы. Но если под нуклеусом понимать остаток от снятия вполне полезных сколов для дальнейшей утилизации, то сколы с нуклевидных резцов таковыми быть

не могли. И многие из сколов не создавали новых углов для использования, только тупили их, раскрашивая все новыми попытками параллельных снятий. В волосовских материалах практически нет этой категории, которая появляется в финале мезолита и доживает до конца ляловского времени. Но тут имеется другая группа – куски с направленной поперечной обивкой, которая не вела к получению практически полезных сколов и орудий, но придавала куску определенную форму. В одном случае это явно полулунная форма. В другом – дисковидная, но чаще – аморфная, результат десятков направленных ударов. Создается впечатление, что, как и на нуклевидных кусках, люди просто ставили опыт – что еще можно сколоть с данного куска.

Не менее загадочна еще одна категория – «отщепы с пуговкой», которые есть во всех волосовских комплексах (рис. 10: 3–10). У любого плоского отщепа или осколка орудия ретушью бывала выделена головка, чаще на ударном бугорке. Периметр отщепа может иметь следы использования, ретушь утилизации, фрагментарно – лезвия орудий. Сам прием формирования «пуговок» в культурах волосовской традиции существует и касается некоторых готовых орудий (как описанного выше кинжала). Он фиксируется на Валдае с финала мезолита (Курово 4, см.: Сидоров, 1996), регулярно отмечается на стоянках с мешанным комплексом. «Отщепы с пуговкой» – обычная деталь валдайских комплексов. Вероятно, они связаны не с утилитарными действиями, а с ритуализированными действиями по отношению к кремню.

Такая головка-пуговка ничем не отличается от головок кремневых фигурок. Они есть не только у антропоморфных, но и абстрактных – геометрических – лунниц в виде рыбьего хвоста. Фигурные кремни по технике изготовления распадаются на две группы. Большинство составляют изготовленные краевой крутой ретушью по контуру, иногда минимальной, вносящей лишь коррективы в форму отщепы. Такая минимизация обработки ведет к тому, что нередко за фигурные кремни бывают приняты случайные вещи, в том числе орудия, их обломки, которые исследователю показались на что-то похожи. Но поскольку ритуальное изображение – это знак, а не свободное художественное творчество, то он должен однозначно читаться при любом качестве исполнения. Можно заметить, что в качестве фигурных кремней никогда не используются осколки и естественные камни с дополнительной обработкой – только отщепы. Сланцевыми бывают только подвески и штампы, но не фигурки. Изготовление их, также как отщепов с пуговкой, каким-то образом было связано именно с ритуализацией обработки кремня.

Небольшая серия фигурок (но наиболее яркая) сделана двусторонней обработкой, аналогичной обработке бифасов (оружия). По составу образов она не отличается от фигурок из отщепов.

Волосовская каменная техника формировалась на сырьевой базе селигерского черного и старицкого кремневого кремня высокого качества,

встречающегося крупными конкрециями. В этом регионе мастерские по обработке кремня появляются в мезолите и функционируют тысячелетия. Их пласты накапливались в пойменных отложениях при устьях ручьев, прорезавших содержащие кремний известняки. Четкая стратифицированность таких мастерских позволяет организовать исследование формирования технологических традиций. К настоящему времени определено раннее, в начале голоцена появление острообушковых тесел с широким желобком, которые продолжают использоваться в волосовское время. Типологические ряды других волосовских типов, в том числе кремневых фигурок, тоже начинаются в мезолите Валдая.

Каменная техника – это только небольшая часть материального окружения человека, но нам приходится судить о не сохранившейся части, реконструировать целостный этнографический облик на такой скудной основе. Отсутствующие знания о деревянных изделиях, представленных в лучшем случае единицами, случайно сохранившимися, приходится восполнять знанием об инструменте их изготовления. Волосовская каменная техника продемонстрировала разработанность инструментария, узкую специализацию отдельных типов, что позволяет догадываться о сложности состава деревянных изделий. Наиболее сложным и требующим разнообразия инструментов была лодка, которая и определяла основные особенности быта и труда специализированных озерных рыболовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев С.А. Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011.

2. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Археология СССР. Энеолит. – М.: Наука, 1989.
3. *Микляев А.М.* Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. – СПб., 1992. – С. 10–28.
4. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского Поволжья. (Тр. МАЭ. Т. IV). – Йошкар-Ола, 1996.
5. *Сидоров В.В., Энговатова А.В.* Протоволосовский этап или культура? // Тверской археологический сборник. Вып. 2. – Тверь, 1996.
6. *Сидоров В.В.* Мезолит бассейна р. Съежи // Тверской археологический сборник. Вып. 2. – Тверь, 1996.
7. *Третьяков В.П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н.э. – Л.: Наука, 1990.
8. *Цветкова И.К.* Волосовская стоянка // Тр. ГИМ. Вып. 68. Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. – М., 1988.
9. *Цветкова И.К.* Волосовские неолитические племена // Тр. ГИМ. Вып. 22. – М., 1953.
10. *Цветкова И.К.* Рязанская культура // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. – М. 1970.
11. *Фоломеев Б.А.* К вопросу о памятниках «дубровичского типа» в бассейне Средней Оки // КСИА. – 1975. – Вып. 141.

Информация об авторе:

Сидоров Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gav-lupus@rambler.ru

SPECIFICITY OF STONE TECHNOLOGY VOLOSOVO CULTURE

V.V. Sidorov

The results of a study of the Volosovo culture Maslovo Boloto 4 (3rd millennium BC) summer settlement site, located on the peatbog near the Klyazma river and excavated in 1972–1982 are presented. The monocultural character of the site has provided an opportunity to determine the specificity of the Volosovo culture stone technique as compared with both the synchronous Lyalovo culture and the preceding Neolithic ones. For centuries, on the Maslovo Boloto 4 site there had existed workshops producing chopping tools. The manufacturing process had been based upon nodules of local flint as raw material. The process implied the use of flint retouchers, being completed with wooden intermediate tools. The variety of types is associated with tool specialization. The following shapes are typical for the Volosovo culture: trapezoidal end-scrapers with a sharp blade (with grinding or denticulation); knives made from flat flakes with gentle retouch; drills with caught up working end, often chipped with end-scraper. As drills, arrowheads had often been used. The majority of end-scrapers were used to make boats. Arrow- and spearheads do not differ much from the Neolithic ones, but among them products of fine workmanship are also met. There are products (e.g. “flakes with a button”, shaped flints), which might have had ritual significance. Basic differences between the Volosovo culture stone technique and the Neolithic one are related to the working tools and technologies.

Keywords: archaeology, the Volga-Oka interfluvies area, the Eneolithic, the Volosovo culture, flint processing, stone tools.

REFERENCES

1. Kondrat'ev, S. A. 2011. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki Srednego Povolzh'ia (Dotted-and-Combed Ware Culture in the Middle Volga Area)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
2. Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (ed.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 10-28 (in Russian).
3. Mikliaev, A. M. 1992. *Kamennyi-zheleznyi vek v mezhdurech'e Zapadnoi Dviny i Lovati (Stone and Iron Ages in the Western Dvina and Lovat Interfluve Area)*. Doct. Diss. Saint Petersburg (in Russian).
4. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola (in Russian).
5. Sidorov, V. V., Engovatova, A. V. 1996. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 2*. Tver: Tver Regional Museum of Local Studies, 164-182 (in Russian).
6. Sidorov, V. V. 1996. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 2*. Tver: Tver State United Museum, 75-92 (in Russian).
7. Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III—II tysyacheletiiakh do n. e. (Volosovo Tribes in the European Part of USSR in the 3rd – 2nd Millennia BC)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Tsvetkova, I. K. 1988. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Nasledie V. A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (V. A. Gorodtsov's Legacy and Issues of the Present-Day Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 68. Moscow, 86-100 (in Russian).
9. Tsvetkova, I. K. 1953. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 22*. Moscow, 19-52 (in Russian).
10. Tsvetkova, I. K. 1970. In *Okskii bassein v epokhu kamnia i bronzy (Oka River Basin in the Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 44. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 94-153 (in Russian).
11. Folomeev, B. A. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 141*, 33-41 (in Russian).

About the Author:

Sidorov Vladimir V. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. gav-lupus@rambler.ru

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ XX КУЗЬКИНСКОЙ СТОЯНКИ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2013 г. А.В. Шипилов

В статье публикуются материалы XX Кузькинской стоянки, в настоящее время разрушенной водами Куйбышевского водохранилища. Памятник был обследован в 1965 г., подъемный материал представлен керамикой и каменными орудиями. Керамический комплекс и каменный инвентарь оставлен в основном населением камской неолитической культуры. Этот самый ранний период обитания может быть датирован первой половиной IV тыс. до н.э. Кроме того, имеются артефакты, связанные с культурами эпохи энеолита-бронзы (волосовская, луговская, маклашеевская) и раннего железа («текстильная», ананьинская).

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Куйбышевское водохранилище, неолит, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, поселение, керамика, орнаментальные мотивы, каменный инвентарь.

Кузькинская XX стоянка расположена в 10,8 км к югу от д. Шуран Лаишевского района и в 5,8 км к юго-западу от бывшей деревни Кузькино Алексеевского района РТ. Культурный слой памятника уничтожен водами Куйбышевского водохранилища. Весной 1965 г. во время весеннего спада воды П.Н. Старостину удалось выявить и провести обследование памятника (рис. 1) (Старостин, 1965, с. 19–20). На площади 80x30 кв. м удалось собрать подъемный материал, состоящий из керамики и кремнёвых изделий.

Наиболее ранний хронологический комплекс рассматриваемого памятника относится к *камской неолитической культуре*. Он представлен фрагментами (186 фр.) круглодонных сосудов с полуяйцевидным туловом с примесью песка в глиняном тесте. Выделяется фрагменты полуяйцевидных сосудов, украшенных по внешней поверхности ямочным орнаментом (рис. 2; 4: 1; 6: 1). Орнаментация дополняется круглыми ямочными вдавления-

ми под срезом венчика. В ряде случаев орнаментация овальными ямками присутствует и на внутренней стороне сосудов. С внутренней и внешней стороны керамика хорошо заглажена. Аналогии представлены на памятниках камской неолитической культуры. Наибольшее сходство данной керамики прослеживается с посудой, происходящей со стоянок Лебяжинка V и Утож I (Выборнов, 2008, рис. 72: 13; 161: 3, 5).

Наружная поверхность других фрагментов камской керамики также хорошо заглажена и почти сплошь покрыта орнаментом. В орнаментации применялись различные гребенчатые штампы. Из собранного массива камской неолитической керамики рассматриваемого памятника выделяются следующие орнаментальные мотивы:

1) пояса из оттисков короткого овального многочастного гребенчатого штампа (рис. 3: 14; 5: 4, 9, 14, 18–20; 6: 4, 10–12);

2) мотив «елки», выполненной оттисками овального многочастного

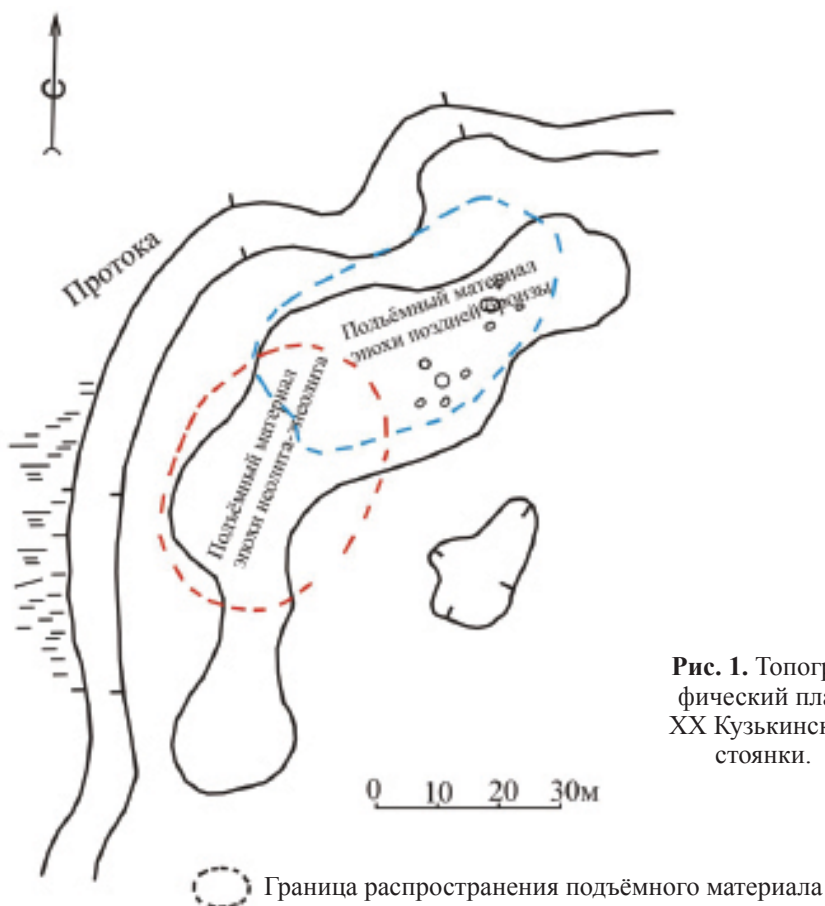

Рис. 1. Топографический план XX Кузькинской стоянки.

гребенчатого штампа (рис. 3: 2, 6, 8, 9, 19, 22; 4: 2–5, 7, 10; 5: 3, 10–12, 15);

3) пояса из расположенных под наклоном оттисков короткого линзовидного многочастного гребенчатого штампа (рис. 5: 16);

4) мотив «плетенки», выполненной оттисками многочастного гребенчатого штампа (рис. 5: 17; 6: 7, 13);

5) пояса из горизонтально расположенных оттисков многочастного гребенчатого штампа (рис. 3: 5, 10, 15; 4: 8);

6) мотив «сетки», выполненной оттисками овального многочастного гребенчатого штампа (рис. 6: 14);

7) пояса из вертикально расположенных оттисков короткого линзовидного одночастного штампа (рис. 5: 7);

8) пояса из оттисков короткого клиновидного многочастного гребенчатого штампа (рис. 3: 12);

9) пояса из вертикально расположенных оттисков короткого линзовидного многочастного гребенчатого штампа (рис. 3: 7);

10) сочетание поясов из оттисков длинного и короткого, поставленных под наклоном овальных гребенчатых штампов (рис. 3: 11);

11) сочетание поясов из вертикально расположенных оттисков длинного

овального и линзовидного короткого гребенчатых штампов (рис. 3: 4, 21);

12) пояса из оттисков расположенного под наклоном овального многочастного гребенчатого штампа (рис. 3: 3, 16, 18; 4: 9; 5: 2 13; 6: 2, 3, 5, 8, 9);

13) сочетание поясов из оттисков поставленного вертикально длинного овального гребенчатого штампа и с горизонтальным зигзагом из оттисков короткого овального гребенчатого штампа (рис. 4: 6; 5: 1);

14) пояса из оттисков расположенного вертикально овального многочастного гребенчатого штампа (рис. 3: 13, 17, 20, 23; 5: 5, 6, 8; 6: 6);

15) сочетание поясов из оттисков поставленного вертикально короткого овального и горизонтально расположенного мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 3: 1).

Неолитическая керамика камского типа XX Кузькинской стоянки находит широкий круг аналогий по всей территории Волго-Камья. Близкая по облику керамика была встречена при исследовании Старо-Муштинского поселения (Матюшин, 1972, рис. 4–5), стоянок Чекалино IV, Кабы-Копрынской, IV Тетюшской, I Лебединской, VIа Балахчинской (Выборнов, 2008, рис. 122: 7–8; 140: 4; 145: 2, 6, 9; 146: 3; Габяшев и др. 1976, рис. 7: 2, 5).

Неолитическое население данной стоянки сменили носители *волосовской культуры*. Об этом наглядно свидетельствует поздневолосовская керамика, представленная, правда, лишь двумя венчиками (рис. 6: 15–16). Один из них не орнаментирован, второй украшен поясами из оттисков косо поставленного линзовидного одночастного штампа (рис. 6: 16). В глиняном тесте содержится примесь толченой раковины. Сосуды имели горшко-

видную форму с ярко выраженным Г-образным завершением венчика.

Подобная керамика широко известна на поздневолосовских поселенческих памятниках Среднего Поволжья, таких как Ахмыловское II, Уржумкинское, Галанкина гора поселения (Халиков, 1969, рис. 5: 5; Никитин, 1991, рис. 49–50).

Следующие хронологические комплексы представлены эпохой поздней бронзы. Наиболее ранний из них представлен фрагментами *посуды луговского типа* (4 экз.) (рис. 6: 17–18, 20–21). Основными примесями в глиняном тесте луговской керамики была раковина и органика. Орнаментальные мотивы представлены в виде трехрядного горизонтального зигзага (рис. 6: 21) и заштрихованных геометрических фигур (рис. 6: 18). Судя по венчикам (рис. 6: 17, 20), сосуды имели горшковидную форму.

Ближайшие аналогии луговской керамике XX Кузькинской стоянки прослеживаются в материалах археологических памятников Нижнего Прикамья: Дубовогривская II (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 7: 15, 16, 18, 19, 23), Луговская I и II (Збруева, 1960, с. 12–29) стоянки, могильник Такталачук (Казаков, 1978, с. 67–108).

Не меньшего внимания заслуживает другой хронологический комплекс эпохи поздней бронзы, представленный фрагментами керамики (4 экз.) *маклашеевской культуры* (рис. 6: 19, 22–23; 7: 1). В орнаментации посуды данной группы населения присутствуют круглые ямочные вдавления, использовались также различные гребенчатые штампы. Среди орнаментальных мотивов отмечены горизонтальный зигзаг (рис. 6: 22),

Рис. 2. Керамика эпохи неолита XX Кузькинской стоянки.

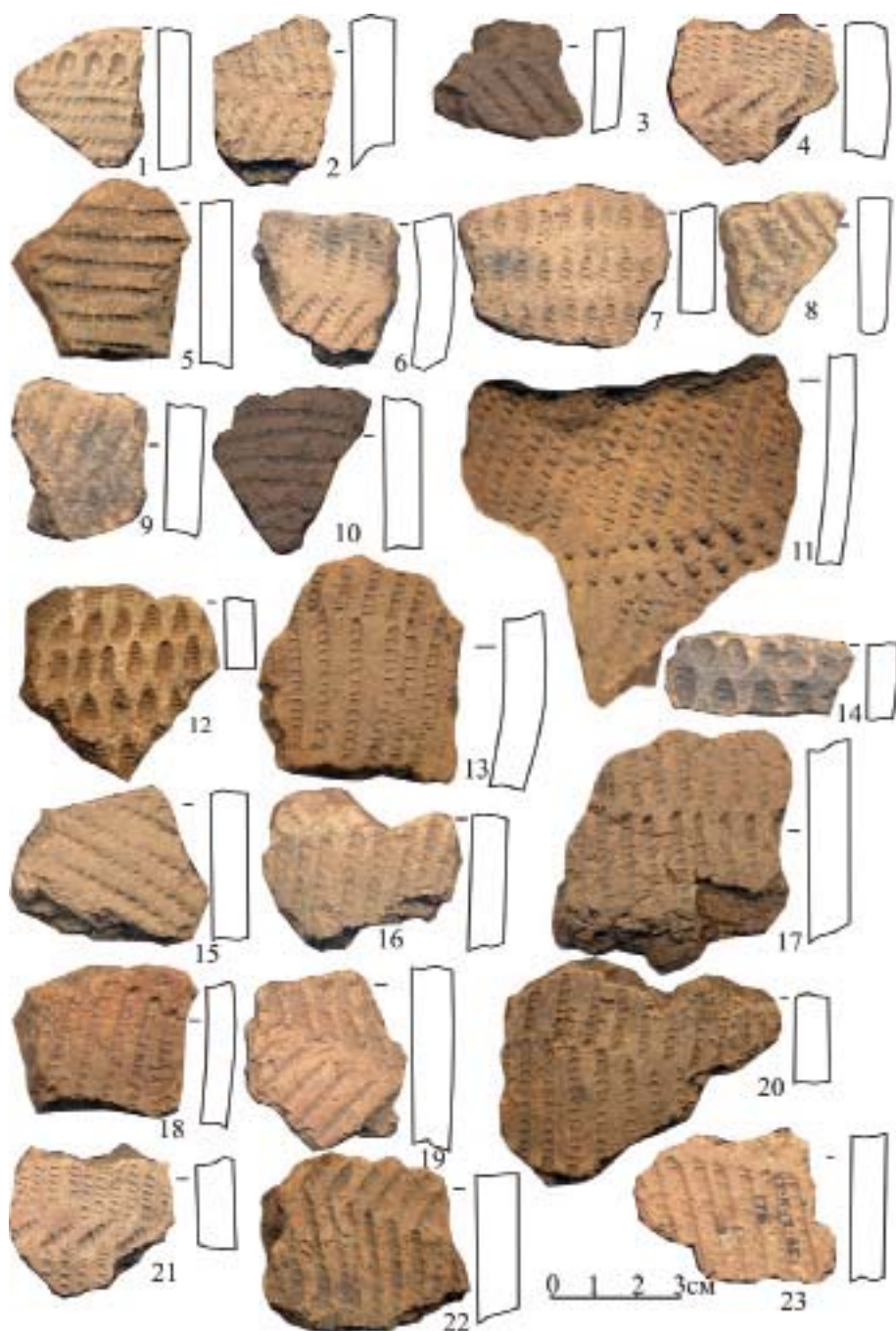

Рис. 3. Керамика эпохи неолита XX Кузькинской стоянки.

Рис. 4. Керамика эпохи неолита XX Кузькинской стоянки.

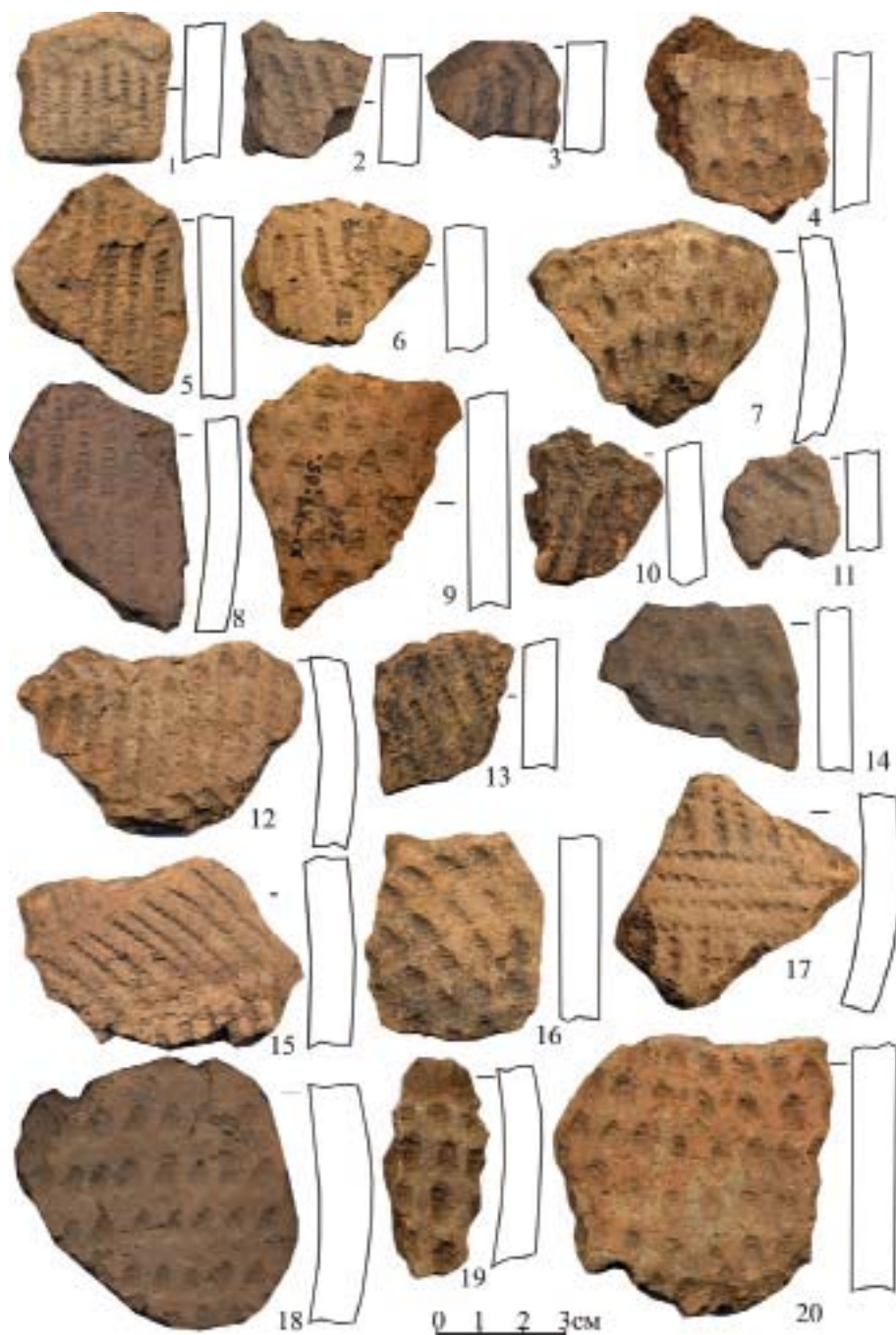

Рис. 5. Керамика эпохи неолита XX Кузькинской стоянки.

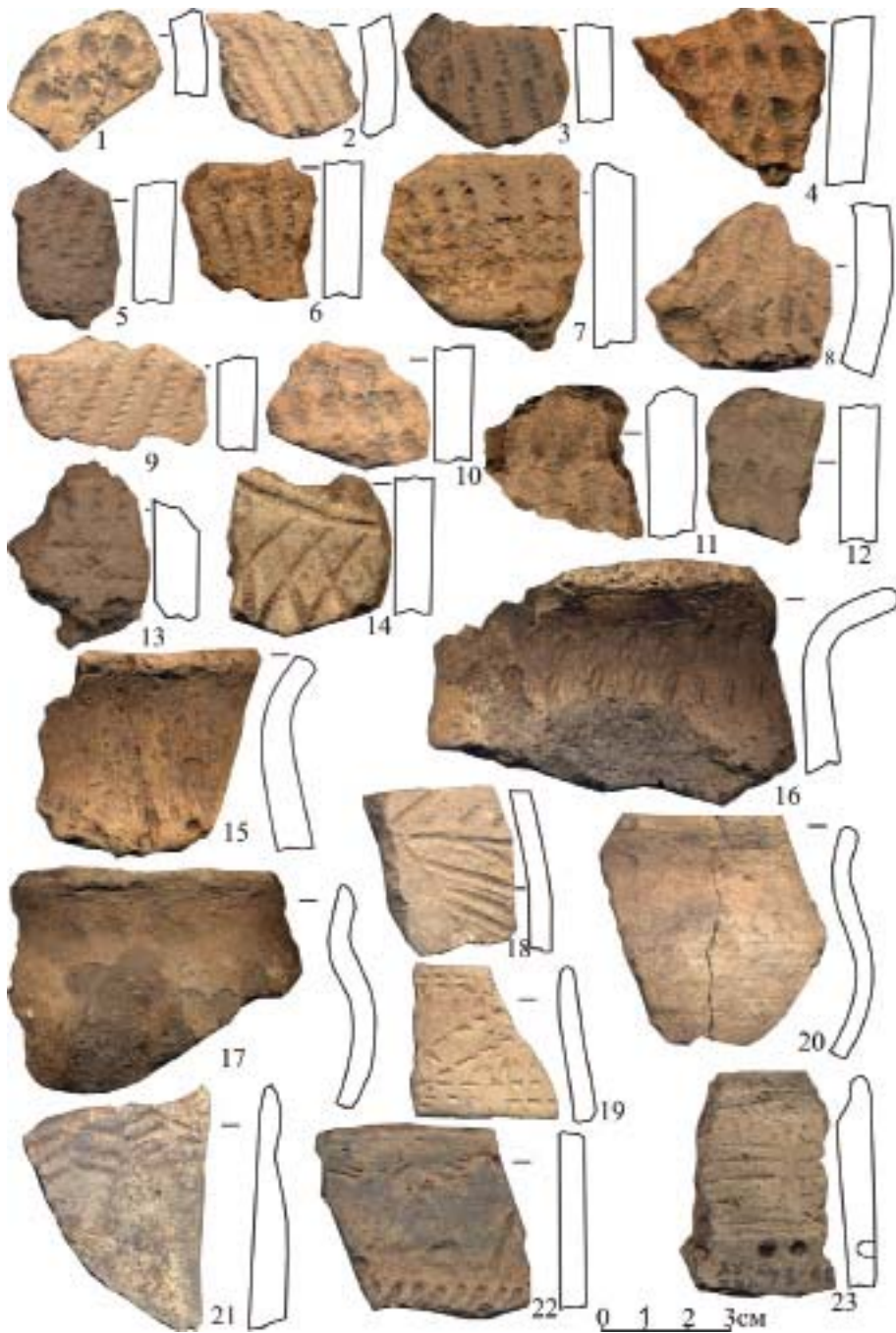

Рис. 6. Керамика XX Кузькинской стоянки: эпохи неолита – 1–14; волосово-гаринского типа – 15–16; луговского типа – 17, 18, 20, 21; маклашеевской культуры – 19, 22, 23.

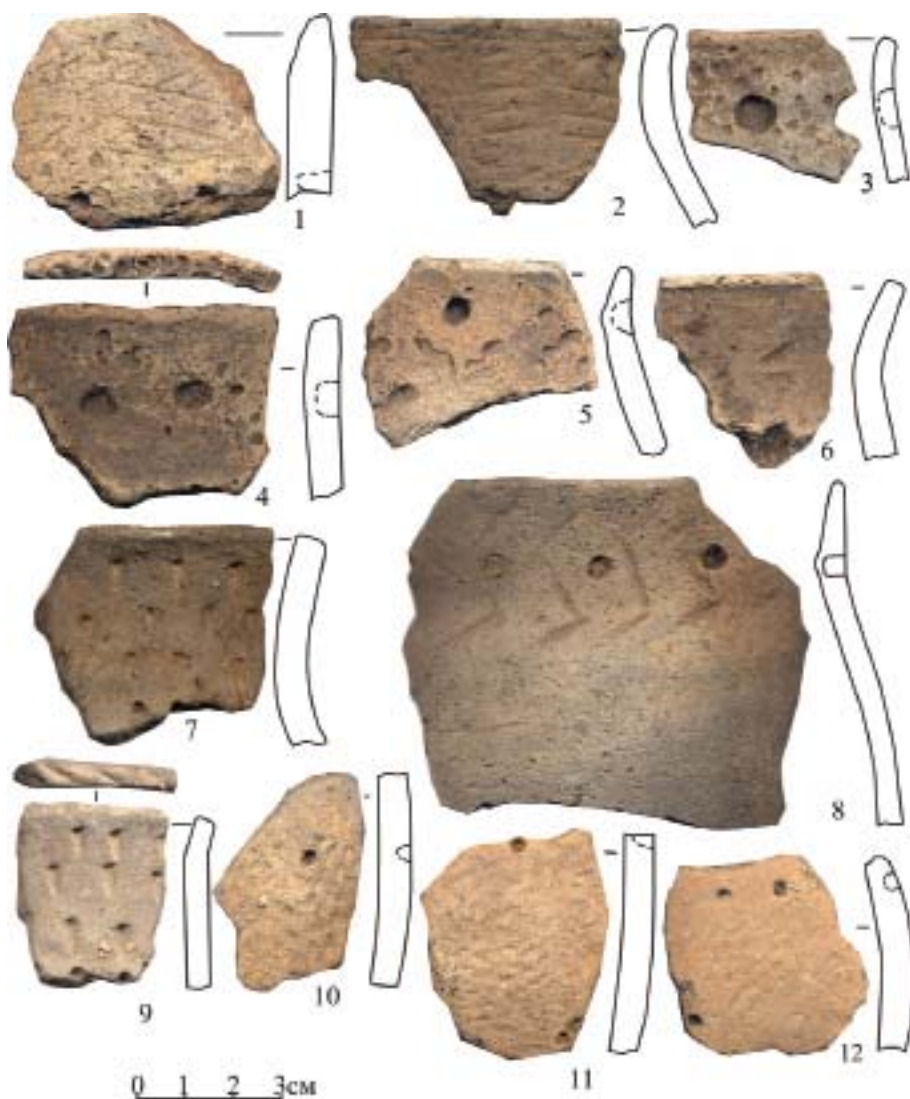

Рис. 7. Керамика XX Кузькинской стоянки: маклашеевской культуры – 1; ананьинской культуры – 2–9; «текстильная» керамика – 10–12.

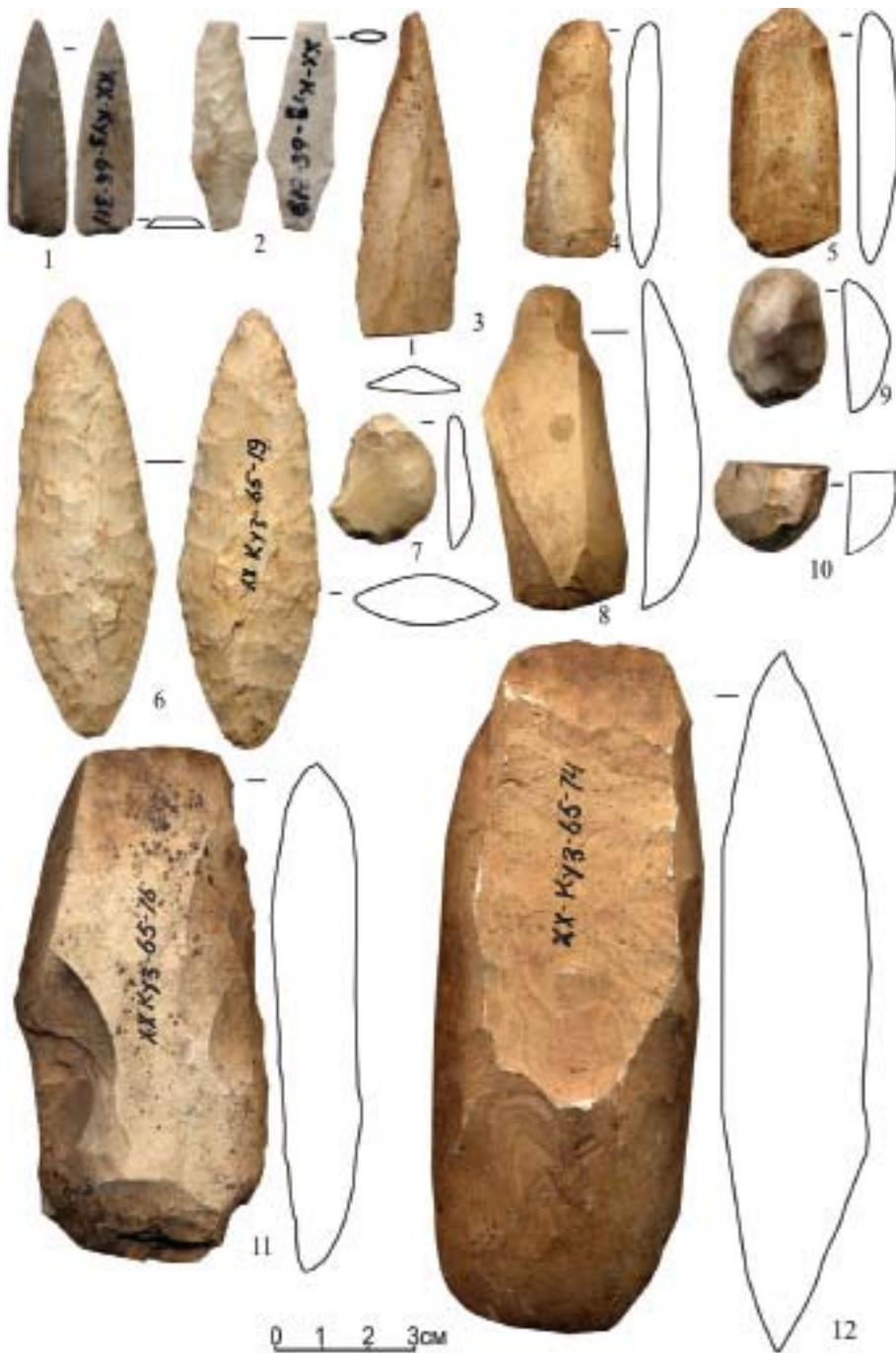

Рис. 8. Каменный инвентарь XX Кузькинской стоянки.

геометрические фигуры (рис. 6: 19), пояса из оттисков поставленных под наклоном линзовидного одночастного штампа, разделенные между собой горизонтально прочерченными линиями (рис. 7: 1). В глиняном тесте посуды присутствует толченая раковина.

Маклашеевская керамика XX Кузькинской находит сходство с керамикой, происходящей с Дубовогривской II стоянки (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 9: 11–17), поселения Курган и городища Черепашье в Нижнем Прикамье (Марков, 2007, рис. 38–42).

Культурно-хронологические комплексы раннего железного века представлены «текстильной» (рис. 7: 11–13) и ананьинской керамикой (рис. 7: 2–10).

«Текстильная» керамика (4 экз.) (рис. 7: 10–12) имеет на внешней поверхности отпечатки текстиля с включением в виде элементов орнамента круглых ямочных вдавлений. В формовочной массе присутствует примесь песка. Ближайшие аналогии данной керамике можно найти среди «текстильной» керамики, происходящей с городища Казанка I (Марков, 2007, с. 85, рис. 14: 1, 2, 5, 7, 8).

Керамика ананьинского облика (9 экз.) (рис. 7: 8–9) XX Кузькинской стоянки содержит в глиняном тесте примесь толченой раковины. По внешней поверхности она орнаментирована одиночными и парными круглыми ямочными вдавлениями, а также оттисками клиновидного одночастного штампа. В орнаментации также применялся среднезубчатый и мелкозубчатый гребенчатые штампы. Среди орнаментальных мотивов встречается вертикальный и горизонтальный зигзаг (рис. 7: 2, 8), пояса из

оттисков клиновидного одночастного штампа (рис. 7: 7, 9). По срезу венчиков сосудов в ряде случаев присутствует орнаментация в виде оттисков линзовидного или овального многочастного слитного гребенчатого штампа (рис. 7: 4, 9).

Следует отметить, что одной из наиболее отличительных черт керамики ананьинского времени Нижней Камы является факт преобладания, даже в ранних комплексах, сосудов, украшенных только пояском круглых ямок. Подобная орнаментация становится преобладающей только на поздней вятской посуде (Збруева, 1952, с. 71; Марков, 2007, с. 48).

Керамика ананьинской культурно-исторической области, происходящая с рассматриваемого памятника, обладает широким спектром аналогий в Волго-Камье. Наиболее близкие черты сходства прослеживаются в материалах городищ Гремячий Ключ и Сорочьи Горы (Марков, 2007, рис. 1: 11, 12; 2: 5; 9).

Кроме вышеописанных культурно-хронологических керамических комплексов в коллекции XX Кузькинской стоянки содержится 42 фрагмента керамики неопределенной культурно-хронологической атрибуции. Она вся без орнамента и в глиняном тесте содержит примесь песка, а также толченую раковину. Толщина стенок не превышает 0,9 см.

Помимо керамики в юго-западной части памятника собрана значительная коллекция каменного инвентаря (103 находки), среди которого преобладают предметы, изготовленные из белого, светло-серого кремня.

Орудия охоты представлены двумя наконечниками стрелы и наконечником дротика (рис. 8: 1–2, 6). Первый

наконечник стрелы имеет подтреугольно-черешковую форму и изготовлена из светло-серого кремня. Длина орудия составляет около 4 см при ширине пера 1,4 см и имеет линзовидное сечение. Второй наконечник изготовлен на кремневой ножевидной пластине серого цвета. Его длина составляет 4 см при ширине пера 1,2 см. Данную находку можно интерпретировать также как проколка (рис. 8: 1). Наконечник дротика, изготовленного из белого мелового кремня, имеет листовидную форму с линзовидным очертанием в сечении (рис. 8: 6). По всей поверхности он тщательно проработан при помощи отжимной ретуши. Длина орудия 8,2 см при ширине 3 см.

Наиболее многочисленную группу каменного инвентаря составляют кремневые долота и их фрагменты (11 находок, см. рис. 8: 4, 5, 11, 12). Орудия для обработки кожи, шкур животных представлены тремя скребками, одной проколкой и скобелем (рис. 8: 3, 7–10).

Скобель изготовлен на кремневом отщепе белого цвета и имеет подпрямоугольную форму. Длина орудия составляет 6 см при ширине лезвия 2,5 см (рис. 8: 8).

Проколка (рис. 8: 3) на ножевидной кремневой пластине имеет подтреугольную форму. Ее длина при ширине лезвия 2 см укладывалась в пределы 6 см.

Скрепки (рис. 8: 7, 9, 10) на кремневых отщепах серого цвета имеют различную форму. Их длина укладывается в пределы 2,5 см при ширине не более 2, 3 см.

Принимая во внимание тот факт,

что каменные изделия происходят не из культурного слоя, а найдены в ходе визуального осмотра памятника и имеют широкий хронологический диапазон, связать их с каким-либо хронологическим комплексом не представляется возможным.

Проведенный обзор культурно-хронологических комплексов XX Кузькинской стоянки позволяет сделать вывод о том, что начальные этапы существования данного памятника относятся к эпохе неолита и укладывается в хронологические рамки первой половины IV тыс. до н. э. Основная часть керамики имеет принадлежность к камской неолитической культуре. Не исключается случайный характер многочисленных находок поздневолосянской культуры, датируемых первой четвертью II тыс. до н.э. (Никитин, 1991, с. 69). Следующий этап существования XX Кузькинской стоянки связан с луговской культурой, датируемой в Среднем Поволжье и сопредельных территориях XV–XIV – XIII–XII вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250; Обыденнов, 1998, с. 42; Чижевский, 2007, с. 173–176; Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 112).

В более позднее время площадь поселения занимали носители маклашевской культуры. Керамика данного типа датируется XI–IX вв. до н.э. (Чижевский, 2008, с. 12). В раннем железном веке площадь поселения занимали носители ананьинской культуры. Об этом наглядно свидетельствуют находки керамики данной культуры, отражающей заключительный этап существования памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем и Нижнем Прикамье. Дис. ... канд. ист. наук:– Сыктывкар, 1984.

2. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
3. *Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976.
4. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30.
5. *Збруева А.В.* Культуры эпохи поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА – 1957. – № 2.
6. *Збруева А.В.* Памятники эпох поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. – 1960. – № 80.
7. *Казаков Е.П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Иско-Бельского междуречья. – Казань, 1978.
8. *Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000.
9. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). – Казань, 2007.
10. *Матюшин Г.Н.* Памятники каменного века в низовьях р. Белой // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. – М., 1972.
11. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). – Йошкар-Ола, 1991.
12. *Обыденнов М.Ф.* Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. – Уфа, 1998.
13. *Смирнов А.П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. – Козьмодемьянск, 1949.
14. *Старостин П.Н.* Отчет о работах в зоне куйбышевского водохранилища весной 1965 г. // Архив ИА РАН, 1968.
15. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
16. *Чижевский А.А.* Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII УАС. Материалы науч. конф. – Екатеринбург; Сургут, 2007.
17. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках. (Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). – Казань, 2008.
18. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В.* Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 // ПА. – 2012. – № 1.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF XXth KUZKINSKY STAND IN THE BOTTOM PRIKAMYE

A.V. Shipilov

The materials of the 20th Kuz'kino habitation site, now destroyed by the waters of the Kuybyshev reservoir are published in the article. The resource was surveyed in 1965, surface finds being represented by pottery and stone tools. The pottery assemblage and stone tools had been left mainly by the Kama Neolithic culture population. This period of habitation is the

earliest and can be dated to the first half of the 4th millennium BC. Besides, there are artifacts associated with the cultures of the Eneolithic and Bronze period (Volosovo, Lugovskoye, Maklasheevka) and the Early Iron Age (Textile Fabric-Marked Ware and Ananyino cultures).

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Kuybyshev water reservoir, the Neolithic, the Eneolithic, the Bronze Age, the Early Iron Age, habitation site, pottery, ornamental motifs, stone tools.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1984. *Genesis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Region)*. PhD Thesis. Syktyvkar (in Russian).
2. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
3. Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1976. In *Iz arkhologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3-35 (in Russian).
4. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuju epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Time)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 30 (in Russian).
5. Zbrueva, A. V. 1957. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)* (2), 26-46 (in Russian).
6. Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoj arkhelogicheskoj ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 80, 10-95 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67-108 (in Russian).
8. Kolev, Yu. I. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 244-251 (in Russian).
9. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuju epokhu (ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoj obshchnosti) (The Lower Kama Region in the Ananyino Time (On Ethno-Cultural Components of the Ananyino Community))*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
10. Matiushin, G. N. 1972. *Pamiatniki kamennogo veka v nizov'iax r. Beloi (Stone Age Sites near the Belaya River Lower Course)*. Series: Otchety Nizhnekamskoj arkhelogicheskoj ekspeditsii (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition) 1. Moscow: "Znanie" Publ. (in Russian).
11. Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III — nachalo II tysiacheletia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of 3rd — Early 2nd Millennia BC))*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
12. Obydenov, M. F. 1998. *Arkheologicheskie kul'tury kontsa bronzovogo veka Prikam'ia (Late Bronze Age Archaeological Cultures of the Kama Region)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).
13. Smirnov, A. P. 1949. *Arkheologicheskie pamiatniki na territorii Mariiskoi ASSR i ikh mesto v material'noi kul'ture Povolzh'ia (Archaeological Sites on the Territory of the Mari Autonomous Republic and their Place in the Volga Region Material Culture)*. Kozmodemyansk: "Gorno-Mariiskii filial Mariiskogo gosudarstvennogo izdatel'stva" Publ. (in Russian).

14. Starostin, P. N. 1968. *Otchet o rabotakh v zone Kuibyshevskogo vodokhranilishcha vesnoi 1965 g. (Report on the Fieldworks in the Kuibyshev Water Reservoir Area in the Summer of 1965)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

15. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

16. Chizhevskii, A. A. 2007. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (17th Ural Archaeological Conference)*. Yekaterinburg, Surgut: "Magellan" Publ., 174-176 (in Russian).

17. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Final of the Bronze — Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

18. Chizhevskii, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94-115 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ФУНКЦИИ КАМЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ В КАРЕЛЬСКОМ ПОМОРЬЕ

© 2013 г. М.Г. Косменко

В статье изложены результаты исследования многочисленных каменных сооружений в 52 пунктах на побережье и островах Белого моря в Карелии. Приводится описание их основных типов и рассматриваются существующие интерпретации. Каменные сооружения Карельского Поморья обычно рассматривались как объекты религиозных культов каменного века, древних саамов или карел. Анализ природного и культурного контекста, топографии и ареальных характеристик данных объектов показывает, что сооружения располагаются у промысловых пунктов (тоней) поморов и относятся к Средневековью и Новому времени. Назначение всех этих объектов связано с морскими промыслами поморов. С одной стороны, это результат приспособления инородного в Беломорье поморского населения к специфической природной среде на каменистых участках морского побережья и островов. С другой стороны, они являются частью промысловой культуры поморов, сложение которой стимулировала интенсивная экономическая и организаторская деятельность Соловецкого монастыря. В XVI–XVIII вв. он владел этими землями и вел широкую торговлю продуктами морских промыслов с другими областями Московского государства и скандинавскими странами. Таким образом, данные сооружения никак не связаны с языческими культами местного населения.

Ключевые слова: археология, Карелия, XVI в., каменные сооружения, очаги, фундаменты, менгиры, лабиринты, могилы в каменных ящиках, русские поморы.

Каменные сооружения вызывают живой интерес у археологов и любителей древностей, так как они точно не датируются, лишены четко выраженного культурного контекста и выглядят как «загадочные» объекты неясного назначения. Общие функции таких сооружений, как очаги и остатки построек, во многих случаях кучи и ямы, определяются без особого труда. Но есть виды каменных объектов, например, лабиринты и менгиры, принадлежность и назначение которых точно не выявляются путем изучения внешних признаков и могут быть опознаны с разной степенью достоверности только при тщательном изучении природного и культурного окружения.

Проблема заключается в том, что во многих случаях реальная связь такого рода частично, а иногда и полностью подменяется представлениями исследователей, которые приписывают каменным объектам предполагаемые символические значения и функции. В обычной практике чаще всего встречаются эмпирические интерпретации. В них предположения и догадки авторов основаны на смешении отдаленных формальных параллелей, элементов научных гипотез и теорий, порой почерпнутых из других дисциплин, ссылок на хрестоматийные образцы религиозных верований и местные легенды. Такие объяснения обычно отражают скрытые убеждения исследователей. В этих случаях

важную роль играет критический анализ исследовательской мысли, выраженной в способах решения проблем изучения и версиях интерпретации сооружений.

Нужно осознать погрешности общего порядка, которые приводят к противоречию. Речь не идет о тотальной нехватке данных, а об органических недостатках сравнительно-исторического метода интерпретации, включая опознание функций сооружений. Главным изъяном метода можно признать отсутствие четких теоретических ограничений и принципиальных оговорок, которое дает возможность на основании даже крайне отдаленного формального сходства сопоставляемых объектов приравнивать их функциональные и другие содержательные характеристики. Поверхностные сравнения объектов, вырванных из культурного контекста, обычно приводят к поспешным выводам и незрелым научным гипотезам, которые быстро превращаются в упрощенные псевдоисторические легенды.

Сходная ситуация сложилась вокруг рукотворных каменных сложений Беломорья. Ниже мы рассмотрим основные версии и попытаемся определить функции большой серии сооружений, расположенных в прибрежной зоне южного и западного побережья Белого моря, т.е. в Карельском Поморье. Речь идет о наиболее вероятной интерпретации назначения и принадлежности этих объектов.

В целом рукотворные каменные сооружения Поморья, кроме лабиринтов, попали в поле зрения исследователей в 1920-х годах, но круг памятников долго ограничивался объектами на островах архипелагов Соловецкий и Кузова (Виноградов, 1927; 1997

(1935); Брюсов, 1940; Мулло, 1984; Манюхин, 1996; 2003; Манюхин, Лобанова, 2002; Мартынов, 2002). Впрочем, с начала XX в. у российских археологов проявился избирательный интерес к каменным лабиринтам Беломорья (Спицын, 1904; Рева, 1907; Виноградов, 1927; Брюсов, 1940; Гурина, 1947, 1948; Мулло, 1966; Куратов, 1970; Титов, 1976 и др.). Прочие сложения не изучались и упоминались попутно, либо рассматривались очень бегло.

В результате экспедиционных работ ИЯЛИ Карельского НЦ РАН в 2000–2007 и 2010 гг. существенно пополнился корпус и расширился ареал сооружений (Лобанова, 2003; 2005; 2006; Косменко, 2007; 2007а). В прибрежной зоне еще остались белые пятна, однако общая картина распространения сооружений является достаточно полной в плане их видового разнообразия и количества. В настоящее время (2010 г.) на побережье и островах Белого моря в Карелии выявлено свыше 1300 рукотворных каменных объектов. Кроме того, крупнейшее скопление примерно из 1000 объектов находится на Соловецких островах в Архангельской области (Мартынов, 2002, с. 61–172). Другие части побережья не подвергались специальному обследованию, однако нет документированных сведений о каменных объектах в этих районах, кроме лабиринтов на Кольском п-ове. Массовая концентрация сложений из природного камня зафиксирована только в южной и западной прибрежной зоне Белого моря.

Сооружения Поморья находятся в скудном археологическом контексте и не привязаны к древним поселениям и средневековым деревням. Это об-

стоятельство затрудняет их датировку и определение функций. Исследователи пытались решить эти проблемы путем сравнения с похожими объектами и их функциями в других регионах и странах. Но внешнее сходство обманчиво и дает возможность самых разных объяснений.

Первая попытка интерпретации каменных сложений принадлежит Н.Н. Виноградову (1997 (1935), с. 192–199), который думал, что на Соловецких островах они относятся к верхнему палеолиту и отражают культ плодородия, конкретно, символику мужских и женских гениталий. Основанием послужили черты отдаленного сходства сложений с мегалитами и пещерными рисунками Испании и Франции. Эта концепция ныне представляет только историографический интерес. Датировка соловецких сооружений эпохой палеолита ошибочна, потому что бассейн Белого моря в позднем плейстоцене был покрыт ледником последнего оледенения, а в раннем голоцене уровень моря превышал современный на 80–110 м, покрывая Соловецкие острова (Лукашов, 2000; Лукашов, Демидов, 2001; Демидов, 2002). Условия для заселения Беломорья сложились только в конце бореала и теплом атлантическом периоде, когда уровень моря резко понизился и сформировался ландшафт, близкий современному. Именно в атлантическое время, вероятно, около середины VI тыс. до н.э., соответствующее позднему мезолиту, началось освоение бассейна Белого моря в Карелии (Филатова, 2009, с. 14–15, 21).

Среди археологов бытует мнение, что сооружения Поморья принадлежали оседлым саамам. Эти суждения базируются на концепции саамской

принадлежности и языческих культовых функций сооружений Беломорья, которая сложилась к 1980-м годам и опирается на результаты обследования архипелага Кузова карельским краеведом И.М. Мулло (Мулло, Рылеева, 1970; Мулло, 1984). «Саамский миф» уже частично (Лобанова, 2006) и в целом (Шахнович, 2006; Косменко, 2007; 2009) подвергался критике, однако продолжает использоваться при попытках определения функций беломорских объектов (Манюхин, 1996; 2003; Манюхин, Лобанова, 2002; Мартынов, 2002; Лобанова, 2003; 2005; 2006). Их появление было датировано I тыс. до н.э. и связывалось с культурой сетчатой керамики бронзового века (Манюхин, 1996, с. 355). Но поселения эпохи бронзы, железного века и раннего средневековья вообще отсутствуют в Поморье, кроме ряда пунктов в устье р. Выг, где совсем нет каменных сложений (Косменко, 1993; 1996; 2007а).

Эти авторы утверждают, что сооружения Поморья связаны с языческими верованиями местных саамов. Заявляют, что острова Белого моря, начиная с эпохи раннего металла, превратились в «табуированные священные места», где «совершались обряды, связанные с погребением умерших, культово-промысловой и рыболовной магией, инициацией, поклонением небесным светилам» (Мартынов, 2002, с. 109–110). Поскольку острова будто бы являлись «священными для аборигенов-язычников вплоть до появления в Поморье православного русского населения» (там же, с. 235), то «одной из причин строительства [Соловецкого] монастыря могло быть стремление православной церкви лишить лопадей их святилищ» (Манюхин, 1996,

с. 356). Соответственно, использование сооружений они ограничивают XV в. Однако монахи никогда не комментировали присутствие многочисленных сложений на Соловецких островах, кроме большого лабиринта, который будто бы повелел соорудить царь Петр I. В письменных документах не упоминаются конфликтные отношения саамов и соловецких православных монахов. Сложения были для монахов привычной частью окружающей среды. Они не вызвали отрицательную реакцию, в частности, попытки уничтожения, которые могло бы спровоцировать присутствие в окрестностях монастыря чуждых языческих святынь.

Нет смысла подвергать анализу определения упомянутыми авторами различных видов каменных сложений и их скоплений как саамских «пантеонов», «святилищ», «сейдов», «фаллических знаков», «антропоморфных идолов», «зооморфных камней-тотемов», «жертвенников», «дольменов», «погребений-кенотафов» и в целом как «культуво-символических» памятников. У приверженцев «саамской» концепции фактически отсутствует методика опознания функций и принадлежности рукотворных каменных объектов. По сути дела, идея их «домонастырского» возраста базируется на предвзятом убеждении, что они были результатом деятельности язычников, а таковыми в Беломорье могли быть только саамы или другие нехристианские этноязыковые группы населения приморской зоны. Эти сравнения не работают и по другой причине. Археологи не выявили на Белом море следы популяции береговых саамов – морских промысловиков и мореходов от бронзового века

до Средневековья, которым могли бы принадлежать каменные сложения. По сведениям письменных источников, средневековые саамы обитали только на пресноводных водоемах во внутренних районах бассейна Белого моря (Амелина, 2009, с. 178–182), но там вовсе нет подобных сооружений. «Саамская» концепция опирается только на предвзятые убеждения сторонников, умозрительные суждения и поверхностные сравнения.

Согласно еще одной версии, сложения сделаны карелами, которые переселились из Приладожья на Белое море в XII–XIV вв. (Шахнович, 2003). Однако в Приладожье и других районах, населенных карелами, нет таких сооружений. Есть письменные сведения середины XV – начала XVI вв. о земельных владениях пяти родовых групп карел, локализованных севернее р. Выг на западном побережье Белого моря и южном, Терском берегу Кольского п-ова (Амелина, 2007, с. 67). Топонимисты предполагают, что карелы переселились сюда в XIV в. (Saarikivi, 2006, р. 44–51) или в XV–XVI вв. (Кузьмин, 2007, с. 179–181), т.е. перед освоением южного побережья моря русскими переселенцами, либо одновременно с ними. Нет данных о сложении в Поморье сети карельских поселений XII–XIV вв. Археологами они не выявлены, их существование не подтверждено и письменными документами. Малочисленные карелы, если даже условно допускать, что они тогда еще были язычниками, не могли создать свыше 2000 культовых сооружений в течение очень короткого «дославянского» или «домонастырского» периода, особенно в заселенном русскими южном Поморье и на Соловецких островах.

Итак, наблюдается несоответствие между огромным количеством различных сооружений якобы культового назначения и отсутствием сети приморских поселений языческих культур. Эта диспропорция наиболее отчетливо заметна в западном Поморье. Столь внушительное число сооружений разных видов и назначения могло принадлежать только многочисленному оседлому языческому населению с развитыми навыками и средствами мореплавания. Однако следы таких популяций не фиксируют ни археология бронзового, железного веков и раннего Средневековья, ни письменные документы, ни местные предания. В конечном счете, если приписывать языческие культовые функции каменным сооружениям Поморья, то они повисают в этнокультурном вакууме. Поэтому следует не просто примерять к этим объектам произвольно выбранные функциональные образцы, а сосредоточиться на изучении их связи с местным природным и хозяйственно-культурным контекстом.

Топографическое расположение и относительная хронология объектов. Особенностью топографического расположения рукотворных сооружений из природного камня в приморской зоне является тот факт, что они отсутствуют на морских террасах, удаленных от современной береговой линии, в том числе около древних поселений и их скоплений. Все объекты находятся на каменистых островах и участках современного морского побережья, но расположены на разных высотах над уровнем моря в интервале 2–118 м. Так, сложения на вершинах о. Русский и Немецкий Кузов находятся в интервале 80–118 м, лабиринты и насыпи на о. Олешин –

на высоте около 25 м, а лабиринт на о. Красная Луда сооружен чуть выше границы прилива, на высоте 2,5 м. Некоторые лабиринты на Соловках находятся на высоте 2 м, другие – на высотах 8–18 м (Мартынов, 2002, с. 61–83). Стела на Мальострове и менгиры на Сыроватке расположены на высоте 2–3 м, в протоке сев. Яголомба, губе Долгая, на мысу Гордней, о. Избяная и Крестовая Луда – 3–5 м, на о. Б. Робьяк около 10 м, на мысу Кирбей, о. Могильный и Пападьина около 10 и 17 м, Нем. Кузове выше 90 м. Каменные могилы расположены не выше 3 м у д. Соностров и 4–5 м на о. Бер. Лехлуды, а на мысах Пурнаволок и Кирбей находятся на уровнях 8 и 17 м. В интервале высот 2–20 м размещаются каменные кучи, ямы и очаги. Возникает вопрос о времени сооружения различных видов каменных объектов и причинах их расположения на разных высотах.

В этой связи нужно пояснить, что территория Фенноскандии после освобождения от колоссального давления материкового ледника испытывает непрерывное поднятие. Соответственно отступает береговая линия крупных водоемов. Этот процесс наглядно отразился в высотном размещении памятников различных эпох на южном и западном побережье Белого моря. Так, в западном Поморье самые древние поселения эпохи мезолита расположены выше 40 м над уровнем моря и значительно удалены от современного берега; памятники периодов неолита – энеолита известны на береговых высотах от 19 м, а поселения периодов бронзы – раннего Средневековья на западном побережье вообще отсутствуют и выявлены только на внутренних озерах мор-

ского бассейна (Косменко, 2007а). На южном побережье моря в устье р. Выг мезолитические памятники неизвестны, стоянки эпох неолита – энеолита располагаются на высотах от 14 м, а поселения бронзового века – раннего Средневековья отсутствуют ниже 7,5 м над уровнем моря (Савватеев, 1977, ч. 2, табл. 13, 14).

Нужно подчеркнуть тот факт, что высота археологических объектов над уровнем моря не является точным показателем их относительного возраста. Дело в том, что высотное размещение поселений и каменных сооружений не представляет собой результат автоматических реакций людей на изменение береговой линии, а зависит от выбора ими наиболее удобных пунктов на любых уровнях выше приливного уреза воды, следовательно, от рельефа берега на конкретных участках. Поселения и другие памятники, кроме рыболовных сооружений, не были жестко привязаны к уровню моря. Поэтому памятники какой-либо культуры или периода нельзя датировать в рамках всего интервала их высотного размещения. Большинство таких формальных датировок будут в разной степени неверными. Например, комплексы бронзового века – раннего Средневековья на многослойных поселениях в устье Выга располагаются в интервале от 7,5 до 24 м, однако на уровнях выше 14 м они сочетаются с материалами каменного века – энеолита. Ясно, что все они не были синхронными и даже близкими во времени.

Таким образом, только нижняя граница расположения над уровнем моря памятников различных периодов и культур может служить надежным рубежом их относительной датировки. Этот рубеж фиксирует финальные

фазы их существования в данном районе. Но относительные даты начальных этапов крайне трудно определить высотным методом, потому что нужно точно знать уровень моря во время существования разных поселений исследуемой культуры и учитывать особенности рельефа конкретных участков побережья.

Виды сооружений. В Карельском Поморье отчетливо выделяются, по меньшей мере, 9 основных видов рукотворных сооружений. Это лабиринты, менгиры, пирамидальные сложения, могилы, ямы, очаги, кучи, фундаменты деревянных строений, наконец, уникальные объекты. Они рассеяны в прибрежной зоне Карельского Поморья от устья р. Нюхча на юго-востоке до широты Чупинского фиорда на севере (рис. 1). В функциональном отношении все каменные объекты можно схематично и достаточно условно разделить на две основные категории: 1) сооружения производственно-бытового и 2) непромышленного или точно не определенного назначения.

Производственно-бытовые сооружения. С хозяйственно-бытовой деятельностью непосредственно связаны каменные очаги и ямы, отчасти кучи. Как правило, они находятся у старых поморских промысловых пунктов. Определение функций этих сооружений по внешним чертам не вызывает особых затруднений.

Кучи. Каменные кучи высотой до 1 м имеют разные формы, размеры, возраст и назначение. Нет особого смысла классифицировать их по формальным признакам, потому что кучи часто имеют сходные округлые или овальные очертания, но существенно различаются в функциональном отно-

Рис. 1. Пункты с каменными сложениями в Поморье. 2010 г.

Острова у южного (Поморского) берега: 1. Коткано. 2. Большой Кузьмин. 3. Черная Луда. 4. Кондостров. 5. Перхлуды. 6. Голомянный. 7. Мягостров. 8. Салма Луда. 9. Малый Жужмуй. 10. Большой Жужмуй. 12. Кемская Губа. 13. Сатам. *Поморский берег:* 11. Мальостров. *Архипелаг Кузова:* 14. Русский Кузов. 15. Немецкий Кузов. 16. Лодейный. 17. Олешин. 18. Большой Вороний. 19. Жилой. 20. Средний. 21. Тапаруха. *Карельский (западный) берег:* 22. Поньгома. 23. Сырватка. 24. Протока южная Яголомба. 25. Протока северная Яголомба. 26. Долгая губа. 27. Мыс Гордней. 28. Мыс Кирбей. 29. Могила Пурнаволока. 30. Пурнаволок. 31. Сонручей. 32. Мыс Шоломбродский. 33. Могила Соностров. 34. Соностров. 35. Соленая Ламба. 36. Пункт южнее м. Шарапов. *Острова у Карельского берега:* 37. Малый Медвежий. 38. Большой Робьяк. 39. Малый Робьяк. 40. Олений. 41. Бережные Лехлуды. 42. Лоушкино. 43. Избяная Луда. 44. Крестовая Луда. 45. Палостров. 46. Могильный. 47. Пападына. 48. Тонисаар. 49. Соностров. 50. Пежаостров. 51. Красная Луда. 52. Оленевский. 53. Соловецкий архипелаг (Архангельская обл.).

шении. Некоторые кучи представляют собой округлые и овальные очаги в разрушенных промысловых избушках, банях и рыбокоптильнях. Однако под некоторыми кучами выявлены захоронения (рис. 2), а другие были подпорами поморских деревянных крестов. Есть кучи неясного назначения, которые имеют удлиненную или прямоугольную форму, как на о-вах Соностров, Тонисаар и Пежаостров. В них есть угли и углисто-золевые прослойки, как в очагах.

Очаги. Открытые очаги сложены из каменных плит, имеют прямоугольную П-образную форму и размеры до 1,5 x 1,2 м с высотой стенок до 0,8 м. Они встречаются в западном Поморье (о-ва Олений, Бережные Лехлуды). Есть и подковообразные очаги размерами до 2,2 x 2,0 м, высотой до 0,5 м (мыс Шоломбродский, о. Тонисаар и др.). В камерах очагов есть уголь и следы действия огня. В очагах на о. Бер. Лехлуды (рис. 3) и Олений наблюдался слой черной углистой массы и спекшейся смолы. Судя по небольшой высоте над уровнем моря, они сооружены не раньше Средневековья. Их можно квалифицировать как временные очаги вне пределов жилых или производственных строений. Такие же каменные очаги с высокими стенками для защиты огня от морского ветра делают и современные местные рыбаки (Долгая губа, юж. Яголомба, пролив Перговщина, о. Бережные). По всей видимости, эти временные очаги сделаны в русле местной традиции.

Ямы. Вблизи многих промысловых пунктов на островах и мысах выявлено около 150 ям. Совершенно нет оснований определять их, вслед за И.М. Мулло (1984, с. 76–77), как сле-

ды саамских жилищ-землянок. Также нет данных о культовом назначении ям, которое допускают другие авторы (Лобанова, 2006, с. 422). Это временные хранилища промысловой добычи и различных припасов. Они обычно располагаются группами, редко поодиночке на высоте от 2 до 20 м над морем. Четкой регулярности в их взаимном расположении не наблюдается. Ямы имеют округлую, овальную, реже прямоугольную форму, диаметр до 2,5 м и глубину до 1,5 м. Их сооружали в пределах галечных лент на морских террасах разной высоты, реже на площадках высоких каменистых мысов (рис. 4). Еще реже встречаются ямы-«пещеры», вырытые под крупными валунами (о. Малый Жужмуй) и прямоугольные углубления, перекрытые плоскими плитами (о. Салма Луда). Обычно они расположены вблизи заброшенных промысловых пунктов. Некоторые ямы-хранилища были сооружены сравнительно недавно, судя по остаткам деревянных перекрытий (о-ва Салма Луда, Зеленая Луда, пункт южнее мыса Шарпов).

Попутно отметим серию крупных и глубоких прямоугольных ям от кладовых-ледников на западном побережье (протоки юж. и сев. Яголомба, оз. Кювиканда, бухты Девичья, Глубокая, Сонруцкая, о. Тонисаар и др.). Они похожи на ямы от землянок, но на их дне и у выходов нет ни очагов, ни культурного слоя. Ледники-кладовые сооружены не раньше позднего Средневековья и сопутствуют крупномасштабному промыслу, ориентированному на хранение продукции с последующим сбытом накопленных партий.

Рис. 2. Каменная куча на могиле Соностров.

Рис. 3. Очаг на о. Бережные Лехлуды.

Рис. 4. Яма в окрестностях д. Соностров.

Рис. 5. Сооружение у мыса Пурнаволок.

Уникальное каменное сооружение у мыса Пурнаволок расположено на низком склоне берега моря (рис. 5). Оно не имеет аналогов в Поморье, но сделано не раньше времени сложения поморской культуры. Это крупная прямоугольная яма с выложенными камнями стенками (внешние размеры 4,5 x 3,0 м, внутренние – 2,6 x 2,0 м при глубине около 1 м) и крытым каменными блоками дымоходом (4,4 x 2,4 м, внутренняя ширина 0,6 м, высота 0,5 м). Местные жители опознают ее как разновидность рыбокоптильни. Такое объяснение вполне правдоподобно. По форме, размерам и конструкции сооружение очень похоже на кладовые-ледники, но они не имеют крытых каменных ходов.

Фундаменты построек. В ряде пунктов обнаружены низкие прямоугольные ленточные сложения из

камней, которые иногда называют «оградками». Многокамерные прямоугольные «оградки» на Соловках (о. Анзерский) были предположительно определены как саамские могильники XII–XV вв. (Мартынов, 2002, с. 127–132), но в ходе их раскопок не обнаружены признаки захоронений. Судя по составу находок (гончарная посуда, кованые гвозди), это остатки ленточных каменных фундаментов под стенами жилых или производственных многокамерных деревянных строений. Остатки похожих многокамерных построек раскопаны в северо-восточной Норвегии, где они принадлежали торговым сообществам средневековой эпохи (Henriksen, Amundsen, 2003). Вполне понятно их присутствие у Соловецкого монастыря, который вел обширную торговую деятельность.

В промысловых пунктах встречаются только одиночные «оградки». Они являются фундаментами стен избышек или амбаров размерами от 2х3 м до 6,5х4 м (о-ва Большой Кузьмин, Малый Жужмуй, Немецкий Кузов, вероятно Бер. Лехлуды. Жилые сооружения строились и без каменных фундаментов. Следы такой постройки с очагом раскопал И.М. Мулло на Нем. Кузове (Шахнович, 2006, с. 410–411). Остатки бревенчатой избышки размерами 2,4х2,0 м с очагом-каменкой в сочетании с менгиром и ямой от кладовой-ледника находятся в бывшем промысловом пункте на сев. Яголомбе. Судя по всему, поморы возводили в промысловых пунктах наземные избы и никогда не пользовались землянками в качестве временных жилищ.

Непроизводственные и неопределенные сооружения. К этой категории отнесены объекты, функциональная связь которых с производственной деятельностью прямо не прослеживается и подлежит специальному исследованию. Это лабиринты, менгиры, пирамидальные сложения, отдельные сооружения уникальных форм, а также захоронения людей под кучами в каменных ящиках или обложенных камнями камерах. Сюда можно причислить и кучи-подпоры поморских деревянных крестов.

Лабиринты. Эти сооружения есть только в западной части Карельского Поморья. Сохранился лабиринт на о. Красная Луда (рис. 6) и два – на о. Олешин. Кроме того, есть не документированные упоминания о двух разрушенных лабиринтах в устье р. Поньгома (Мулло, 1966) и в Кемской губе (Гурина, 1961, с. 515). Это спиралевидные ленточные выкладки из не-

больших камней (классификацию северных лабиринтов см. Куратов, 1970). В южном Поморье лабиринтов нет. Не соорудили их и на внутренних водоемах.

Спорным вопросом является хронология лабиринтов Беломорья. Многие авторы датируют их по высоте над уровнем моря в очень широких временных рамках вплоть до каменного века. Но формальная хронология археологических объектов по высотному расположению может очень сильно расходиться с подлинным возрастом. Бесспорным можно признать средневековый возраст самых низких лабиринтов Беломорья, включая сооружение на о. Красная Луда. Несомненно, к Средневековью относятся и низко расположенные лабиринты на Соловецких островах. Есть даже сведения о том, что Петр I в 1702 г. будто бы повелел сложить на Большом Заяцком острове «в два ряда булыжных камней Вавилон или лабиринт» (Досифей, 1836, с. 180), однако факт его строительства документально не зафиксирован.

Нет необходимости здесь подробно анализировать различные умозрительные гипотезы о назначении лабиринтов, которые на севере Фенноскандии чаще всего приписывают саамам, их предкам либо неопознанным этноязыковым группам населения. Учитывая поздний возраст многих лабиринтовидных сложений, вопрос об их функциях остается спорным, если иметь в виду мнения ряда российских исследователей о предполагаемой связи с языческими культами, промысловой магией или погребальной обрядностью. В основе подобных концепций находится убеждение авторов в глубокой древности

традиции сооружения лабиринтов на европейском Севере и, соответственно, ее нехристианском религиозном содержании. Так, Н.Н. Гурина (1948, с. 133) считала, что возраст беломорских лабиринтов якобы «не моложе эпохи железа в Карелии». Это убеждение базируется только на сравнительно высоком расположении ряда лабиринтов над уровнем моря и традиции их интерпретации российскими археологами. Начало традиции в какой-то мере положил А.А. Спицын (1904, с. 111), осторожно признавший право на существование гипотезы о местном происхождении лабиринтов.

Между тем, предположения о культовом и производственно-магическом назначении беломорских лабиринтов совершенно не обоснованы, поэтому их можно рассматривать только как авторские убеждения. К их числу относится предположение, что древние рыболовы, совершая магические обряды, могли водить изображения рыб по извилам лабиринтов для обеспечения хороших уловов (Гурина, 1947, с. 92). Откровения подобные тем, что «лабиринты служили алтарями, на которых первобытные рыболовы приносили жертвы Хозяину Воды» (Титов, 1976, с. 17) либо были «символами потустороннего – «нижнего» – мира, в котором запутывались души умерших» (Мартынов, 2002, с. 110), представляют собой плоды воображения авторов. Версия о погребальном назначении беломорских лабиринтов (Брюсов, 1940, с. 150; Кабо, 2007, с. 264) тоже лишена фактического обоснования.

Другие археологи признают средневековый возраст и языческие культовые функции лабиринтов северной Фенноскандии. Но они либо игнори-

руют вопрос об отношении лабиринтов к христианству и соответствующей религиозной практике местного населения (Манюхин, 1996, с. 356, 360), либо рассматривают их, в русле новых теоретических шаблонов английской «постпроцессуальной» археологии, как негативную реакцию язычников саамов на экспансию христианской религии (Olsen, 1991; Ольсен, 2002). Это скрытая структуралистская модель объяснения в форме стандартной бинарной оппозиции христианства и язычества с их конфликтными отношениями. Однако под этим углом зрения невозможно дать правдоподобное объяснение обилия лабиринтов и похожих на них сложений в окрестностях Соловецкого монастыря, если представить их как массовую реакцию язычников-саамов на обрядовую практику православных монахов. Столь же трудно представить, что множество подобных сложений-«символов» было сделано язычниками с целью намеренного совершения ритуалов возле монастыря. Этот воображаемый конфликт не отражен в письменных документах и местных преданиях. В конечном счете, остается неясным, в какой этнокультурной среде, каким образом и как долго функционировали беломорские лабиринты.

Формальные исторические параллели этим лабиринтам ведут главным образом в Южную и Западную Европу. В европейских источниках есть сведения о разных функциях и контекстах, как и различные интерпретации сооружений такого рода. К примеру, в Средиземноморье получил широкую известность легендарный лабиринт в Кноссе на Крите. Однако раскопки А. Эванса в царском дворце

Кноссы не выявили следов лабиринтовидной конструкции. Представления древних греков о лабиринтах связаны с семантикой этого слова, которое обозначало постройку со сложной внутренней планировкой. В переработках древних легенд, сделанных драматургами классического периода для аттического театра в Афинах, кносский лабиринт был представлен как обиталище мифического монстра Минотавра, которому по приказам жестокого кносского царя Миноса жертвовали афинских заложников либо как сооружение, из которого заложники не находили выхода и погибали. В этих версиях преобладают мифические детали на фоне политического контекста, который сложился в Афинах после неудачной войны с Критом за морское господство и необходимости посылать заложников в Кноссу. В более поздней, выдержанной в реалистических тонах версии конца IV – III вв. до н.э. у историка Филохора, кносский лабиринт, по словам жителей Крита, представлял собой обычную тюрьму. Ее охраняли, чтобы не убежали заложники, дальнейшая судьба которых изложена в реалистической манере безотносительно к подлинности ряда традиционных мифических деталей и событий (обзор версий см: Плутарх. Тесей, XV, XVI, XIX). Этот показательный пример свидетельствует о том, что «народные» интерпретации конкретных сооружений могут сильно различаться в зависимости от социальной среды и политического контекста.

В Средневековье многочисленные лабиринты создавались севернее Средиземноморья. Здесь не место для подробной характеристики и анализа такого рода изображений в католиче-

ских храмах, светских садово-парковых лабиринтов из декоративных кустов, а также подобных сооружений из дерна или камней, которые были популярны в странах Центральной и Северной Европы в Средневековье – Новом времени (см.: Kraft, 1977). Они создавались с различными целями в разных контекстах и имели неодинаковое назначение. Отсюда понятна необходимость критического анализа источников с учетом современной им социальной, политической и религиозной среды. Лабиринты имели разные формы и функции, и их объяснение невозможно свести к какой-либо модели, принятой в качестве универсального шаблона. Прямая примерка функций конкретных лабиринтов в качестве стереотипных объяснений принципиально ошибочна.

Единственным стереотипом может служить только такая универсальная, инвариантная идея, которая отражает общее реальное или воображаемое создателями и пользователями свойство всех подобных сооружений. Наиболее важным и ценным результатом сравнительных изысканий можно признать факт широкого распространения в древности представления о лабиринтах как сооружениях, из которых нет легкого выхода. Это универсальное представление отражает объективное специфическое свойство конструкции всех лабиринтов – его отметила и Н.Н. Гурина (1947, с. 92). Данное свойство прямо не зависит от контекста, но могло проявляться самым различным образом в конкретных ситуациях – от выражения абстрактно-символических представлений до практического использования сооружений подобной конструкции.

Сведения о подлинных функциях северных каменных лабиринтов и их создателях нигде в Фенноскандии не зафиксированы в письменных источниках. Устная информация местного населения тоже не раскрывает реальный культурный контекст и первоначальное назначение этих сооружений (см. Aspelin, 1877; Гурина, 1948; Kraft, 1977, Olsen, 1991). В Беломорье местные жители связывали их с именами военачальника XIV в. Валита Корелянина, царя Петра I, беглых соратников Емельяна Пугачева или объясняли как следы лыж лешего (Гурина, 1948, с. 130). Это типичные локальные легенды, где лабиринты связываются с деятельностью исторических личностей либо отражают местные суеверия. Они свидетельствуют лишь о том, что местное население в XIX–XX вв. уже забыло первоначальное назначение лабиринтов. Их функции можно с разной степенью точности определить только косвенным путем и только научными средствами. Задача сводится к тому, чтобы определить конкретную форму использования универсального свойства беломорских лабиринтов.

Тот факт, что подлинные функции лабиринтов были забыты, не свидетельствует о глубокой древности этих сложений, а о том, что традиция их сооружений прервалась и не имела прочных корней в производственной и духовной сферах культуры местного населения. Упомянутые легенды представляют собой обычное для традиционной культуры вторичное осмысление сохранившихся объектов, память о первоначальном назначении и традиции воспроизводства которых были утрачены до XX в. К их числу относятся и сравнительно недавно

сделанные объекты, например, поморские деревянные кресты. Видимо, память о реальном назначении даже таких сооружений, бесспорно имеющих отношение к религиозной символике, довольно быстро размывается с прекращением их функционирования в живой культуре. В принципе быстрое исчезновение в духовной культуре представлений о функциях лабиринтов можно рассматривать как косвенное свидетельство их производственного, а не культового назначения, но только в сочетании с другими косвенными данными.

В этом отношении очевидна отмеченная многими исследователями связь северных лабиринтов с морским рыболовецким промыслом, потому что их очертания копируют морские ставные орудия лова (обзор см.: Гурина, 1948). Практически все лабиринты и другие сложения похожих форм находятся вблизи современного берега моря, места их расположения обычно совпадают с рыболовецкими тонями поморов, а некоторые лабиринты передают «достаточно точно форму отдельных рыболовных снарядов» (Гурина, 1947, с. 92; 1948, с. 132–133, 141). Согласно, на мой взгляд, наиболее близкой к реальности версии И.М. Мулло (1966, с. 192), лабиринты западного Поморья представляют собой «планы» ловушек для морского лова семги, которые применялись в промысловой деятельности поморов. Менее сложные ловушки использовались для добычи мелкой рыбы. Каменные макеты оснований таких сооружений («вентери», «звезды», «розетки») есть на Соловках (Мартынов, 2002, с. 67–68 сл.). Однако вряд ли возможно, вслед за И.М. Мулло, определять все лабиринтоподобные сло-

жения как следы действующих стационарных ловушек из прутьев или сооружений из кольев типа заколов, которые более типичны для речного, отчасти прибрежного рыболовства. В море их устанавливали на приливном мелководье возле берега. Однако многие лабиринтовидные сложения расположены довольно высоко над морем, поэтому их определение как следов действующих ловушек неизбежно и автоматически привязывает относительные датировки к соответствующим высотам. В лабиринтах и около них нигде не выявлены остатки вкопанных в грунт деревянных конструкций. Больше того, лабиринтообразные сложения расположены на каменистом грунте, иногда на скальном основании, где трудно или просто невозможно соорудить стационарные ловушки. Чтобы объяснить эту ситуацию, нужно либо вернуться к формальным датировкам по высотному расположению, либо признать, что лабиринты имели другое назначение.

На мой взгляд, все лабиринтовидные сложения можно квалифицировать как объекты производственного назначения, а именно контуры оснований стационарных деревянных сооружений для профилактических работ с морскими сетевыми ловушками различной конструкции. Современные рыбаки регулярно чистят и чинят продольные сети на вешалах, копирующих их очертания и размеры. Станные морские ловушки, как и прочие виды сетей, легко засорялись во время штормов, быстро обрастали водорослями и нуждались в периодической просушке, чистке и ремонте. Развешивать их для профилактики крайне трудно иначе, как на специальных макетах, копирующих сложные формы.

Макеты оснований сложных сетевых ловушек вполне возможно и легче всего соорудить на любой пригодной высоте по плану, обозначенному такими способами, которые достаточно точно, надежно и зримо фиксируют их контуры, в т.ч. выкладками из камней на каменистых участках местности.

Отсюда понятно, почему лабиринты находятся на ближней к местам постановки ловушек морской стороне побережья и островов. Их сооружали в наиболее удобных местах побережья на любой ближней высоте. В лабиринтах и около них никогда не концентрировались остатки бытовой материальной культуры их создателей, тем более сакральные предметы. Здесь могут встретиться только случайные находки изделий производственного и бытового назначения. Отсутствие каких-либо культурных остатков подтвердили раскопки беломорских лабиринтов, сделанные К.П. Ревой (1907) и А.Я. Брюсовым (1940, с. 149–150). Также понятно, почему лабиринтов больше всего, свыше 30, на сравнительно густо населенных со времени основания монастыря Соловецких островах, где довольно много каменных оснований моделей и менее сложных ловушек. Там нет рек и соответствующих мест для речного лова нерестовой рыбы. Добывать семгу, как и другие виды рыб, можно только в море разнообразными ставными ловушками или продольными сетями. Макеты для профилактических работ с сетевыми ловушками сооружали на ближних, разной высоты участках берега островов. Однако на побережье моря, где нерестовую рыбу можно было ловить в реках, морскими ловушками пользовались гораздо

реже либо макеты их оснований не всегда делали из камней.

Конечно, никак не соотносятся с реальностью замысловатые схоластические объяснения обилия лабиринтов и других похожих сооружений на Соловках тем обстоятельством, что на этих островах будто бы сложился «особый духовный микромир», потому что благодаря своему географическому положению они находились между «средним» (люди, фауна, флора) и «нижним» мирами» (Мартынов, 2002, с. 120). В конечном счете, «упрощенный характер» и «наивный рационализм» подхода И.М. Мулло (Куратов, 1970, с. 36, 37) объясняют данную ситуацию гораздо конкретнее и правдоподобнее, чем детально не продуманные или явно вымышленные интерпретации разного рода, которые основаны на далеких, слабо осмысленных формальных параллелях, превращенных в шаблоны. Между тем, независимо от всех существующих концепций нужно признать, что каменные лабиринты представляют собой межкультурное и межэтническое явление в средневековой Северо-Западной Европе. Поэтому их функциональные и содержательные характеристики следует определять в зависимости от хозяйственного и этнокультурного контекста.

Географическое положение сходных объектов в пределах ареала может косвенно указывать на их происхождение. Поморье находится на северо-восточной окраине ареала каменных лабиринтов. В принципе, они могли появиться на этой периферии либо в ходе непосредственного приспособления хозяйственной деятельности к специфике морской природной среды, либо путем заимствования у сосед-

них популяций. В Поморье они вряд ли были оригинальным изобретением переселенцев карел или русских, у которых нет похожих объектов в исходных областях расселения. Кроме того, близкое сходство форм каменных лабиринтов Фенноскандии свидетельствует в пользу их заимствования жителями восточной периферии этого региона. Судя по всему, традиция сооружения лабиринтов появилась на Белом море вместе с приемами гораздо более сложного морского, а не традиционного, относительно легкого речного лова семги на порогах. Вероятнее всего, специфические орудия и приемы морского лова были заимствованы поморами у жителей других приморских областей Фенноскандии. Таким образом, лабиринты Поморья можно с большой вероятностью квалифицировать как результат хозяйственно-культурной адаптации пришлого средневекового населения.

Скорее всего, именно инородное происхождение производственной традиции сооружения лабиринтов было одной из причин того, что поморы быстро о них забыли. Поэтому и начало, и финал использования лабиринтов следует связывать с изменениями направлений, техники и масштабов морского рыболовецкого промысла. Конкретная динамика процесса изменения его способов у поморов пока детально не изучена. Вероятнее всего, исчезновение лабиринтов можно связывать с переходом местного населения от добычи морской рыбы с помощью сложных ставных ловушек на ловлю продольными сетями, которая проще в техническом отношении, но требует более частых выездов в море для проверки сетей. Сетевую ловлю можно связать с изменением состава

Рис. 6. Лабиринт на о. Красная Луда.

Рис. 7. Менгир
в урочище
Сыроватка.

ва промысловой добычи и переходом населения к массовому вылову для продажи таких некрупных видов морских рыб, как сельдь, навага, камбала, треска, которые стали популярны в России среди достаточно широких слоев населения примерно с середины XVIII в. («соловецкая» селедка и «лабардан», т.е. треска). Наряду с сетями для их добычи применялись и ставные ловушки простых форм.

Менгиры. О принадлежности и функциях менгиров имеется довольно много косвенной информации. Эти сооружения (числом свыше 80) большей частью находятся на островах Белого моря, изредка встречаясь на побережье (11 экз.). Они встречаются поодиночке или группами и находятся на высоте от 2 до 90 м. Менгиры располагаются по соседству с каменными ямами, кучами и насыпями, фундаментами, овальными кладками, пирамидками, захоронениями и промысловыми пунктами. Нужно отметить уникальную комбинацию в заброшенном промысловом пункте на сев. Яголомбе, где менгир сочетается с остатками избушки и ямой-ледником. В некоторых пунктах обнаружены только менгиры.

Эти сооружения представляют собой разных форм и размеров нестандартные каменные блоки и плоские плиты высотой от 0,6 м до 2,75 м в вертикальном положении, которые подперты камнями или укреплены в скальных трещинах. Обычно это природные камни без признаков обработки. Однако на менгирах в урочище Сыроватка заметны параллельные канавки вдоль длинных краев (рис. 7). Канавки можно квалифицировать как следы разметки перед расчленением крупных плит или ломкой каменных

блоков из скального массива. Современные поморы относятся к менгирам с безразличием, но не связывают с языческими культами и не комментируют их функции и принадлежность. У поморов нет устной традиции, связывающей менгиры и иные сооружения с иноязычным населением или иноверцами. В западном Поморье известна только легенда о превращении в камни на о. Кузова «немцев» – участников неудачных шведских военных рейдов на Белое море в конце XVI – начале XVII в.

Приписывать менгирам значение фаллических символов, вслед за Н.Н. Виноградовым (1997 (1935)), И.М. Мулло (1984, с. 66) и их последователями, нет никаких оснований. Вольные ассоциативные образы у некоторых авторов не являются решающими доводами для опознания конкретной символики объектов. Вертикально поставленные камни не являются символами, выражающими универсальные идеи, кроме той, что они должны быть заметными, чтобы привлекать внимание людей или воображаемые сверхъестественные силы. Поэтому менгиры в принципе могли сооружаться в определенных местах и иметь разные функции. Судя по ареалу, их сооружение в Белом море не было специфической традицией любой из местных этноязыковых групп населения. Однако севернее д. Гридино на западном побережье Белого моря они не обнаружены, и можно утверждать, что массовое сооружение менгиров не характерно для саамов северной Фенноскандии. Во внутренних районах Беломорья их нет.

В Поморье прослеживается общая параллель между расположением менгиров и поморских береговых и

островных крестов, а также лабиринтов. Менгиры, лабиринты и деревянные кресты явно имеют отношение к морю, располагаясь на открытых к нему участках побережья и островов. Высота их расположения зависит от профиля склонов на конкретных участках морского берега. Но ареалы лабиринтов и менгиров практически не совпадают, тогда как массовое распространение менгиров и поморских деревянных крестов почти не различаются. По словам местных поморов, деревянные кресты представляли собой знаки владения промысловыми пунктами, путевые ориентиры и предупредительные маяки, иногда знаки памяти о погибших в море людях (Кузнецова, 2003, с. 159–161). Однако речь идет о сообщениях современных информаторов, которые уже не воздвигали кресты и не помнили точные сведения о назначении и символике таких объектов. На старых поморских крестах есть стандартные надписи, знаки и изображения, которые не вполне сопрягаются с их определением как маяков или памятных сооружений.

Кресты и менгиры сосредоточены на участках промысловой деятельности местного населения средневекового и более позднего времени. На Сыроватке, Мальострове, о. Б. Жужмуй и Избяная Луда они датируются не раньше позднего Средневековья по высоте над уровнем моря. Менгир у промыслового пункта на сев. Яголомбе, судя по культурному контексту, относится к недавнему времени. На стеле у промыслового пункта Мальостров в устье Сумы выбиты православный крест и дата 1760 г. Судя по расположению и знакам, стела идентична деревянным крестам. Нужно заметить, что менгиры обычно

не сочетаются с крестами. Вероятно, оба вида сооружений имели сходные функции и заменяли друг друга. Судя по всему, менгиры, как и кресты, представляли собой заметные с моря знаки владения промысловыми участками, и в этом заключалось их основное назначение. Менгиры ставили не только у промысловых пунктов, но, видимо, иногда и на границах участков. В некоторых ситуациях эти небольшие сооружения могли выполнять побочную функцию ближних, но не дальних ориентиров.

Есть основания предполагать, что кресты, а возможно и заменяющие их менгиры, были не только маркерами, но параллельно выполняли символическую функцию оберегов промысловых участков и их пользователей. Речь идет об охранительном свойстве христианского креста, которое в повседневной практике православных верующих играет заметную роль среди его многозначной символики (универсальное, инвариантное свойство креста – быть посредником в отношениях между человеком и сферой сверхъестественных явлений). Косвенный признак охранительной функции можно усматривать в сооружении крестов, а не других видов маркеров промысловых участков. Иначе непонятно, почему у многих промысловых пунктов поморы ставили именно кресты, нередко с датами и стандартными надписями. На каменной стеле Мальостров высечен типичный православный «крест Голгофы» с характерным для него набором атрибутов и стандартных надписей (рис. 8). На очень старых крестах в северной части Карельского Поморья есть иконообразные изображения, вероятно покровителя мореходов и рыбаков св.

Рис. 8. Менгир на мысу Мальостров.

Рис. 9. Каменная насыпь на о. Могильный.

Николая Мирликийского или местных подвижников, а также малопонятные знаки в круглых рамках. Можно предполагать, что это персональные знаки пользователей промысловых участков во владениях Соловецкого монастыря. Таких знаков нет на крестах с вырезанными на них датами в пределах второй половины XIX в.

Пирамидальные сложения. Беломорским менгирам, видимо, близки по своим функциям некоторые камни с «головками», они же «сейды второго – пятого типов» или «сейда-камни», как их называют И.М. Мулло (1984, с. 62–63) и его последователи (Манюхин, 1996, с. 348–352; Мартынов, 2002, с. 158–159). Это пирамидки высотой до 1 м общим числом около 900, состоящие из нескольких мелких камней, положенных на крупные либо из небольших камней, лежащих друг на друге. Они сосредоточены на островах в южной части моря – Б. Жужмуде, Черной Луде, Кондострове, Коткано и особенно многочисленны на островах Кузова. Такие сложения есть и на Соловках. Пирамидки сооружали на разных высотах, вплоть до вершин островов. Частично они датируются не раньше позднего Средневековья.

Использование пирамидок в качестве объектов культового почитания – сейдов нигде в южном Беломорье достоверно не установлено, а сложения на о. Черная Луда определены как разновидность менгиров (Лобанова, 2003, с. 104; 2006, с. 419). Вполне вероятно, что их делали при отсутствии подходящих камней для менгиров. Некоторые пирамидки могли иметь иные функции, в частности, служить подставками для костровых перекладин.

Каменные «фигуры». О каменных фигурах «тотемных животных и

птиц» – медведей, оленей, тюленей, лягушек и др. (около 80 экз.), а также «антропоморфных изображений идола Тиермеса» на о. Русский и Немецкий Кузова (Мулло, 1984; Мартынов, 2002, с. 158–159), можно сказать лишь то, что эти характеристики всецело созданы фантазией авторов. Объекты такого рода представляют собой отдельные природные камни различных форм или обычные рукотворные сложения с «головками». Они не сопровождаются культурными остатками или иными культовыми атрибутами.

Могилы. Пять одиночных могил в каменных ящиках и камерах под овальными кучами раскопаны на западном побережье (Соностров; мысы Пурнаволок, Кирбей и о. Бер. Лехлуды). Они находятся на каменистых и скальных участках морского берега высотой 2–17 м у поморских промысловых пунктов. Каменные могилы не имеют особых черт и представляют собой овальные сложения высотой до 1 м и размерами от 4,8 x 3,6 м (Бер. Лехлуды, могила 2) до 1,65 x 1,3 м (Пурнаволок). Следы надмогильных крестов не выявлены. Скелеты находились под кучами в камерах (Бер. Лехлуды, Соностров (рис. 2)) или в каменных ящиках из вертикально поставленных плит (Пурнаволок, Кирбей). Прямоугольные ящики и камеры по христианскому обычаю ориентированы в направлении запад – восток, а погребенные в трех случаях лежали на спине головой на запад или северо-запад, в одном случае на боку в тесной камере. Погребальный инвентарь отсутствовал, кроме кусочка слюды и венчика гончарного сосуда не древнее XVII в. в могиле Соностров. По предварительному определению антрополога В.И. Хартановича, погребенные

являются европеоидами, вероятнее всего, представителями популяции карел.

Речь может идти о захоронениях поморов позднего Средневековья – Нового времени, которые жили здесь в период сезонных промыслов семьями или артелями и не могли быстро переправить умерших людей на удаленные деревенские кладбища. Современные поморы помнят такие ситуации. Каменные могилы представляют собой косвенные свидетельства стационарной промысловой деятельности поморов за пределами своих населенных пунктов.

Уникальные комплексы. В западном Поморье к ним относятся сложенные на вершинах островов Олешин и Могильный, которые представляют собой насыпи высотой до 1 м. Насыпи из камней есть на Соловках и на нескольких островах в южной части мор (Мартынов, 2002; Шахнович, 2003; Лобанова, 2003). Они не имеют стандартной конфигурации или размеров и располагаются на возвышенной части островов. В целом назначение большинства насыпей по внешним признакам точно не определено и может быть предметом специального изучения. Весьма вероятно, что некоторые насыпи использовались для профилактических работ с несложными сетевыми орудиями для морского лова рыбы. В этом отношении любопытна насыпь длиной свыше 20 м у вершины о. Могильный (рис. 9). Она имеет два «крыла» и утолщенную центральную часть, на внешнем конце которой сохранились остатки деревянной постройки. На гребне насыпи сложены пять небольших куч, в которых были укреплены деревянные колья. Вдоль насыпи могли растягивать на кольях

для чистки и починки длинную сетевую ловушку типа сети с крыльями и мешком-накопителем в центре.

На западном берегу (Сыроватка, юж. Яголомба, мыс Шоломбродский) и островах у южного побережья моря (Голомянный, Мягостров, Коткано, Кондостров) известны кольцевидные сложения диаметром от 0,8 до 9 м. Они относятся ко времени не ранее средневековой эпохи, судя по небольшой высоте над уровнем моря и расположению у промысловых пунктов. Однако их назначение точно не установлено.

Заключение. Каменные сооружения Карельского Поморья являются фрагментом неполной, но широкой картины промысловой деятельности поморов. Ее археологический аспект интересен тем, что позволяет описать черты специфической адаптивной промысловой культуры на Белом море. Поморы сложились как разнородная, но интегрированная локальная группа русскоязычного населения, которая сформировалась к середине XVI в. из русских переселенцев на южном и карел на западном побережье моря (Жуков, 2005, с. 86–89). Речь идет о довольно редком случае, когда возможно выявить соотношение между приспособлением хозяйства разноязычных переселенцев к новой, морской природной среде и организацией их экономической деятельности.

В Поморье наблюдается отчетливое сосредоточение каменных сложений в узкой прибрежной зоне, которая представляет собой особую природную среду. В ее пределах контрастно сочетаются условия, свойственные пресноводным озерно-речным системам внутренних районов бассейна Белого

моря и морская среда, приспособление к которой требовало выработки особых навыков и традиций. Все сооружения из природного камня расположены вне деревень, на каменистых участках морского побережья и островов у специализированных промысловых пунктов поморов. Они представляют собой результат экологической адаптации жителей прибрежной зоны.

Каменные сложения Поморья были связаны с промысловой деятельностью поморов. Состав, количество и локализация сооружений зависели от направлений, способов и масштабов промыслов. Создание сети специализированных пунктов и высокая продуктивность промыслов были достигнуты только в позднем Средневековье и связаны с ориентацией поморов на товарное производство, направления и объем которого прямо зависели от экономической политики Соловецкого монастыря. В начале XVII в. он завладел всей прибрежной зоной южного и западного Беломорья. Существенную роль в сложении профиля поморской экономики играло приспособление к потребностям внешнего рынка. Монастырь широко торговал продукцией морских промыслов с другими областями Московского государства, а также скандинавскими странами и был самым крупным субъектом экономической деятельности на российском Севере. Нужно подчеркнуть, что массовая концентрация рукотворных каменных объектов полностью совпадает с зоной промыслов поморов во владениях монастыря. Основную массу сооружений Поморья можно отнести к XVI–XVIII вв. – времени интен-

сивной промысловой деятельности поморов в монастырских угодьях.

Этими условиями определяется назначение сложений из природного камня, а их состав прямо связан с профилем деятельности промысловиков. Среди них опознаются хозяйственные ямы для хранения добычи и припасов, фундаменты строений, кучи различного назначения, в т.ч. подпоры крестов и случайные могилы, сооружения для профилактических работ с орудиями сетевого лова, включая лабиринты. Менгиры и пирамидки были маркерами промысловых участков в монастырских владениях. Есть сложения с неясными функциями, например, кольцевидные выкладки и некоторые насыпи.

Нет заметных свидетельств того, что сооружения Беломорья представляют собой объекты языческих культов либо их пережиточных форм. Нет и следов соответствующего культурного контекста. Саамы обитали во внутренних районах беломорского бассейна и там никогда не делали подобных сооружений. Сложения всех видов могут соотноситься только с деятельностью поморов, которые были православными христианами. Судя по обряду захоронения и крестам, они вписываются в христианский православный контекст. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что религиозные представления и православная символика не определяли основные функции сооружений, но органично их дополняли в качестве сопровождающих традиционных элементов духовной культуры поморов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амелина Т.П.* Из истории средневековых поселений Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007.
2. *Амелина Т.П.* Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. – Петрозаводск, 2009.
3. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии // Тр. ГИМ. Вып. IX. – М., 1940.
4. *Виноградов Н.Н.* Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 4. – Соловки, 1927.
5. *Виноградов Н.Н.* К вопросу о значении некоторых первобытных сооружений Соловецкого архипелага // Археология Севера. – Петрозаводск, 1997 (1935).
6. *Гурина Н.Н.* К вопросу о лабиринтах Беломорья // Археологический сборник. – Петрозаводск, 1947.
7. *Гурина Н.Н.* Каменные лабиринты Беломорья // СА. – 1948. – Т. X.
8. *Демидов И.Н.* История развития ландшафтного заказника «Кузова» в Белом море в поздне- и послеледниковье // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск, 2002.
9. *Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. – М., 1836.
10. *Жуков А.Ю.* Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск, 2005.
11. *Кабо В.Р.* Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М., 2007.
12. *Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. – СПб., 1993.
13. *Косменко М.Г.* Эпоха средневековья. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. – Петрозаводск, 1996.
14. *Косменко М.Г.* Древности приморской зоны южного и западного Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007.
15. *Косменко М.Г.* Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007а.
16. *Косменко М.Г.* Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. – Петрозаводск, 2009.
17. *Кузнецова В.П.* Почитаемые места и памятники Поморья // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.
18. *Кузьмин Д.В.* Формирование этнолингвистической карты карельского Поморья по сведениям топонимии // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007.

19. *Куратов А.А.* О каменных лабиринтах Северной Европы (опыт классификации) // СА. – 1970. – № 1.
20. *Лобанова Н.В.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников Онежской губы Белого моря // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.
21. *Лобанова Н.В.* Археологические исследования на Карельском берегу Белого моря (2003–2005 гг.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск, 2005.
22. *Лобанова Н.В.* К вопросу о каменных сооружениях Карельского Беломорья (по материалам археологических разведок 2000–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки, 2006.
23. *Лукашов А.Д.* Геология и геоморфология // Позднеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастиельность и палеогеография). – Петрозаводск, 2000.
24. *Лукашов А.Д., Демидов И.Н.* Условия формирования рельефа и четвертичных отложений Карелии в поздне- и послеледниковье как основа становления современной природной среды // Биогеография Карелии. Тр. Карельского НЦ РАН, серия «Биология». Вып. 2. – Петрозаводск, 2001.
25. *Манюхин И.С.* Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. – Петрозаводск, 1996.
26. *Манюхин И.С.* Культовые места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
27. *Манюхин И.С., Лобанова Н.В.* Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск, 2002.
28. *Мартьянов А.Я.* Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. – Архангельск; Соловки, 2002.
29. *Мулло И.М.* К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. – Петрозаводск, 1966.
30. *Мулло И.М.* Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. – Архангельск; Соловки, 1984.
31. *Мулло И.М., Рылеева А.Д.* Новые древние саамские культовые памятники на островах Белого моря // АО 1969 года. – М., 1970.
32. *Ольсен Б.* Северные лабиринты // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск, 2002.
33. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 1. – М., 1961.
34. *Рева К.П.* О раскопках в 1907 г. // ОАК за 1907 г. – СПб., 1907.
35. *Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. 2. Стоянки. – Л., 1977.
36. *Спицын А.А.* Северные лабиринты // ИАК. – 1904. – Вып. 6.
37. *Титов Ю.В.* Лабиринты и сейды. – Петрозаводск, 1976.
38. *Филатова В.Ф.* Проблемы изучения экологической и культурной адаптации населения Карелии эпохи мезолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. – Петрозаводск, 2009.
39. *Шахнович М.М.* К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.

40. Шахнович М.М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М. Мулло: хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки, 2006.

41. Aspelin I.R. Latularhat Suomen rautamailla // Finska Forminustörens Tidskrift. Т. II. – Helsingfors, 1877.

42. Henriksen J.E., Amundsen C.P. Multi-room houses and trans-cultural interaction in medieval coastal Finnmark // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.

43. Kraft J. Labyrint och ryttalek // Fornvännen. 72. – Stockholm, 1977.

44. Olsen B. Material metaphors and historical practice: A structural analysis of stone labyrinths in coastal Finnmark // Fennoscandia Archaeologica. VIII. – Helsinki, 1991.

45. Saarikivi J. On the uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. (Article 2). – Tartu, 2006.

Информация об авторе:

Косменко Марк Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); kosmenko@sampo.ru

BELONGING AND FUNCTIONS OF STONE CONSTRUCTIONS IN KARELIAN MARITIME AREA

M.G. Kosmenko

The results of the study of numerous stone structures at 52 points on the White Sea coast and islands in Karelia are presented in the article. Their basic types are described; existing interpretations are discussed. The stone structures of Karelian Pomorje have usually been interpreted as objects of religious cults of the Stone Age, erected by ancient Sami or Karelians. The analysis of natural and cultural context, topography and areal characteristics of these objects shows that the structures are located near Pomor sea fisheries ('tonya') and refer to the Middle Ages and the Modern time. The purpose of all these objects is connected to the Pomor sea fisheries. On the one hand, this is a result of adaptation of the Pomor population, alien in the White Sea coastal regions, to a specific natural environment on the rocky parts of the coastline and the islands. On the other hand, the objects are part of the Pomor fishing culture, whose formation was stimulated by intense economic and organizational activities of the Solovetsky Monastery. In the 16th to 18th centuries, the latter owned these lands and was engaged in extensive trade in products of sea fisheries with other areas of Muscovy and the Scandinavian countries. Thus, the stone structures in question cannot be connected with the pagan cults of the local population.

Keywords: archaeology, Karelia, 16th century, stone structures, hearths, basements, menhirs, labyrinths, graves in stone boxes, the Russian Pomors.

REFERENCES

1. Amelina, T. P. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 66-78 (in Russian).

2. Amelina, T. P. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ia (Environmental Adaptations of Karelian Cultures from the Mesolithic to the Middle Age)*. Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 169-191 (in Russian).
3. Briusov, A. Ya. 1940. *Istoriia drevnei Karelii (History of Ancient Karelia)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) IX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
4. Vinogradov, N. N. 1927. *Solovetskie labirinty. Ikh proiskhozhdenie i mesto v riadu odnorodnykh pamiatnikov (Labyrinths of the Solovetsky Islands. Their Origin and Place among Similar Sites)*. Series: Materialy Solovetskogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Solovetsky Islands Local Lore Society) 4. Solovki (in Russian).
5. Vinogradov, N. N. 1997. In *Arkheologiia Severa (Archaeology of the North)*. Petrozavodsk (in Russian).
6. Gurina, N. N. 1947. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)*. Petrozavodsk, 86-93 (in Russian).
7. Gurina, N. N. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* Kh, 125-142 (in Russian).
8. Demidov, I. N. 2002. In *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo moria (Cultural and Natural Heritage of the White Sea Islands)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 10-17 (in Russian).
9. Dosifei (Nemchinov), archimandrite. 1836. *Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisaniie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyr'ia (Geographical, Historical and Statistical Description of the Stauropegial First-Grade Solovetsky Monastery)*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).
10. Zhukov, A. Yu. 2005. In Iliukha, O. P. (comp.). *Mezhkul'turnye vzaimodeistviia v polietnichnom prostranstve pogranichnogo regiona (Cultural Interactoins in the Polyethnic Space of Borderland)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 85-91 (in Russian).
11. Kabo, V. R. 2007. *Krug i krest: razmyshleniia etnologa o pervobytnoi dukhovnosti (Circle and Cross: Ethnologist's Reflections on the Primitive Spirituality)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
12. Kosmenko, M. G. 1993. *Arkheologicheskie kul'tury perioda bronzy – zheleznoogo veka v Karelii (Archaeological Cultures of the Bronze and Iron Ages in Karelia)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Kosmenko, M. G. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 6-42 (in Russian).
15. Kosmenko, M. G. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 79-116 (in Russian).
16. Kosmenko, M. G. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ia (Environmental Adaptations of Karelian Cultures from the Mesolithic to the Middle Age)*. Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 135-168 (in Russian).

17. Kuznetsova, V. P. 2003. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 159-164 (in Russian).

18. Kuz'min, D. V. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 175-199 (in Russian).

19. Kuratov, A. A. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 34-48 (in Russian).

20. Lobanova, N. V. 2003. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 103-110 (in Russian).

21. Lobanova, N. V. 2005. In Iliukha, O. P. (comp.). *Mezhkul'turnye vzaimodeistviia v polietnichnom prostranstve pogranichnogo regiona (Cultural Interactions in the Polyethnic Space of Borderland)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 43-50 (in Russian).

22. Lobanova, N. V. 2006. In *Pervobytnaia i srednevekovaia istoriia i kul'tura evropeiskogo Severa: problemy izuchenii i nauchnoi rekonstruktsii (Prehistoric and Medieval History and Culture of the European North: Issues of Research and Scientific Reconstruction)*. Solovki: s. ed., 416-425 (in Russian).

23. Lukashov, A. D. 2000. In Elina, G. A., Lukashov, A. D., Iurkovskaia, T. K. *Pozdnelednikov'e i golotsen Vostochnoi Fennoskandii (paleorastitel'nost' i paleogeografiia) (Late Ice Age and Holocene of Eastern Fennoscandia: Palaeovegetation and Palaeogeography)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

24. Lukashov, A. D., Demidov, I. N. 2001. In *Biogeografiia Karelii (Biogeography of Karelia)*. Series: Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences), Biology series 2. Petrozavodsk (in Russian).

25. Maniukhin, I. S. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

26. Maniukhin, I. S. 2003. In Klement'ev, E. I., Shlygina, N. V. (eds.). *Pribaltiiskofinskii narody Rossii (Baltic and Finnic Peoples of the Russian Federation)*. Moscow: "Nauka" Publ., 125-135 (in Russian).

27. Maniukhin, I. S., Lobanova, N. V. 2002. In *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo moria (Cultural and Natural Heritage of White Sea Islands)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 19-31 (in Russian).

28. Martynov, A. Ya. 2002. *Arkheologicheskie pamiatniki Solovetskogo arhipelaga i drugikh ostrovov iuzhnoi chasti Belogo moria (Archaeological Sites of the Solovetsky Archipelago and Other Islands in the Southern Part of the White Sea)*. Arkhangel'sk; Solovki (in Russian).

29. Mullo, I. M. 1966. In *Novye pamiatniki istorii drevnei Karelii (Recently Discovered Sites of the History of Ancient Karelia)*. Petrozavodsk, 185-193 (in Russian).

30. Mullo, I. M. 1984. In *Arkheologiia i arkheografiia Belomor'ia (Archaeology and Archaeography of the White Sea Area)*. Arkhangel'sk; Solovki, 52-81 (in Russian).

31. Mullo, I. M., Ryleeva, A. D. 1970. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 1969 goda*. Moscow, 16-17 (in Russian).

32. Ol'sen B. 2002. In *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo moria (Cultural and Natural Heritage of White Sea Islands)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 40-51 (in Russian).

33. Plutarch. 1961. *Sravnitel'nye zhizneopisaniia (Parallel Lives)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

34. Reva, K. P. 1910. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1907 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1907)*. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages, 107-108 (in Russian).

35. Savvateev, Yu. A. 1977. *Zalavruga (Zalavruga) 2. Stoianki (Stations)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

36. Spitsyn, A. A. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 6, 101-112 (in Russian).

37. Titov, Yu. V. 1976. *Labirinty i seidy (Labyrinths and Seids)*. Petrozavodsk: "Kareliia" Publ. (in Russian).

38. Filatova, V. F. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ia (Environmental Adaptations of Karelian Cultures from the Mesolithic to the Middle Age)*. Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 9-43 (in Russian).

39. Shakhnovich, M. M. 2003. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 114-115 (in Russian).

40. Shakhnovich, M. M. 2006. In Martynov, A.Ya. (ed.). *Pervobytnaia i srednevekovaiia istoriia i kul'tura Evropeiskogo Severa: Problemy izucheniia i nauchnoi rekonstruktsii (Prehistoric and Medieval History and Culture of the European North: Research and Reconstruction Issues)*. Solovki: "SOLTI" Publ., 408-415 (in Russian).

41. Aspelin, I. R. 1877. *Latularhat Suomen rautamailla*. Finska Forminustörens Tidskrift II. Helsingfors.

42. Henriksen, J. E., Amundsen, C. P. 2003. Multi-room houses and trans-cultural interaction in medieval coastal Finnmark. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences.

43. Kraft, J. 1977. Labyrint och ryttalek. In *Fornvännen* 72. Stockholm.

44. Olsen, B. 1991. Material metaphors and historical practice: A structural analysis of stone labyrinths in coastal Finnmark. In *Fennoscandia Archaeologica* VIII. Helsinki, 51-58.

45. Saarikivi, J. 2006. On the uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation. In Saarikivi, J. *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugric Substrate in Northern Russian Dialects*. (Article 2). Tartu: Tartu University Press, 150-165.

About the Author:

Kosmenko Marc G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; kosmenko@sampo.ru

ПОЗДНЕАНАНЬИНСКОЕ СВАТИЛИЩЕ НА ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОМ I ГОРОДИЩЕ (НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ)

© 2013 г. Е.М. Черных

В статье анализируются археологические объекты и находки в южной части Зуевоключевского I городища, одного из крупнейших памятников ананьинской культурно-исторической области в Прикамье. Особенности топографии и ритуальный характер изученных остатков, выявленных в позднеананьинском культурном слое, позволяют говорить об особом функциональном использовании этой части городища в данное время. Исследовано сооружение, явно представлявшее собой культовую постройку своеобразной планировки, с многочисленными очагами и жертвенниками из камней и костей животных, как внутри постройки, так и рядом с ней. На этом же участке обнаружено захоронение младенца, найдены предметы глиняной пластики и миниатюрные сосуды. Неординарность изученных объектов, расположенных в пределах ограниченной территории, характеризует выделенную структуру как святилище.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, городище, святилище, духовная культура, культовая атрибутика, жертвоприношения.

Понятие святилища используется в этнографии в качестве собирательного термина для обозначения места, где совершаются какие-либо культовые отправления во всех ранних и развитых формах религии (Религиозные верования, 1993, с. 184). В археологии следы таких объектов определить очень сложно, а порой и невозможно, что порождает непреходящий интерес как к идентификации мест ритуальных практик, так и к критериям их выделения (Тиваненко, 1989; Русанова, Тимошук, 1993; Свирина, 2006; Святилища, 1996; Святилища, 2000; Шутова, 2004, с. 5–35). Мир ананьинской культурно-исторической области Волго-Камья рассматривается как время динамичных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности, несомненно, менявших стереотипы группового и индивидуального опыта духовной жизни. Сложный погребальный обряд ананьинцев, стремительное расширение коммуникативных связей, массовое распространение

различного рода знаков и символов, – все это побуждает обратить внимание и на признаки особой маркировки поселенческого пространства с сакральными целями. Раскопки ананьинских поселений широкими площадями во второй половине XX в. делают поставленную задачу вполне решаемой. Так, анализ планировочной структуры вятского Аргыжского городища позволил автору выделить на нем специализированную культовую постройку и дать ее характеристику (Черных, 2001, с. 65–72; Черных, Ванчиков, 2002, с. 16–17).

Зуевоключевское I городище – одно из наиболее крупных поселений АКИО – расположено на границе Удмуртской Республики и Татарстана, на правом берегу р. Кама. Городище занимает мыс высотой 20–25 м, экспонированный к югу. Сохранившийся внешний вал ограничивает площадь около 33 тыс. кв. м (рис. 1: 1). Памятник имеет длительную историю изучения. Открытый в конце XIX в.

А.А. Спицыным, он планомерно раскапывался в 1969–1972, 1975 гг. (Ашихмина, Генинг, 1986) и в 1997–2005 гг. автором публикации (Черных, 2004; 2009). Изученная раскопами площадь составила около 8000 кв. м. Памятник является многослойным, полифункциональным, достаточно сложным в стратиграфическом отношении. В данной статье дано описание объектов, выявленных в позднеананьинском культурном слое, прежде всего, сооружения I. Оно занимает особое место в планировочном пространстве городища и характеризуется рядом признаков, отличающих его среди прочих жилищно-бытовых сооружений поселения. Это позволяет атрибутировать его как специализированную культовую постройку, а территорию вокруг нее рассматривать в качестве специализированного культового места – святилища.

Еще в 1971 г., в раскопе VI, заложенном вблизи южного склона городища, В.Ф. Генингом были изучены отдельные очаги и скопления костей животных, интерпретированные им как остатки святилища ананьинского времени (Генинг, 1971, с. 27–38). В раскопе XVI 1998 г. северо-западнее изученного ранее участка были открыты остатки сооружения I, сразу же обратившие на себя внимание своеобразием фиксируемых слоев и объектов. В следующем году работы в этой части площадки были продолжены. В итоге сооружение было изучено полностью, исследована и территория, прилегающая к нему (рис. 1: 2).

Остатки большого строения фиксировались первоначально в виде пятна зольно-прокаленного слоя толщиной 3–8 см, залегавшего тонкими аморфными линзами. Они маркировали

границы сооружения и выделяли его на фоне основного культурного слоя. Сооружение имело прямоугольную в плане форму, размеры основания 19,6 x 6,0–7,5 м, его длинная ось была развернута по линии СВ – ЮЗ. Таким же образом были устроены жилища верхнего горизонта ананьинского слоя, изученные в северной части площадки городища (Черных, 2009, рис. 9). Основание сооружения было лишь слегка заглублено в подстилающий культурный слой, на уровне пола расчищены 16 кострищ (рис. 2), имевших различную форму и заполнение. К категории долговременных можно отнести только два очага в северной половине сооружения, на кв. ф/29–30 (№ XL и XLI). Оба очага имели в основании глиняную подушку, в центре которой находилось углубление, заполненное золой вперемешку с мелкой галькой. Остальные кострища представляли собой пятна прокаленного слоя или золы – следы эпизодически разжигавшихся костров. Большая часть таких пятен размещалась в центре постройки и ее юго-западной половине.

Около северо-западной, длинной стены постройки, почти посередине (кв. х/28), расчищена площадка прокала мощностью 0,5 см, овальной в плане формы размерами 1,26 x 0,54–0,65 м. Площадка имела каменное ограждение из плит песчаника. По оси СВ – ЮЗ за пределами прокаленного слоя лежали две наиболее крупных плоских плиты размерами (рис. 3: 1, 3). Внутри каменной обкладки расчищены кости домашних животных – лошади и свиньи. Центральную часть скопления занимал крупный позвонок – атлант быка. Такие намеренно оформленные выкладки из камней и костей животных изучены и

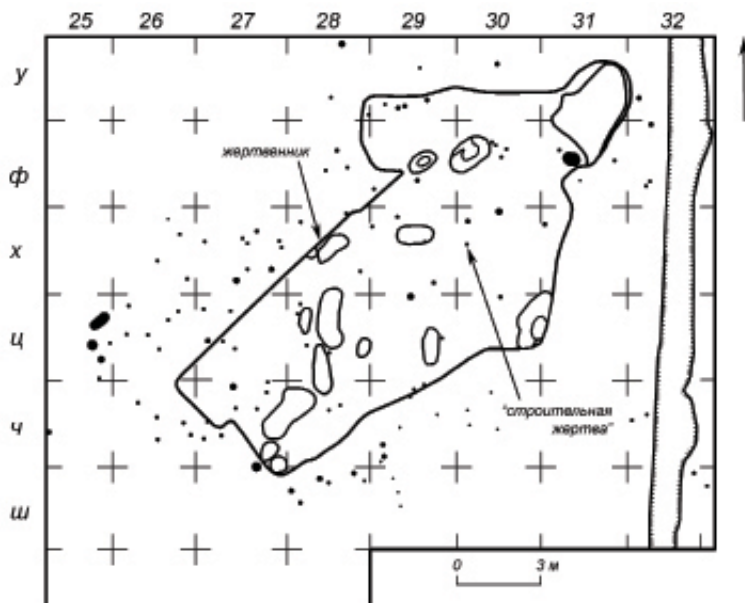

Рис. 2. Фиксация очертаний сооружения I на уровне пола постройки.

на других участках территории городища, вне построек. Они составляют 3-й тип жертвенников, выявленных на городище (Черных, 2008, с. 35). Сам по себе факт наличия в сооружении специального жертвенника уже выделяет его среди прочих, свидетельствуя о неординарности постройки. Вдоль длинной оси сооружения зафиксирован ряд крупных ямок от столбов, вероятно, служивших опорами перекрытия. Показательно, что в одной из них (№ 98) обнаружена, по всей видимости, закопанная «жертва», включавшая половинку сосуда, нарядно декорированного шнуровыми завитками (рис. 5: 9), копыто КРС и длинные кости крупной птицы. Рядом со столбом лежала массивная известняковая плита (размеры 48 x 23 см). Думается, что есть основания интерпретировать данный комплекс как строительную жертву, обратив внимание на ее троичность. А.К. Байбурин пишет об определенном кодировании таким образом трех сфер пространства, расположенных по вертикали

(2005, с. 82–83). Символическим выглядит присутствие в составе жертвы «половинки» сосуда вместе с одним копытом коровы. М.Ф. Косарев указывает на «половинный» облик жертв «Нижнего мира» в сказаниях ряда сибирских народов (2003, с. 146). Закапывание сосудов в землю по этнографическим данным связывают чаще всего с погребально-поминальной обрядностью. Кости птиц встречаются в составе ритуальных комплексов на могильниках АКИО. Так, в погр. 14 Зуевского могильника рядом с черепом умершего обнаружена связка из 6 птичьих трубчатых косточек (Древности Камы, 1933, с. 10). В то же время птицы – существа верхнего мира, домашние животные – среднего. В традиционных поминальных обрядах удмуртов, древнейших обитателей Камско-Вятского междуречья, жертвование птиц, а также головы и ног коров лошади и коровы, составляло важную часть ритуалов, связанных опять же с культом предков (Владыкин, 1976, с. 65–67).

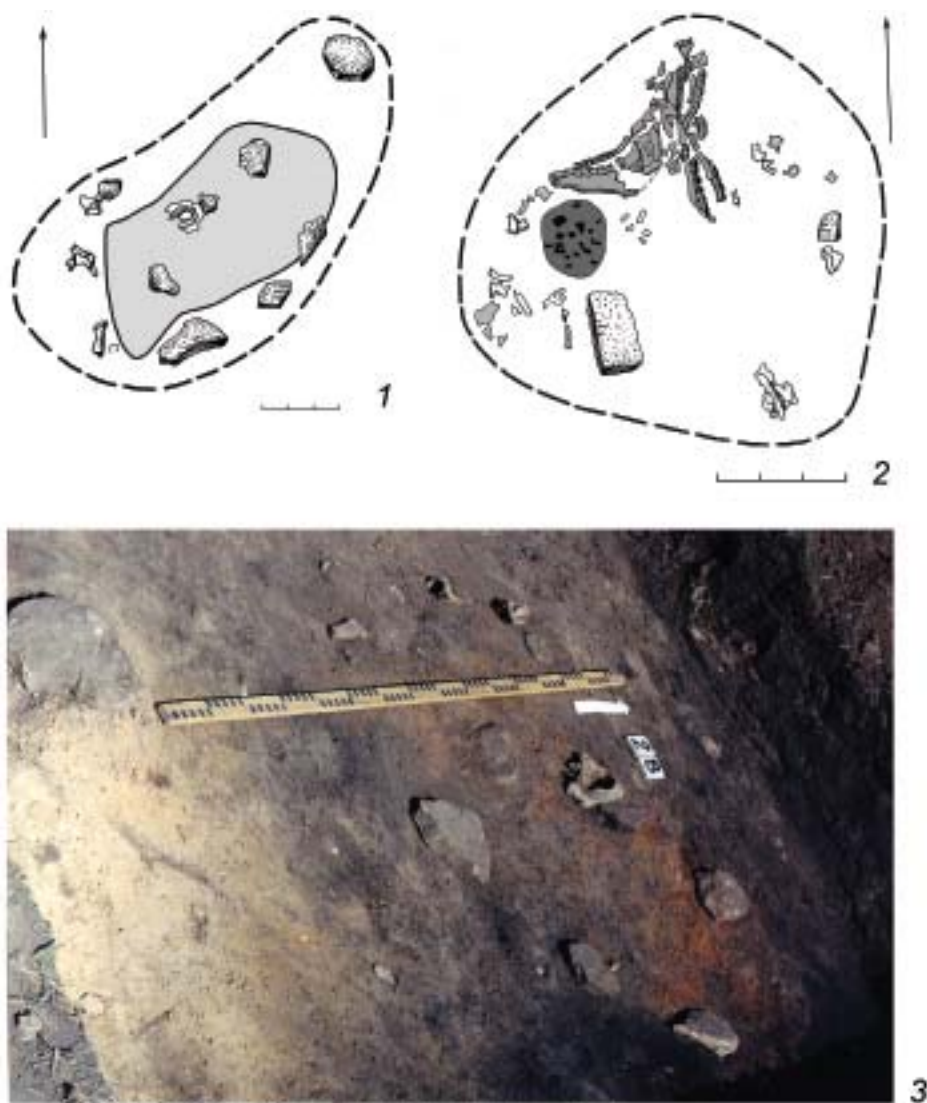

Рис. 3. Культурные объекты: 1, 3 – жертвенник из сооружения I; 2 – жертвенник с уч. х/27.

По внешнему периметру постройки зафиксированы многочисленные столбовые ямки – следы ограждения. В пределах ограды обнаружен еще один жертвенник на кв. х/27, располагавшийся с внешней стороны сооружения, но почти напротив внутреннего жертвенника. Он состоял из уложенных «веером» нижних челюстей 3-х лошадей, развернутых лице-

вой частью на север, запад и юго-восток (рис. 3: 2). Вблизи этой выкладки также находилась массивная плоская прямоугольная плита размерами 32,0 x 15,0 см. Между плитой и черепами расчищена линза золы размерами 0,3 x 0,26 м, заполненная мелкими обожженными и кальцинированными костями вперемешку с мелкими обломками посуды и камешками. Здесь

же найден точильный камень. Среди культовых артефактов сооружения нельзя не упомянуть череп медведя, обнаруженный рядом с обрушившейся северо-западной стеной постройки. Череп принадлежал очень старому и больному хищнику (25–30 лет), на верхнем клыке у него зафиксированы следы искусственных спилов. По мнению Э.В. Алексеевой, медведь содержался в неволе, поскольку с такими показателями выживание животного на воле было невозможным.

Важным представляется наблюдение над расположением входа/выхода. Судя по всему, сооружением имело два выхода. Аналогичная планировка была зафиксирована и в культовой постройке Аргыжского городища. Основным, главным, очевидно, и в этом случае был выход в северо-восточной стенке. Он был оформлен в виде обширного выступа овальной формы, уровень пола в пределах которого был несколько ниже (на 5–7 см), чем в основном помещении. Это направление признается многими исследователями как специфичное для финно-угорского религиозно-мифологического пространства. Ориентация выхода на северную, «ночную», сторону, по видимому, может быть поставлена в связь как с культом предков, одним из самых древних и почитаемых в финно-угорском религиозном пространстве, так и с культом солнца. Северо-восточный выход был маркирован довольно крупной столбовой ямой (диаметр 40 x 60 см), располагавшейся справа (если смотреть из помещения), близ стены. Глубина ямы – 20 см (от уровня пола). Такой же массивный столб (№ 44), вкопанный в яму размерами 37 x 34 см, выявлен и справа от входа в постройку с юго-западной

стороны. Характеризуя находки в сооружении, необходимо обратить внимание на следующие весьма, на наш взгляд, значимые моменты. На полу сооружения находки были единичны, главным образом, это редкие обломки посуды и кости животных. Основная масса их была приурочена к центру помещения, а также к его северо-западному сектору, где размещались очаги. Большая же часть индивидуальных находок происходит из верхней части перекрывавшего постройку слоя. Надо полагать, последний акт функционирования сооружения сопровождался рядом символических действий. Постройка была сожжена и перекрыта слоем «чистого» песка (манифестация захоронения?). Возможно, некоторую параллель с отмеченным явлением обнаруживает деталь, подмеченная В.И. Мошинской при раскопках святилища Сузгун II в Западной Сибири. Речь идет об искусственных подсыпках из мелкого желтого песка, принесенного специально – на них ставились сосуды (Мошинская, 1957, с. 117–119). Похожие действия, безусловно, сакрального характера, отмечены и на хронологически более близком Усть-Полуйском святилище. Авторы исследований этого неординарного памятника сибирского Севера зафиксировали обычай пересыпания очажных слоев светлым песком и частичное обжигание песка (Гусев, Федорова, 2012, с. 26).

В верхнем обожженном слое, в кровле сооружения, найдены несколько предметов культового класса. Это обломки глиняных антропоморфных статуэток (рис. 4: 4, 7, 9), несколько каменных дисков, в том числе с углублением в центре (рис. 6), обломки глиняных «лепешек».

Как уже говорилось выше, еще в 1971 г. В.Ф. Генинг высказал предположение о местоположении святилища в южной части позднеананьинского укрепленного поселка. К этому предположению его подтолкнуло обнаружение в раскопе VI крупных скоплений костей животных, а также человеческих. Совмещение планов раскопов и общая планиграфия объектов, исследованных за прошедшие годы в южной части городищенской территории, убеждает в правильности выводов ученого. В общей схеме раскопов изученные В.Ф. Генингом объекты размещались в 20 м к ЮВ от описываемой постройки (рис. 1: 2). Ближе к склону, на уч. яв'32–35 было расчищено обширное скопление костей, среди которых преобладали кости лошади. В слое костей была обнаружена и челюсть человека. Все они концентрировались в пределах овальной площадки (размеры около 7,0 x 1,5–2,0 м) и, по-видимому, представляли собой участок для многократных жертвоприношений. По периметру скопления, на расстоянии до 1,5 м от него, зафиксированы столбовые ямки. Располагались они почти правильным порядком с интервалом 1,5–2,0 м, образуя в плане прямоугольник с размерами сторон 7,5 x 4,5 м. Данное место, по всей видимости, представляло собой специально огороженный жертвенник. К востоку от скопления костей выявлены две небольших ямы, заполненные слоем золы и углей.

Пространство между жертвенником и культовой постройкой было свободным, за исключением нахождения здесь трех небольших, но вполне выразительных, объектов – крупного очага, канавки серповидной формы, заполненной золой и захоронения

младенца. Очаг № XLIV отличался особой выразительностью. Он был устроен на глиняной «платформе» прямоугольной формы, толщиной 15 см, размерами 1,62 x 1,1 м. Почти в центре ее, с небольшим смещением к северо-западному краю, находилось собственно кострище, отмеченное пятном прокала овальной формы, размерами 0,95 x 0,63 м, и углублением диаметром 0,5 м, заполненным золой. Рядом найден обломок каменного пряслица и миниатюрный чашевидный сосуд (рис. 5: 8), лежавший на боку, устьем к очагу, по всей видимости, скатившийся с очажной вымостки. Захоронение младенца, уложенного головой на ССЗ, в сторону культовой постройки, было расчищено в культурном слое, на уч. ю/32. Череп ребенка был сильно раздавлен.

Интерес представляет и канавка № XI, размещавшаяся близ южной стены постройки. Она имела серповидную в плане форму, концы дуги обращены на восток, к восходящему солнцу. Ширина канавки 0,5 м, глубина 7–32 см, глубина изгиба по внутренней стенке составляла 1,65 м. В верхней части канавка была заполнена прокаленным песком. Внутри дуги, на расстоянии 15 см от края канавки находился столб, от которого сохранился след в виде ямки № 24 диаметром 27 см. Еще две канавки размещались вблизи юго-западной и северной стен постройки. Одна из них (№ XX) имела овальную форму, вторая – серповидную. Рядом с последней выявлены ямки от трех столбов, а около одной из них обнаружен костяной амулет из метаподия медведя (рис. 5: 5). Вблизи от этого объекта находился описанный выше жертвенник с черепами лошадей и отдельный череп медведя.

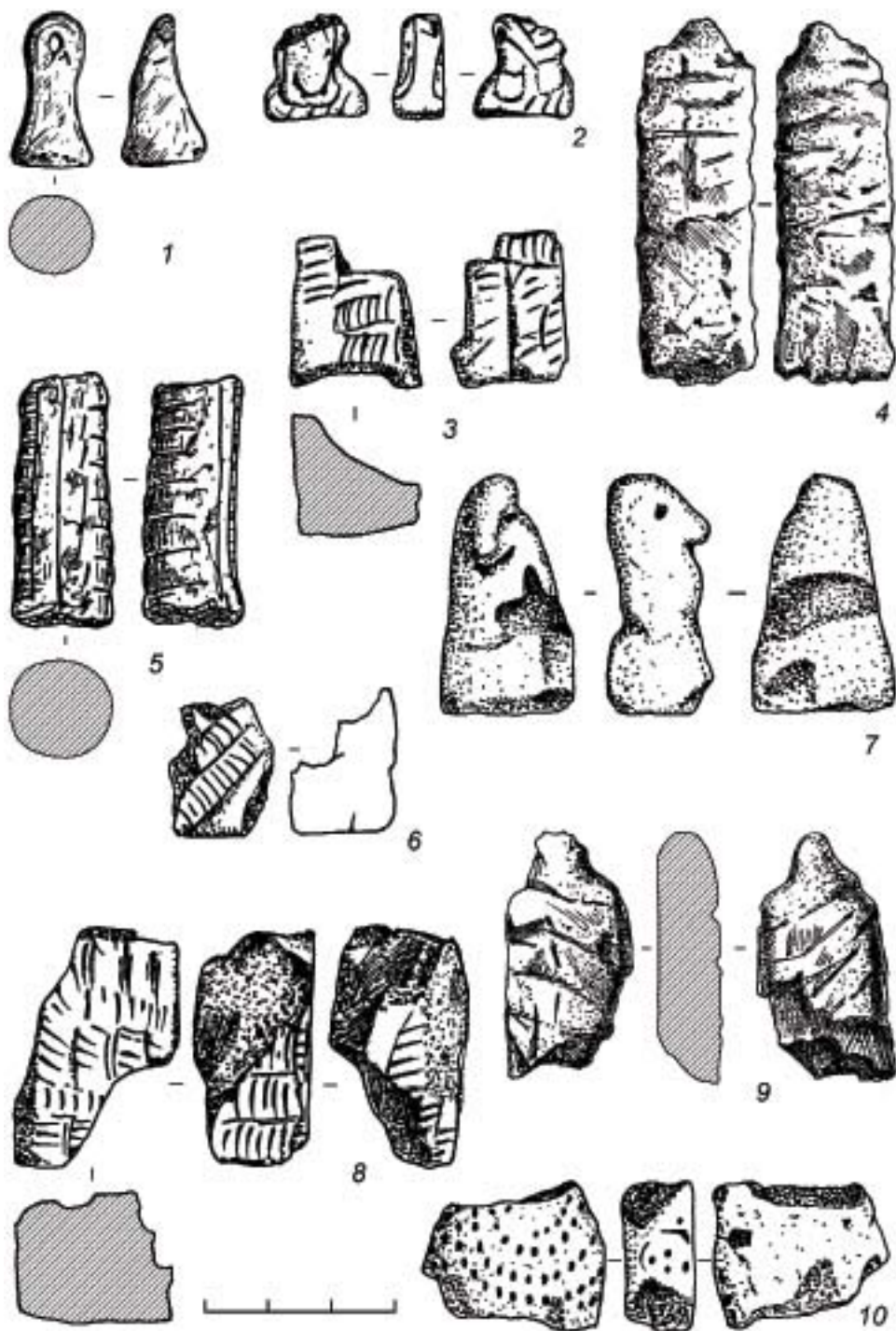

Рис. 4. Глиняная пластика с территории святилища.

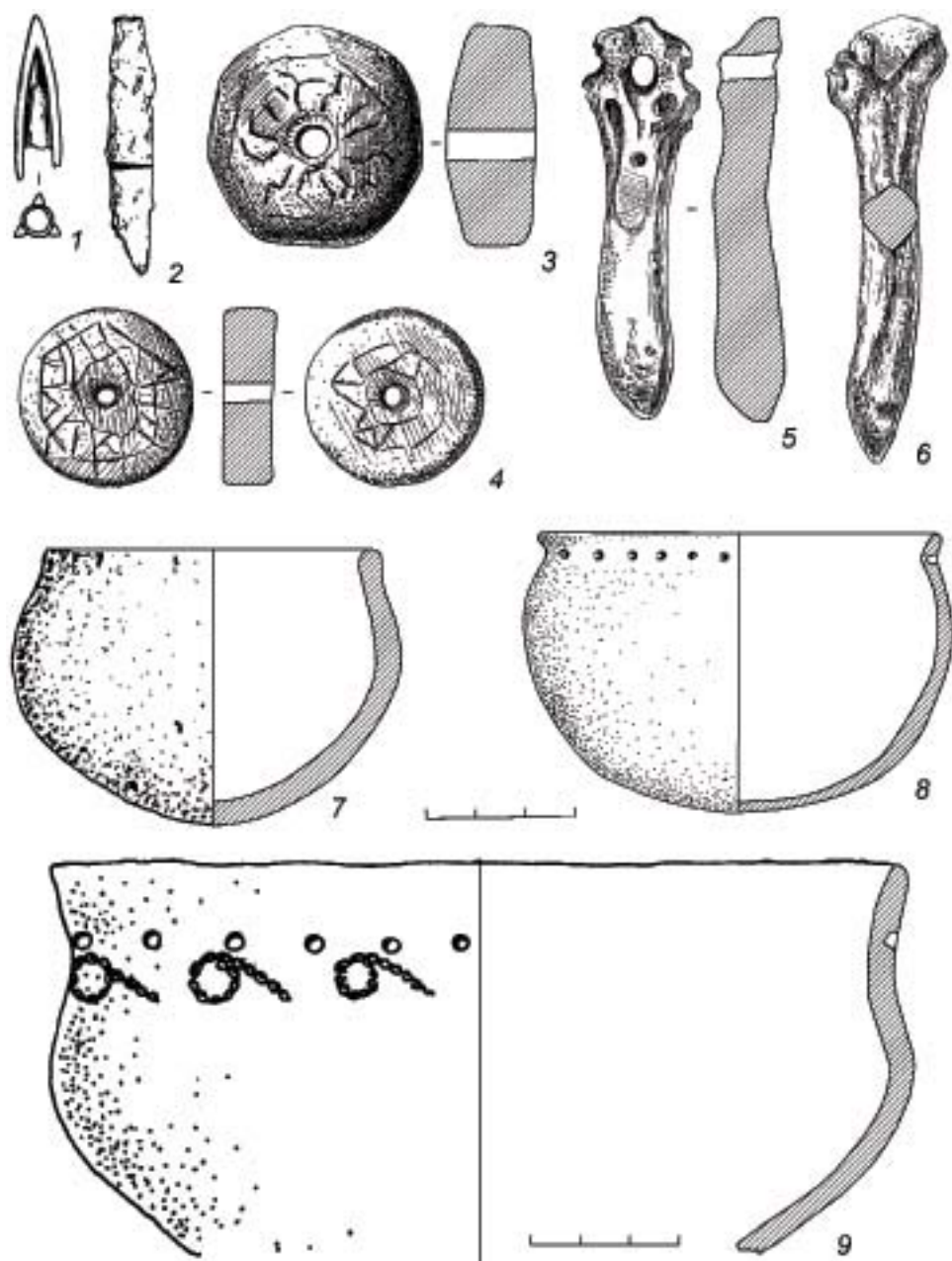

Рис. 5. Предметы из культурного слоя святилища:
1 – наконечник стрелы; 2 – нож; 3, 4 – пряслица; 5, 6 – амулеты из костей медведя;
7–9 –сосуды. 1 – бронза, 2 – железо; 3, 4, 7–9 – глина.

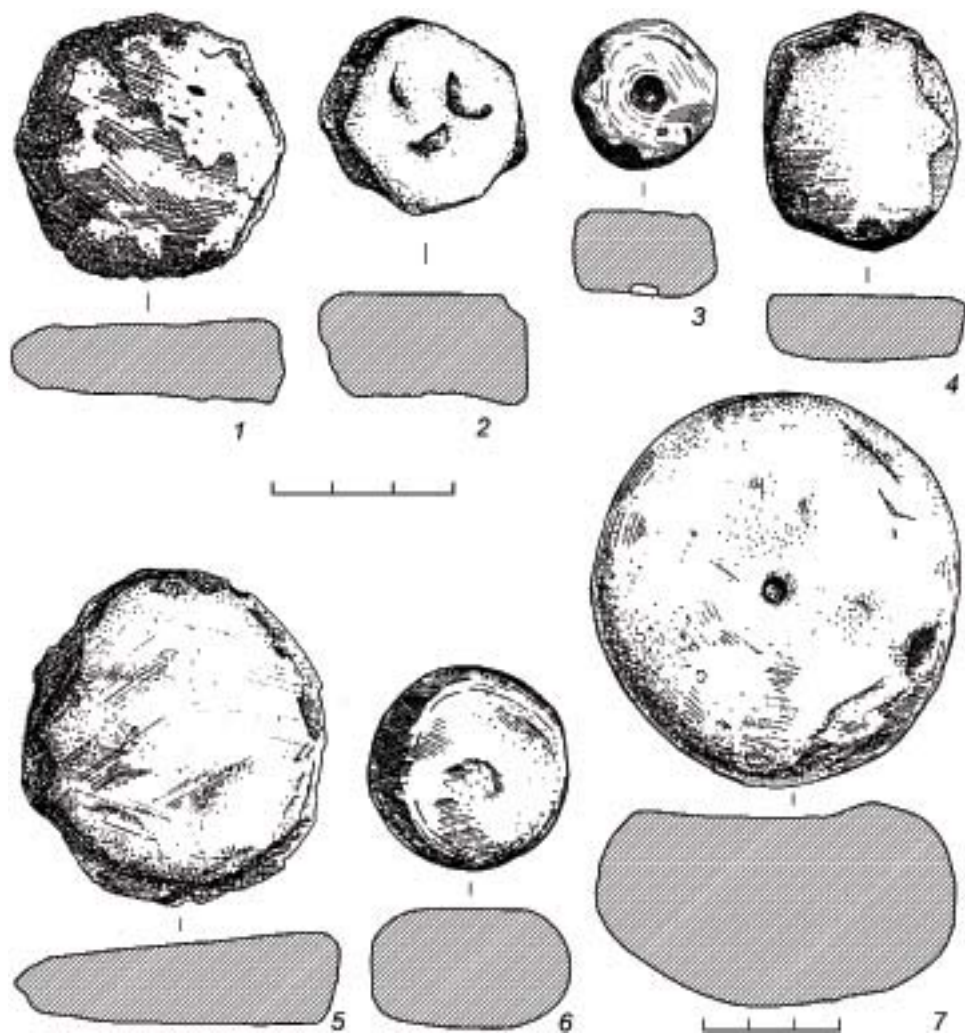

Рис. 6. Каменные диски.

Таким образом, на территории описываемого святилища был изучен типичный для культовых памятников раннего железного века состав объектов: жертвенники в виде скоплений костей животных и камней, канавки, захоронение младенца, культовая постройка, многочисленные ямы от столбов.

Каким же образом было организовано это пространство? Каковы критерии идентификации его как святилища? Следуя за понятием свя-

тилица как совокупностью объектов, имеющих признаки создания определенной пространственной структуры, или как целенаправленной модификации какой-то части пространства с сакральными целями (Бурыкин, 2000, с. 180), подытожим наши наблюдения. Изучение Зуевключевского I городища показало наличие в позднеананьинский период (V–III вв. до н.э.) регулярности в организации его жилого пространства. Все жилые объекты (более 40) изучены в северной и юго-

восточной части площадки (Ашихмина, Генинг, 1986; Черных, 2004; 2009). В южной части выделяется площадка (около 705 кв. м), в пределах которой изучено одно, но выделяющееся своей формой, размерами и внутренней планировкой, сооружение, явно нежилого назначения. Место расположения святилища на площадке также не выглядит случайным. Под южным склоном мыса находится родник (к нему с площадки городища вел намеренно оформленный спуск), который до настоящего времени считается Святым. Его регулярно освящает православный священник, но лечебные свойства родниковой воды привлекают сюда не только христиан. Приезжают и мусульмане из соседних Башкортостана и Татарстана, марийцы из близлежащих селений Нырғында и Бырғында. Уместно сказать, что в археологии Прикамья можно найти немало примеров, когда родники располагались прямо под площадкой жертвенного места (Лепихин, 2007, с. 23–32, 174).

Сооружению наземного типа, вдвое превосходящему своей площадью жилые постройки городища, на описываемой территории принадлежало центральное место. Именно в нем в основании столба была закопана неординарная «жертва», включавшая копыто коровы, половинку сосуда и «полутушку» птицы. Очевидно, данная жертва манифестировала собой условный «центр Мира», «мировой столб», вокруг которого и разворачивалось организованное пространство (Космос). Не меньший интерес для интерпретации постройки как культовой представляет акт ее своеобразного «захоронения» (сожжения и засыпания песком). В слое сожжения

найлены артефакты, преимущественно культового класса, прежде всего, глиняные антропоморфы. Некоторые из них были символически разломаны на части. Внутри постройки были изучены многочисленные кострища, два долговременно использовавшихся очага и жертвенник, сложенный из камней и костей домашних животных. Вблизи постройки зафиксированы ямки от столбов, канавки и кострища, концентрировавшиеся, главным образом, вокруг ее юго-восточного фасада.

Жертвенники были изучены и вне постройки. Отдельному жертвеннику, весьма обширному, включавшему кости животных и человека, было отведено специально огороженное место. Между ним и культовой постройкой находился массивный очаг (алтарь?), в котором обнаружены миниатюрный сосуд и пряслице. Еще 7 миниатюрных сосудов были обнаружены на участках, окружающих скопление костей в южной части святилища (рис. 5: 7). Неординарный характер носило, по всей видимости, и захоронение младенца в этом пространстве. Захоронения младенцев на городище отмечены еще четырежды, в северной части городища. Три из них обнаружены под полами ананьинских жилищ, одно – в ананьинском же слое, заполнявшем котлован заброшенного полуземляночного жилища луговской культуры позднего бронзового века.

Кости с площадки святилища принадлежат в основном домашним животным (более 80%)¹. Довольно высок процент неопределимых костей (более 10%). Среди домашней фауны

¹ Подсчитано автором по совокупности цифровых данных, полученных Н.Г. Смирновым (1971 г.) и О.Г. Богаткиной (1998–1999 гг.).

преобладает лошадь (более 60%). Дикае животные представлены костями лосей, волка, лисицы, куниц, зайца, бобров, белки. Но больше всего отмечено костей медведя, на которые приходится около 4% от общего числа археозоологических остатков.

Резюмируя изложенные в статье наблюдения и соображения, можно сделать следующий вывод: южная часть площадки Зуевключевского I городища использовалась в позднеананьинский период как святилище. Наличие здесь крупных скоплений костей животных и человека, ритуальных кострищ и ям, специализированной постройки, находки предметов культового класса, общая архитектура святилища – все это свидетель-

ства различных обрядовых и ритуальных действий, индивидуальных и коллективных жертвоприношений, совершавшихся на его площадке. Сакрализация отдельного участка пространства поселения в позднеананьинский период и процесс формирования специализированных святилищ в это время были отмечены еще в работах региональных исследователей после масштабных работ 50–60-х годов прошлого века (Вечтомов А.Д., Генинг В.Ф., Оборин В.А., Голдина Р.Д.). Достаточно напомнить о Гремячанском поселении-святилище в Среднем или Гляденовском городище и костнице – в Верхнем Прикамье. Зуевключевское I городище также можно поставить в этот ряд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1986.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Бурыкин А.А. Культовые места и святилища коряков и чукчей: к изучению материалов на стыке археологии и этнографии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы науч. конф. – СПб., 2000.
4. Владыкин В.Е. Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов // Вопросы этнографии удмуртов. – Ижевск, 1976.
5. Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. // Архив ИА РАН, 1972. – Р-1. № 4545.
6. Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард, 2012.
7. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. – Л., 1933.
8. Збруева А.В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30.
9. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003.
10. Лепихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Пермь, 2007.
11. Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1957. – № 58.

12. Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993.
13. Русанова И.П., Тимоцук Б.А. Языческие святилища восточных славян. М.: «АРХЭ», 1993.
14. Свирин К.М. Языческие святилища лесной полосы Восточной Европы VI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 2006.
15. Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы науч. конф. – СПб., 2000.
16. Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск, 1989.
17. Черных Е.М. Культовая постройка ананьинского времени с Аргыжского городища // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. – Березники, 2001.
18. Черных Е.М. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. Матер. Всерос. науч. конф. – Ижевск, 2004.
19. Черных Е.М. Ритуальное пространство городищ раннего железного века Прикамья // Поселение как исторический источник: теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии. Тез. док. Международ. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2008.
20. Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья: К 150-летию открытия Ананьинского могильника. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8). – Елабуга, 2009.
21. Шутова Н.И. Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск, 2004.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

SANCTUARY ON THE ZUEVOKLYUCHEVSKOE I SETTLEMENT OF THE LATE ANANYINO IN THE LOWER KAMA REGION

E.M. Chernykh

Archaeological objects and finds in the southern part of the 1st Zuevo-Klyuchevskoye hill fort site, one of the largest resources of the Ananyino cultural and historical area in the Kama river region are analyzed in the article. Peculiarities of topography and the ritual nature of the studied remains identified in the Late Ananyino cultural layer make it possible to speak about a specific functional usage of this part of the settlement in the respective period. The structure, explicitly representing a cult building of peculiar layout, with numerous hearths and altars made of stones and animal bones both inside and around the construction, has been investigated. On the same lot, an infant burial has been discovered; objects of clay sculpture and miniature vessels have been found. The distinct character of the studied objects located within a limited area, attests the identified structure as a sanctuary.

Key words: archaeology, the Volga-Kama river region, the Early Iron Age, Ananyino cultural and historical area, hill fort, sanctuary, spiritual culture, cult paraphernalia, sacrifices.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I., Gening, V. F. 1986. In *Pamiatniki material'noi kul'tury na Evropeiskom Severo-Vostoke (Material Culture Sites in the European North-East)*. Syktyvkar: Komi Branch, Academy of Sciences of the USSR, 54-69 (in Russian).
2. Baiburin, A. K. 2005. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian (The House in the Rites and Beliefs of Eastern Slavs)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
3. Burykin, A. A. 2000. In Savinov, D. G. (ed.). *Sviatilishcha: arkhologiiia rituala i voprosy semantiki (Sanctuaries: Archaeology of Rite and Issues of Semantics)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 180-182 (in Russian).
4. Vladykin, V. E. 1976. In *Voprosy etnografii udmurtov (Issues of Udmurt Ethnography)*. Izhevsk, 49-67 (in Russian).
5. Gening, V. F. 1972. *Otchet ob issledovaniiah Zuevo-Kliuchevskogo I gorodishcha v Karakulinskom raione Udmurtskoi ASSR letom 1971 g. (Report on Investigations of the Zuevy Klyuchi I Hillfort in the Karakulino District, Udmurt Autonomous Republic, in Summer of 1971)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 4545 (in Russian).
6. Gusev, A. V., Fedorova, N. V. 2012. *Drevnee sviatilishche Ust'-Polui: konstruktii, deistviia, artefakty. Itogi issledovaniia planigrafii i stratigrafii pamiatnika: 1935–2012 gg. (Ancient Sanctuary of Ust'-Poluy: Constructions, Actions, Artifacts. Results of Studies on the Site Planigraphy and Stratigraphy in 1935-2012)*. Salekhard: "Severnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
7. *Drevnosti Kamy po raskopkam, A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area by A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. 1933. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "OGIZ" Publ. (in Russian).
8. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuii epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 30 = Materialy i issledovaniia po arkhologii Urala i Priural'ia (Materials and Studies in the Archaeology of Ural and Cis-Urals) V (in Russian).
9. Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkhologo-etnograficheskim materialam (Foundations of the Pagan Worldview: by Siberian Archaeological and Ethnographic Materials)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).
10. Lepikhin, A. N. 2007. *Kostishcha gliadenovskoi kul'tury v Srednem i Verkhnem Prikam'e (Kostishches (concentrations of bones) of the Glyadenovo Culture in the Middle and Upper Kama River Region)*. Berezniki (in Russian).
11. Moshinskaia, V. I. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 58, 114-135 (in Russian).
12. Basilov, V. N. (ed.). 1993. *Religioznye verovaniia (Religious Beliefs)*. Series: Svod etnograficheskikh poniatii i terminov (Corpus of Ethnographic Concepts and Terms) 5. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Rusanova, I. P., Timoshchuk, B. A. 1993. *Iazycheskie sviatilishcha vostochnykh slavian (Pagan Sanctuaries by Eastern Slavs)*. Moscow: "Arkhe" Publ. (in Russian).
14. Svirin, K. M. 2006. *Iazycheskie sviatilishcha lesnoi polosy Vostochnoi Evropy VI–XIII vv. (Pagan Sanctuaries of the East European Forest Belt, 6th–13th Centuries)*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).
15. Savinov, D. G. (ed.). 2000. *Sviatilishcha: arkhologiiia rituala i voprosy semantiki (Sanctuaries: Archaeology of Rite and Issues of Semantics)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

16. Tivanenko, A. V. 1989. *Drevnie sviatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu kamnia i bronzy (Ancient Sanctuaries of Eastern Siberia: the Stone and Bronze Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

17. Chernykh, E. M. 2001. In *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 64-72 (in Russian).

18. Chernykh, E. M. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii — 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 113-131 (in Russian).

19. Chernykh, E. M. 2008. In Guliaev, V. I. (ed.), Lopatina, O. A. (comp.). *Poselenie kak istoricheskii istochnik (teoreticheskie i metodicheskie podkhody k izucheniiu poselenii v sovremennoi arkheologii) (The Settlement as a Historical Source (theoretical and Methodological Approaches to the Study of Settlements in Contemporary Archaeology))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 34-35 (in Russian).

20. Chernykh, E. M. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: "Andersen" Publ., 76-97 (in Russian).

21. Shutova, N. I. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites in the Kama and Vyatka Rivers Area: Materials and Studies)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 5-35 (in Russian).

About the Authors:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; emch59@mail.ru

К СЕМАНТИКЕ ШИЛОВСКИХ ПЛАСТИН

© 2013 г. Н.А. Фоякова (Чувилло)

Среди находок на памятниках Среднего Поволжья и Сибири встречаются высокохудожественные костяные пластины, украшающие луку боевого седла. Они имеют как растительную орнаментацию, так и охотничьи сюжеты, отражающие духовный мир воина-кочевника. Датируются эти изображения широко, но не позднее VII–VIII вв. Они наносились тонким резцом и были зачернены по линиям. Особенно выделяются среди них костяные пластины из Шиловского могильника в Ульяновской области со следующими рисунками: двумя драконами в геральдической позе, охотой на лань, всадниками в засаде, борьбой с медведем, защитой крепости. Автор статьи считает, что на шиловских пластинах изображен драматический эпизод из жизни тюркского военачальника, происшедший в самый разгар военных действий. Во время охоты на него натравили огромного медведя. Часть свиты (или тяжеловооруженного конвоя) разбежалась, некоторые воины попали в засаду (их обстреляли из броневой луков враги). Спасая свою жизнь, военачальник встал на колени и натянул лук, на котором в самый неподходящий момент лопнула тетива. Вероятно, он погиб, сражаясь с медведем. Можно предположить, что это была военная хитрость противника, решившая исход войны. Символами победы на пластинах являются драконы, застывшие в геральдической позе, и выражающие основной принцип жизни воинов-кочевников раннего средневековья: благоденствие и благополучие – ценой войны и побед. Пластины были положены в могилу победителя.

Ключевые слова: археология, Поволжье, раннее средневековье, ранние болгары и тюрки, погребения знатных воинов, орнаментированные костяные пластины, накладки седла, охотничьи и военные сюжеты, драконы.

В 1992 году, исследуя разрушенный курган № 1 у с. Шиловка Сенгилеевского района Ульяновской области, в катакомбном погребении № 2 археологи Самарского госуниверситета под руководством Р.С. Багаутдинова обнаружили несколько великолепных костяных пластин с изображением драконов, а также со сценами охоты, сражения и обороны крепости, предположительно украшавших луку седла (рис. 1).

Эти рисунки были прочерчены тонким резцом и зачернены по линиям. По золотому солиду Ираклия, найденному вместе с ними, пластины датируются временем не позднее середины VII в. н.э. Погребальный об-

ряд указывает на то, что здесь был похоронен знатный воин.

По мнению Д.Г. Савинова под курганом похоронен предводитель дружины тяжеловооруженной тюркской конницы, действовавшей в западных пределах Тюркского каганата (Савинов, 2005, с. 19). Р.С. Багаутдинов, В.А. Богачев и С.Э. Зубов, напротив, считают, что Шиловские курганы принадлежали савиро-болгарскому населению и в него входили разноэтнические тюркские и угорские орды (Багаутдинов и др., 1998, с. 253).

Такие яркие произведения искусства не могли оставить равнодушными исследователей раннесредневековых кочевнических древностей. Однако мнения ученых в интерпрета-

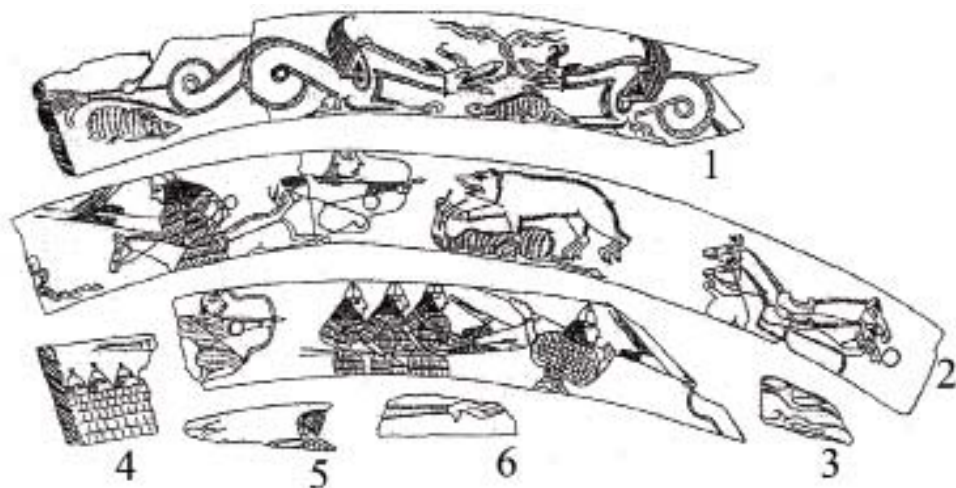

Рис. 1. Костяные накладки на седло из Шиловского курганного могильника.

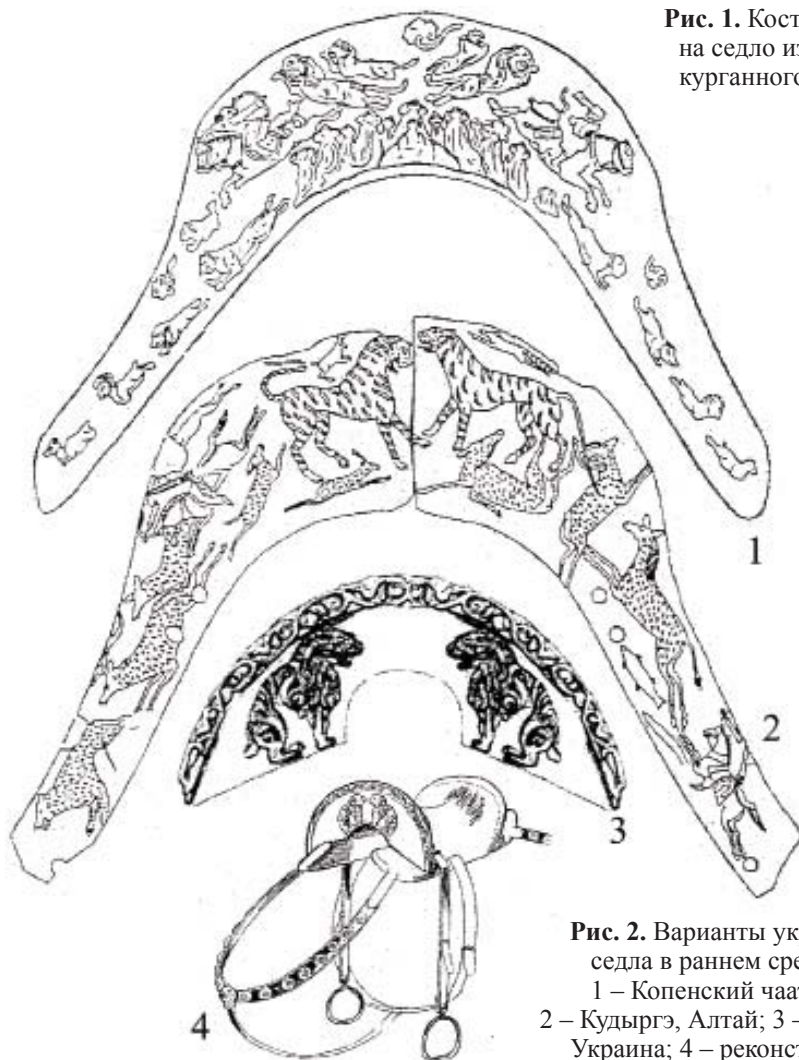

Рис. 2. Варианты украшения луки седла в раннем средневековье.
1 – Копенский чаатас, Енисей;
2 – Кудыргэ, Алтай; 3 – с. Перещепина, Украина; 4 – реконструкция седла из Перещепины.

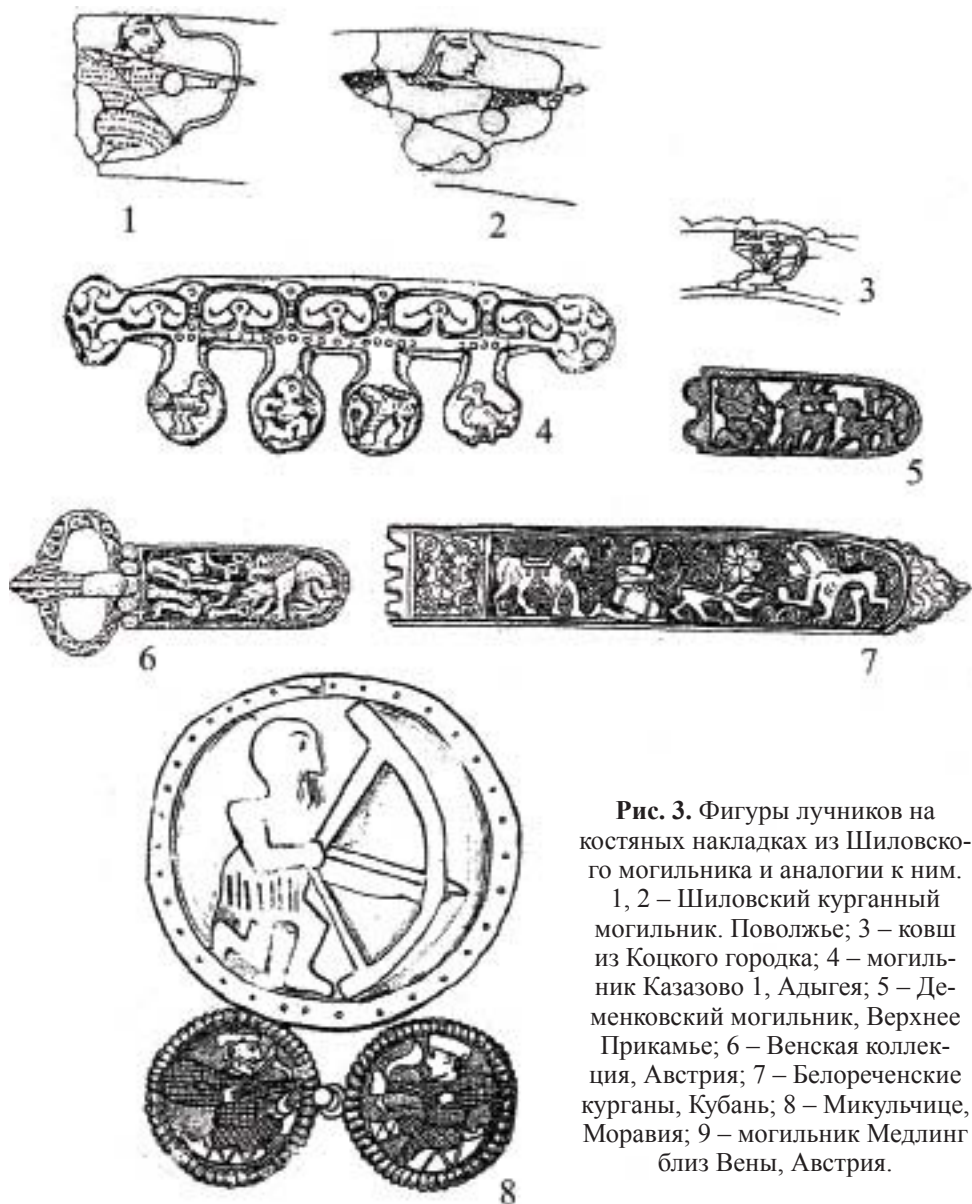

Рис. 3. Фигуры лучников на костяных накладках из Шиловского могильника и аналогии к ним.

1, 2 – Шиловский курганный могильник. Поволжье; 3 – ковш из Коцкого городка; 4 – могильник Казазово 1, Адыгея; 5 – Деменковский могильник, Верхнее Прикамье; 6 – Венская коллекция, Австрия; 7 – Белореченские курганы, Кубань; 8 – Микутьице, Моравия; 9 – могильник Медлинг близ Вены, Австрия.

ции изображений на костяных пластинах разделились. Одни находят, что на Шиловских пластинах представлен эпический сюжет. В.Г. Котов в своей статье «Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» предлагает сюжет о подвигах жениха и невесты, в особенности победе Зухры над медведем. То, что лучник, стреляющий в медве-

дя, женщина, он объясняет красотой изображенного воина (Котов, 1999, с. 441, 442). Такая интерпретация вызывает сомнение, поскольку «женщина-невеста» имеет бороду, а «мужчина-жених» и вовсе отсутствует.

Другие исследователи допускают возможность изображения конкретного исторического события. Р.С. Багаутдинов, А.В. Богачев, С.Э. Зубов

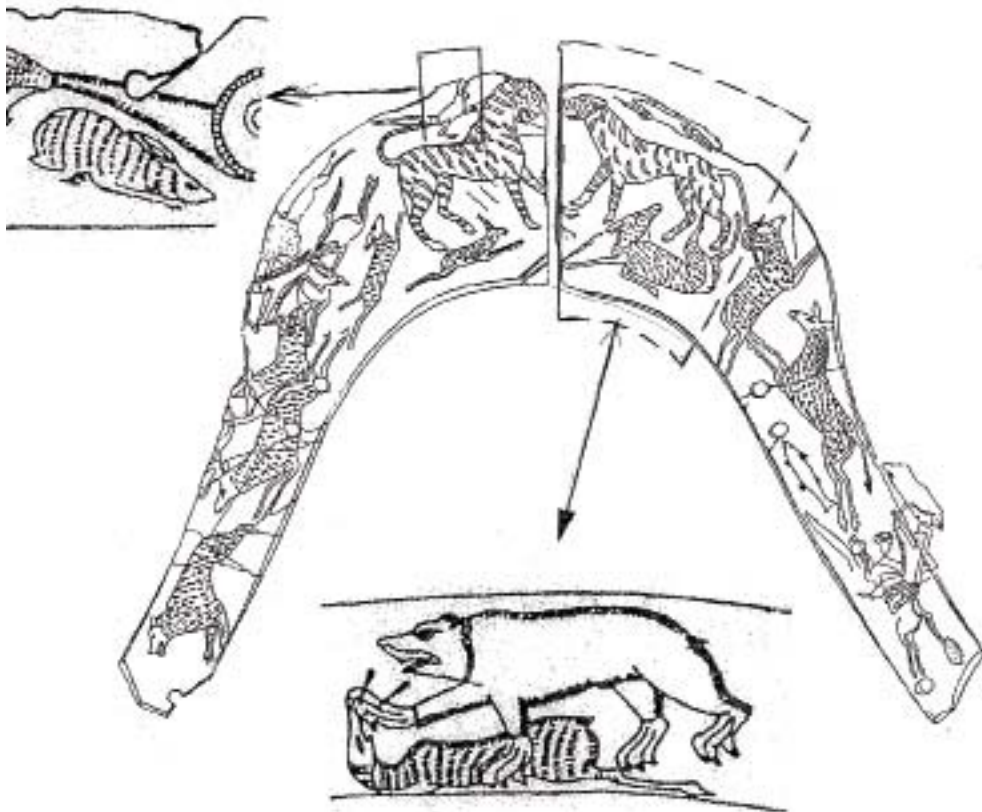

Рис. 4. Стилистическое и композиционное сходство в изображениях на седлах из Шиловки и Кудьргэ.

полагают, что во время правления Ираклия (с 610 по 641 гг.) произошло много столкновений и походов, в том числе и взятие крепостей. На пластинках, по их мнению, представлены сюжеты, связанные с Закавказской войной 626–630 гг., в которой участвовали войска Ирана, Византии и Западно-Тюркского каганата (Багаутдинов и др., 1998, с. 108).

Все исследователи сходятся на том, что на пластинках изображена «борьба драконов», «охота на медведя» и воины в засаде. При этом интересно, что сами четыре пластины, украшавшие одно седло, они никак не связывают друг с другом.

Прежде чем искать исторические и эпические соответствия сюжетам на Шиловских пластинках, надо разобраться в том, что же все-таки на них изображено (некоторые аналогии им см.: рис. 2; 3). Рисунки на пластинках следующие: на одной из них представлены два дракона, застывшие друг против друга, образуя геральдическую композицию. Они показаны в профиль. Как правильно отметил Д.Г. Савинов, «геральдические изображения животных на парадных седлах кочевников Евразии известны во все исторические эпохи и представляют собой один из наиболее устойчивых в композиционном и се-

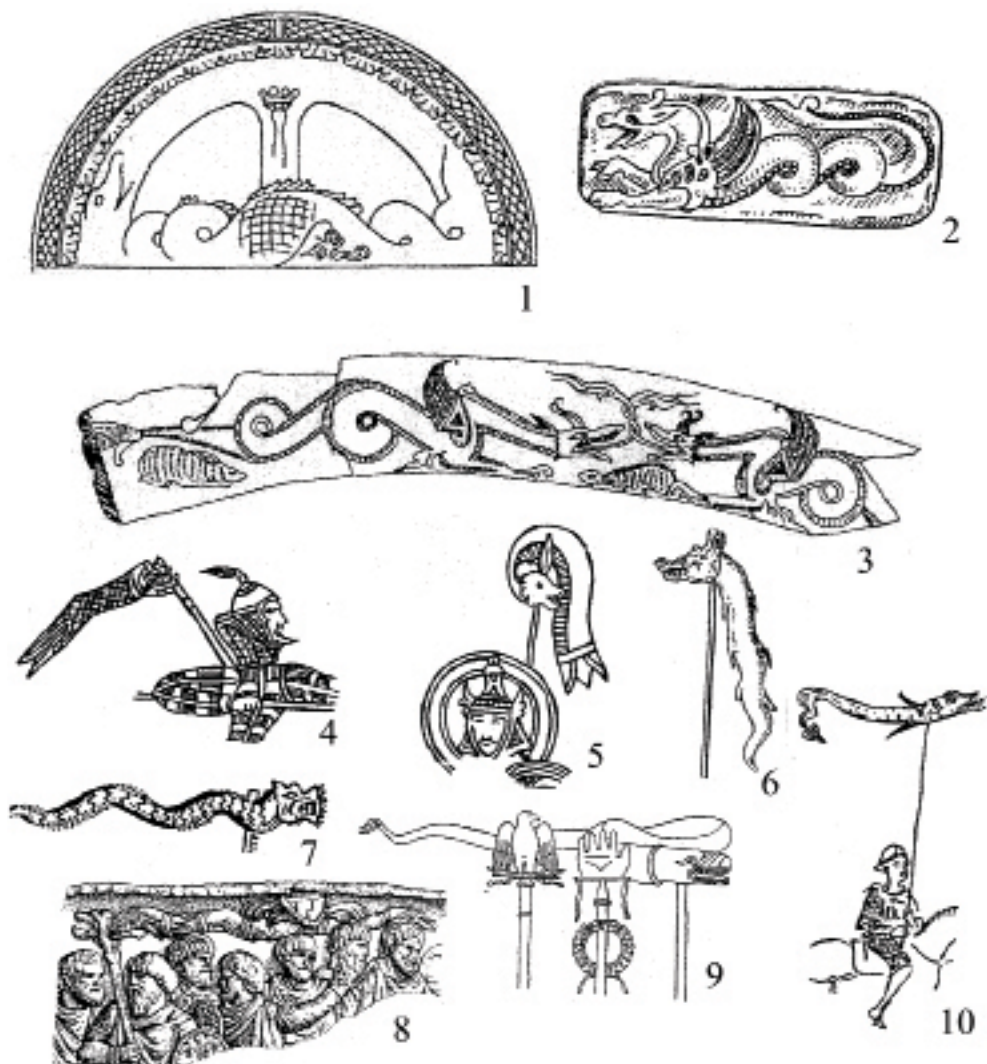

Рис. 5. Изображения драконов «макара» как символов высокого воинского статуса (знамена, штандарты, украшения поясов и седел).

1 – Пенджикент, Таджикистан; 2 – Больше-Тиганский могильник, Среднее Поволжье; 3 – Шиловский курганный могильник, Поволжье; 4 – Орлатский могильник, Узбекистан; 5 – Кызыл, Тува; 6 – Сасанидский штандарт, реконструкция К.В. Тревер; 7 – «драконово» знамя, фрагмент фрески; 8 – колонна Траяна; 9 – римское «драконово» знамя; 10 – «Золотая Псалтырь», монастырь Св. Галла (по О.С. Советовой и А.Н. Мухаревой).

мантическом отношении элементов изобразительной традиции древних и средневековых обществ» (Савинов, 2005, с. 20; см. также рис. 4).

Среди синкретических существ (драконов, грифонов, гиппокампов,

василисков, единорогов, химер и т.п.) драконы наиболее популярны. Как мифические существа божественного или титанического характера, они были созданы фантазией народов, обитавших в тропических и субтро-

пических странах Юго-Восточной Азии. Драконы производят дождь, вызывают плодородие почвы, обсеменяют землю, обитают вблизи «Древа жизни» и поэтому являются благопожелательным символом.

По предположению В.Е. Флеровой, на Шилловских пластинах изображены драконы «макара» (Флерова, 2001, с. 82–85). Они известны с древности в Китае и Индии и связаны с водной стихией (рис. 5). Реальной основой для создания такого типа драконов послужили, по-видимому, некоторые виды крокодилов.

У драконов «макара» собачьи морды, козлиные рога на лбу, поднятые вверх крылья и хвост змеи, закрученный двумя кольцами. Длинные языки с пальметтами на концах напоминают лианы, переплетенные виде цепочки. Хвост также заканчивается пальметкой.

Все эти черты можно отнести к животворящим силам природы, к ее многогранной сущности. В дальнейшем своем развитии драконы становятся символами власти. Так, в Китае во времена династий Цинь и Хань они олицетворяли мужское начало «ян» и императора, т.е. человека высшего социального статуса (Мифы народов мира, 1980, с. 652).

В сборнике рассказов «Панчатантра», созданном в Индии в первой половине I тыс. н.э. также есть упоминание о драконах «макара» (Панчатантра, 1958, приложение). Издавна наверхия в виде драконьих голов использовались для украшения военных стягов, а изображения драконов помещались на вымпелах и знаменах и имели сакральный смысл. Изображение «макары» было помещено на знамени бога любви Камадевы, ездо-

вым животным которого он, согласно легенде, был. Стяг с «макарой» выступал первым в сражениях и нес, по представлению древних индусов, победу и богатство.

Таким образом, подчеркнутая декоративность изображения на Шилловских пластинах, обилие декоративных деталей (пальметок, штриховок, плетенок, рамок) указывает на то, что это не живые создания и они не «борются» (борьба языками вообще не известна в мире), а, напротив, представляют собой эмблему или знак привилегированного лица.

Из Юго-Восточной Азии представление о драконе как символе власти и одновременно благопожелательном символе, различно видоизменяясь, перешло к народам умеренного пояса Европы и Азии и встречается, например, на поясах Северо-Восточной Болгарии (Тотев, Пелевина, 2010).

В среде болгарских и угорских племен на Средней Волге этот сюжет тоже был очень популярен. Он встречается на наконечнике пояса из Больше-Тиганского могильника (Халикова, 1976, рис. 11/17), копоушке из Новинковского I могильника; изображен он, предположительно, и на копоушке из Дмитриевского могильника (Стащенко, 2010, с. 82–84). И, наконец, они известны в Согде (деревянная резная деталь оформления дверного проема в Пенджикенте, см.: Воронина, 1959, с. 89 и сл., ил.), что дало В.Е. Флеровой основание предположить, что в создании художественного образа дракона «макара» сыграли роль согдийские мастера (Флерова, 2001, рис. 1–8).

Средневековое войско кочевников «на походе» и перед сражением, по-видимому, было пестрым от обилия

Рис. 6. Изображения стягов и доспехов воинов на археологических памятниках раннего средневековья Восточной Европы.

1, 2 – косяные пластины из Шиловского курганного могильника; 3 – согдийское знамя (Пенджикент); 4 – сосуд из Надь Сент-Миклоша, Румыния; 5 – Ой-Джайляу, Казахстан; 6 – дирхем с граффити «знамя»; 7 – Кызыл, Тыва; 8 – Енган, Когуре; 9 – Орлатский могильник, Ташкент; 10 – Так-и Бостан, Иран; 11 – Сулекская писаница. Южная Сибирь; 12 – миниатюра Федоровского Евангелия; 13 – блюдо из Кулагыша (Приуралье); 14 – стела наставника Даоина; 15 – росписи помещений древнего Пенджикента, Таджикистан (по О.С. Советовой, А.Н. Мухаревой).

Рис. 7. Рельеф с изображением охоты на кабанов сасанидского царя Хосрова II в Так-и Бостане, Иран.

стягов, значков и личных штандартов предводителей племен (рис. 6). То, что у тюркского или болгарского военачальника (или князя) мог появиться символ дракона, не случайно. В степях происходил обмен между противниками не только приемами войны, снаряжением, оружием, но и внешними воинскими атрибутами.

О значении внешней атрибутики в древних и средневековых войсках хорошо сказано в китайском «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы (конец VI–VII вв. н.э.): «...Гонги, барабаны, знамена, значки соединяют воедино глаза и уши солдат» (Конрад, 1977, с. 26–45).

Что же касается двух зайцев, лежащих в позе покорности, сложив лапы на груди и прижав уши к спине, то они кажутся маленькими рядом с этими величественными созданиями

(рис. 1). Возможно, они представляют покоренные народы. Неслучайно один из трех царских родов хунну был род зайца. В китайской, тюркской и угорской традициях они считались существами, одаривавшими эликсиром бессмертия и были посредниками между высшими духами и людьми. По-видимому, цари, князья и предводители племен искали себе покровителей на небесах и украшали головные уборы, стяги и даже седла и пояса изображениями высших существ.

Шкурка зайца у алтайцев символизировала удачу на охоте и приносилась в дар духу леса (Алексеев, 1980, с. 272, 273). Закономерным поэтому представляется прочтение сюжета на второй пластине как изображение неудачной княжеской охоты на лань.

На пластине № 2 представлен охотник, который убил лань и хотел

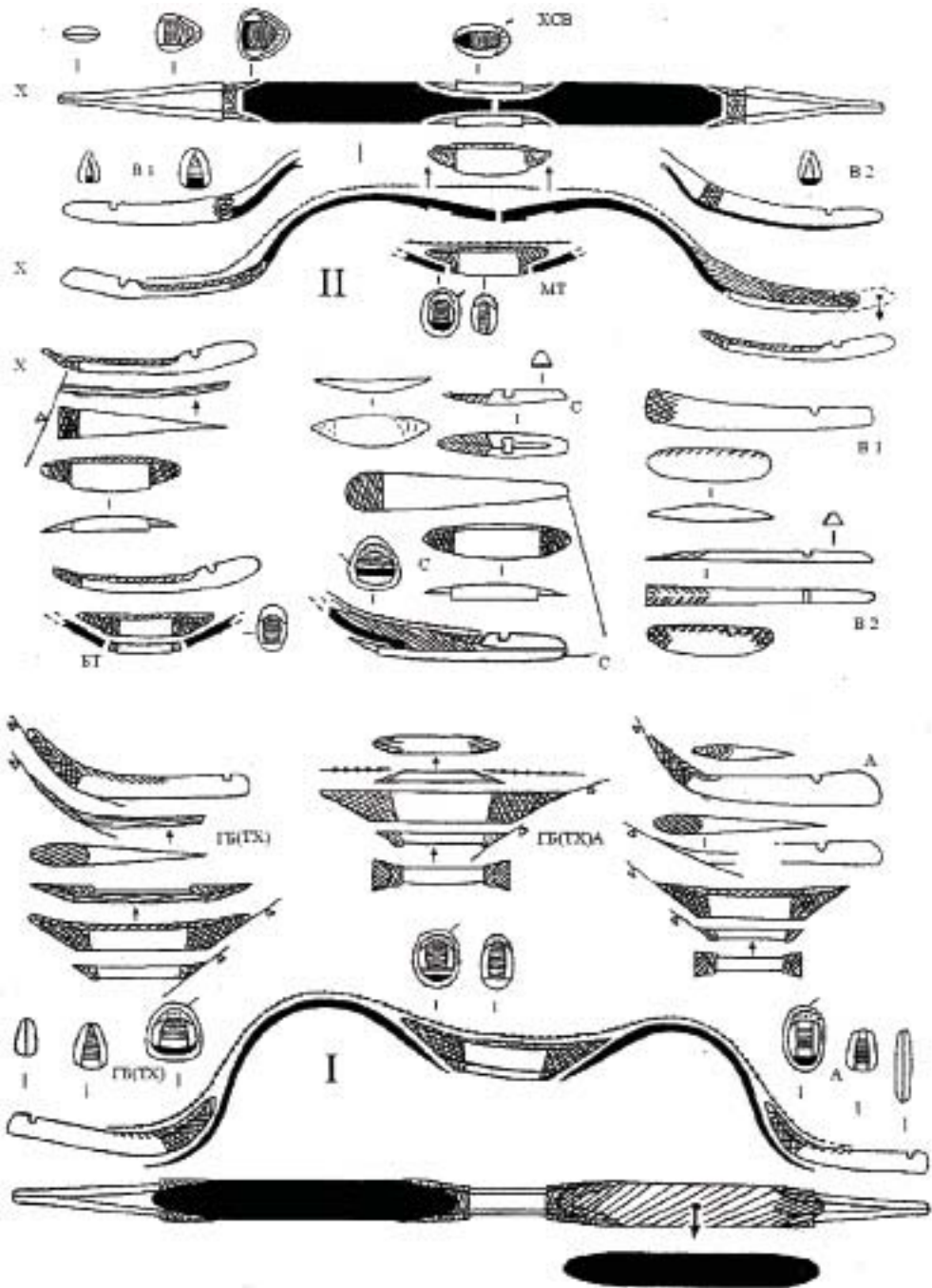

Рис. 8. Луки тюрко-хазарского типа (по Е.В. Круглову).

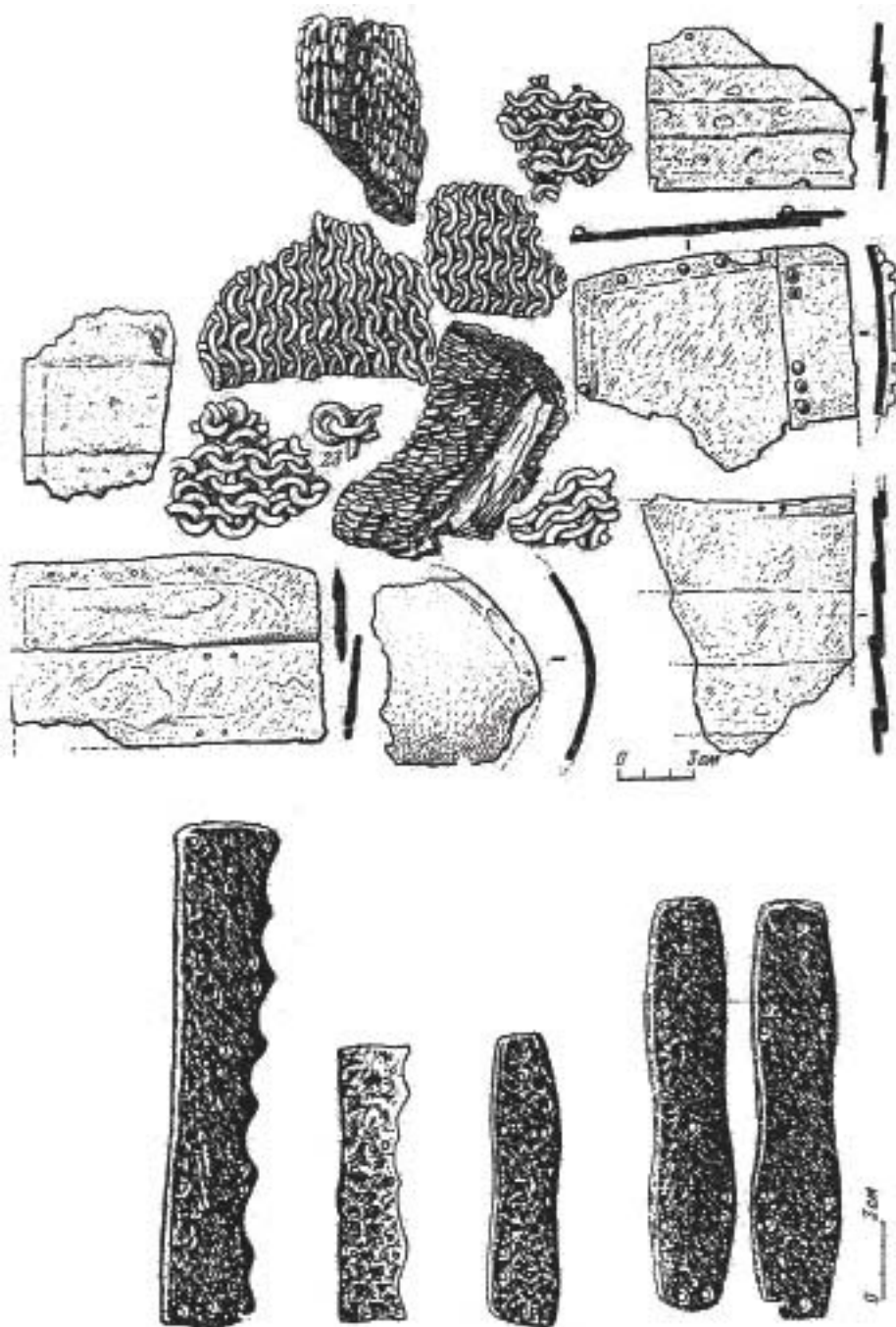

Рис. 9. Находки металлических деталей доспехов и кольчуг в могильниках раннего средневековья (по Р.С. Багаутдинову, С.Э. Зубову).

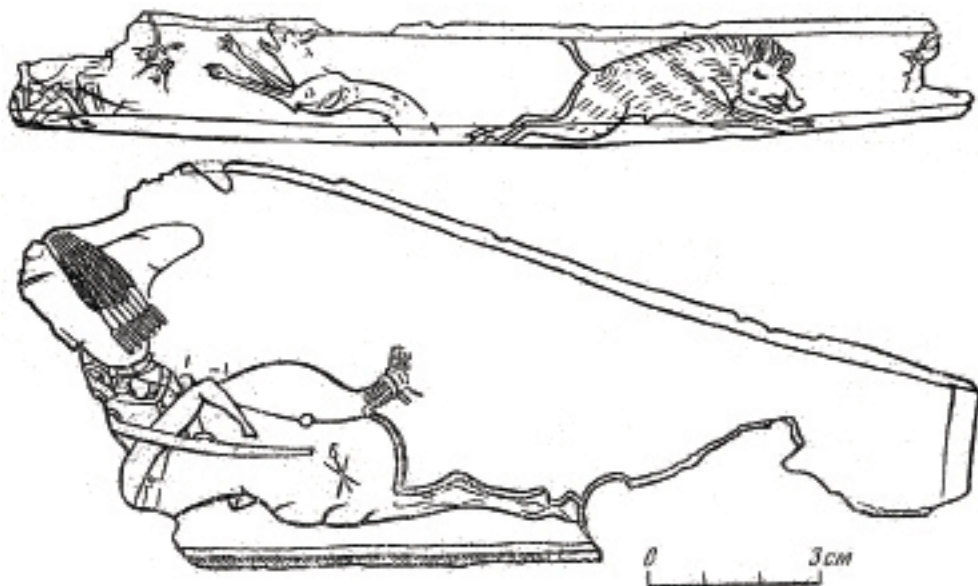

Рис. 10. Костяные пластины с изображениями лошадей из Верхнего Чир-Юрта, Дагестан (по М.Г. Магомедову).

уже взять свой охотничий трофей, как на него неожиданно вышел медведь и отобрал добычу. Охотник является центральным персонажем этой сцены. Кроме того, его фигура значительно больше по размерам, чем фигуры окружающих его животных и всадников. Так же выделена фигура царя и на охотничьих рельефах в гроте Так-и-Бостан в Иране (рис. 7). Поэтому можно предположить, что на Шиловских пластинах также изображено какое-то очень важное лицо: военачальник или князь. В данном случае прочтение охотничьей сцены как «схватки с медведем или охоты на медведя» вызывает сомнения. На медведя не охотятся, стоя на коленях с луком в руках. Это охота, как правило, облавная. В ней участвуют охотники и собаки. Кроме того, для царей традиционна в искусстве степи охота на ланей, кабанов и баранов. Она представлена на сасанидских блюдах, тюркских парадных седлах, поясах, а также на иранских

охотничьих рельефах. И нигде не встречается изображение медведя, догоняющего лань.

Я предлагаю следующее объяснение этого драматического по характеру сюжета. Охотник, на которого во время охоты напал огромный медведь, пытается спасти свою жизнь. Поэтому он встал на колени и натянул лук. В самый неподходящий момент у него лопнула тетива и повисла вдоль ноги. Свита (или конвой) оставили своего царя и с копьями наперевес скажут в сторону. Другой отряд спешился и, оставив оседланных и взнузданных лошадей, тоже ушел от царя. На пластине № 2 стоят четыре лошади. На пластине № 3 показаны четыре пеших воина в таких же доспехах, как и свита царя. По-видимому, лошади эти принадлежат им. Как верно отметили Р.С. Багаутдинов, А.В. Богачев и С.Э. Зубов, они попали в засаду и пытаются вырваться. С двух сторон их обстреливают лучники, стоящие

на коленях и одетые иначе, чем тяжелооруженные «рыцари» княжеского конвоя. Один воин в длинной кольчужной рубахе, перехваченной поясом в талии, стоит на коленях, натянув мощный лук, контуры которого показаны двойной линией. Другой, по-видимому, был изображен на противоположном конце пластины – от него сохранился только фрагмент такого же лука. Это «тюрко-хазарский» тип лука (Медведев, 1966, с. 13, 14; Савин, Семенов, 1997, с. 42, рис. 3; Круглов, 2005, с. 90; см. рис. 8).

Конструкция луков такого типа считается «непрактичной» «...При возникновении силового напряжения, которое создавала тетива, когда ее натягивали, роговые пластины, укреплявшие лук, теряли свою гибкость и ломались по краям» (Круглов, 2005, с. 90). При этом сама тетива могла оборваться, что и произошло, возможно, в сюжете, представленном на пластине. Впоследствии этот конструктивный недостаток был устранен, а лук модифицирован.

Обращает на себя внимание одежда участников этих трагических событий. Князь одет в легкий кафтан с заштрихованными обшлагами, возможно, обозначавшими надетую под кафтаном кольчугу. Волосы у князя по тюркскому обычаю заплетены. У его конвоя доспехи, универсальные в раннем средневековье для тяжелооруженных конных «рыцарей» Центральной Азии.

Описание их панцирей, доспехов, шлемов и седел прекрасно дано в статье Р.С. Багаутдинова и С.Э. Зубова «Воинский комплекс Шиловских костяных пластин» (Багаутдинов, Зубов, 1988, с. 254; см. рис. 9). Близкие Шиловским формы доспехов встречаются на согдийских фресках (Беленицкий, 1973), на чаше из Кулагыша (Приуралье, бывш. Кунгурский уезд, см.: Смирнов, 1909, табл. XXIII) и т.д. Кроме того, волнистые (зубчатые) и восьмеркообразные панцирные пластины, подобные изображенным, найдены в памятниках Верхнего Приобья (Релка, Окунево, Архиерейская Заимка). Там же встречаются шлемы, такие же, как на Шиловских пластинах: со сфероконическим куполом, скованные из нескольких пластин и имеющие плюмажную втулку (Археология СССР, 1980, табл. ХСVI-22).

Всадники и пешие воины держат копьа наперевес. Концы их украшены треугольными боевыми стягами. Граффити таких стягов имеются на серебряных дирхемах IX в. и считаются древнерусскими (Добровольский и др., 1991, с. 66). Можно предположить, что такие русские стяги восходят к кочевническим флагам более раннего времени, возможно, болгарским VII–VIII вв., представленным на пластинах. Изображения воинов с такими стягами известны на драгоценной посуде, рельефах, в мелкой пластике степей Евразии (Советова, Мухарева, 2005, с. 99, рис. IV).

И, наконец, на Шиловских пластинах изображены кони, имевшие символическое значение. «Древний китайский миф провозглашал коня родственником дракона, близким к таинственным силам воды... Все высокорослые кони, которых нельзя было сравнить с низкими степными лошадами, в древности у китайцев назывались просто драконами. Таких длинноногих Ферганских и Нисейских ска-

ценной посуде, рельефах, в мелкой пластике степей Евразии (Советова, Мухарева, 2005, с. 99, рис. IV).

И, наконец, на Шиловских пластинах изображены кони, имевшие символическое значение. «Древний китайский миф провозглашал коня родственником дракона, близким к таинственным силам воды... Все высокорослые кони, которых нельзя было сравнить с низкими степными лошадами, в древности у китайцев назывались просто драконами. Таких длинноногих Ферганских и Нисейских ска-

кунов китайцы покупали за баснословные деньги и перевозили по Шелковому пути. Они были «божественными» и «потеющими кровью и понимающими человеческую речь» (Шефер 1981, с. 89–92). Изображение подобных лошадей есть на костяных пластинах из курганного могильника в Верхнем Чир-Юрте (Приморский Дагестан), где похоронена военная аристократия Беленджера – первой столицы Хазарского каганата (Магомедов, 1983, с. 75; см. рис. 10). Таким образом, пластины связываются воедино и могут рассматриваться как «парадный портрет», демонстрирующий военную хитрость, доблесть и силу победителя.

Скорее всего, это драматический эпизод из жизни тюркского князя. Знатный болгарин, предводитель легковооруженного отряда, одержавший победу над ним с помощью военной хитрости, подставив его под медведя, заказал выходцу из Средней Азии, очень умелому ремесленнику, сделать костяные пластины и украсить их самыми яркими сценами этой победы. Он водрузил их на седло, чтобы народ видел и расступался перед победителем.

Болгарский военачальник обратился к согдийскому ремесленнику, вероятно, потому, что согдийцы очень тщательно и мастерски вырезали по кости, стараясь как можно точнее передать форму шлемов и доспехи воинов, их вооружение, опознавательные знаки племен – флаги, оседланных лошадей, то есть все детали, которые были важны заказчику. Так было принято изображать воина в настенной живописи. Например, они встречаются в древнем Пенджикенте.

От обкладок седла сохранилось еще несколько обломков с фрагментами хвостов и языков драконов, а также один небольшой прямоугольный обломок, на котором изображена кирпичная стена крепости. За ней видны головы воинов в шлемах и фрагмент развевающегося знамени. В какой степени это изображение связано с тремя предыдущими, сказать трудно, так как сам обломок очень мал. Сопоставим с остальными изображениями только фрагмент стяга на нем.

Можно предположить, что трагический эпизод случился в разгар военных действий. Не исключается и Закавказская война 626–630 гг., предложенная в качестве интерпретации Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым и С.Э. Зубовым. Исход ее решила военная хитрость болгар, воевавших на стороне Византии.

Идея, заложенная в изображениях на Шиловских пластинах, вполне согласуется с теми, которые представлены на парадных седлах раннего средневековья. Ее очень верно сформулировал Д.Г. Савинов: «от символов власти, войны и победы к пожеланиям благоденствия и благополучия» (Савинов, 2005, с. 20). Пластины были положены в могилу победителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980.
2. *Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* – М.: Наука, 1980.
3. *Багаутдинов Р.С. Богачев А.В. Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара, 1988.

4. Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э. Воинский комплекс Шиловских пластин // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1988.
5. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. – М.: Искусство, 1973.
6. Воронина В.Л., Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М., 1959.
7. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
8. Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. – М., 1977.
9. Котов В.Г. Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» // STRATUM plus. Неславянское в славянском мире. – СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.
10. Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. – Донецк, 2005.
11. Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1980.
12. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. – М.: Наука, 1983.
13. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел // САИ. Вып. Е1-36. – М.: Наука, 1966.
14. Панчатантра / пер. с санскрита и прим. А.Я. Сыркина. – М., 1958.
15. Савин А.М., Семенов А.И. Забытые, неопознанные и незамеченные луки гунно-болгарского типа // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1997.
16. Савинов Д.Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. Вып. 23. – Кемерово, 2005.
17. Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23. – Кемерово, 2005.
18. Сташенков Д.А. Еще раз об образе дракона в искусстве средневекового населения Поволжья // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. док. – СПб., 2010.
19. Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб., 1909.
20. Тотев Б., Пелевина О. Звериный стиль в языческом искусстве дунайских болгар // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. – Самара, 2010.
21. Флерова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII веков: О происхождении накладок седла из Шиловского кургана // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности Евразийских степей. – Воронеж, 2001.
22. Халикова Е.А. Ранненевенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – 1976. – № 2.
23. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М., 1981.

Информация об авторе:

Фонякова Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); natalya.fonyakova_chuvilo@mail.ru

TO THE SEMANTICS OF PLATES FROM THE VILLAGE OF SHILOVKA

N.A. Fonyakova (Chuvilo)

Among the finds made on the sites located in the Middle Volga region and Siberia, ivory plaques of high artistic value used to adorn combat saddle pommel are met. They would bear floral ornamentation or depict hunting scenes, reflecting the spiritual world of a nomad warrior. These images are dated widely, but not later than the 7th or 8th centuries. They were drawn with a sharp cutter and blackened down the lines. Of special interest are the bone plates from the Shilovka burial ground site (Uyanovsk oblast) with the following images: two dragons in a heraldic posture, deer hunt scenes, horsemen in ambush, fight with a bear, and defense of the fortress. In the author's opinion, the Shilovka plates depict a dramatic episode in the life of a Turkic warlord, which occurred in the midst of hostilities. During the hunt, a huge bear was unleashed against him. Part of his heavily armed convoy (or suite) fled; some soldiers got ambushed (the enemy shot them from armor-piercing bows). Saving his life, the captain knelt and bent his bow, whose string broke at the most inopportune moment. Perhaps he died fighting a bear. One can assume that it was a stratagem of the enemy, which decided the outcome of the war. The symbol of victory on the plates is represented by the dragons, frozen in a heraldic posture, and expressing the basic principle of life characteristic of the nomad warriors in the Early Middle Ages: prosperity and well-being at a price of war and victories. The plaques were placed into the winner's grave.

Keywords: archaeology, the Volga region, the Early Middle Ages, the early Bulgars, the early Turks, burials of noble warriors, ornamented bone plaques, saddle decorative plaques, hunting and military scenes, dragons.

REFERENCES

1. Alekseev, N. A. 1980. *Rannie formy religii tiurkoiazychnykh narodov Sibiri (Early Forms of Religion with Turkic-Speaking Peoples of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Sedov, V. V. (ed.). 1980. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1988. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek»" Publ. (in Russian).
4. Bagautdinov, R. S., Zubov, S. E. 1998. In Masson, V. M. (ed.). *Voennaia arkheologiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Warfare from Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
5. Belenitskii, A. M. 1973. *Monumental'noe iskusstvo Pendzhikenta. Zhivopis'. Skul'ptura (Monumental Art of Panjakent: Painting, Sculpture)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
6. Voronina, V. L. 1959. In Belenitskii, A. M., Piotrovskii, B. B. (ed.). *Skul'ptura i zhivopis' drevnego Pendzhikenta (Painting and Sculpture of Ancient Panjakent)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 111–113 (in Russian).
7. Dobrovol'skii, I. G., Dubov, I. V., Kuz'menko, Yu. K. 1991. *Graffiti na vostochnykh mone-takh: Drevniaia Rus' i sopredel'nye strany (Graffiti on Eastern Coins: Ancient Russia and Neighboring Countries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
8. Konrad, N. I. 1977. *Izbrannye trudy. Sinologiia (Selected Works: Sinology)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).

9. Kotov, V. G. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. Saint Petersburg; Kishinev; Odessa, 431–444 (in Russian).
10. Kruglov, E. V. 2005. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 73–142 (in Russian).
11. Tokarev, S. A. (ed.-in-chief). 1980. *Mify narodov mira (Myths of the Peoples of the World) 1*. Moscow: “Sovetskaia Entsiklopediia” Publ. (in Russian).
12. Magomedov, M. G. 1983. *Obrazovanie Khazarskogo kaganata: po materialam arkhelogicheskikh issledovaniy i pis'mennym dannym (Formation of Khazar Khaganate: by Data of Archaeological Studies and Written Sources)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
13. Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
14. Panchatantra (Panchatantra). 1958. Series: Literaturnye pamiatniki (Literary Monuments). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
15. Savin, A. M., Semenov, A. I. 1997. In *Problemy istorii i arkhologii Ukrainy (Problems in History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkov: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).
16. Savinov, D. G. 2005. In *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of Southern Siberia) 23*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 19–24 (in Russian).
17. Sovetova, O. S., Mukhareva, A. N. 2005. In *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of Southern Siberia) 23*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 92–105 (in Russian).
18. Stashenkov, D. A. 2010. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture) XVIII*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 82–84 (in Russian).
19. Smirnov, Ya. I. 1909. *Vostochnoe serebro. Atlas drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnogo proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi imperii (Oriental Silver: Atlas of the Ancient Golden and Silver Tableware of Oriental Origin Found Mainly on the Territory of the Russian Empire)*. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).
20. Totev, B., Pelevina, O. 2010. In *Kul'tura evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tys. n.e. Voprosy mezhetnicheskikh kontaktov i mezhkul'turnogo vzaimodeistviia (Culture of Eurasian Steppes in Second Half of First Millennium AD: Interethnic Contacts and Intercultural Reciprocal Actions)*. Samara: “Ofort” Publ., 226–243 (in Russian).
21. Flerova, V. E. 2001. In *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone) 15. Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval Antiquities from the Eurasian Steppes)*. Voronezh: Voronezh State University, 81–86 (in Russian).
22. Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3)*, 141–156 (in Russian).
23. Schäfer, E. 1981. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan (The Golden Peaches of Samarkand: a Study of T'ang Exotics)*. Series: Kul'tura narodov Vostoka (Culture of Peoples of the Orient). Moscow: “Nauka” Publ. (“Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury” Publ.) (in Russian).

About the Author:

Fonyakova (Chuvilo) Natalia A. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; natalya.fonyakova_chuvilo@mail.ru

ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ ПИТЕРСКОГО (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА

© 2013 г. А.В. Данич

В статье впервые вводятся в научный оборот более 600 экз. бронзовых поясных накладок, полученных в ходе раскопок средневекового Питерского (Степаново Плотбище) могильника, приводится их описание и классификация. Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища, подвергается затоплению и разрушению. В 1997–1999 и 2001 гг. на нем было исследовано 21 погребение по обряду ингумации и один жертвенный комплекс, а также собран подъемный материал. По обряду погребения и по вещевому материалу данный археологический комплекс может быть датирован IX–XI вв.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, раннее средневековье, могильник, поясные накладки, типология.

Одним из интереснейших памятников Пермского Предуралья эпохи средневековья является Питерский (Степаново Плотбище) могильник, находящийся у деревни Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Целью данной работы является введение в научный оборот и обобщение материалов, полученных Камской археолого-этнографической экспедицией под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) в 1997–1999, 2001 гг.

Толчком исследований данного памятника послужили сведения, поступившие осенью 1996 г. в Пермский государственный университет от жителя пос. Пожва А.Б. Панфилова об археологических находках, обнаруженных вблизи этого населенного пункта. Письма сопровождались многочисленными рисунками и описаниями вещей.

Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, под-

вергшейся затоплению. Площадка, на которой расположен памятник, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделенный от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы, высотой до 40 м.

Все памятники комплекса находятся в аварийном состоянии. Ежегодно под воду уходит бесчисленное количество украшений, оружия, предметов быта древнего селища. Множество находок было обнаружено на пляже водохранилища. Часть из них лежала на поверхности, другие под небольшим (до 15 см) слоем песка. Вещи постоянно вымываются на поверхность прибоем и дождем. Состояние памятника способствует расхищению предметов древности. Большое количество находок находится в коллекциях жителей окрестных деревень и известны случаи их продажи приезжим скупщикам из Москвы.

За четыре года исследований общая площадь вскрытой поверхности

составила 675 кв. м. Было исследовано 21 погребение и один жертвенный комплекс.

Кости скелета в погребениях практически не сохраняются, за исключением отдельных фрагментов. Но, несмотря на практически полное отсутствие костяков, можно с уверенностью сказать, что погребения совершены по обряду ингумации – в погребениях отсутствуют кальцинированные кости (за исключением погребения № 19, где они встречены в верхнем слое заполнения), прокалы, мощные углисто-золевые пятна. Следов огня нет и на украшениях. Только в засыпи всех погребений содержатся мелкие угольки, что связано с культом огня.

Судя по расположению инвентаря и остатков костяков, можно говорить о том, что погребенные лежали ногами к реке. Этот обряд захоронения умерших отмечен в Прикамье с эпохи раннего железа. По тому, что материал во всех погребениях находится в хаотичном порядке, можно предположить, что погребения совершались на помосте. Остатков погребальных сооружений не обнаружено. Исходя из того, что случаев взаимопроникновений погребений на могильнике не обнаружено, можно предположить наличие наземных сооружений.

На присутствие культа коня указывают многочисленные находки зубов данного животного как в межмогильном пространстве, так и в погребениях. По мнению Е.П. Казакова, данное явление наиболее характерно для угорского мира.

По обряду погребения и по вещевому материалу, как найденному при раскопках памятника, так и по переданному местными жителями, Пи-

терский (Степаново Плотбище) археологический комплекс может быть датирован IX–XI вв.

Среди дополнительных элементов костюма чрезвычайно важную роль играл пояс. Как и ряд других деталей костюма, он отличается своей многофункциональностью. Утилитарная функция пояса очевидна. Пояс был необходимой деталью одежды, которая скрепляла одежду. Его практическая функция определялась и тем, что в средневековом костюме отсутствовала такая деталь одежды, как карманы, и к поясу привешивались все необходимые под рукой вещи – ножи, кресало, кремь, оселок и т.д. Одновременно пояс являлся знаком социальной принадлежности. Детям до определенного возраста он не полагался. Пояса делились на женские, мужские, наборные и без набора. Наборный пояс был знаком воинской доблести и нес определенную смысловую нагрузку.

В данной статье будет рассмотрена такая неотъемлемая часть средневекового пояса, как накладки. Они отличаются большим разнообразием. Все они изготовлены из бронзы и крепились к ремню при помощи штифтов. Для классификации идет разделение на группы, типы выделены по форме, варианты – по ее отдельным деталям.

Группа 1. Квадратные и прямоугольные накладки (99 экз.; рис. 1: 10–23, бронза, бронза с позолотой).

Тип 1 – квадратные плоские неорнаментированные накладки с вытянутым вдоль поперечной оси прямоугольным прорезом. Вырезаны из листа бронзы, крепились к ремню при помощи двух шпеньков (9 экз., рис. 1: 10–11).

Тип 2 – квадратная с орнаментом в виде буквы «М» и четырьмя окруж-

ностями в углах накладки. Прорезь в нижней части накладки сердцевидной формы. Внутренняя поверхность поля накладки имеет меньшую глубину, относительно поверхности всей накладки. Крепилась к ремню при помощи двух отверстий по краям накладки (1 экз., рис. 1, 12).

Тип 3 – плоская накладка с орнаментом в виде лилии и фигур в виде буквы «S» (5 экз., рис. 1: 13).

В Пермском Предуралье такие накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 3). Аналогичные накладки известны в Вотчинском могильнике на Вычегде (Истомина, 1999, рис. 10: 19), в Омутницком могильнике IX–XII вв. в Удмуртии (Семенов, 1985, рис. 5: 17–19).

Тип 4 – плоская накладка с витым геометрическим орнаментом, прямоугольная прорезь украшена насечками (1 экз., рис. 1: 14).

Тип 5 – плоская накладка с орнаментом в виде стилизованного трилистника (9 экз., рис. 1: 15, бронза с позолотой).

В Пермском Предуралье накладки с аналогичным орнаментом встречаются на городище Аношкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 15). Аналогичные накладки известны на Качкашурском могильнике в Удмуртии (Иванов, 1990, рис. 9: 37), в венгерских могильниках.

Тип 6 – граненая накладка с неорнаментированным полем накладки и бордюром в виде ложной зерни (7 экз., рис. 1: 16).

Тип 7 – граненые накладки с «Ж»-образным орнаментом (23 экз., рис. 1: 17–18).

Вариант а – центральная фигура имеет большое количество завитков, придающих ей более растительный вид, чем вариант б (21 экз., рис. 1: 17).

Вариант б – центральная фигура имеет небольшое количество завитков (2 экз., рис. 1: 18).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 10), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Б. Кочинском городище (коллекция КПОКМ), городище Аношкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Тип 8 – граненые накладки с неорнаментированным полем и прорезью в основании (41 экз., рис. 1: 19–21).

Вариант а – с прямоугольной прорезью у основания (6 экз., рис. 1: 19).

Вариант б – с сердцевидной прорезью у основания и наклонными сторонами (20 экз., рис. 1: 20).

Вариант в – с сердцевидной прорезью у основания и прямыми сторонами (15 экз., рис. 1: 21).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки обнаружены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 2), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). Аналогичные накладки известны на Аверинском и Щукинском могильниках на Верхней Каме (Голдина, Кананин, 1989, рис. 49: 11–12, 14), на Чепце (Иванов, 1990, рис. 9: 36; Семенов, 1980, табл. XII, 41), на Большетиганском могильнике IX–X вв. (Казаков, 1992, рис. 20: 44–45), в Болгаре (Город Болгар, 1996, рис. 68: 1), в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 18: 1; 26: 16; 30: 5; 32: 1а; 34: 13; 40: 26), на могильнике Нижняя Стрелка в Марийском Поволжье (Казаков, 2000, рис. 5:

11), в Вотчинском могильнике на Вычегде (Истомина, 1999: рис. 10: 17).

Тип 9 – крупная прямоугольная накладка с фигурным внешним краем в виде лепестков и сердцевидным орнаментом в центральной части накладки (2 экз., рис. 1: 22).

Тип 10 – небольшая прямоугольная накладка с пирамидальным орнаментом (1 экз., рис. 1: 23).

Группа 2. Круглые накладки (59 экз., рис. 1: 24–39, бронза).

Тип 1 – полушаровидные выпуклые накладки, прикрепляющиеся к ремню при помощи перемычек, через которые продёргивался ремень. Средний диаметр 15 мм. Данные накладки крепились на подвесных ремешках (11 экз.; рис. 1: 24–26).

Вариант а – штампованные, выпуклые в сечении, орнаментированные кружковым орнаментом по краю (1 экз.; рис. 1: 24).

Вариант б – штампованные, выпуклые в сечении, орнаментированные кружковым орнаментом по всей площади накладки, заканчивающиеся шаровидным выступом (9 экз., рис. 1: 25).

Вариант в – штампованные, выпуклые в сечении, орнаментированные растительным орнаментом в виде цветка в центральной части и небольшим бордюром по краю, украшенному насечками (1 экз.; рис. 1: 26).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 31), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). Аналогичные накладки широко представлены на Вымских могильниках, где они датируются X–XI вв. (Савельева, 1987, с. 136, рис. 35: 46; 37: 4).

Тип 2 – неорнаментированные круглые накладки (17 экз.; рис. 1: 27–28). Бронзовые чеканенные из пластины толщиной до 1 мм, плоские в сечении, прикреплявшиеся при помощи одного шпенька. Средний диаметр 14 мм.

Круглые гладкие плоские накладки, судя по длине шпеньков, крепились не только на подвесных ремешках, но и на основном ремне. Очевидно, их количество имело значение для характеристики социального положения. Возможно, они крепились на поясе по 4 экз.: 8 экз. спереди (4 справа и 4 слева) и 8 экз. сзади (такое расположение бляшек на поясе типично для древнетюркских каменных изваяний и в более позднее время).

На территории Пермского Предуралья аналогичные накладки обнаружены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 22). Известны они на территории Волжской Булгарии (Казаков, 1992, рис. 20: 1; Город Болгар, 1996, рис. 67: 2), в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 40: 29), в материалах IX–X вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, табл. XIII, 26, 27).

Тип 3 – в центре небольшая выпуклость с изображением цветка (6 экз., рис. 1: 29).

Аналогичные накладки известны на селищах Волжской Булгарии (Казаков, 1991, с. 132).

Тип 4 – неорнаментированная накладка с двумя выпуклыми окружностями (1 экз., рис. 1: 30).

Тип 5 – накладка в виде полушария с небольшой выпуклостью в центре. Площадь накладки украшена двумя окружностями радиально расходящихся линий (1 экз., рис. 1: 31).

Тип 6 – розетковидные (13 экз., рис. 1: 32–34).

Вариант а – в центре выпуклый умбон, завершающийся шаровидным выступом, поле умбона покрыто рядами ложной зерни. Накладка обрамлена рядом шаровидных выступов (10 экз., рис. 1: 32).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Антыбарском могильнике (раскопки Г.Т. Ленц), селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Аналогичные накладки имеются в Вымских могильниках, где они датируются X–XII вв. (Савельева, 1968, табл. II, 1; Савельева, 1987, рис. 35: 48; 37: 33).

Вариант б – в центре выпуклый умбон, завершающийся шаровидным выступом, поле умбона покрыто спиралевидным орнаментом. Накладка обрамлена рядом шаровидных выступов (1 экз., рис. 1: 33).

Вариант в – круглая накладка, состоящая из кольца из крупных литых полушарий по наружному краю и выпуклой небольшой бляшкой по центру с орнаментом в виде цветка (2 экз., рис. 1: 34).

Тип 7 – соединение трех полушарий (4 экз., рис. 1: 35–36). Три гладких полушария образуют фигуру в виде полумесяца, крепление на шпеньках.

В Пермском Предуралье аналогичные накладки найдены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 38). Имеются они в погребениях Большетиганского могильника IX–X вв. (Казаков, 1992, рис. 20: 53), в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 18: 2к),

в материалах IX–X вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, табл. XIII, 3), на Кичилькосьском II могильнике (Савельева, 1987, рис. 36: 26).

Тип 8 – кольцевидные, плоские (5 экз., рис. 1: 37, 39). Имеют в центре круглое отверстие.

Вариант а – состоит из двух колец с прямоугольной перемычкой. Кольца орнаментированы точечным орнаментом (3 экз., рис. 1: 37).

Вариант б – состоит из одного неорнаментированного кольца с двумя шпеньками для крепления (2 экз., рис. 1: 39).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки имеются на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 20), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). Подобные находки известны в Волжской Булгарии (Казаков, 1991, с. 132; Город Болгар, 1996, рис. 67: 6), в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 42: 1).

Тип 9 – в центре выпуклый умбон, завершающийся шаровидным выступом. Площадь накладки имеет четыре прорези, которые формируют орнамент в виде креста (1 экз.; рис. 1: 38).

Группа 3. Зооморфные (66 экз., рис. 1: 40–48; 2: 47–49, 57, бронза).

Тип 1 – накладки, изображающие мордочку животного (58 экз., рис. 1: 40–48).

Вариант а – нижняя часть накладки обломлена, на верхней округлыми выступами показаны уши, поле накладки украшено косыми линиями (1 экз., рис. 1: 40).

Вариант б – обозначены глаза и нос, в верхней части округлыми выступами обозначены уши (1 экз., рис. 1: 41).

Рис. 1. Накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника.

Вариант в – в верхней части приостренными выступами обозначены уши, поле накладки украшено геометрическим орнаментом в виде витых линий и пяти горизонтальных крестов (1 экз., рис. 1: 42).

Вариант г – в верхней части округлыми выступами обозначены уши, на поле накладки обозначен нос и прорезями показаны глаза (2 экз., рис. 1: 43).

Вариант д – накладка не орнаментирована, в верхней части округлыми выступами обозначены уши (1 экз., рис. 1: 44).

Вариант е – в верхней части загнутыми приостренными выступами обозначены уши или, вероятнее всего, рожки, на поле накладки три точки, которыми обозначены глаза и нос или рот (2 экз., рис. 1: 45).

Вариант ж – с помощью плавных выпуклостей обозначен длинный нос, небольшими вдавлениями – глаза. В верхней части накладки небольшими приостренными выступами показаны уши (21 экз., рис. 1: 46).

Вариант з – с помощью плавных выпуклостей обозначены длинный нос, рот и округлые уши (28 экз., рис. 1: 47).

Вариант и – с помощью плавных выпуклостей обозначен нос, округлыми выступами показаны уши (1 экз., рис. 1: 48).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 13–14), а также на Измерском селище в Волжской Булгарии (Казаков, 1991, рис. 19: 2), на могильнике Нижняя Стрелка IX–XI вв. в Марийском Поволжье (Финно-угры

Поволжья и Приуралья, 1999, рис. 11: 23).

Тип 2 – птицеобразные, в виде туловища птицы (филина, совы и т.п.) с обозначенным оперением (5 экз., рис. 2: 47–48).

Тип 3 – в виде летящей птицы с расправленными крыльями и хвостом (2 экз., рис. 2: 49).

Тип 4 – коньковидные. В нижней части стилизованное изображение двух голов коней, обращенных в разные стороны, в верхней – два полуовала (7 экз., рис. 2: 54–55, 60). Стилизованные изображения голов коней образуют круглые отверстия для крепления привесок или ремешков.

Вариант а – полуовалы разделены промежутком (6 экз., рис. 2: 54–55).

Вариант б – полуовалы расположены слитно (1 экз., рис. 2: 60).

Тип 5 – наладку украшает изображение медведя в жертвенной позе. На накладке имеются четыре отверстия, три из которых, по-видимому, использовались для пришивания и одно для крепления привесок или ремешков (1 экз., рис. 2: 57).

Группа 4. Непрорезные накладки пятиугольной формы (16 экз., рис. 1: 49–54; 2: 40).

Тип 1 – небольшая накладка с изображением личины. Выпуклостями показаны брови, глаза, нос, рот, щёки и головной убор (6 экз., рис. 1: 49, бронза с позолотой).

Тип 2 – гладкие, неорнаментированные (5 экз., рис. 1: 50–51, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 68).

Тип 3 – крупная пятиугольная накладка с овальными выступами по боковым сторонам и в верхней ча-

сти. Орнаментирована фигурами в виде полумесяцев, расположенными в зеркальном отражении. Внешние полумесяцы заполнены рядами ложной зерни (2 экз., рис. 1: 52, биллон).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны в Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 54). Аналогичные накладки обнаружены в могильнике Шойнаты II на Вычегде (Савельева, Королев, 1990, рис. 16: 1; Королев, 1997, рис. 46: 18), в чепецком Омутницком могильнике IX–XII вв. (Семенов, 1985, рис. 5: 34).

Тип 4 – пятиугольная накладка с овальными выступами по боковым сторонам и в нижней части. Накладка украшена выпуклостями в виде завитков и дуг (1 экз., рис. 1: 53, биллон).

Тип 5 – в виде геральдического щитка, с валиком по краю и орнаментом в виде линии раздваивающейся на конце, перечеркнутой наклонным крестом в центральной части накладки (1 экз., рис. 1, 54, бронза).

Тип 6 – в виде геральдического щитка, с валиком по краю и вертикально в центре накладки (1 экз., рис. 2: 40, бронза).

Группа 5. Прорезные накладки пятиугольной формы (28 экз., рис. 1: 55–62).

Тип 1 – гладкая неорнаментированная накладка с овальными выступами по фигурным боковым сторонам, в нижней части имеется прорезь овальной формы с небольшим заостренным выступом вверху (1 экз., рис. 1: 55, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 43).

Тип 2 – гладкая неорнаментированная накладка с овальным щитком и прямоугольным приемником в нижней части, в верхней части овального щитка имеется небольшой приостренный выступ (1 экз., рис. 1: 56).

Тип 3 – гладкая неорнаментированная накладка с овальными выступами по боковым сторонам, в нижней части имеется прорезь прямоугольной формы (2 экз., рис. 1: 57, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 43).

Тип 4 – пятиугольные накладки с прямыми боковыми сторонами (11 экз., рис. 1, 58, 62 бронза, биллон).

Вариант а – гладкая накладка с прямыми боковыми сторонами и овальной прорезью в основании. По верхнему краю проходит неширокий бордюр с волнистым орнаментом (1 экз., рис. 1: 58, бронза).

Вариант б – накладка с прямыми боковыми сторонами и прямоугольной прорезью в основании. Поле накладки украшено изображением человеческой головы с витыми волосами и в короне (10 экз., рис. 1: 62 биллон). Лицо с широким круглым подбородком, широким носом, прямыми бровями и узкими глазами. Волосы обрамляют лицо в виде ниспадающих прямых прядей, которые лежат на плечах, расходясь в стороны. Своеобразна и корона. Она расширяется кверху и расчленяется на три вертикальные лопасти, крайние из которых загнуты вовнутрь, а центральная округлая. Основание короны схвачено поперечной полосой. Изображения людей с подобными или близкими прическами есть на различных изделиях из разных материалов (монеты раннеисламские, согдийские,

византийские, керамика и торевтика, терракота, скульптура, росписи и др.). Прическа относительно близка некоторым прическам на хойцегорских бляхах (Король, 2007, с. 89). Головной убор с отогнутыми краями и круглым верхом практически идентичен известному изображению из манихейской книги VIII–IX вв. (Central Asian Art, 1991, № 119). Близкие уборы, но с чуть менее отогнутыми краями известны и в росписях Восточного Туркестана (Grünwedel, 1912, fig. 267).

Тип 5 – щиток накладок имеет слегка вогнутые боковые стороны и сердцевидный выступ в верхней части (4 экз., рис. 1: 59–60, бронза).

Вариант а – в центральной части щитка, обрамленной бордюром, помещено зеркальное изображение в виде глаз. Прорезь в нижней части щитка овальная (2 экз., рис. 1: 59, бронза).

Вариант б – в центральной части щитка, обрамленной бордюром с нанесенными насечками, помещено стилизованное изображение трилистника. Прорезь в нижней части щитка прямоугольная (2 экз., рис. 1: 60, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки происходят из погребений Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 19). Аналогичные накладки известны в могильнике Качкашур в Удмуртии (Иванов, 1998, рис. 51: 22).

Тип 6 – нижний край накладки в виде дуги, по краю – бордюр с насечками. Центральная часть поля накладки орнаментирована сложным растительным орнаментом, в нижней части имеется овальная прорезь (9 экз., рис. 1: 61, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки, но без прорези в осно-

вании, имеются в материалах Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 49–51). В небольшом количестве встречаются на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96: 52–53).

Группа 6. С кольцом в нижней части накладки (25 экз., рис. 1: 63–67; 2: 50, бронза).

Тип 1 – с привесками в виде кольца (18 экз., рис. 1: 63–65). В нижней части основы – петелька для крепления кольца. Подобные накладки распространены в Пермском Предуралье с IX в. под влиянием салтовских прототипов и широко использовались на протяжении X в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70: 21–23; 71: 8).

Вариант а – основа в виде полукруга с зубчатым краем. В центре основы четыре круглых отверстия, расположенные в форме квадрата (13 экз., рис. 1: 63).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 1). Аналогичные накладки известны на Аверинском могильнике (Голдина, Кананин, 1989, рис. 50: 23), Танкеевском могильнике (Казаков, 1992, рис. 60: 32).

Вариант б – основа в виде стилизованного трилистника с изображением трилистника в центре (4 экз., рис. 1: 64).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 2), Аверинском и Щукинском могильниках на Верхней Каме (Голдина, Кананин, 1989, рис. 50: 24), Бояновском могильнике (раскопки А.В. Данича). Аналогичные накладки известны на Танкеев-

ском могильнике в Татарстане (Казаков, 1992, рис. 60: 33–34).

Вариант в – основа в виде стилизованного трилистника. Основа украшена двумя окружностями в верхней части и двумя лепестками в нижней (1 экз., рис. 1: 65).

Тип 2 – с петлями для крепления шумящих привесок или ремешков (2 экз., рис. 1: 66–67). Основа в виде стилизованного трилистника.

Тип 3 – с подпрямоугольной основой, со слегка вогнутыми сторонами. Верхний край накладки слегка волнистый (5 экз., рис. 2: 50).

На территории Пермского Предуралья аналогичная накладка известна из раскопок Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 9).

Группа 7. В виде «варяжского» геральдического щита (53 экз., рис. 2: 1–5, бронза). Накладки выпуклые, как черепаховый панцирь.

Тип 1 – нижняя сторона прямая, боковые стороны плавно скругляются, создавая треугольно-подпрямоугольную форму. Украшены бордюром из ложной зерни и растительным «бабочковидным» орнаментом (47 экз., рис. 2: 1–4).

Вариант а – непрорезные (29 экз., рис. 2: 1–3).

Вариант б – с прямоугольной прорезью в нижней части накладки (18 экз., рис. 2: 4).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки встречены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 34–35), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Антыбарском могильнике (раскопки Г.Т. Ленца), селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Кры-

ласовой), Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина), Купросском городище (Белавин, 1999, рис. 5: 4–5), городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленца), Чашкинском II селище (раскопки А.М. Белавина). Аналогичные накладки известны в вымских могильниках X–XI вв. (Савельева, 1987, рис. 36: 1, 3; 37: 21), в Биляре (Казаков, 1991, рис. 44: 54; Руденко, 2004, рис. 1: 14), в Удмуртии (Иванов, 1998, рис. 51: 31), в Белоозере (Голубева, 1973, рис. 51: 7).

Тип 2 – нижняя сторона прямая, боковые стороны плавно скругляются, создавая треугольно-подпрямоугольную форму. Накладка украшена двумя рядами бордюра: внешний бордюр украшен орнаментом в виде лепестков, внутренний – насечками. Внутренняя часть площади наклада орнаментирована тремя точками, расположенными в виде треугольника с вершиной в верхней части. В нижней части наклада расположена прямоугольная прорезь (6 экз., рис. 2: 5).

Группа 8. Сердцевидные (266 экз., рис. 2: 6–39, бронза).

Тип 1 – непрорезные, неорнаментированные (27 экз., рис. 2: 6–13, бронза). Различаются по размерам и по особенностям оформления края.

В Пермском Предуралье аналогичные накладки встречены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 71, 72, 82–84), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). Аналогичные накладки имеются в Волжской Булгарии (Казаков, 1991, с. 134), на территории Марийского Поволжья (Архипов, 1986, рис. 31: 22), в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1991, рис. 58: 36; 60: 13, 24), на чепецких памятниках (Иванов, 1990, рис. 9: 1; Семе-

нов, 1985, рис. 5: 5–6), в Вотчинском и Усть-Сысольском могильниках на Вычегде (Истомина, 1999, рис. 10: 11, 13; Королев, 1997, рис. 43: 2), на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96: 45).

Тип 2 – прорезные, неорнаментированные (51 экз., рис. 2: 14–19). Имеют прорезы овальной, круглой или сердцевидной формы. Различаются по размерам и по особенностям оформления края.

В Пермском Предуралье аналогичные накладки найдены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 74–77, 85–86), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Аверинском могильнике (Голдина, Кананин, 1989, рис. 50: 9–10). Известны они на Большетиганском могильнике IX–X вв. (Казаков, 1992, рис. 20: 19–20), в Болгаре (Город Болгар, 1996, рис. 67: 23), в курганах Южного Урала IX–XI вв. (Мажитов, 1981, рис. 41: 17, 18; 71: 6), на чепецких памятниках (Иванов, 1990, рис. 9: 2; 6: 9; Семенов, 1985, рис. 5: 9), в Марийском Поволжье (Казаков, 2000, рис. 5: 17), в Вотчинском могильнике на Вычегде (Истомина, 1999, рис. 10: 16), на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96: 46–47; 263: 29).

Тип 3 – орнаментация в виде полумесяцев, расположенных в зеркальном отражении и одной полуокружности с точкой в центре (2 экз., рис. 2: 20).

Тип 4 – с бордюром из ложной зерны (1 экз., рис. 2: 21).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 101). Аналогичные накладки известны на Измерском селище (Казаков, 1991, с. 134), в курганах Южного Ура-

ла IX–X вв. (Мажитов, 1991, рис. 58: 33, 37), на Качкашурском могильнике IX–XIII вв. (Иванов, 1990, рис. 9: 3), на Омутницком могильнике IX–XII вв. в Удмуртии (Семенов, 1985, рис. 5: 10–11).

Тип 5 – со стилизованным изображением трилистника (93 экз., рис. 2: 22–29, 32–33). Различаются разнообразности по величине, пропорциям, разнообразностям орнамента и оформлению внешнего края.

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 91–92, 99–100, 104–108), верхнекамских могильниках XI–XII вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 72: 3), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Аналогичные накладки известны на памятниках Волжской Булгарии, например, на Большетиганском могильнике IX–X вв. (Казаков, 1992, рис. 20: 17), в Болгаре (Город Болгар, 1996, рис. 67: 19–20), в вымских древностях X–XI вв. (Савельева, 1987, рис. 36: 16; 37: 18), в Вотчинском могильнике на Вычегде (Истомина, 1999, рис. 10: 20), на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96: 48–50), в курганах Южного Урала X–XI вв. (Мажитов, 1981, рис. 71: 5), на Качкашурском могильнике IX–XIII вв. (Иванов, 1990, рис. 9: 8), на Омутницком могильнике IX–XII вв. (Семенов, 1985, рис. 5: 12) в Удмуртии, в могильнике у Барсова Городка (Барсова Гора, 2002, рис. 29).

Тип 6 – небольшая накладка изображающая мордочку животного. С помощью углублений выделены глаза, рот и подбородок (1 экз., рис. 2: 30).

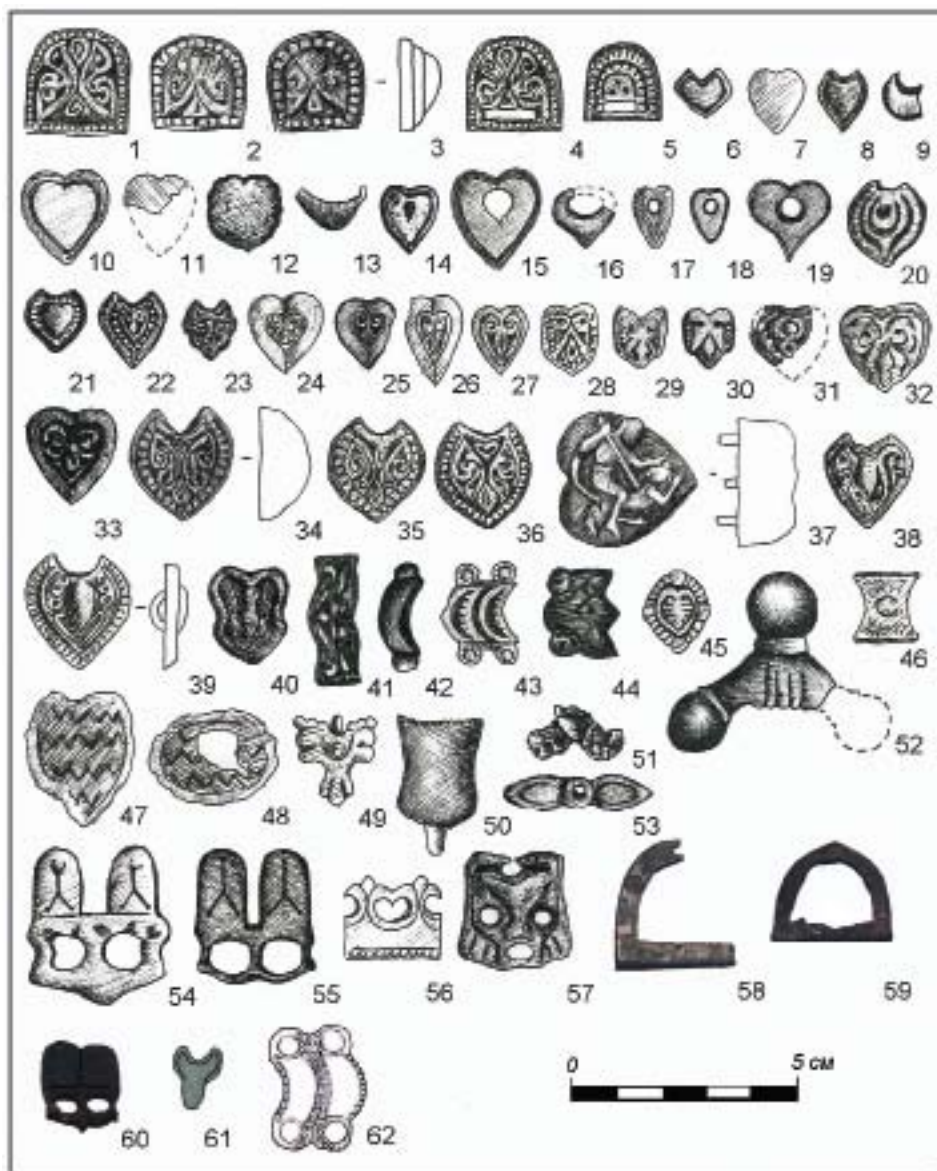

Рис. 2. Накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника.

На территории Пермского Предуралья аналогичные накладки известны на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 11).

Тип 7 – с орнаментом в виде двух concentрических кругов (1 экз., рис. 2: 31, бронза).

Тип 8 – в виде «варяжского» геральдического щита, выпуклые, как черепаховый панцирь. С бордюром из ложной зерни и бабочковидным растительным орнаментом (58 экз., рис. 2, 34–36).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки встречены на Рож-

дественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 36–37), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), Антыбарском могильнике (раскопки Г.Т. Ленц), селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой), Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина), Купросском городище (Белавин, 1999, рис. 5: 4–5), городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Чашкинском II селище (раскопки А.М. Белавина). Аналогичные накладки известны в Вымских могильниках X–XI вв. (Савельева, 1987, рис. 36: 5–6; 37: 19), в Кузьминском могильнике в Удмуртии (Иванов, 1998, рис. 51: 31), на Мурзинском селище в Волжской Булгарии (Руденко, 2002, рис. 58: 36), в могильнике у Барсова городка в Приобье (Барсова гора, 2002, рис. 28), на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96: 59).

Тип 9 – толстая сердцевидная накладка больших размеров с изображением сцены охоты на леопарда при помощи сулицы (4 экз., рис. 2: 37, биллон). По манере и качеству изготовления, а также ареалу находок на пляже аналогичны накладкам, описанным выше (рис. 1: 62) и, вероятно, составляли один с ними комплекс.

Тип 10 – накладки с овальной вертикальной выпуклостью в центральной части накладки, окруженной мелким геометрическим орнаментом (28 экз., рис. 2: 38–39).

Вариант а – бордюр не орнаментирован (27 экз., рис. 2: 38).

Вариант б – бордюр орнаментирован ложной зернью (1 экз., рис. 2: 39).

На территории Пермского Предуралья аналогичные накладки известны из раскопок Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой), на горо-

дище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 41–42). Аналогичные накладки известны на Чезтыягском могильнике конца XI – XII вв. на р. Вычегде (Истомина, 1992, рис. 1: 7).

Группа 9. В виде полумесяца с двумя полушарными выступами по бокам (9 экз., рис. 2: 42–43, 62, бронза). Подобные накладки получили распространение в Пермском Предуралье с IX в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70: 28).

Тип 1 – один неорнаментированный полумесяц с двумя полушарными выступами по бокам (4 экз., рис. 36: 42).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны из раскопок Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 34), Бояновском могильнике (раскопки А.В. Данича). Аналогичные накладки известны в курганах Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 15: 6, 12; 30: 7; 32: 1г; 34: 38), в материалах IX–X вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, табл. XIII, 2), в Омутницком могильнике IX–XII вв. (Семенов, 1985, рис. 5: 35), на Измерском I селище (Казаков, 1991, с. 138).

Тип 2 – в виде соединенных двух неорнаментированных полумесяцев. Пространство между ними украшено ложной зернью и колосовидным орнаментом. Орнаментом из ложной зерни украшены внешние стороны полумесяцев (1 экз., рис. 2: 62).

Тип 3 – в виде соединенных двух полумесяцев, орнаментированные в центральной части «лучиками» (4 экз., рис. 2: 43).

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождествен-

ском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200, 37). Аналогичные накладки известны в марийском могильнике IX–XI вв. Нижняя Стрелка (Финно-угры Поволжья и Приуралья, 1999, рис. 11: 16), в Биляре (Культура Биляра, 1985, табл. XXXIV, 6).

Группа 10. Фигурные (19 экз., рис. 2: 44, 51–56, 60–61, бронза, серебро). Это, как правило, единичные предметы, не имеющие широкого распространения.

Тип 1 – в виде узкой длинной пластины с волнистыми краями. В центральной части пластина орнаментирована тремя небольшими полусферами (2 экз., рис. 2: 41).

Тип 2 – накладка в виде цветка лилии (1 экз., рис. 2: 44).

Тип 3 – накладка в виде овального щитка с одним приостренным краем. По краю накладки располагается бордюр из ложной зерни с четырьмя более большими выпуклостями, расположенными по разным сторонам накладки. Центральная часть щитка орнаментирована несоединенной линией в виде сердечка с лучами, идущими вовнутрь его (10 экз., рис. 2: 45).

Тип 4 – накладка в виде прямоугольника с вогнутыми боковыми сторонами. Центральная часть накладки украшена немного выпуклой розеткой (3 экз., рис. 2: 46, бронза).

Тип 5 – накладки-трилистники (6 экз., рис. 2: 51–52).

Подтип а – небольших размеров (1 экз., рис. 2: 51).

Подтип б – крупных размеров (5 экз., рис. 2: 52). Такие накладки использовались в поясах неволинского типа VII–VIII вв. (Голдина, Водолага, 1990, табл. LXVII–LXVIII). Это са-

мые ранние предметы с могильника.

Тип 6 – накладка в виде бантика (4 экз., рис. 2: 53).

На территории Пермского Предуралья аналогичные накладки известны из раскопок Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 46), в погребении 101 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой), в материалах Мало-Аниковского могильника.

Тип 7 – подпрямоугольная накладка с выступами в виде цветов лилии (3 экз., рис. 2: 56).

На территории Пермского Предуралья аналогичные накладки встречены на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 51). Аналогичные накладки известны на Измерском I селище и могильниках Марийского Поволжья (Казаков, 1991, рис. 44: 91; Казаков, 2000, рис. 5: 7). Подобные накладки из серебра широко встречаются в венгерских могильниках, где они использовались для оформления колчанов.

Тип 8 – неорнаментированные арочные накладки. Изготовлены из пластины с вырезом в центральной части (2 экз., рис. 2: 58–59, серебро, бронза).

Тип 9 – неорнаментированная накладка в виде трилистника (1 экз., рис. 2: 61, бронза).

На территории Пермского Предуралья аналогичная накладка известна из раскопок Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: 45).

К сожалению, практически все описанные накладки найдены на разрушенной части памятника, из-за чего становится невозможным провести реконструкцию поясов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архинов Г.А.* Марийцы в XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 1986. – 163 с.
2. Барсова гора. – Сургут, 2002.
3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
4. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1990. – 174 с.
5. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы / науч. ред. А.А. Тронин. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 215 с.
6. *Голубева Л.А.* Везь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. / отв. ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1983. – 212 с.
7. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – Казань, 1996. – 315 с.
8. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.
9. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья / отв. ред. М.Г. Иванова. – Ижевск, 1998. – 308 с.
10. *Истомина Т.В.* Комплекс погребения 37 Чептьягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992. – С. 127–136.
11. *Истомина Т.В.* Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1999. – С. 76–102.
12. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
13. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
14. *Казаков Е.П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. – СПб., 2000. – С. 87–99.
15. *Королев К.С.* Население Средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург: КНЦ УрО РАН, 1997. – 196 с.
16. *Король Г.Г.* «Хойцегорский портрет» рубежа I–II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. I. – Барнаул, 2007. – С. 81–99.
17. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1985. – 216 с.
18. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. / отв. ред. А.К. Амброз. – М.: Наука, 1981. – 164 с.
19. *Руденко К.А.* О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI–XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 148–159.
20. *Савельева Э.А.* Средневековый могильник в верховьях Выми (Коми АССР) // Уч. зап. ПГУ. № 191. (Гр. Камской археол. эксп.) – Пермь, 1968. – С. 256–268.
21. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 200 с.
22. *Савельева Э.А., Королев К.С.* По следам легендарной чуди. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. – 128 с.

23. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. – Ижевск: УдмНИИ, 1980. – С. 5–135.
24. Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: УдмНИИ, 1985. – С. 92–118.
25. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / отв. ред. М.Г. Иванова. – Ижевск, 1999. – 388 с.
26. Central Asian Art from the Museum of Indian Art, Berlin, SMPK: Catalogue. – Токуо, 1991. – 226 p., il.
27. Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. – Berlin, 1912. – 370 S., il.

Информация об авторе:

Данич Андрей Васильевич, сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

FLANGE SHEETS OF PETER BURIAL GROUND (STEPANOV'S RAFTING GROUND)

A.V. Danich

Over 600 bronze belt plates found during excavations on the medieval PETERSK (Stepanovo Plotbishche) burial ground site are for the first time introduced into scientific circulation with their description and classification provided. The resource is located on the right bank of the Kama water reservoir and is exposed to flooding and destruction. In 1997–1999 and 2001, 21 inhumation rite burials and one sacrificial complex were studied and surface finds collected. Judging by the burial rite and the artifact nature, this archaeological complex can be dated to the 9th–11th centuries.

Keywords: archaeology, the Perm Cis-Urals, the Early Middle Ages, burial ground, belt plates, typology.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy v XII–XIII vv. (K etnokul'turnoi istorii Povetluzh'ia) (Mari People in 12th–13th Centuries: on the Ethnic-Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Trufanov, A. Ya., Chemiakin, Yu. P. (eds.). 2002. *Barsova gora: 110 let arkheologicheskikh issledovaniy (Barsova Gora: 110 Years of Archaeological Studies)*. Surgut: "Barsova gora" Publ. (in Russian).
3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
4. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
5. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites at the Headstreams of the Kama River)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
6. Golubeva, L. A. 1983. *Ves' i slaviane na Belom ozere X–XIII vv. (Ves' and Slavs on Beloe Lake in 10th–13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

7. Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). 1996. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, lit-eishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan (in Russian).
8. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
9. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsya River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Istomina, T. V. 1992. In *Problemy finno-ugorskoii arkhologii Urala i Povolzh'ia (Issues of the Finno-Ugric Archaeology of Ural and Volga Regions)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 127–136 (in Russian).
11. Istomina, T. V. 1999. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy v drevnosti na Evropeiskom Severo-Vostoke (istochniki i istoriografiia) (Ethnic-Cultural Processes in Antiquity in the European North-East: Sources and Historiography)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast 16. Syktyvkar, 76–102 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Kazakov, E. P. 2000. In Kirpichnikov, A. N., Nosov, E. N., Saksa, A. I. (eds.). *Slaviane, finno-ugry, skandinavyy, volzhskie bulgary (The Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars)*. Saint Petersburg: "Vesti" Publ., 87–99 (in Russian).
15. Korolev, K. S. 1997. *Naselenie Srednei Vychehdy v drevnosti i srednevekov'e (Population of the Middle Vychehda River Basin in Antiquity and Middle Ages)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
16. Korol', G. G. 2007. In *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (The Worldview of Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospective)* I. Barnaul: "Azbuka" Publ., 81–99 (in Russian).
17. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X – XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Rudenko, K. A. 2004. In *Formirovanie, istoricheskoe vzaimodeistvie i kul'turnye svyazi finno-ugorskikh narodov (Formating, Historical Interactions and Cultural Relations of Finno-Ugric Peoples)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 148–159 (in Russian).
20. Savel'eva, E. A. 1968. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Perm State University)* 191. Series: Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University). Perm, 256–268 (in Russian).
21. Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th–14th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

22. Savel'eva, E. A., Korolev, K. S. 1990. *Po sledam legendarnoi chudi (Tracing the Legendary Chud)*. Syktyvkar: "Komi knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

23. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).

24. Semenov, V. A. 1985. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy srednevekovykh pamiatnikov Udmurtii (Materials from the Medieval Sites of Udmurtia)*. Ustinov: Udmurtian Research Institute, 92–118 (in Russian).

25. Ivanova, M. G. (ed.). 1999. *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga Region and Cis-Urals in the Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt Institute for History, Language, and Literature (in Russian).

26. *Central Asian Art from the Museum of Indian Art, Berlin, SMPK: Catalogue*. 1991. Tokyo.

27. Grünwedel, A. 1912. *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan*. Berlin: Georg Reimer.

About the Author:

Danich Andrey V. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ТУРКЕСТАНА: ИТОГИ РАСКОПОК 2011–2012 гг.

© 2013 г. Е.А. Смагулов

Представлены результаты работ Туркестанской археологической экспедиции Института археологии им. А. Маргулана на городище Ески-Туркестан в 2011–2012 гг. Городище представляет собой остатки древнего города Ясы (современный г. Туркестан, Южно-Казахстанская область). Целью раскопок было исследование ранних слоев городища, изучение древнейших этапов зарождения города, в частности, выявление застройки его древней цитадели.

Установлено, что древнейшее ядро города располагалось под холмом Культобе на восточной окраине городища. Древнейшим архитектурным объектом цитадели является крестообразная в плане постройка с мощными пахсовыми стенами, сохранившимися на высоту более 3 м и прорезанными узкими бойницами. Три помещения сообщались между собой арочными дверными проемами. Во втором строительном горизонте к этому «замку» было пристроено здание из длинных узких помещений вокруг открытого небольшого двора. В этот период по периметру цитадели возводятся мощные пахсово-сырцовые крепостные стены и частично застраивается пространство между ними и расширившимся замком. Эти два периода могут быть датированы I–III вв. н.э. Заканчивается этот этап разгромом и мощным пожаром. В слое пожара найдены многочисленные развалы керамических сосудов. Также получены отдельные уникальные находки, особенно интересны алебастровые идолы. Восстановление крепостной стены и новый этап застройки цитадели относятся к IX–X вв. В основании новой стены обнаружены горшки с жертвенной пищей, на одном из них имеется руническая надпись.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан, Туркестан, I–III вв. н.э., раннее средневековье, городище, цитадель, крестообразная постройка, крепостная стена, алебастровые идолы, керамика.

Городище Ески-Туркестан – археологический памятник средневекового города Туркестан, центра одноименного района Южно-Казахстанской области РК, имевшего в раннее время название Ясы. Этот город известен в исламском мире как место, где расположена гробница суфийского проповедника, мистика и «апостола истины», основателя одного из распространенных суфийских тарикатов Ходжа Ахмеда Ясави. Тем и приметен в настоящее время на туристической карте Казахстана. Мавзолей-ханака Ходжа Ахмеда в Туркестане, пожалуй, самый посещаемый в стране туристический объект.

Проводимые Туркестанской археологической экспедицией Института археологии им. А. Маргулана (г. Алма-Ата) раскопки ранних слоев городища Туркестан имеют целью исследование древнейших этапов зарождения города, и, в частности, выявление и изучение застройки его древней цитадели¹. Данные работы ознаменовали

¹ В исследованиях ТАЭ на городище Культобе помимо сотрудников Института археологии им. А. Маргулана принимают участие А. Ержигитова (г. Шымкент) Э.Д. Зиливинская (г. Москва), А. Торгоев (г. Санкт-Петербург), А. Сулейменова (г. Нукус). Пользуюсь случаем выразить всем коллегам искреннюю признательность за плодотворное сотрудничество.

очередной этап в накоплении новых фундаментальных данных по урбанизации региона в целом и по истории древнейших этапов возникновения и развития города Туркестан.

Для углубления историко-культурных выводов требуется решительное расширение базы фундаментальных источников, к которым относятся археологические материалы. С этой целью в 2012 г. нами были продолжены исследования древнейших слоев Туркестана, скрывающихся под холмом Культобе на восточной окраине городища. Основной целью данной статьи является публикация некоторых итогов и материалов, полученных в ходе этих работ.

В предыдущий сезон здесь была частично вскрыта застройка древней цитадели, состоявшая из комплекса оборонительных, жилых, культовых помещений (Смагулов и др., 2011, с. 61–71). В кратком изложении итоги работ сезона 2011 г. выглядят следующим образом.

Планировка. Крестовидное здание. В южной части раскопа выявлено массивное сооружение крестовидной в плане формы. Размеры «креста» 18 x 18 м, ширина «лучей» 7 м. Они ориентированы почти точно по направлению сторон света с небольшим смещением по азимуту (8°). Концы крестовины закруглены. Стены сохранились на высоту до трех метров и более. Они возведены из пахсы и сырца. Внешние стороны стен имеют небольшой положительный уклон. В этом здании открыто три помещения: центральное длинное помещение (А), ориентированное по линии В–З размером 13,7 x 2,9 м и по одному помещению, сообщающемуся с ним арочными проходами и расположенными

по обе стороны от центрального (В, С; 2,35 x 2,9 м) (рис. 1). Имеющиеся наблюдения и материалы свидетельствуют, что «крестовидная постройка» является наиболее ранней или первоначальной из вскрытых пока архитектурных сооружений, т.е. ее можно отнести к периоду 1 (СГ1) застройки древней цитадели.

Важным моментом, указывающим на назначение здания первого периода является наличие бойниц на открытых участках стен помещения А, а также в помещениях В и С (рис. 2). Бойницы щелевидные, расположены в 1 м от нижнего, вероятно, основного пола в этом помещении. Вход у них прямоугольной формы размером 35 x 10–12 см. Полик наклонный, расположен под углом 20 градусов. Выход бойниц, судя по единственной целиком расчищенной бойнице, расположенной в юго-восточном углу помещения имеет размеры 0,95–1 м.

В строительной истории помещения А можно выделить три этапа. В последнем периоде в восточной стене помещения А была устроена «катакомба». Камера, условно названная «катакомбой», имеет в плане неправильную овальную форму и вытянута по линии З–В. Вход вырублен в восточной стене помещения А со сдвигом к северу. Камера размером 3 x 1,7 м и высотой от 1,4 до 1,6 м. Стенки камеры не ровные; потолок, который местами обвалился, придана сводчатая форма. На полу камеры ничего не обнаружено.

Юго-восточное здание. С юго-восточной стороны к южному и восточному концам «крестовины» пристроен комплекс узких длинных сводчатых помещений (пом. 1а, 5, 4, 11, 12, 13) замыкающих открытый

внутренний дворик (пом. 3). Общая площадь комплекса в реконструкции не менее чем 20 x 16,5 м. Условимся называть эту часть комплекса «юго-восточным зданием». Оно пристроено к юго-восточному сектору крестовидного здания (к восточной дуге внешнего обвода пом. С и южной дуге восточного обвода пом. А, см. рис. 1). Центром планировки здания является небольшой двор (пом. 3), имеющий пятиугольную форму, в обводе трех узких сводчатых помещений (1а, 4, 5). С западной стороны его стенами являлись внешние грани стен крестовидного здания.

На внешнем фасаде восточного помещения 1а зафиксирована овальная башня (пом. 1)². Здание, безусловно спланировано и строилось одним архитектором по заданному плану. Коридоры первоначально перекрывались коробовыми цилиндрическими сводами, выведенными наклонными отрезками. Проходы первоначального здания имели полуциркульные кружальные клинчатые арки. Последние два факта свидетельствуют о весьма высоком уровне проявленного здесь строительного искусства.

Стены помещений 1а и 5 со стенами «крестовидного здания», естественно, не имеют перевязки, в то время как между собой пахсово-сырцовые стены «юго-восточного здания» перевязаны. В помещении 5 вдоль длинных стен выявлены низкие (0,3 м) суфы шириной 0,8 м с узким (0,8 м) пространством пола между

ними. В западном конце помещения на полу расчищен развал хума, на плечике которого был тамгообразный знак в виде простого креста. В ранний период помещение 5 арочным проходом в северо-восточной стене было связано с помещением 3.

В помещении 3, которое было, по всей вероятности, открытым внутренним двориком, выявлена пачка прослоек полов общей толщиной более полуметра. Пока частично зачищены три верхних слоя. На верхнем уровне глиняной обмазки обилие мелкой гальки и песка, а в полу зафиксированы идущие по кругу (диам. 3,5 м) круглые отверстия (диам. 8–12 см) глубиной 15–20 см. Отверстия заполнены преимущественно чистым речным песком. Можно предположить, что они служили для установки основных деревянных стоек некоей каркасной конструкции. При частичном снятии слоев обмазки пола получен небольшой комплекс керамики, в основном это чаши-фиалы и кувшины (рис. 3), обилие разбитых костей МРС и КРС. По мере снятия слоев обмазки пола увеличивалось и количество цилиндрических отверстий в полу. Очевидно, каждый уровень пола связан со своей системой отверстий. В галечном верхнем слое найдены две нашивавшиеся на одежду миниатюрные круглые золотые бляшки с тисненой розеткой на поверхности (рис. 4: 4).

Из этого дворика арочные проходы вели в помещения 1а, 5 и 4. В последнем был устроен пандус, который выводил на верхний уровень здания (на «второй этаж»). И оно также общалось арочным дверным проемом с помещением 1а. Из этого коридорообразного сводчатого (сохранились ряды кирпичей основания свода) по-

² Башня на всю сохранившуюся высоту была заполнена булыжником. Очевидно, что такие же башни должны быть и на внешних фасадах западного и южного коридоров, но в настоящий момент они еще не открыты.

Рис. 1. План раскопа 2 цитадели Ясы. Осень 2012 г.

мещения арочный проход первоначально вел в помещение полукруглой башни (пом. 1).

Помещение 1а (или «восточный коридор») вскрыто до уровня верхних полов, относящихся к третьему строительному периоду всего комплекса и, следовательно, ко второму строитель-

ному периоду юго-восточной пристройки. Это узкое помещение шириной 2,4 м исследовано на протяжении 8,8 м (рис. 1). Восточная, северная и южная стены сложены комбинированной техникой из пахсы и сырцового кирпича, последний имеет размеры 44–46 x 24–26 x 8 см. Толщина за-

Рис. 2. Бойницы в помещении В «крестовидного здания».

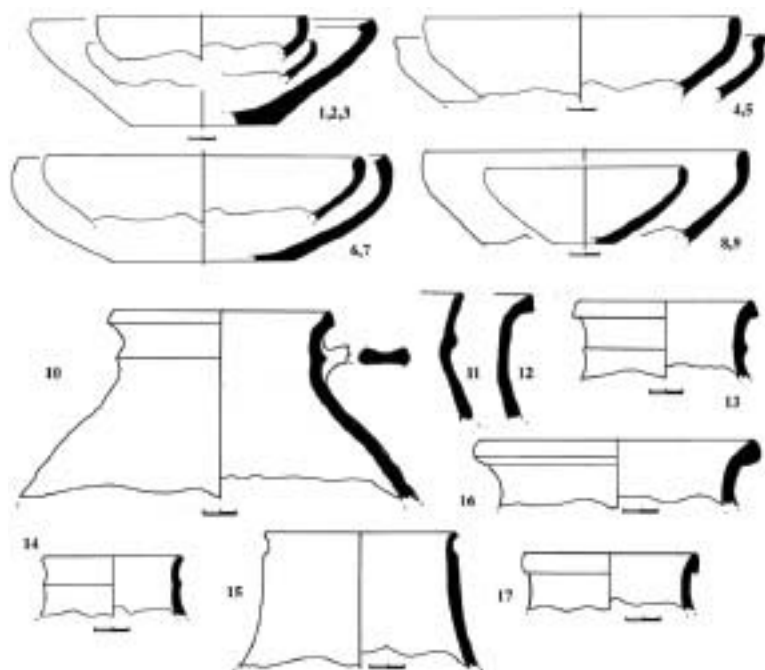

Рис. 3. Керамический комплекс с верхних полов помещения 3 (двор).

ливных пахсовых лент 17–22 см. Изначально помещение было перекрыто коробовым цилиндрическим сводом выложенным наклонными отрезками. Основание свода в виде ступенчатого карниза из двух рядов сырцового кирпича размером 26 x 16 x 8 см. Кирпичи обоих рядов выведены напуском, в результате чего карниз имеет ступенчатый профиль, выступая за линию

стены на 8 см. Такая же конструкция свода зафиксирована и в других узких помещениях.

Постройку и период существования юго-восточного здания вместе с крестообразным зданием в виде единого комплекса будем понимать как второй строительный горизонт цитадели (СГ2). Непосредственно после строительства юго-восточного здания

происходит облицовка внешней стены крестовидного здания, наиболее хорошо сохранившаяся в северо-восточном и северо-западном секторах внешнего фаса здания. Облицовка полностью скрывает бойницы, видимо, в связи с их полной ненужностью, что явно свидетельствует об изменении функционального назначения самого здания. Эта облицовка была сделана из желтоватого кирпича размером 52–54 x 27–28 x 8 см, на белесом растворе толщиной 11–18 см между рядами кирпича. По времени эта облицовка, видимо, близка к ремонту стен в помещении А второго строительного периода. О том, что эта «рубашка» была построена позже строительства юго-восточного здания, свидетельствует то, что она пристроена к торцу помещения 1а юго-восточного здания.

Имеющиеся аналогии архитектурным объектам цитадели Культобе датировали оба строительных этапа вскрытой застройки I–IV вв. При этом была отмечена уникальность сложившегося единого архитектурного комплекса из двух типов древних построек, встречавшихся обычно по отдельности (Смагулов и др., 2011, с. 61–71).

В ходе работ сезона 2012 г. почти вдвое была увеличена площадь раскопа путем прирезки участка с юго-восточной стороны, доисследовались ранее не полностью вскрытые помещения и полы, открывались некоторые арочные проемы, зондировались основания стен ранее вскрытого «крестообразного здания». При этом была обнаружена восточная крепостная стена цитадели и северный угол, который образует эта стена в 18 м к северу от северной башни юго-восточного

здания (пом. 1). В этом углу вскрыта пятикомнатная постройка, названная нами «угловой дом», пострадавшая в сильном пожаре. На полах помещений «углового дома» после пожара остался слой разнообразной битой керамической посуды и некоторые интересные находки. Начато изучение крепостных стен цитадели. Получены данные к датировке основных периодов ее строительства и ремонтов/перестроек.

«Угловой дом». Расширение раскопа в восточную сторону на 20 x 32 м выявило в 10–20 м от стен юго-восточного здания/замка внешнюю крепостную стену цитадели, идущую с юга на север. Можно предположить, что эта стена синхронна со вторым этапом застройки цитадели, во время которого и было сооружено «юго-восточное здание». В 24 м к востоку от крестообразного здания, судя по топографии, имеется угловая башня (восточная)³, от которой стена изменяет направление на западное (рис. 1). Пространство между крепостной стеной и юго-восточным зданием оказалось большей частью не застроенным по уровню выше его пола на 1,35–1,45 м. Т.е. по уровню строительного горизонта, представленного развалинами здания в восточном углу крепостных стен, или «углового здания». Здесь выявлена жилая постройка из пяти небольших прямоугольных помещений (№ 24, 25, 26, 27, 30), закончив-

³ Был ли оформлен угол крепостной стены башней, имевшей отдельную конструкцию, пока не ясно. Это только предстоит установить в следующем сезоне. Вполне вероятно, что таковой здесь и не окажется вовсе. Как показали исследования фортификации синхронного Актобе 2 Чардаринского, здесь углы крепостных стен не имели башен (Максимова и др., 1968, с. 14).

не найдено ни горсти продовольственных припасов. Но в одном из хумов в помещении 30 обнаружена небольшая бронзовая шпилька.

Само угловое помещение 26 небольших размеров: 4,7 х 1,8/2,7 м. Восточная стена помещения, являющаяся гранью крепостной стены, имеет уступ в 0,9 м примерно в средней части длины. Таким способом, видимо, добивались параллельности стен в помещении, поскольку подквадратное в плане здание встроено в тупой угол крепостных стен. В 2 м от восточного угла в стене имеется вертикальный колодец дымохода камина. Но на уровне двух вскрытых пока полов этого помещения камин не обнаружен. Похоже, этот дымоход начинается еще ниже, и таким образом он подсказывает, что в этом доме есть еще один, нижний/субстратный строительный период. Его расчистка – дело следующего сезона. Второй пол (сверху) и поверхности невысоких суф (12 см) верхнего горизонта были тщательно покрыты белой алебастровой обмазкой.

Дверным проемом с высоким порогом (0,45 м) вдоль западной стены это помещение сообщалось с помещением 24 размерами 3,5 х 2,5 м. В первом строительном периоде в помещении вдоль южной стены была высокая (0,45 м) узкая (0,8 м) суфа. Во втором периоде она была почти скрыта новым уровнем пола, на котором был сосредоточен наибольший развал сосудов и угли от сгоревших балок перекрытия (рис. 5). Уровень залегания этого пола от R_0 – 60 см.

Дверным проемом помещение 24 сообщалось с помещением 25, которое было вытянуто вдоль торцов двух помещений – № 27 и 30. Эти два помещения при одинаковой длине (4,7

м) имели различную ширину (2,15 и 2,5 м). Помещение 25, видимо, было основным жилым помещением этого дома. Именно в нем имеются на верхнем и на нижнем полу следы очагов в виде пристенного камина. Из него можно было попасть в другие помещения комплекса, к тому же вход в дом осуществлялся через дверь в южной стене этого помещения. Входной проем шириной 1,1 м имелся в середине стены. Южная, наружная стена этого дома достигала толщины 1,3 м, в то время как внутренние стены – 0,5–0,6 м. Все стены глинобитные и без штукатурки. Если восточная стена этого «углового дома» сохранилась, поскольку это и крепостная стена, на высоту более 3 м, то противоположная, западная, обращенная к юго-восточному зданию, имеет очень плохую сохранность. Она основательно разрушена более поздними мусорными ямами.

На полу помещений № 24, 25, 30 развалы керамики, внушительные залежи обломков хумов, хумчей и фляг залегают и за южной стеной, над помещениями 21 и 22. Здесь к югу пока не наблюдаются контуры стен помещений даже при тщательнейшей горизонтальной зачистке. Впечатление такое, что здесь была открытая территория двора и сюда попали обломки сосудов одномоментно и во время пожара, и разгрома в помещениях «углового дома». Т.е. уровень развала сосудов в помещениях 24–27, 30, уровень над помещениями 21, 22 и наклонный уровень далее на юг еще на 3–4 м можно хронологически объединить этим слоем обломков сосудов, среди которого найдена и целая небольшая фляга, и кувшинчик и кое-какие вещички. Правда, уровни

Рис. 6. Алебастровые и керамические идолы: 1, 2, 3 – идолы из Культобе (III–IV вв.); 4, 9 – из могильника Ворух, Фергана, II–IV вв. (по: Брыкина, 2001); 5 – могильник Ташрават, Фергана, IV–V вв. (по: Брыкина, 1987); 6 – Актобе 2, II–IV вв. (по: Максимова и др., 1968); 7, 8 – Дильбирджин, Сев. Афганистан, II–III вв. (по: Кругликова, 1977); 10, 11 – городище Сидак, VI–VII вв.; 12, 13 – городище Актобе 1, VI–X вв. (по: Максимова и др., 1968).

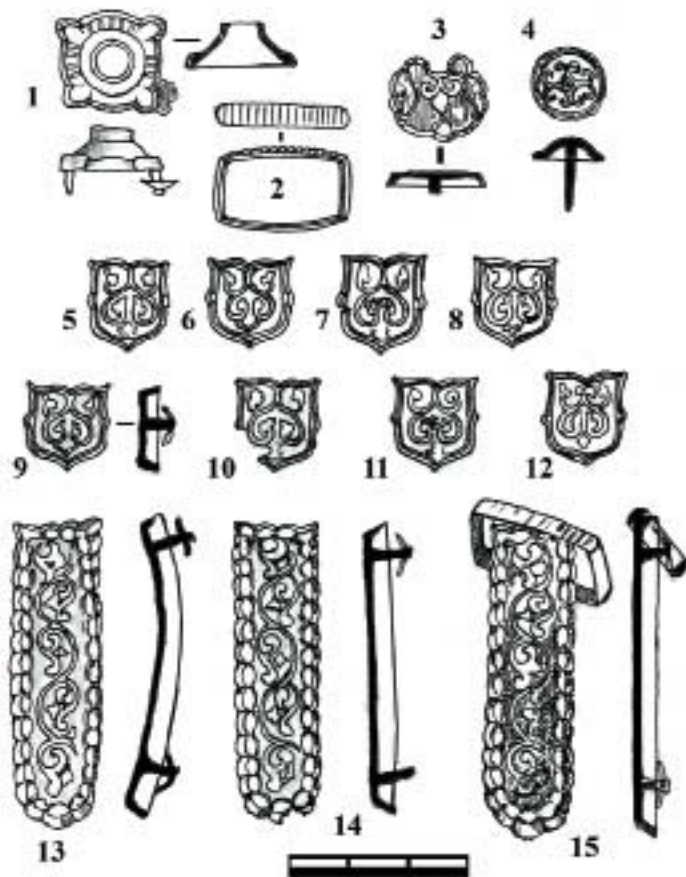

Рис. 7. Декоративные бляшки уздечки из ямы в крепостной стене.

полов в помещениях 24–25 несколько выше уровня залегания южного завала керамики, но, вероятно, здесь был рельеф с повышением к северу, туда, где была угловая башня. Кстати, на этом участке как раз на уровне, где лежал слой обломков хумов, найдена бронзовая подвеска. Она относится к весьма распространенной во времени и пространстве форме наконечников украшений. Из-за сходства с отпечатком лапки водоплавающей птицы, они так и именуются в специальной литературе – «лапчатые подвески». Широко распространены в карасукских древностях западной Сибири и широко известны в погребениях и на поселенческих памятниках Сибири вплоть до развитого средневековья (XII–XIII вв.). Естественно, бытуя столь продолжительное время и в столь обширном регионе, по форме они очень разнообразны, хотя и сохраняют ряд родовых признаков, позволяющих легко определять их среди иных форм бронзовых украшений-подвесок. Недавно опубликована целая серия морфологически разнообразных, хотя и практически синхронных форм подобных подвесок из раскопок поселения Сихиртя (XII–XIV вв.) в бухте Находки (Кардаш, 2011, с. 24, рис. 30). Подвеска из Культобе по форме ближе к аналогичным изделиям ирменской культуры поздней бронзы в Западной Сибири (Умеренкова, 2011). Только здесь в форме подвески намечается округлый средний элемент.

Наиболее интересные находки были сделаны в слое пожара, на полу с развалами керамических сосудов в помещениях 23, 25, 30. Здесь обнаружены три алебастровых идола, «алебастровое яйцо», обломок керамиче-

ского сопла и еще ряд мелких изделий из камня и керамики.

Идолы. В трех помещениях «углового дома» (№ 24, 25, 30) на полу среди обломков хумов и углей от сгоревших балок перекрытия найдены небольшие алебастровые идолы (рис. 4; 6: 1–3). Фигурки небольшие, предельно упрощенные. Похоже, что они не имеют заметных изломов, т.е. сохранились полностью.

Первая фигурка высотой 9,5 см, толщиной 3,8–4,0 см. Моделирована лишь голова и лицо на конце алебастрового стержня, приостренного с одного конца. Показан головной убор или прическа, перехваченная на лбу широкой лентой. Моделированы надбровные дуги, переходящие в прямой узкий нос. Большие миндалевидные глаза без зрачков показаны выборкой фона. В области шеи – кольцевая бороздка. Обратная сторона уплощена. Фигурка была окрашена в красный цвет. Остатки краски сохранились на щеках (рис. 4: 2; 6: 2).

Вторая фигурка 8,6 см высотой, шириной 4,1 см (рис. 4: 3; 6: 1). Половину высоты ее составляет голова, отделенная от «туловища» кольцевой бороздкой, которая заметна и на уплощенной спине. Лицо моделировано абсолютно лаконично, но при этом выразительно. Для этого понадобилось собственно три плоскости – слегка вогнутая плоскость лба и ровные плоскости щек и скул, которые под углом соединяются посередине лица. При этом образуется прямой длинный нос, а глаза даже не намечены. Этот прием моделировки лицевой части антропоморфных фигурок использован, похоже, при изготовлении керамических фигурок, найденных в склепе № 328 могильника Алтынасар

и в подбойной могиле 331 (Левина, 1996, с. 246). Керамические идолы, более примитивные и менее выразительные, были найдены, как известно, и в слоях Джетыясар 3 и Алтынасар (Левина, 1968, с. 140–168).

Третий идол несколько больших размеров найден в соседнем помещении № 27 на верхнем полу. Представляет собой овальный в сечении длинный брусок алебаstra (рис. 4: 1; 6: 3). Высота 13,5 см, средняя ширина 5,3 см, толщина 3,4 см. Фигурка целая. Со стороны спины уплощена, передняя – выпуклая. На ней верхняя половина оформлена в виде головы. На лице слабым рельефом показаны большие миндалевидные глаза, прямой длинный нос, намечены губы. Врезная тонкая линия отделяет голову от туловища. Ниже этой линии под подбородком показан некий треугольный элемент – или борода, или разрез ворота наплечной одежды. Слабым рельефом показаны надбровные дуги и резко скошенный назад лоб. При этом верх головы приобретает как бы деформированный вид. Скорее всего, фигурка имела раскраску, которой выделялись слабо-рельефные детали облика.

Помимо фигурок из алебаstra на этом же полу найдена странная поделка из того же материала – алебаstra, но в виде удлиненного яйца; поверхность заглажена и, похоже, была окрашена в красно-коричневый цвет. Длина ее 11,5 см, наибольший диаметр посередине 4,6 см. Весьма соблазнительно трактовать эту находку как заготовку для изготовления вышеописанных идолов, чему она соответствует своими размерами, формой и материалом.

Культобинские идолы выглядят художественно маловыразительными с

предельно обобщенными деталями, черты лиц как бы стерты или сглажены, окраска почти исчезла, сохранилась лишь в виде едва заметных намеков. Это явление, помимо того, что изначально могла быть такая художественная традиция, может иметь другое объяснение. Фигурки эти выполнены из алебаstra, это вещество еще называли «меловым камнем». У этого материала под воздействием влаги поверхностный слой имеет свойство разрушаться, превращаясь в белый осыпавшийся порошок. На это явление обратил внимание еще Н. Веселовский на заре сарматской археологии, когда впервые нашел такие алебастровые фигурки под одним из курганов на юге России (Веселовский, 1910а, с. 1–11; Городцов, 1910, с. 90–91; Веселовский, 1910б, с. 98–102).

Как показывают находки, важным средством выразительности у этих фигурок была раскраска. Мелкие детали облика – черты лица, элементы одежды пр., вероятно, изображались рисунком на белой поверхности. Этот художественный прием широко применялся в оформлении алебастровых скульптур, а терракотовые скульптурки иногда специально покрывались слоем алебаstra. Например, кайрагачские терракотовые идолы для усиления эффекта полихромных красок на белом фоне специально покрывались слоем белой алебастровой обмазки, и таких слоев могло быть несколько (Брыкина, 1982, с. 90).

Подобные находки идолов вполне ожидаемы в «доисламских слоях» присырдарьинских поселений. Локализация идолов из ранних памятников Средней Азии, проведенная в обзоре Г.А. Брыкиной в связи с публикацией уникального культового комплекса

из Кайрагача (Фергана), показал, что именно в присырдарьинском регионе наиболее часто встречаются такие антропоморфные фигурки (Брыкина, 1982, с. 96, рис. 63). Их керамические подобия встречены в нижних слоях джетысарских крепостей на древних нижних руслах Сырдарьи (Левина, 1968, с. 140–168). Территориально нам ближе находки с городищ Актобе I и Актобе II на Чардаре. При раскопках здесь найдены три фигурки. Фигурка с Актобе 2 Чардаринского хронологически наиболее близка культуобинским «алебастровым статуэткам». Но она представляет образ сидящего персонажа и, к сожалению, в публикации не указано ее стратиграфическое положение. Авторы определили фигурку как изображение женщины, а на рисунке для убедительности такой трактовки полукруглыми скобками даже показана грудь «женского божества местного пантеона». При этом исследователи отметили уникальность данной находки среди подобных фигурок (Максимова и др., 1968, с. 71). Две другие фигурки найдены при раскопках на соседнем городище Актобе I, и их стратиграфическое положение достаточно определено. Это раннесредневековые слои и даже слой IX–X вв. По мнению авторов, распространение алебастровых идолов в памятниках с хронологическим диапазоном в тысячу лет «говорит о длительном почитании божества». Находки идолов даже в слоях IX–XI вв., т.е. спустя два–три столетия после арабского завоевания, проникновения и распространения здесь ислама, указывают на живучесть этого культа (Максимова и др., 1968, с. 146). Станным образом эти фигурки из поздних слоев Актобе I

иконографический наиболее близки культуобинским (рис. 6: 6, 12, 13).

При публикации первых же находок «алебастровых идолов» в Средней Азии, авторы отмечали их сходство с изделиями, известными по раскопкам курганов и поселений в Северном Причерноморье и на северном Кавказе (Литвинский, 1961, с. 71–72; Баруздин, Брыкина, 1962, с. 27). Как и на северо-востоке Средней Азии, в этих регионах в первые века н.э. происходит активное оседание полукочевых племен «сарматского круга». Прежнее местное население подвергается «сарматизации» и в этих регионах, естественно, происходят схожие историко-культурные процессы. Очевидно, что сохраняет свою актуальность вывод И.Т. Кругликовой о том, что «общие черты в материальной культуре населения этих отдаленных территорий (Северного Причерноморья и ряда районов Азии) прослеживаются в первые века н.э. в распространении, кроме идолоподобных статуэток, также и краснолощеной керамики, сосудов с зооморфными ручками, тамгообразных знаков, статуэток всадников и ряда других элементов. Но этот вопрос еще ждет серьезного исследования» (Кругликова, 1977, с. 91).

Обзор находок подобных идолов в Средней Азии, предпринятый в свое время Г.А. Брыкиной, избавляет нас от необходимости повторного описания историко-этнографического и культового контекста бытования этих фигурок (Брыкина, 1982, с. 88–114; Брыкина, 1987, с. 25). Отметим лишь, что все случаи употребления их в присырдарьинском регионе можно интерпретировать как проявления культа предков. Хронологически синхронными культуобинским следует признать

статуэтки из Дильберджина, даже при их очевидном стилистическом различии (Кругликова, 1977, с. 87–91).

Исследователями отмечалась редкость подобных находок в Средней Азии гунно-сарматского времени и их недостаточность для сколько-нибудь надежных аналитических выводов. Однако количество фигурок идолов в археологических коллекциях все увеличивается, и даже беглый обзор далеко не полной выборки со всей очевидностью показывает исключительную вариативность этой категории местной мелкой пластики (рис. 6). Вероятно, что со временем культобинские находки займут свое место в группе самых простых по форме алебастровых идолов без выделенных конечностей.

Пока же, несмотря на плохую сохранность тонких деталей облика статуэток, можно констатировать, что прообразом фигурок служил антропологический тип с прямым крупным носом, большими миндалевидными выпуклыми глазами, скошенным назад лбом и вытянутым вверх-назад черепом.

Из других находок на верхнем полу помещения 25 среди обломков керамики отметим небольшую прямоугольную керамическую двухчастную коробочку высотой 3 см, размерами 5 x 3 см; каменный сурматаш длиной 16 см; круглую каменную миниатюрную чашечку диаметром 8 см и большой фрагмент керамического сопла для мехов, используемых в металлоплавильных горнах.

Среди керамических сосудов, собранных на полах «углового дома», абсолютно преобладают сосуды, изготовленные ленточной технологией, покрытые цветными ангобами (бе-

жевый, желтый, красно-коричневый, черный). В комплексе многочисленными обломками представлены, помимо хумов и хумчей, крупные кувшины с трубчатым носиком-сливом, широкогорлые кувшины средних размеров, двуручные горшки, кружки различных форм, миски разных размеров и фляги. В целом данный керамический комплекс подобен керамике второго этапа каунчинской и оттарско-каратауской культуры (по Л.М. Левиной) из памятников средней и нижней Сырдарьи, Ферганы и других районов северо-востока Средней Азии (Левина, 1971). Традиционно основная масса этих памятников датируется довольно широко, приблизительно в пределах I–IV вв. н.э.

Комплекс керамики, полученный из слоя пожара «углового дома» полностью аналогичен, например, керамике из городища Актобе 2 Чардарьинское. Этот памятник интерпретирован как однослойный и период его существования определен в пределах I–III вв. н.э., а время гибели отнесено к началу IV в. (Максимова и др., 1968, с. 20, 70).

Своим западным углом это здание пристроено к восточному углу помещений 11–13 юго-восточного здания. Хотя уровни его полов на 1,3–1,5 м выше уровня верхних полов помещений юго-восточного здания, и на 1,6–1,75 м выше полов в помещениях крестообразной постройки, мы все же можем синхронизировать «угловой дом» с юго-восточным зданием и отнести случившийся здесь пожар не позже чем к началу IV в. н.э.

Крепостная стена цитадели.

Как отмечалось выше, расширение раскопа 2 в восточном направлении привело к вскрытию участка «восточной крепостной стены цитадели» дли-

ной в 26 м. Для выявления структуры был предпринят ее разрез шириной 1 м. Установлено, что древняя крепостная стена цитадели имеет толщину до 3,2–3,8 м и несколько ремонтных прикладов. Возведена она из пахсы с прослойками из сырцового кирпича. Т.е. по структуре древняя крепостная стена подобна стенам юго-восточного здания, где так же применена кладка тонкими слоями пахсы с сырцовыми прослойками. Слои пахсы в крепостной стене 25–26 см толщиной и один слой сырцов толщиной 8–9 см. Размеры сырцовых кирпичей 50–52 x 38 x 6–7 см. Выявленная пока высота стены до 3,0–2,5 м. В IX в. она, судя по всему, уже была частично застроена. Обнаружены две впущенные в ее тело мусорные ямы. В одной из них (№ 3/12) помимо комплекса керамики, найден неполный комплект бронзовых накладок конской уздечки⁴, которые датируются по сибирским и европейским аналогиям IX–X вв.

Неполный комплект состоит из восьми коротких накладок (рис. 7: 5–12), трех наконечников или накладок, близких им по форме (рис. 7: 13, 14, 15), прямоугольных обоймиц, одной мелкой накладки округлой формы, украшенной орнаментом в виде креста с раздвоенными концами, закрученными в волюты на 3/4 оборота (рис. 7: 4), накладки, формой напоминающей сердцевидные, а также наносного султанчика (рис. 7: 1). Последний представляет собой очень короткую трубку и короткий же раструб на квадратном основании с выступами на углах.

Короткие накладки с крыловидным вырезом сверху и плавным под-

треугольным окончанием украшены растительным орнаментом в виде изображения древовидного побега со сходящимися наверху ветвями, который образует сердцевидную фигуру. Несколько выше центрального ствола, от боков сердцевидной фигуры отходят по волоте оканчивающейся двухчастной полупальметтой.

Все бронзовые детали набора литые, крепились к кожаной основе с помощью шпеньков и обоймиц. В момент попадания в бадраб детали были закреплены на кожаной основе (на это указывают расклепанные шпеньки с шайбочками). Набор явно служил для украшения оголовья верховой лошади.

Подобные типы уздечных украшений широко представлены на городищах Чуйской долины, где датируются в рамках второй половины IX–X вв. (Торгоев, 2011, с. 73). В качестве наиболее близкой аналогии всему комплексу можно привести детали уздечного набора из насыпи кургана 6 могильника Гилево IX на северо-восточном Алтае (Могильников, 2002, рис. 69). Дата комплекса на основании аналогий не может ранее середины IX в., когда такие украшения появляются у кочевников кимакского объединения и соседних кочевых племен. Бытуют такие украшения весь X в. В классификации Т.Г. Горбуновой аналогичные формы наконечников уздечных ремней отнесены к X в. (Горбунова, 2003).

Помимо деталей уздечного набора, из бадраба происходит и керамический комплекс, состоящий из фрагментов двуручных горшков, кувшинов с ручкой, тагора, миски. Из всего комплекса посуды выделяется крупная археологически целая светлоглиняная миска с фестончатым краем,

⁴ Определение и описание уздечных накладок принадлежит А. Торгоеву.

изготовленная на гончарном круге. Миски большого диаметра с крупными фестонами типичны для керамики Согда, но они появляются позже, чем кружки и чаши с фестончатым венчиком. Наиболее ранний образец подобной миски встречен в керамическом комплексе с полов аптеки в Пайкенде. Весь комплекс на основании арабской надписи на черепке, содержащей дату – 30 июня 790 г., может быть датирован самым концом VIII в. (Мухамеджанов и др., 1988, с. 61, рис. 5). В Пайкенде подобные миски встречаются в основном в керамических комплексах IX – начала X вв. (Семенов и др., 2000, рис. 111-1; Семенов и др., 2002, рис. 35).

Таким образом, дата прямых аналогий этой керамической чаше не противоречит дате, полученной по металлическим украшениям уздечки, и весь комплекс керамики из этого бадраба может быть датирован в рамках второй половины IX – X вв.

Логично предположить на этом основании, что жилые постройки IX–X вв. располагались на всей пахсо-сырцово-платформе, в которую были «утоплены» ранние постройки древней цитадели, включая древнюю крепостную стену, «угловое здание», юго-восточное и крестообразное строение. Они, естественно, образовывали в стратиграфии Культобе отдельный строительный горизонт, но от него на этом месте сохранились лишь заполнения мусорных ям. В них помимо двух интересных масляных курильниц – одной в виде керамического сапожка, другой – цилиндрической с изображениями каких-то странных животных или птиц, – обнаружен небольшой комплекс глазурованной керамики X в. (Смагулов и др., 2011,

рис. 2, 3). Т.е., мусорные ямы-бадрабы, скорее всего, были устроены на стене во второй половине IX в., и этим временем (или же началом X в.) мы можем датировать капитальную реконструкцию фортификации цитадели Ясы. Древняя стена, похоже, в это время частично срубается. Ее обломки идут на забутовку прилегающих строений. Поверхность стены с забутованными окрестными постройками становится платформой, на которой, немногим отступя на восток, возводится новая средневековая кирпичная стена. Ее толщина была около 2,6 м и отстояла она от древней стены на 2,0–2,4 м. При этом в ее основание устанавливаются керамические горшки с жертвенной пищей, подношением неким духам/богам. Два таких керамических горшка, явно содержавшие какую-то жертвенную ритуальную пищу в виде «строительной жертвы», найдены нами на уровне +07 и +22 см от R_0 .

На одном из них имеется руническая надпись (рис. 8: 1, 3). Сосуд довольно вместительный. Его высота 23 см, диаметр венчика 18 см. В него помещается ровно 7 литров воды. Две небольшие пластинчатые ручки (шириной 2,5 см) прикреплены к плечикам сосуда. Верхняя часть горшка, очевидно, сформована на гончарном круге, а нижняя, донная его часть – на подставке. Размашистая надпись размещена от венчика сосуда к донцу, т.е. вертикально направленными строками, и нанесена еще до обжига по сырому тулову. Выше двух хорошо сохранившихся строк и ранее их была еще одна короткая строка худшей сохранности. Т.е. мы имеем трехстрочную надпись, состоящую более чем из двух десятков рунических знаков.

Рис. 8. Керамические горшки из средневековой стены цитадели (1, 2) и прорисовка рунической надписи на горшке 1 (3).

По заключению И.Л. Кызласова, надпись относится к так называемому «ачикташскому письму» и может быть датирована IX в. Письменность на основе «ачикташского алфавита» пока остается загадкой для специалистов и не дешифрована⁵. Однако появившиеся в последнее время находки образцов ее в слоях городищ свидетельствует о возможной связи их с огузским населением присырдаринских городов. При этом известный тюрколог подчеркивает, что ачикташская руническая письменность принадлежит к западной ветви рунического письма – к так

называемой «евроазиатской группе», имевшей совершенно самостоятельное происхождение, не зависевшее от орхонского, енисейского или таласского алфавитов.

Найденные на Культобе горшок с рунической надписью на боку мог быть частью строительного ритуального жертвоприношения, сделанного при сооружении или ремонте крепостной стены цитадели Ясы/Туркестан. Горшок найден совершенно пустым и вертикально стоящим в массе строительной пахсы в основании крепостной стены. Даже обычных в таких случаях натеков на дне не было, но ясно, что изначально он содержал какую-то пищу (молоко, кашу?), которая, естественно, совершенно истлела, так же

⁵ Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность И.Л. Кызласову за ценные консультации.

как и органическая крышка (материя, кожа?), закрывавшая его устье.

По археологическим и этнографическим данным известны свидетельства о древних и традиционных строительных жертвах (Байбурин, 1979, с. 53–65; Курбатов, 2011, с. 202–219). Как показывают исследования, в качестве строительных жертв могли выступать самые различные предметы. Часто в этой роли выступают и жертвенные горшки с обрядовой пищей.

Косвенным подтверждением такой трактовки явилась находка, буквально в метре от горшка с надписью и практически на том же уровне другого керамического горшочка, закрытого вместо крышки плоским круглым камнем (рис. 8: 2). Сосуд гончарного изготовления, не новый, а даже треснувший и отремонтированный посредством сыромятных стяжек через маленькие отверстия вдоль трещины. По верхней части плечиков расположен поясок с волнистой линией. На дне оказался слой пылевидного грунта, который взят на анализ. Размеры: высота 17 см, наружный диаметр венчика 12 см, диаметр дна 11 см.

К тому же, по мнению И.Л. Кызласова, ныне известные рунические надписи Казахстана и Кыргызстана в большинстве своем имели культовое назначение. Так, наскальные письмена, выполненные таласской письменностью IX–X вв., отражают воздействие сибирско-тюркского манихейства и воздействие связанного с

ним енисейского алфавита. Весьма вероятно, что влияние енисейской письменности, отмечаемое в надписях на сосудах из присырдарьинских городов, как и появление прежде не свойственных для ачикташского письма наскальных надписей (Тозбулак, А2 и Кемер, А5) также может быть связано с распространением манихейства, идущем уже из сибирско-тюркских религиозных центров, применявших руны в качестве сакральной письменности (Кызласов, 2005а, с. 46–55; 2005б, с. 54–67; 2010, с. 345–346).

Таким образом, получаемые при исследовании древнейших слоев Туркестана новые материалы уже вносят много нового в понимание процессов урбанизации в регионе в целом, и в древнюю историю Туркестана, в частности. Например, по двум независимым датам (узденная гарнитура и руническая надпись) мы можем теперь датировать IX веком время масштабной реконструкции фортификационной системы цитадели города Ясы.

Археологические исследования Культобе в Туркестане обнаружили и частично вскрыли уникальный для региона архитектурный комплекс застройки древней цитадели. Имеющиеся материалы позволяют отнести время ее строительства к первым векам новой эры, что вносит значительные коррективы в имеющиеся реконструкции ранних этапов истории города Туркестан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А.К. «Строительная жертва» и связанные с ней ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. – Л., 1979.
2. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Лялака. – Фрунзе, 1962.

3. *Брыкина Г.А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. – М., 1982.
4. *Брыкина Г.А.* Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987.
5. *Веселовский Н.* Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // Известия ИАК. Вып. 35. – СПб., 1910а.
6. *Веселовский Н.* По поводу ответа В.А. Городцова // Известия ИАК. Вып. 37. – СПб., 1910б.
7. *Горбунова Т.Г.* Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) // Древности Алтая. Вып. 11. – Барнаул, 2003.
8. *Городцов В.А.* Бахмутинская «миниатюрная каменная баба» (ответ проф. Н.И. Веселовскому) // Известия ИАК. Вып. 37. – СПб., 1910.
9. *Кардаш О.В.* Городок Сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). – Екатеринбург, 2011.
10. *Кругликова И.Т.* Идолы из Дильберджина // История и культура античного мира. – М., 1977.
11. *Курбатов А.В.* Строительные жертвы в ранней Ладогe и традиция «прикладов» в Восточной Европе и Сибири (средневековье и новое время) // Записки ИИМК РАН. Вып. 6. – СПб., 2011.
12. *Кызласов И.Л.* Таласские наскальные надписи // РА. – 2005а. – № 2.
13. *Кызласов И.Л.* Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек, 2005б.
14. *Кызласов И.Л.* Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы, 2010.
15. *Левина Л.М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.
16. *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1971.
17. *Левина Л.М.* Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: Восточная литература, 1996.
18. *Литвинский Б.А.* Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. // Тр. Ин-та истории АН Тадж. ССР. – 1961. – Т. 27.
19. *Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968.
20. *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002.
21. *Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. – Ташкент, 1988.
22. *Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К.* Раскопки в Пайкенде в 1999 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 1. – СПб., 2000.
23. *Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Бехтер А.В., Адылов Ш.Т., Малкиель И.К., Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И.* Раскопки в Пайкенде в 2001 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 3. – СПб., 2002.
24. *Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И.* Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // Материалы междунаро. науч. конф.

«Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвящ. 20-летию независимости республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. III. – Алматы, 2011.

25. Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII вв. (вопросы хронологии) // Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Библиотека ГЭ. – СПб., 2011.

26. Умеренкова О.В. Украшения эпохи бронзы западной Сибири (археологический и исторический аспекты). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2011.

Информация об авторе:

Смагулов Ербулат Акижанович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); az_sultan2015@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE ANCIENT TURKESTAN: RESULTS OF 2011–2012

E.A. Smagulov

The results of the 2011–12 excavations on the Eski-Turkestan site conducted by the Turkestani archaeological expedition (Institute of archaeology named after A. Margulan) are presented. The site contains the remains of the ancient town of Yasy (modern town of Turkestan, South Kazakhstan oblast). The aim of the excavations was to study the earliest layers of the settlement, the primary stages of the city formation, and to identify construction elements of the ancient citadel in particular. It has been established that the most ancient nucleus of the city was located under Kultobe hill on the eastern edge of the settlement. The oldest architectural object of the citadel is a cruciform construction with powerful rammed clay defensive walls having narrow loopholes, preserved to a height of over 3 m. The three rooms were connected by arched doorways. In the second construction horizon, a building with long narrow rooms around a small open courtyard had been added to this “castle”. During this period, around the perimeter of the citadel powerful rammed clay and mud-brick defensive walls had been erected, with the space between them and the extended castle being just partially built up. These two periods can be dated to the 1st–3rd centuries AD. This stage comes to an end with defeat and a fire. In the fire layer, numerous ceramic vessels in disassembling have been found. Individual unique finds have been made, and alabaster idols are of special interest. The restoration of the fortification wall and a new stage of the citadel development refer to the 9th–11th centuries. At the base of the new wall, pots with sacrificial food have been discovered, one of them bearing a runic inscription.

Keywords: archaeology, South Kazakhstan, Turkestan, 1st–3rd centuries AD, the Early Middle Ages, ancient settlement site, citadel, cruciform construction, defensive wall, alabaster idols, pottery.

REFERENCES

1. Baiburin, A. K. 1979. In *Problemy slavianskoi etnografii: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia chl.-kor. AN SSSR D. K. Zelenina (Problems of Slavic Ethnography: to the Anniversary of 100 Years from the Birth of D.K. Zelenin, Corresponding Member of AN SSSR)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 155–162 (in Russian).

2. Baruzdin, Yu. D., Brykina, G. A. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki Batkena i Lialaka (Archaeological Sites of Batken and Lyalak)*. Frunze (in Russian).
3. Brykina, G. A. 1982. *Iugo-Zapadnaia Fergana v pervoi polovine I tysiacheletii nashei ery (South-Western Fergana in 1st Half of the First Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Brykina, G. A. 1987. In *Proshloe Srednei Azii (The Past of Central Asia)*. Dushanbe: "Donish" Publ., 52-58 (in Russian).
5. Veselovskii, N. I. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 35. Saint Petersburg (in Russian).
6. Veselovskii, N. I. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 37. Saint Petersburg, 98–102 (in Russian).
7. Gorbunova, T. G. 2003. In *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of Altai: Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 11. Gorno-Altaysk, 112–123 (in Russian).
8. Gorodtsov, V. A. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 37. Saint Petersburg, 89–97 (in Russian).
9. Kardash, O. V. 2011. *Gorodok Sikhirtia v Bukhte Nakhodka (pervye rezul'taty issledovaniia) (Hillfort of Sikhirtia of the Nakhodka Bight. The First Research Results)*. Yekaterinburg; Nefteiugansk: "AMB" Publ. (in Russian).
10. Kruglikova, I. T. 1977. In Kobylina, M. M. (ed.). *Istoriia i kul'tura antichnogo mira (History and Culture of Ancient World)*. Moscow: "Nauka" Publ., 87–91 (in Russian).
11. Kurbatov, A. V. 2011. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Transactions of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 6. Saint Petersburg, 212-222 (in Russian).
12. Kyzlasov, I. L. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 46–55 (in Russian).
13. Kyzlasov, I. L. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana (Materials and Studies on the Archaeology of Kyrgyzstan)* 1. Bishkek, 54–67 (in Russian).
14. Kyzlasov, I. L. 2010. In Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T., Masanova, L. E. (eds.). *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana (The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan)*. Almaty: "Print-S" Publ., 345–347 (in Russian).
15. Levina, L. M. 1968. In Vinogradov, A. V., Vorob'eva, M. G., Zhdanko, T. A., Itina, M. A., Levina, L. M., Rapoport, Yu. A. (eds.). *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 167–178 (in Russian).
16. Levina, L. M. 1971. *Keramika nizhnei i srednei Syrdar'ii v I tys. n.e. (Ceramics of the Lower and Middle Course of Syrdarya in I Millennium AD)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition) 7. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region: I Millennium BC — I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
18. Litvinskii, B. A. 1961. In *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikestane (Archaeological Investigations in Tajikistan)* VI = *Trudy Instituta istorii AN Tadzhikskoi SSR im. A. Donisha (Proceedings of the Institute of History named after A. Donish, Academy of Sciences of Tajik SSR)* 27. Stalinabad, 73–74 (in Russian).
19. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary. Arkheologicheskie issledovaniia v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha (Antiquities of Chardara: Archaeological Investigations in the Chardara Water Reservoir Area)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Mogil'nikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Mukhamedzhanov, A. R., Mirzaakhmedov, D. K., Adylov, Sh. T., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishche Paikend. K probleme izucheniia srednevekovogo goroda Srednei Azii (Paikend Fortified Site: on Studying Central Asian Medieval Town)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
22. Semenov, G. L., Mirzaakhmedov, D. K. 2000. In *Materialy Bukharskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Bukhara Archaeological Expedition)* 1. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).
23. Semenov, G. L., Mirzaakhmedov, D. K., Bekhter, A. V., Adylov, Sh. T., Malkiel', I. K., Saparov, N. Zh., Torgoev, A. I. 2002. In *Materialy Bukharskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Bukhara Archaeological Expedition)* 3. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).
24. Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Torgoev, A. I. 2011. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* III. Almaty: "Hikari" Publ., 61–71 (in Russian).
25. Torgoev, A. I. 2011. *Remennye ukrasheniia Semirech'ia V – nachala XIII vv. (voprosy khronologii) (Belt Decorations of Semirechye, 5th — Early 13th Centuries: Issues of Chronology)*. PhD Diss. (manuscript). Saint Petersburg: Biblioteka GE (in Russian).
26. Umerenkova, O. V. 2011. *Ukrasheniia epokhi bronzy zapadnoi Sibiri (arkheologicheskii i istoricheskii aspekty) (Bronze Age Decorations of Western Siberia: Archaeological and Historical Aspects)*. PhD Thesis. Kemerovo (in Russian).

About the Author:

Smagulov Yerbulat A. Candidate of Historical Sciences, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; az_sultan2015@mail.ru

**ЭТАПЫ МЕДНОГО МОНЕТНОГО
ОБРАЩЕНИЯ В БУЛГАРСКОМ ВИЛАЙАТЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIV вв.)**

© 2013 г. А.И. Бугарчёв, П.Н. Петров

В статье исследуются этапы чеканки и обращения медных монет в Булгарском вилайате второй половины XIII – первой трети XIV вв. Представлен каталог всех известных на сегодняшний день типов медных монет, чеканенных в период 1266–1340 гг. на булгарском монетном дворе. На основании косвенных данных предложена датировка четырех типов медных монет. Обнаружен длительный период (~60 лет) в конце XIII – начале XIV в., в течение которого пулы не чеканились и не обращались в Булгарском вилайате. Таким образом, наблюдается временная смена биметаллического обращения (серебро и медь) на монометаллическое (серебро), а затем возвращение к биметаллическому (серебро и медь). Возобновление чеканки пулов в XIV в. связывается авторами с реформой Узбек-хана в Булгарском вилайате.

Ключевые слова: археология, Булгар, XIII–XIV вв., нумизматика, монетное обращение, пулы, денежная реформа, хан Узбек.

Монетное обращение может быть монометаллическим, биметаллическим и т.д. Поэтому для полной характеристики монетного обращения в рассматриваемый период необходимо изучить нумизматический материал из всех монетных металлов. Некоторые вопросы серебряного обращения и монетного дела в Булгарском вилайате конца XIII – первой трети XIV вв. авторами изучались ранее (Петров, Бугарчев, 2012а; 2012б). Вопросы же обращения чеканной меди пока не освещались, и должная научная оценка их особенностей в Булгарском вилайате до настоящего времени не дана. Наблюдение за изменениями монетной массы позволяет обнаружить смену биметаллического обращения (серебро и медь) на монометаллическое (серебро), а затем возвращение к биметаллическому (серебро и медь). Периоды отсутствия следов обращения медных пулов в конкретном регионе Золотой Орды могут быть объяснены

исключительно проведением властями местной денежной политики, результаты которой прослеживаются по особенностям состава монетной массы. Фиксации и изучению феномена смены денежной политики в области медного монетного обращения посвящена настоящая статья.

В данной работе изучению будут подвергнуты те медные золотоордынские выпуски, которые осуществлялись на монетных дворах Булгара¹ не ранее времени прихода к власти первого хана – Менгу-Тимура (665/1266–1267 г). Составим каталог всех известных нам на сегодняшний день типов²

¹ Поскольку не все монеты изучаемого периода несут на себе название монетного двора *Булгар* (есть без указания названия), и мы не знаем, сколько монетных дворов чеканило медные пулы в Булгарском вилайате, то предполагаем, что таких монетных производств могло быть несколько.

² За критерии типа нами приняты виды картушей и их сочетание на каждой сто-

медных монет, чеканенных в период 665–740/1266–1340 гг. на булгарском монетном дворе.

Каталог типов медных монет Булгарского чекана

I. Булгар. Ан-Насир..., без года. Фототабл. 1/1.

Л.с. В шестиугольном картуше, составленном из двойных вогнутых дуг – надпись в две строки – *Ан-Насир/ ...* (вторая строка не прочтена), в нижней половине поля – наследная тамга Менгу-Тимура (далее по тексту – тамга Менгу-Тимура), переключина справа. Вторая строка лицевой стороны искажена. Читается однозначно только имя *Ан-Насир*.

О.с. В таком же фигурном картуше – надпись в две строки: *Чекан/ Булгара*.

Возможно, это редукция известной надписи, однако, прочесть ее непосредственно как *ли-Дин Аллах* не представляется возможным. По крайней мере, при публикации серебряного аналога этой монеты Х.М. Френ предложил следующее прочтение: *Ан-Насир ли-Дин Аллах* (Fraehn, 1826, р. 402, № СССХХХІІІ; Френ, 1832, № 23). Под номером СССХХХІV была приведена подобная медная монета. Вслед за академиком такую интерпретацию легенды дали несколько исследователей (см.: Лихачев, лист 4, №№ 8 и 9; Федоров-Давыдов, 1987, №№ 41–42; Сингатуллина, 2003, №№ 64–65).

роне монеты, а также композиционное расположение надписей. Изменение вида картуша или иная компоновка надписи хотя бы на одной стороне монеты является основанием отнесения этой монеты к новому типу. Критерием варианта является изменение места расположения слов в легенде и изменение содержания легенды даже на одной стороне монеты при сохранении типологических признаков.

Френ, 1832, № 23; Beresine, 1855, № 215, № 3875; Лихачев, лист 4, №№ 8 и 9; Федоров-Давыдов, 1987, № 42; Мухамадиев, 1983, с. 61; Сингатуллина, 2003, № 65; Z/№ 6185.

II. Анонимный, без места и года чекана. Фототабл. 1/А.

Л.с. В поле сложного картуша (точечный или линейный треугольник вписан в точечный круговой ободок) – тамга Менгу-Тимура (переключина ставилась как на левой, так и на правой ножке тамги).

О.с. Надпись в две или три строки – *Кутлуг/ болсун/ ...*

Вариант 1. Картуш Л.с. – треугольник из точек (особенность только этого варианта) или сплошной линии. Тамга имеет переключину только у правой ножки. Справа и слева у основания тамги по группе из трех точек. На О.с. надпись составлена в три строки – *кутлуг / болсун / ...*

Две первые строчки Х.М. Френ перевел так – *в добрый час*, В.К. Трутовский – *Бог в помощь*, А.Г. Мухамадиев предложил перевод – *на счастье*. Третья строка до сих пор не имеет удовлетворительного перевода. С.А. Янина прочитала два слова – *йанги пул – новый пул* (Янина, 1954, № 14), Н.Ф. Катанов перевел всю надпись следующим образом – *Да будет счастлив дворец* (Катанов, 1896, с. 9, № 6), С.А. Бурковский предположил, что здесь приведено архаичное написание монетного двора – *«Булгар»* (Бурковский, 2009, с. 8–9). Представляется, что здесь написано что-то иное. Данный вариант пула отмечен и в рукописи А.Ф. Лихачева (Лихачев, лист 23, № 104).

Вариант 2. На Л.с. тамга с переключиной только у левой ножки. У основания тамги также две группы

из трех точек. На О.с. в две строки надпись *кутлуг / болсун*, а под второй строкой – три точки треугольником.

Вариант 3. Тамга с перекладиной у правой или левой ножки. На О.с. надпись в три строки: *кутлуг / болсу / н*.

Существуют разновидности: а) без точек на Л.с.; б) точка над головкой тамги и по три точки справа и слева от основания тамги; в) по одной точке в каждом углу треугольника.

Вариант 4. Тамга с перекладиной у правой или левой ножки, а у основания тамги справа и слева – по три точки. На О.с. надпись выполнена в две строки, но зеркально.

Вариант упомянут А.Ф. Лихачевым – (Лихачев, лист 23, № 104 в).

Вариант 5. Тамга с перекладиной только у левой ножки, а у основания слева и справа по три точки. На О.с. надпись расположена зеркально в три строки следующим образом – *тлуг / ку / болсун (!)*.

Вариант 6. Тамга с перекладиной только у правой ножки. Снаружи треугольного картуша в трех «сегментах» – по три точки в линию.

Надпись на О.с. написана в две строки справа налево – *кутлуг / болсун* или *болсун / кутлуг*.

Вариант отмечен А.Ф. Лихачевым – (Лихачев, лист 23, № 104 а).

Френ, 1832, № 381; Beresine, 1855, №№ 3746–3829; Трутовский, 1886, №№ 1022–1025; Лихачев, лист 23–24, № 104 а-с; Марков, 1896, №№ 1628–1630; Катанов, 1896, № 6; Шерцль, 1912, № 6876; Янина, 1954, № 14; Сингатуллина, 2003, № 91; Пырсов, 2002, № 32, Бурковский, 2009, с. 5–64.

III. Булгар. Анонимный, 732, 734 и 736 год. Фототабл. 1/2-5.

Л.с. Картуш – пятиугольная звезда. В центре – тамга Менгу-Тимура с перекладиной у правой или у левой ножки. Между лучами звезды – цифры даты: 7/3/2; 7/3/4 и 7/3/6, слово «год» и виньетка («узел счастья»).

О.с. В поле сложного четырехугольного картуша надпись в две строки – варианты: А – *Пул / Булгара*; Б – *Булгара / пул*.

Френ, 1832, №№ 53–54; Beresine, 1855, №№ 513–550; Трутовский, 1886, №№ 678–684; Лихачев, лист 19–20, №№ 85–85 а-d; Марков, 1896, №№ 1596–1601; Катанов, 1896, № 8; Шерцль, 1912, №№ 6499–6501; Янина, 1954, № 37; Федоров-Давыдов, 1987, № 47; Мухамадиев, 1987, табл. X, №№ 5–6.

IV. Анонимный. Без места и года чекана. Фототабл. 1/5-6.

Л.с. Как у № III, но между лучами звезды нет надписей.

О.с. Картуш из вогнутых внутрь дуг. В поле непрочитанная надпись в три строки.

Не издан.

V. Булгар. Анонимный, без года. Фототабл. 1/7-8.

Л.с. В поле точечного ободка – орнамент из шести овалов, образующих 9-ячеистую решетку.

О.с. В поле точечного ободка – надпись в две строки: *Чекан Булгара*.

Френ, 1832, № 374; Трутовский, 1886, №№ 1020–1021; Шерцль, 1912, № 6853; Янина, 1954, № 12; Пырсов, 2002, № 31; Мухаметшин, 2006, с. 372, рис.5; Федоров-Давыдов, 1987, № 48; Мухамадиев, 1987, с. 60 и табл. VII, №№ 17–19.

В книге А.З. Сингатуллиной есть еще описание и изображение медной монеты – № 134 (Сингатуллина, 2003,

Фототаблица 1. Изображения следующих пулов:

1 – тип I, $v=1,39$, находка на городище Джукетау;

A – тип II;

2 – тип III, $v=2,60$;

3 – тип III, с цифрой года 2;

4 – тип III, с цифрой года 6, $v=2,10$;

5 – тип IV, $v=1,32$;

6 – тип IV, $v=1,20$;

7 – тип V;

8 – тип V, разновидность в публикациях не встречена.

с. 101 и 143), которую автор отнесла к болгарскому чекану. Однако это единственная публикация подобного пула, к тому же со ссылкой на прорисовку из частной коллекции, и мы не включаем его в наш каталог до обнаружения других подобных монет.

Итак, типов медных монет, однозначно относимых в настоящее время к выпускам Булгарского вилайата, не много – всего пять. Лишь один из них (третий) датирован. Все остальные не имеют годов выпуска, что осложняет их хронологическую атрибуцию. Таким образом, самая первая и самая главная задача исследования – установить хронологические рамки чеканки каждого из пяти типов изучаемых монет.

Монетный чекан с названием монетного двора *Булгар* известен уже почти два столетия. Первые сведения о болгарских монетах были опубликованы еще Х.М. Френом (Fraehn, 1826; Френ, 1832). В этих двух дополняющих друг друга работах были изданы описания и рисунки большого количества серебряных и медных джучидских монет, в том числе четыре типа медного чекана Булгара конца XIII – первой половины XIV в. – I, II, III и V. Следующим после трудов Х.М. Френа изданием со сведениями об интересующих нас монетах стал каталог монет и медалей Казанского университета. Его в 1855 г. издал на французском языке профессор Казанского университета И.Н. Березин (Beresine, 1855). В этой книге в перечислении указываются 2 монеты типа I, 171 экземпляр типа II (№№ 3746–3761) и 37 монет типа III. В последующих изданиях XIX – первой половины XX в. неоднократно публиковалась информация о болгарских пулах. Так,

В.К. Трутовский перечислил три типа: III – №№ 678–684, V – №№ 1020–1021 и II – №№ 1022–1025 (Трутовский, 1886). А.К. Марков среди джучидских монет из собрания Эрмитажа упомянул пулы типов III – №№ 1596–1601 и II – №№ 1628–1630 (Марков, 1896). Н.Ф. Катанов дал описание 20 монет II типа (Катанов, 1896, с. 9, № 6) и 30 монет III типа (Катанов, 1896, с. 10, № 8). Р. Шерцль привел три вида пулов: 14 монет типа III – №№ 6499–6501, 5 монет типа V – № 6853 и 8 монет II типа – № 6876 (Шерцль, 1912). А.Ф. Лихачев в рукописном каталоге (каталог составлен до 1890 года) описал три типа: I – лист 4, № 9, III – листы 19–20, №№ 84–85, и II – лист 23, № 104 (Лихачев, Каталог).

Но до второй половины XX в. вопросами каталогизации этих монет в хронологического последовательности, объемов их эмиссий, о месте пулов в экономической системе региона в средневековье никто не задавался.

Впервые С.А. Янина, опираясь на результаты сборов Куйбышевской экспедиции и публикуя три типа монет (II, III и V), предложила датировать V тип периодом между 1280–1310 гг. (Янина, 1960, с. 215), а тип III отнесла к выпускам хана Токты – 1290–1312 гг. (Янина, 1960, с. 211). Таким образом, она датировала эти два типа пулов временем от 1280 до 1312 г. Затем А.Г. Мухамадиев привел прорисовки двух типов Булгарского чекана – III и V, описания I, III и V типов, опубликовал весовые данные пула III из фондов Государственного Музея РТ и высказал предположение о небольшом объеме эмиссии пула V с 9-ячейстой решеткой (Мухамадиев, 1983, с. 60–61, с. 146).

А.Г. Мухамадиев привел прорисовки пула III, но расположение цифр между лучами звезды на этих рисунках очень необычное – 3–7–4 с положением цифр не зеркально (Мухамадиев, 2003, табл. X, № 5–6). Также на рисунках нет и двух виньеток. Нам не встречались монеты с таким написанием года, скорей всего, это авторская неточность рисунка.

Г.А. Федоров-Давыдов сделал обзор денежного обращения Булгара с X до середины XIV в., описал три типа пулов – I, III и V. Придерживаясь хронологического принципа при описании монет, он поместил описание I типа пула после серебряной монеты 692 г.х., а тип V – сразу после пула 734 г.х., но в тексте никак не объяснил причин такого порядка. В приложениях автор привел список монетных находок на Булгарском городище и на Ага-Базаре за 1974–1983 гг., среди которых было 149 экземпляров типа II, 107 экземпляров типа III и 78 экземпляров V типа (Федоров-Давыдов, 1987, с. 175–177, с. 188–203). Как мы видим из этого сбора, пулов II типа («тамга в треугольнике») было найдено в полтора раза больше, чем пулов III типа и в два раза больше, чем V типа. Данный факт остался без внимания Германа Алексеевича. Хотя он и написал, что «почти все находки медных болгарских монет XIV в. сосредоточены в Волжской Болгарии» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 181), тем не менее, тип II не был включен в перечень эмиссий Булгарского монетного двора. В монографии А.З. Сингатуллиной, посвященной монетам XIII в. поволжского чекана, помещены пулы I и II типов. Тем самым автор показала, что считает тип II «тамга в треугольнике» чеканенным в XIII в. Был

приведен их вес, прорисовки и фотографии (Сингатуллина, 2003, с. 43, 87, 93).

При публикации монетных находок с Терновского селища (Волгоградская обл.) был издан пул II типа 4-го варианта и авторы датировали его 710–712 гг.х. (Клоков, Лебедев, 2004, с. 113, № 2). Д.Г. Мухаметшин при характеристике работы Булгарского монетного двора в середине – второй половине XIV в. упомянул три типа – II, III и V, дал новую датировку V типа («...монету данного типа можно датировать не XIII в., а концом 30-х – началом 40-х гг. XIV в.»), поместил прорисовки вариантов чекана этого типа (Мухаметшин, 2006, с. 361, 372, рис. 5). Донецкий нумизмат С.А. Бурковский разложил по вариантам («группам») тип II, выделил 11 групп, привел рисунки, фотографии и веса всех вариантов, предложил свое прочтение надписей и датировку данного типа – от 690 до 734 г.х. с перерывами (Бурковский, 2009, с. 5–36).

В публикации нумизматических материалов с городища Джукетау приведены данные о количестве и весе пулов II, III и V (см. таблицу 1, столбец «Джукетау»). Причем, авторы посчитали справедливой датировку С.А. Яниной для типа II и датировку Д.Г. Мухаметшина для типа V (Лебедев, Гумаюнов, Бугарчев, 2008, с. 46).

Перейдем к изучению известного авторам фактического материала. Оценим состав комплекса монетных находок, происходящих с Булгарского городища и ближайшей округи (см. табл. 1). Нами учтены данные из работ С.А. Яниной (Янина, 1954, 1958, 1960 и 1962) – столбец *Булгар I–IV*; в столбце *Джукетау* сведены опубликованные данные о количестве монет

из работ: (Лебедев, Бугарчев, Гумаюнов, 2008; Мухаметшин, 2009). Также мы обработали четыре комплекса медных монет разных лет (из частных коллекций), собранных в Болгарской округе – графы 2008, 2009, 2011 и 2012 годов. За 100% принято общее количество медных монет для каждого монетного комплекса. Для сравнения привели данные о количестве монет двух типов: *лев и солнце* (с 737 г.х. – чеканились параллельно с типом V) и *двуглавый орел* (с 743 г.х. – последовали за выпусками с названием монетного двора Булгар).

Строка 4 показывает, сколько пулов небулгарской чеканки, выпущенных в период до 736 г.х. обнаружено в каждом комплексе. В период массовых эмиссий монетного двора Булгар монеты, битые в других областях, например, Сарая, Хорезма, Уека и Крыма – могли участвовать в денежном обращении региона, но их количество не оказывало существенного влияния на формирование монетной массы, поэтому в таблице они объединены в одну строку.

В строках 5 и 6 приведены для сравнения сведения по сарайским монетам двух самых распространенных типов, битых после 736 г.х. с встречаемых в указанных комплексах.

Для большей наглядности сведем вместе данные по шести комплексам (таблица 1а).

Обе таблицы (1 и 1а) позволяют оценить количественное соотношение встречаемости монет типов II, III и V в единичных находках в Булгарском вилайате. Во-первых, следует отметить очень большой суммарный процент болгарских пулов указанных типов в общей массе зафиксированных единичных находок (почти четверть всех находимых пулов).

Во-вторых, очень четко прослеживается количественное соотношение монет этих трех типов между собой. Количество пулов типа II в полтора раза больше, чем пулов типа III, а пулов III типа в полтора раза больше, чем количество пулов типа V. Такое соотношение можно объяснить следующим образом. Пореформенные пулы II типа (а введение в оборот медных монет после 60-летнего перерыва без сомнения было реформой) выпускались достаточно интенсивно, чтобы обеспечить потребности рынка в кратчайшие сроки. Пулы типа III чеканились как минимум в течение 5 лет (согласно указанных на них датах). А существенно меньшее количество пулов типа V (в 2 раза меньше типа II) может быть объяснено кратковременностью их чекана ~ 1–2 года.

Рассмотрим другие аргументы, позволяющие датировать монеты по косвенным данным.

Тип I – это первая эмиссия медных монет Булгарского монетного двора в золотоордынский период (ей предшествовали известные выпуски медных динаров Великой Монгольской империи с именем Ан-Насир ли-Дин Аллаха и именные пулы Мёнгке каана). Оформление лицевой и оборотной сторон аналогично серебряному чекану (Fraehn, 1826, p. 402; Сингаулли, 2003, № 64). Наличие двуногой тамги на серебряной и медной монетах этого типа говорит о том, что их выпуск осуществлялся не ранее 665/1266–67 года.

Что касается времени чекана, то Г.А. Федоров-Давыдов отнес подобные серебряные и медные монеты к выпускам, осуществлявшимся «в самом конце XIII века» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 174); А.Г. Мухамадиев датирует их временем после 692 г.х.

Таблица 1

Статистическая сводка находок типов болгарских пулов на территории Татарстана (по данным литературы и частных находок)

№ №	Тип монет	Булгар I-IV		Джукетау		Булгарский комплекс 2008 г.		Булгарский комплекс 2009 г.		Булгарский комплекс 2011 г.		Булгарский комплекс 2012 г.	
		шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
1	II. Тамга в треугольнике	90*	6,7	50	11,0	231	15,8	90	12,2	68	10,5	139	12,3
2	III. Тамга в звезде	98	7,3	44	9,7	103	7,1	48	6,5	103	15,8	101	8,9
3	V. Решетка	52	3,9	29	6,4	69	4,7	42	5,7	44	6,8	70	6,2
Пулы небулгарских монетных дворов													
4	Пулы других м.д. чекана до 736 г.х. вкл.	9	0,67	14	3,1	43	2,9	3	0,4	3	0,46	9	0,79
5	Лев и солнце	146	10,8	57	12,6	261	17,9	98	13,4	91	14,0	132	11,7
6	Двуглавый орел	355	26,3	67	14,8	389	26,7	165	22,5	132	20,3	232	20,5
Всего в сборе монет		1348		453		1458		734		650		1131	

* По сведениям А.З. Сингатуллиной, за период 1946–1983 годов на Булгарском городище было найдено 287 монет типа «тамга в треугольнике» (Сингатуллина, 2003, с.43).

Таблица 1а

Интегральная характеристика встречаемости изучаемых типов пулов на территории Татарстана

№ п/п	Тип монет	Суммарное количество учтенных монет по региону	
		шт.	%
1	II. «Тамга в треугольнике»	668	11,6
2	III. «Тамга в звезде»	497	8,6
3	V. «Решётка»	306	5,3
Итого:			25,5%
4	Пулы других м.д. до 736 г.х.	81	1,4
5	«Лев и солнце»	785	13,6
6	«Двуглавый орёл»	1340	23,2
Итого:			38,2%
Всего учтено монет		5774	

(Мухамадиев, 1983, с. 61); А.З. Сингатуллина также считает, что время такой чеканки – 90-е годы XIII в. (Сингатуллина, 2003, с. 40).

При установлении времени выпуска I типа нужно иметь в виду сле-

дующий факт: в XIII в. в Булгарском вилайате все медные эмиссии имели свои типологические аналоги в серебре. Монеты с именем Ан-Насир ли-Дин Аллаха известны как с сентенцией *Жизнь – час...* (Сингатулли-

на, 2003, № 3 – серебряные; с. 157, инв. № 22125-1, № 7 – медные), так и с выпускными сведениями – *Динар. Чекан Булгара* (Сингатуллина, 2003, № 5 – серебряные; Трутовский, 1886, № 628–629 – медные). Следующая эмиссия Булгарского монетного двора – это серебряные и медные монеты с именем каана Мёнгке (Сингатуллина, 2003, № 8 и № 9 соответственно). Последний раз подобная параллель чекана просматривалась в исследуемом нами типе I (Сингатуллина, 2003, №№ 64 и 65).

Для датировки данного типа важным моментом является своеобразное, «архаичное» для всех эмиссий написание слова *Булгар*, через *вав* и *алиф* – *بوالغار*. Определенную датировку имеют монеты с именем каана Мёнгке – 649–658/1251–59 гг. На типе I есть подобное написание названия монетного двора *Булгар* (с буквами *вав* и *алиф*), и в тоже время стоит тамга Менгу-Тимура, появившаяся на мо-

нетах лишь в 665/1265–66 году. Исходя из вышеприведенных данных, есть основание датировать выпуск типа I серебряной и медной монеты временем начала правления Менгу-Тимура (примерно 665–671/1265–1272 гг.).

Точно так же пул типа I и аналогичного типа серебряную монету датирует А.Л. Пономарев (Пономарев, 2011, с. 224). То есть, биметаллическое обращение в Булгарском вилайате с приходом к власти хана Менгу-Тимура продолжилось недолго. Это обращение фиксируется существованием только одной типологической пары дирхема и пула. О редкости типа I свидетельствует тот факт, что в сборах С.А. Яниной с 1946 по 1958 гг. нет ни одной подобной монеты; в каталоге А.З. Сингатуллиной упомянуто всего 10 медных экземпляров (Сингатуллина, 2003, с. 87).

Тип II – «тамга в треугольнике».

В сборе, который обработал и опубликовал С.А. Бурковский, было около 500 пулов типа II. Для опреде-

Таблица 2

Встречаемость вариантов типа II «Тамга в треугольнике» по данным С.А. Бурковского

Вариант:		1	2	3	4	5	6	всего
Кол-во	шт.	73	84	145	109	16	12	439
	%	16,6	19,1	33,0	24,8	3,6	2,7	100

ления вариантов было использовано 439 экземпляров. В процентном соотношении эти варианты распределяются следующим образом (см. таблицу 2).

Как видно из приведенных данных, варианты 3 и 4 составляют больше половины (57,8%) от всех атрибутированных монет, а варианты 1 и 2 – 35,7%, то есть больше трети учтенных монет. Они являлись основными

вариантами во всей массе обращавшихся пулов данного типа.

Несмотря на отсутствие места чекана, все нумизматы отнесли этот тип к выпускам монетного двора Булгар. В отличие от С.А. Яниной, А.З. Сингатуллиной, С.А. Бурковского, В.Б. Клокова и В.П. Лебедева нам представляется, что тип II «тамга в треугольнике» чеканился во время правления хана Узбека до 732 г.х.

Благопожелание *кутлуг болсун* нередко встречается в чекане других монетных дворов, но только один тип сарайского пула с этими словами имеет год – 726 (Клоков, Лебедев, 2004, с. 87, № 2б). Другие пулы с подобной надписью из-за отсутствия года до сих пор не имеют четкой датировки, но исследователи относят их ко времени правления Узбек-хана (Гончаров, 2003, с. 242; Клоков, Лебедев, 2004, с. 113, № 11). Однако наличие на пуле лишь благопожелания не является аргументом в пользу предлагаемой нами датировки.

Тип II – это первый тип медных пулов, выпускавшихся на территории Булгарского вилайата после длительного периода (более 50 лет) отсутствия следов биметаллического монетного обращения на изучаемой территории. Появление собственной медной монетной продукции в Булгаре является следствием проведения денежной реформы и смены денежной политики в регионе. А проведение денежной реформы в Булгарском вилайате в сфере серебряного обращения нами уже было зафиксировано в 731 г.х., возможно, процесс реформирования был запущен несколько раньше. В данный момент очень сложно сказать, насколько синхронно проводилось реформирование в области серебряного и медного монетного обращения. Но представляется, что хронологическая разница могла составлять несколько лет, а не десятилетия. Как бы то ни было, при возникновении потребности в медной монете в первые реформенные годы должно было быть выпущено сразу большое количество пулов для насыщения рынка. Видимо, варианты 3 и 4 были первыми в данной эмиссии из-за преобладающего

процента количества пулов (см. таблицу 2). Впоследствии уже шло дочеканивание, приведшее к появлению последующих вариантов типа II.

Тип III. После начала регулярной чеканки серебряных дангов монетным двором Булгар ал-Махруса в 731/1330–1331 году с 732/1331–1332 г. начался чекан нового типа пулов. В отличие от серебряных монет, на медных название монетного двора написано не *Булгар ал-Махруса*, а *Булгар*. Во всех печатных каталогах XIX–XX вв. этот тип датировался 734-м г.х. На наличие года 732 на таком пуле обратил наше внимание Джамиль Габдрахимович Мухаметшин. Позже, просматривая рукописный каталог А.Ф. Лихачева, мы также нашли сведения о монете с таким годом (Лихачев, лист 20, № 85 d: «Такая же, как предыдущая, но цифра ۲ на выворот и сверх того здесь приметна за нею и цифра ۳ также на выворот»), а впоследствии обнаружили и сами монеты (см. фототабл. 1/2).

Нами был обнаружен еще один год чеканки этого типа – [73]6 г.х. Известно, что все цифры на этом типе пула писались зеркально (конечно, кроме цифры сотен 7۷), в обратную сторону. А на этом варианте четко стоит цифра ۲. Казалось бы, можно было сказать, что на этот раз цифра 2 написана правильно. Но тогда должна была бы быть и цифра 3 стоять в прямом написании (не в зеркальном) ۳, однако, на всех монетах, сохранивших цифру 3 (а это 76 известных нам экземпляров согласно суммарным данным по табл. 3) она написана зеркально. Из данного наблюдения мы делаем вывод, что цифра ۲ (=2) изображена зеркально, и читать ее надо как цифру 6. Это позволяет реконструировать год чеканки

как [73]6 г.х. (фототабл. 1/ 3 – с цифрой года 2; фототабл. 1/ 4 – с цифрой года 6). На наличие подобного пула в своей коллекции указал и А.Ф. Ли-

хачев, поставив год под вопросом (Лихачев, лист 20, № 85 с – «На оборотной стороне видна цифра ʎ(?)»). В интернет-базе www.zeno.ru есть изо-

Таблица 3

Соотношение сохранившихся цифр года для типа III «Тамга в звезде»

Группы*		I			II			III	IV		V	VI
Сохранившиеся цифры года		7	3	73	4	34	734	6=ʎ	32 зеркально	2 зеркально	Цифр нет	Цифры не видны
Кол-во	шт.	26	41	20	28	12	3	4	1	1	3	203
	%	7,6	12,0	5,9	8,2	3,5	0,9	1,2	0,3	0,3	0,9	59,4
	% группы	25,4			12,6			1,2	0,6		0,9	59,4

* В группу I (монеты, датируемые 73х г.х.) включены пулы с сохранившимися цифрами года 7, 3 и 73; группа II – это пулы, сохранившие цифры 4, 34 и 734 (то есть указывающие только одну возможную дату – 734); группа III включает монеты с цифрой 6 зеркально (год может быть только 736-й); в группе IV представлены пулы с цифрой 2 зеркально (год может быть только 732-й); в группе V – перечислены пулы, на которых четко видно отсутствие любых цифр; группа VI – это монеты, на которых из-за неудовлетворительного состояния или из-за смещения штемпеля невозможно установить, какие цифры могли ставиться при чекане.

бражение подобной монеты с цифрой ʎ (Z/ № 8895).

Составим сводную таблицу статистических данных, позволяющих оценить, сколько монет и с какими цифрами годов нам стало известно в результате изучения 342 пулов типа III.

Всего изучено и принято за 100% – 342 экземпляра из комплексов 2009, 2011, 2012 гг. и частных коллекций.

Обратимся к таблице 3. Как видно из приведенных данных, год выпуска 734 могли иметь монеты группы II, насчитывающие 43 штуки или 12,6% от просмотренных 342 экземпляров. В то же время монет с сохранившимися цифрами 7, 3 и 73 (группа I, то есть пулов с широкой датировкой – 732–736) насчитывается в два раза больше – 85 экземпляров или 25,4%. А так как

сейчас известны монеты с цифрами 2 и 6 (которые никак не могут обозначать десятки в годе), а также с цифрами 32, то мы не можем исключить возможность существования выпусков, помеченных 733-м и 735-м гг.х.

На всех монетах, где остались две или три цифры года, видно, что он всегда писался справа налево. Однако в каталоге Саратовского музея нарисован пул Булгара 734 г.х. с написанием даты слева направо (Пырсов, 2002, № 79). Нам подобные монеты никогда не встречались, поэтому рисунок, сделанный Ю.Е. Пырсовым, вызвал недоверие и, как оказалось, не случайно. По сведениям, полученным от научного сотрудника Саратовского областного музея краеведения К.Ю. Морже-рина, монета такого типа в фондах не обнаружена, рисунок для публикации был составлен (синтезирован) по семи

плохо сохранившимся экземплярам из фондов музея³. В результате в каталог Ю.Е. Пырсов поместил изображение никогда не существовавшего варианта пула. В связи с этим этот «вариант» здесь нами не учитывается.

При просмотре частных коллекций в Казани была обнаружена одна монета с написанием цифр года (в данном случае – 732) слева направо, а сами цифры изображены зеркально (см. фототабл. 1/2). Из таблицы 3 видно, что количество монет, не сохранивших цифр на лицевой стороне (группа V), а также монет, сохранивших только одну цифру (7, 3, 4, 2 или 6), составляет ~87% от всех изученных пулов. Наличие одной цифры года не дает возможности точно сказать, какой порядок цифр принят для его написания в данном случае: справа налево или слева направо. Решению проблемы не помогают также и монеты со стертыми цифрами. Присутствие же видимых двух цифр однозначно указывает направление надписи. Поэтому можно предположить, что часть стертых и непрочеканенных дат на пулах могла быть написана слева направо.

При изучении медных монет с Булгарской округи (см. таблицу 1, комплексы 2009, 2011 и 2012 гг.) мы выявили 249 экземпляров III типа, пригодных для изучения. Статистическая обработка принесла следующие результаты: пулов варианта А – 74 экземпляра (29,7% от всех пулов этого типа), пулов варианта Б – 146 экземпляров (58,6%), пулов с неопределяемым вариантом – 29 экземпляров (11,6%). То есть в подъемном материале на территории Татарстана монет

с надписью *Пул Булгара* фиксируется примерно в два раза меньше, чем с надписью *Булгара пул*. Изучение метрологии монет отдельно каждого из вариантов А и Б показало, что наблюдается разница их весовых характеристик. Возможно, эти варианты выпускались в разных мастерских.

Как видим из приведенных иллюстраций, легенда варианта А – *Пул Булгара* присутствует и на монете 732 г.х., и на монете 736 г.х. Поэтому эта особенность не является критерием для оценки степени одновременности выпуска монет этого типа разных вариантов. Скорее всего, пулы обоих вариантов чеканились параллельно, с 732 до 736 г.х. (учитывая их небольшое количество по сравнению с эмиссией 734 г.х.; см. таблицу 3).

Тип IV. Тип, похожий на предыдущий III тип, но без года и виньеток между лучами звезды на Л.с., с отличным картушем на О.с. и непрочитанной надписью. Этот тип мог чеканиться в очень ограниченном количестве или до 732 г. как пробная эмиссия, или параллельно с пулами 732–736 гг. на каком-то еще монетном дворе региона. На сегодняшний день нам известно лишь 3 монеты данного типа в частных коллекциях.

Тип V. Эти монеты уже не несут на себе джучидскую тамгу. Указан монетный двор – *Булгар*. Д.Г. Мухаметшин датирует пул этого типа концом 30-х – началом 40-х годов XIV в. (Мухаметшин, 2006, с. 361). Он также привел 13 штемпельных вариантов написания легенды с обозначением монетного двора (Мухаметшин, 2006, с. 372). На фототаблице 1/8 изображена неизданная разновидность данного типа с точками внутри ячеек. Известно, что в 740/1339–1340 г. был отчеканен

³ Авторы выражают искреннюю признательность К.Ю. Моржерину за помощь в решении возникшей проблемы.

Таблица 4

Перечень единичных находок монет за пределами Булгарского вилайата

Тип пула	Кол-во, вес в г	Место находки	Источник
II	1 экз., вар.4, в=1,62 г	Терновское селище, Волгоградская обл.	Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2004, с.113, № 2
III	1 экз.	Увекское городище, Саратовская обл.	Пырсов Ю.Е., 2002, № 79
III	2 экз., в=1,64 и в=2,43 г	Зубовское городище, Волгоградская обл.	Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2004, с.84, № 26
III	2 экз., один – вар.А, второй – неясен; в=0,94 г, в=1,14 г	Никольское селище, Пензенская обл.	Винничек В.А., Лебедев В.П., 2004, с.133, № 8; Винничек В.А., Недашковский Л.Ф., 2005, № 14
III	1 экз.	Малая Рязань, Самарская обл.	Фонды СОИКМ
III	4 экз.	Брусаянское селище, Самарская обл.	Фонды СОИКМ
III	5 экз.	Правобережье Самарской области	Фонды СОИКМ
V	1 экз.	Хмельёвское I селище, Саратовская обл.	Гумаюнов С.В., 2002, с.62, № 47
V	1 экз.	Селитренное городище, Астраханская обл.	Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2002, с.112, № 116/2
V	1 экз., в=0,6 г	Сарайчик, Казахстан	Самашев З. и др., 2006, № 175

нен последний тип серебряной монеты с указанием названия булгарского монетного двора, но уже без тамги (Петров, Бугарчев, 2012б, тип 15). На монетах Булгарского вилайата типа III, тамга в 736/1335 году еще присутствует, а изучаемые пулы типа V тамги уже не имеют, как и данги Булгара 740 г.х. Отсутствие тамги является лишним аргументом, подтверждающим датировку чеканки монет типа V в период не ранее 740 г.х.

После типа V прекращается чеканка пулов с названием монетного двора Булгар. Более чем на 60 лет, до времени правления хана Шадибека, этот топоним исчезает с серебряных и медных монет.

Медные пулы типов II–V редко, но все же выходили за пределы Бул-

гарского вилайата. На сегодняшний день нам известны факты их находок на других археологических объектах (см. табл. 4).

То же самое можно сказать и про насыщение рынков Булгарского вилайата иноземными пулами. Из таблицы 1 видно, что процент находок пулов других эмиссионных центров составляет от 0,46 до 3,1%. Это говорит о том, что «чужие» пулы в период до 737 г.х. почти не участвовали в местном обращении.

Выводы

1. В период 665–671/1266–1272 гг.в Булгарский монетный двор осуществил кратковременный чекан медных монет с тамгой Менгу-Тимура и с именем Ан-Насира.

2. С 671–728/1272–1327 гг. денежное обращение Булгарского вилайата обслуживалось серебряной монетой различных номиналов. Медная же монета не выпускалась!

3. Представляется, что денежная реформа при Узбек-хане в регионе (около 730/1330 г.) ознаменовалась не только началом чеканки новых серебряных монет 731 г.х., но и поступлением в обращение медной монеты. Зафиксировано два типа пулов («тамга в треугольнике» и «тамга в звезде»), сменивших один другой. Однако не установлено точно время начала чеканки пулов при Узбек-хане. Предполагаем, что массовый выпуск пулов

типа «тамга в треугольнике» мог быть начат за несколько лет до реформирования в сфере серебряного монетного дела.

4. В 740/1339–1340 г. в связи с изменениями в управлении Булгарским улусом с серебряных и медных монет исчезает наследная тамга Менгу-Тимура и выпускается последний тип пулов («решетка») в XIV в. с указанием названия монетного двора Булгар.

5. После 740 г.х. в медном денежном обращении Булгарского вилайата начинают преобладать пулы с названием монетных дворов Сарай и Сарай ал-Джадид (см. таблицу 1, строки 5 и 6).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. **Вес медных монет Булгарского чекана (округлено до 0,1 г).**
2. **Тип I** (по Каталогу А.З. Сингатуллиной, базы данных Зено и из частной коллекции): 1,4 – 1; 1,8 – 1; 1,9 – 1; 2,0 – 2; 2,1 – 1; 2,2 – 1; 2,4 – 3; 2,9 – 1; 3,1 – 1.
3. **Тип II** (по А.С. Бурковскому): 0,4 – 1; 0,5 – 3; 0,6 – 9; 0,7 – 21; 0,8 – 51; 0,9 – 54; 1,0 – 59; 1,1 – 58; 1,2 – 42; 1,3 – 40; 1,4 – 21; 1,5 – 16; 1,6 – 12; 1,7 – 5; 1,8 – 3; 1,9 – 4.
4. **Тип III** (по сборам 2009, 2011 и 2012 годов): 0,6 – 1; 0,7 – 1; 0,8 – 1; 0,9 – 2; 1,0 – 6; 1,1 – 20; 1,2 – 17; 1,3 – 25; 1,4 – 37; 1,5 – 35; 1,6 – 26; 1,7 – 19; 1,8 – 25; 1,9 – 13; 2,0 – 10; 2,1 – 3; 2,2 – 4; 2,3 – 2; 2,4 – 2. Из них вариант А: 1,0 – 1; 1,1 – 2; 1,2 – 3; 1,3 – 4; 1,4 – 13; 1,5 – 7; 1,6 – 7; 1,7 – 6; 1,8 – 13; 1,9 – 8; 2,0 – 1; 2,1 – 2; 2,2 – 4; 2,3 – 3; всего 74 экземпляра. Вариант Б: 0,7 – 1; 0,8 – 1; 0,9 – 1; 1,0 – 5; 1,1 – 13; 1,2 – 13; 1,3 – 19; 1,4 – 21; 1,5 – 27; 1,6 – 15; 1,7 – 12; 1,8 – 10; 1,9 – 3; 2,0 – 4; 2,1 – 1; всего 146 экземпляров.
5. **Тип IV** (из частной коллекции): 1,20 – 1; 1,32 – 1; 1,72 – 1.
6. **Тип V** (по сборам 2009, 2011 и 2012 годов): 0,5 – 1; 0,6 – 1; 0,7 – 4; 0,8 – 7; 0,9 – 16; 1,0 – 16; 1,1 – 19; 1,2 – 25; 1,3 – 33; 1,4 – 11; 1,5 – 8; 1,6 – 6; 1,7 – 1; 1,8 – 2; 1,9 – 1.

ЛИТЕРАТУРА

7. *Бурковский С.А., Киреев Ю.Д.* Поштемпельный анализ пулов Булгарского чекана типа «Тамга Бату в треугольнике – Кутлуг булсун» // Бурковский С.А. Частные вопросы медного джучидского чекана. – Донецк: АИР, 2009.
8. *Винничек В.А., Недашковский Л.Ф.* Монеты с Никольского селища I // ТМНК. – 2005. – Т. I.
9. *Гончаров Е.Ю.* Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. Вып. 36. – М.; Казань, 2003.
10. *Гумаюнов С.В.* Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область // ДПДР. – 2002. – Т. 3, вып. IV.
11. *Катанов Н.Ф.* Нумизматическая коллекция И.А. Износкова. – Казань, 1896.

12. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетный комплекс с Селитренного городища // ДПДР. – Т. 3, вып. IV.
13. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // ДПДР. – 2004. – Т. 4, вып. V.
14. *Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.В.* Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // ТМНК. – 2008. – Т. IV.
15. *Лихачев А.Ф.* Каталог коллекции джучидских монет, принадлежащих А.Ф. Лихачеву. Рукопись. Тетради I-VII. ОРК НБ КГУ, № 183.
16. *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб.: Императорский Эрмитаж. – СПб., 1896.
17. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV веков. – М.: Наука, 1983.
18. *Мухаметшин Д.Г.* Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XVI века // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. – Казань, 2006.
19. *Мухаметшин Д.Г.* Нумизматический материал как источник по изучению денежного обращения Джукетау // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Чистопольского муниципального района РТ. – Чистополь, 2009. – Вып. 2.
20. *Петров П.Н., Бугарчев А.И.* Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV вв. // Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012а. – № 3.
21. *Петров П.Н., Бугарчев А.И.* Монеты Узбек-хана, выпущенные на монетных дворах Булгарского вилайата // Stratum plus. – 2012б. – № 6.
22. *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. – М.: Изд-во МГУ, 2011.
23. *Пырсов Ю.Е.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. – Казань: Казанский университет, 2002.
24. *Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В.* Монеты Сарайчика. – Алматы: «Grapho-art», 2006.
25. *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. – Казань: «Заман», 2003.
26. *Трутовский В.К.* Московские Публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет. Вып. III. Каталог восточных монет. – М.: Московские Публичный и Румянцевский музеи, 1886.
27. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987.
28. *Френ Х.М.* Монеты ханов Улуса Джучиева. – СПб., 1832.
29. *Шерцль Р.* Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Императорского Харьковского Университета. III. Восточные монеты. – Харьков, 1912.
30. *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. – 1954. – № 42.
31. *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. – 1958. – № 61.
32. *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // МИА. – 1960. – № 80.

33. Янина С.А. Общий обзор джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах // МИА. – 1962. – № 111.
34. Beresine E. Catalogue des monnaies et des medailles du Cabinet numismatique de L'Universite Imperial du Cazan. – Cazan. 1855.
35. Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhamedanorum. – Petropoli, 1826.
36. Интернет база данных – www.zeno.ru.

Информация об авторах:

Бугарчѐв Алексей Игоревич, аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Петров Павел Николаевич кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); prp@zmail.ru

STAGES OF COPPER COIN CIRCULATION IN BULGAR WILAYAT (THE SECOND HALF OF THE XIII – THE FIRST THIRD OF THE XIVth cc.)

A.I. Bugarchev, P.N. Petrov

Stages of copper coins minting and circulation in the Bulgar vilayat during the second half of the 13th to first third of the 14th century are examined in the article. The catalog of all currently known copper coin types that had been minted in 1266–1340 at the Bulgar mint is presented. On the basis of indirect evidence, the dating of four types of copper coins has been suggested. An extended (cca. 60 years) period from the late 13th to early 14th century has been revealed, when the pul were not minted, being out of circulation in the Bulgar vilayat. Thus, a temporary switch from bimetallic (silver and copper) circulation to monometallic (silver) one, followed by a return to the bimetallic (silver and copper) variant is observed. The resumption of pul minting in the 14th century is associated by the authors with the reform pursued by Uzbek Khan in the Bulgar vilayat.

Key words: archaeology, Bulgar, the 13th–14th centuries., numismatics, coin circulation, the pul, monetary reform, Uzbek Khan.

REFERENCES

1. Burkovskii, S. A., Kireev, Yu. D. 2009. In Burkovskii, S. A. *Chastnye voprosy mednogo dzhuchidskogo chekana (Incidental Issues of the Jochid Copper Coinage)*. Donetsk: "AIR" Publ. (in Russian).
2. Vinnichek, V. A., Nedashkovskii, L. F. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov. Trudy mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsii (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries: transactions of international numismatic conferences)* I. Moscow: "Numizmaticheskaiia Literatura" Publ., 21-29 (in Russian).
3. Goncharov, E. Yu. 2003. In *Drevnosti (Antiquities)* 36. Moscow; Kazan (in Russian).
4. Gumaiunov, S. V. 2002. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) IV = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Collected Papers)* 3. Moscow: Informelektro, 56-72 (in Russian).
5. Katanov, N. F. 1896. *Numizmaticheskaiia kolleksiia I. A. Iznoskova (I. A. Iznoskov's Numismatic Collection)*. Kazan (in Russian).

6. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) IV = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Collected Papers) 3* (in Russian).
7. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2004. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) V = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Collected Papers) 4*. Moscow; Nizhny Novgorod (in Russian).
8. Lebedev, V. P., Bugarchev, A. I., Gumaiunov, S. V. 2008. Monetnoe obrashchenie Dzhuketau po numizmaticheskim dannym. (*Monetary Circulation of Juketau by Numismatic Data*) In *Trudy mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii (Proceedings of the International Numismatic Conference) IV* (in Russian).
9. Likhachev, A. F. Katalog kolleksii dzhuchidskikh monet, prinadlezhashchikh A. F. Likhachevu (Catalogue of Jochid Coins Owned to A. F. Likhachev). Manuscript. Notebooks I-VII. Department of Manuscripts and Rare Books, Scientific Library named after N. I. Lobachevsky, Kazan (Volga Region) Federal University, no. 183 (in Russian).
10. Markov, A. K. 1896. *Inventarnyi katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha (Inventory Catalogue of Muslim Coins in the Imperial Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: the Imperial Hermitage Museum (in Russian).
11. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII—XV vv. (Bulgarian and Tatar Coinage in the 12th — 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Mukhametshin, D. G. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 359—375 (in Russian).
13. Mukhametshin, D. G. 2009. In Nabiullin, N. G. (ed.). *Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediiia Chistopol'skogo munitsipal'nogo raiona RT (Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage in Chistopol Municipal District of the Republic of Tatarstan) 2*. Chistopol': "Novaia tipografiia" Publ., 359-374 (in Russian).
14. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts) 3*, 117-123 (in Russian).
15. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 173-181 (in Russian).
16. Ponomarev, A. L. 2011. *Evolutsiia denezhnykh sistem Prichernomor'ia i Balkan v XIII—XV vv. (The Evolution of Monetary Systems of the Black Sea Region and Balkans in the 13th—15th Centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
17. Pyrsov, Yu. E. 2002. *Katalog dzhuchidskikh monet Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Catalogue of Jochid Coins in the Saratov Regional Museum of Local Studies)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
18. Samashev, Z., Burnasheva, R., Bazylkhan, N., Plakhov, V. 2006. *Monety Saraichika (Coins of the Saraychik Town)*. Almaty: "Grapho-art" Publ. (in Russian).
19. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
20. Trutovskii, V. K. 1886. *Moskovskie Publichnyi i Rumiantsevskii muzei. Numizmaticheskii kabinet (Moscow Public and Rumyantsev's Museums: Numismatic Chamber) III. Katalog vostochnykh monet (Catalogue of Oriental Coins)*. Moscow: Moscow Public and Rumyantsev's Museums (in Russian).
21. Fyodorov-Davydov, G. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158-204 (in Russian).

22. Fraehn, Ch. M. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammadanskikh dinastii* (*The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties*). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
23. Scherzl, R. 1912. *Opisanie medalei i monet, khraniashchikhsia v numizmaticheskom kabinete Imperatorskogo Khar'kovskogo Universiteta* (*Description of Medals and Coins from the Numismatic Chamber of the Imperial Kharkov University*) III. *Vostochnye monety* (*Oriental Coins*). Kharkov (in Russian).
24. Yanina, S. A. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition*) I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42, 424-484 (in Russian).
25. Yanina, S. A. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition*) II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 61, 392-423 (in Russian).
26. Yanina, S. A. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition*) III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 80, 210-223 (in Russian).
27. Yanina, S. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition*) IV. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 111, 153-178 (in Russian).
28. Beresine, E. 1855. *Catalogue des monnaies et des medailles du Cabinet numismatique de l'Université Imperial du Cazan*. Cazan.
29. Fraehn, Ch. M. 1826. *Recensio numorum muhamedanorum*. Petropoli.
30. www.zeno.ru. [Electronic resource].

About the Authors:

Bugarchev Aleksey I. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Petrov Pavel N. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ppn@zmail.ru

Хроника

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ БОЛГАРСКИЙ ФОРУМ «ИСТОКИ, ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОЛГАРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

(Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.)

© 2013 г. Ф.Ш. Хузин, Г. Владимиров, А.Г. Ситдиков

Статья освещает работу IV Международного форума «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации». Форум был организован Татарстанским республиканским фондом «Возрождение», Министерствами культуры Республики Болгария и Республики Татарстан, Национальным археологическим институтом с музеем Болгарской Академии наук, Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан и Региональным историческим музеем г. Варны. В нем приняли участие более 100 ученых из разных научных центров Болгарии, России, Украины, Румынии, Венгрии, Швейцарии. Обсуждались вопросы этногенеза, древней и средневековой истории народов, происхождение которых связано с историей болгар и их государственности, вопросы культурного взаимовлияния болгар и соседних народов, а также актуальные проблемы изучения и сохранения объектов культурного наследия.

Ключевые слова: археология, Болгария, Варна, международный форум, древняя и средневековая история, культурное наследие

22–25 октября 2012 г. в г. Варна (Болгария) прошел IV Международный форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации». Он был организован Татарстанским республиканским фондом «Возрождение», Министерствами культуры РБ и РТ, Национальным археологическим институтом с музеем Болгарской Академии наук, Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ и Региональным историческим музеем г. Варны под патронажем Президента Республики Болгария Росена Плевнелиева.

В конференц-зале Международного дома ученых «Фредерик Жолио» собралось более 100 ученых из раз-

ных научных центров Болгарии, России, Украины, Румынии, Венгрии, Швейцарии для обсуждения проблем древней и средневековой истории народов, происхождение которых связано с историей болгар и их государственности. Делегация ученых из Татарстана, возглавляемая президентом АН РТ академиком А.М. Мазгаровым, включала более 20 человек, в основном археологов и историков.

Открыл форум Государственный советник РТ, председатель попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ М.Ш. Шаймиев, который поблагодарил Президента Республики Болгария Росена Плевнелиева, Болгарскую академию наук,

Министерство культуры Болгарии, губернатор округа Варна, мэра г. Варна, руководство Регионального исторического музея за дружественный прием и прекрасную организацию форума, пожелал участникам успешной и результативной работы.

М.Ш. Шаймиев рассказал о научно-исследовательском проекте, разработанном учеными Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, суть которого заключается во всестороннем изучении процессов, происходивших в древности и средневековье на огромной территории от Великой Китайской стены на Востоке до Дуная и Карпат на Западе, где тюрки и славяне создали уникальную евразийскую цивилизацию. М.Ш. Шаймиев подчеркнул, что современных татар и болгар связывают общая история и культура, уходящие корнями в глубь столетий, ко временам Волжской и Дунайской Болгарий, Хазарского и Тюркских каганатов, Великой Болгарии Кубрата и гуннской державы Атиллы. «Конечно, это давно известные факты. Однако главным является то, что, несмотря на бурные, разноплановые политические и этнические процессы, происходившие в странах-наследницах Великой Болгарии, их народов навсегда сохранили историческую память, близость традиций, культуры, менталитета. Об этом ярко свидетельствуют археологические и письменные памятники, богатое материальное и духовное наследие, ставшие в последние годы предметом серьезных исследований наших ученых», – отметил докладчик.

Приветствие Президента Болгарии Росена Плевнелиева участникам форума озвучил мэр города Варна Кирилл Йорданов. Президент высоко оценил значение Международного

Болгарского форума, который «будет способствовать объединению усилий ученых-болгаристов всего мира для дальнейшего исследования истоков болгарской цивилизации и придаст новый импульс их плодотворному сотрудничеству». Он сердечно поблагодарил руководство Республики Татарстан за активную поддержку научных исследований историков и археологов.

Участников форума приветствовали также министр культуры Республики Болгария Вежди Рашидов, министр культуры Республики Татарстан Айрат Сибатагуллин, мэр города Варна Кирилл Йорданов, президент АН РТ Ахмет Мазгаров, председатель Союза болгарских ученых Дамян Дамянов, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаэль Хакимов, директор Национального археологического института с музеем БАН Людмил Вагалински, ученый секретарь БАН Славия Бырлиева.

Состоялась торжественная церемония награждения Государственного советника РТ, председателя попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ М.Ш. Шаймиева Знаком наивысшего отличия «Златен век» Министерства культуры Республики Болгария за исключительный вклад в развитие болгарско-татарстанских отношений в области культуры. Директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаэль Хакимов был избран Почетным членом Национального археологического института с музеем Болгарской академии наук.

Затем М.Ш. Шаймиев представил участникам форума фундаментальный научный труд ученых Института истории им. Ш. Марджани АН РТ – ат-

лас «Bulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации», в создании которого активное участие принимали наши коллеги из Болгарии, различных научных центров России, Украины, Казахстана и Венгрии. Научный редактор и составитель «Атласа» член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин провел видеопрезентацию издания, включающего в себя, помимо текстовой части, большое количество исторических карт и иллюстраций, отражающих миграции древних тюрков и болгар по евразийским степям, их контакты с окружающими народами, богатую материальную и духовную культуру населения Волжской Булгарии и Болгарского царства на Балканах.

Пленарное заседание форума открыл *Георги Владимиров* (София, Болгария) с докладом «Волжская Болгария и Кимакский каганат – направления и перспективы исследования». *Фаяз Хузин* (Казань, Россия), основываясь на археологических, письменных, этнографических и лингвистических источниках, остановился на проблемах болгарского наследия в истории и культуре современных народов Европы, в том числе татар, чувашей, балкарцев, карачаевцев, болгар и венгров. *Павел Георгиев* (Шумен, Болгария) продемонстрировал новые материалы, рассказывающие об исторических судьбах (пра)болгарских анклавов на Балканах в VIII–IX вв. *Алексей Тишкин* (Барнаул, Россия) рассказал о новых археологических открытиях на Алтае, сделанных при раскопках памятников эпохи «Великого переселения народов». *Валерий Йотов* (Варна, Болгария) в своем докладе подвел предварительные итоги изучения болгарских типов вооружения и конского снаряжения

периода раннего средневековья (VII–IX вв.). С особым вниманием был заслушан доклад на тему «Органа и начало болгарской государственности», с которым выступил *Георги Атанасов* (Селистра, Болгария). Завершил пленарное заседание совместный доклад «Крымский полуостров в хазарское время» *Сергея Бочарова и Юрия Могаричева* (Симферополь, Украина).

I сессия «Материальная и духовная культура Болгарской цивилизации: проблемы сохранения культурного наследия» начала свою работу с обсуждения актуальных проблем изучения и сохранения объектов культурного наследия на примере города Болгара и острова-града Свияжск, о которых рассказал директор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета *Рамиль Хайрутдинов* (Казань, Россия). Новый подход к проблемам социализации и сохранения культурного наследия в перспективе цифровых гуманитарных наук обозначила в своем выступлении *Славия Бырлиева* (София, Болгария). Новое российское законодательство в области сохранения памятников истории и культуры и проблемы осуществления его предписаний в жизнь на примере конкретных фактов из практики Татарстана стали предметом подробного анализа в докладе *Рафаэля Валева* (Казань, Россия). На вновь выявленных материалах *Флавиус Соломон* (Яссы, Румыния) показал существенную роль Первого и Второго Болгарского царства в распространении христианства среди местного населения Карпатского региона. Исследования раннесредневековых могильников Среднего Поволжья, особенно района Нижнего Поволжья эпохи Тюркских каганатов,

позволили *Евгению Казакову* (Казань, Россия) во многом уточнить хронологию древностей населения предболгарского времени, ранних болгар и домонгольской Булгарии. В своем докладе он изложил свое видение процессов миграции тюркоязычных племен на территорию Волго-Камья, участвовавших на рубеже IX–X вв. в сложении болгарской государственности. Неоднозначную оценку у слушателей получили выводы из доклада *Альбины Хайруллиной-Валиевой* (София, Болгария), посвященного сравнительно-историческим исследованиям языка волжских и дунайских болгар. По мнению болгарских ученых, докладчица необоснованно преувеличивает количество древнетюркской лексики в современном болгарском языке, некритически используя при этом более поздние источники турецкого происхождения. *Наталья Крыласова* (Пермь, Россия) на богатом археологическом материале продемонстрировала заметное влияние болгар на костюм финно-угорского населения Прикамья.

На заседаниях сессии 2 «Исторические и археологические аспекты изучения Болгарской цивилизации» было заслушано 13 докладов. *Константин Руденко* (Казань, Россия) ознакомил коллег с новыми подходами к изучению темы «Город и его округа в Волжской Булгарии и Булгарском улусе Золотой Орды». Данная проблема, но в более конкретном плане, была поставлена также в докладе *Зуфара Шакирова* (Казань, Россия) «Биляр и его округа в X–XIV вв.: историко-археологический потенциал». С интересом были восприняты, особенно с точки зрения методики анализа артефактов, глубоко

аргументированные выводы доклада *Бояна Тотева* (Добрич, Болгария) и *Ольги Пелевиной* (Варна, Болгария), посвященного типохронологии поясов языческого периода Болгарского государства. *Ирина Аржанцева* (Москва, Россия) рассказала о некоторых итогах изучения раннесредневековых памятников Северного Кавказа, оставленных болгарскими и аланами. Тщательный анализ культовых построек языческой Болгарии позволил *Стеле Дончевой* (Шумен, Болгария) создать их идейно-пространственную реконструкцию и обозначить некоторые аспекты их дальнейшего изучения с привлечением новых источников. В докладе *Николая Хрисимова* (Велико Тырново, Болгария) речь шла о стременах, встречающихся при раскопках впускных подкурганых могил (типа Сивашовки) южнорусских степей VI–VII вв. Ранние стремени проанализированы автором с точки зрения их роли в погребальной обрядности и социальной значимости. Проблемам погребальной практики дунайских болгар конца VIII – начала IX вв. по материалам раскопок могилы № 27 в районе Плиски был посвящен доклад *Янки Димитрова и Станислава Иванова* (Шумен, Болгария). Неисчерпаемые возможности новой интерпретации арабских письменных источников о волжских булгарах X в. были показаны в выступлении *Илии Мечкова* (Шумен, Болгария). Новые сведения о связях Великой Болгарии и Византии, вытекающие из анализа перстня-печати хана Кубрата (685–665), изложил в своем докладе *Иван Йорданов* (Шумен, Болгария). *Борис Борисов* (Велико Тырново, Болгария) продемонстрировал новые археологические свидетельства (керамика,

некоторые категории вооружения и конского снаряжения, правда, пока немногочисленные) о праболгарском присутствии на юге Балкан. Чрезвычайно интересные проблемы генезиса протоболгарского гончарства в связи с исследованиями биритуальных некрополей Нижнего Дуная были поставлены в докладе *Марии Христовой-Пеньковой* (София, Болгария). О своеобразии погребального обряда и сопровождающего инвентаря биритуальных некрополей в Балчике и Тополе рассказала Людмила Дончева-Петкова (София, Болгария).

Заключительное пленарное заседание форума началось с доклада *Гамирзана Давлетшина* (Казань, Россия) «Духовная культура Волжской Булгарии и Золотой Орды». *Алексей Тишкин* (Барнаул, Россия) сделал сообщение о находках боевых ножей из раннесредневековых погребений тюркского населения Алтая и реконструкции способа их ношения. Итоги многолетних исследований болгарских памятников на территории Пермского Предуралья представил *Андрей Белавин* (Пермь, Россия).

В прениях по докладам выступили П. Георгиев, В. Йотов, Л. Дончева-Петкова, И. Аржанцева, Ф. Хузин,

А. Ситдииков, А. Тишкин, А. Белавин и др., отметившие высокий уровень организации форума, актуальность поднятых в докладах научных проблем и необходимость более тесной координации исследований ученых в области болгарской археологии.

Для участников форума была организована экскурсия – выезд на туристические объекты Болгарии, пользующиеся мировой известностью, – Плиску, Мадару и Великий Преслав. Глубокое впечатление у гостей оставили древние архитектурные памятники Варны/Одессоса, прежде всего, великолепной сохранности (с точки зрения археолога, конечно) римские термы, а также богатейшие экспонаты и археологические коллекции Регионального исторического музея г. Варны.

В завершение работы форума в Великом Преславе состоялся рабочий семинар, где обсуждались практические вопросы координации деятельности археологов Болгарии и России. В итоге было принято решение о подписании в ближайшем будущем договора о сотрудничестве между Институтом археологии с музеем БАН (Болгария) и Институтом истории АН РТ (Татарстан).

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Владимиров Георги Владимиров, доктор по истории (кандидат исторических наук), магистр по культурологии, главный эксперт в Министерстве культуры Республики Болгарии (г. София, Болгария); vladimirovkult@yahoo.com

Ситдииков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

IV INTERNATIONAL BULGAR FORUM «ORIGINS, HISTORICAL
DEVELOPMENT AND CULTURAL HERITAGE OF BULGARIAN
CIVILIZATION» (VARNA, BULGARY, 22–25 OCTOBER 2012)

F. Sh. Khuzin, G. Vladimirov, A.G. Sitdikov

The work of the 4th International forum “Origins, historical development and cultural heritage of Bulgarian civilization” is highlighted in the article. The forum was organized by the Tatarstan Republican Fund “Vozrozhdenie”, Ministries of Culture of the Republic of Bulgaria and the Republic of Tatarstan, the National Archaeological Institute and Museum with the Bulgarian Academy of Sciences, Institute of History named after S. Mardjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, and Varna Regional Historical Museum. It was attended by more than 100 scholars from different research centers of Bulgaria, Russia, Ukraine, Romania, Hungary, and Switzerland. They discussed issues related to the ethnogenesis, ancient and medieval history of the peoples whose origin is connected with the history of the Bulgarians and their state, questions of mutual influence in the field of culture between the Bulgarians and the neighboring peoples, as well as actual problems of cultural heritage study and conservation.

Key words: archaeology, Bulgaria, Varna, international forum, ancient and medieval history, cultural heritage.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Vladimirov Georgi V. Doctor of History. Ministry of Culture of the Republic of Bulgaria. “Al. Stamboliiski” Bd., 17, Sofia, 1040, Bulgaria; vladimirovkult@yahoo.com

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

К ЮБИЛЕЮ Г.И. ДРОЗДОВОЙ

© 2013 г. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков, Ф.Ш.Хузин

Коллеги поздравляют с юбилеем сотрудницу Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидата исторических наук Галину Ивановну Дроздову. Г.И.Дроздова является специалистом по средневековой истории народов Поволжья, автором более 50 статей, посвященных главным образом погребальному обряду и религиозным верованиям средневекового населения региона. Ею были открыты и исследованы под ее руководством позднесредневековые могильники на территории Татарстана и Чувашии, материалы которых значительно обогатили научные знания о духовной культуре поволжских народов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Казань, Г.И.Дроздова, средневековая археология, погребальный обряд, религиозные представления

27 марта 2013 г. **Галине Ивановне Дроздовой** исполнилось 60 лет. Она работает в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (до 1996 г. – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР) с 1974 г. Долгое время выполняла обязанности старшего лаборанта сектора археологии и этнографии, в 1977 г. окончила Казанский государственный университет,

получив диплом о высшем образовании по специальности «история». Выпускная квалификационная работа на тему «Эволюция погребальной обрядности народов Среднего Поволжья в X–XVIII вв.», защищенная ею на «отлично», была выполнена под руководством Е.А. Халиковой, настоятельно советовавшей ей продолжать дальнейшие исследования именно в этом направлении. Однако по объек-

тивными причинами приходилось заниматься интересующей ее темой лишь периодически – летние сезоны Галина Ивановна проводила в основном на раскопках Билярского городища и Казанского кремля, руководимых А.Х. Халиковым и Ф.Ш. Хузиным, в экспедициях Е.П. Казакова, П.Н. Старостина, Р.С. Габяшева. Накапливала опыт полевых работ, осваивала методику камеральных исследований, составления научных отчетов. Легкая на подъем, Галина Ивановна при любой возможности выезжала в поле, а с 1992 г. уже в качестве научного сотрудника отдела археологии, проводила самостоятельные раскопки позднесредневековых могильников, открытых ею ежегодными разведками на территории Татарстана и соседней Чувашии. Результаты исследований опубликовала в научных сборниках, выступала с докладами на республиканских, всероссийских и международных конференциях.

Результатом настойчивости, целеустремленности и многолетнего упорного труда Г.И. Дроздовой стала успешная защита ею кандидатской диссертации на тему «Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков (по археологическим и этнографическим материалам)», состоявшаяся в 2007 г.

С 2008 г. Галина Ивановна работает в Музее археологии Республики Та-

тарстан на должности старшего научного сотрудника. Не прекращает она и научную работу: ею опубликовано более 50 статей по проблемам средневековой археологии народов Среднего Поволжья. Одной из последних ее работ является «Путеводитель по научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ» (Казань, 2011. 220 с., в соавторстве с Х.М. Абдуллиним и др.).

В 2009 г. Г.И. Дроздова награждена медалью «В память 1000-летия Казани», в 2010 г. – нагрудным знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры РТ.

Все мы знаем Галину Ивановну как доброго и отзывчивого человека, наставника молодежи. Скромность и трудолюбие всегда были отличительными чертами ее характера, при этом она умеет радоваться жизни, находя удовольствие в простых радостях – очень любит охотиться... на грибы, печь пироги и угощать ими друзей.

Своими достижениями в науке многие из нас обязаны Галине Ивановне, мы это признаем и выражаем ей искреннюю благодарность за это. Желаем Вам, дорогая Галина Ивановна, доброго здоровья, новых творческих успехов, много радостей и счастья в жизни.

Список основных публикаций Г.И. Дроздовой

1. О некоторых особенностях погребального обряда местного населения Поволжья и Прикамья // Из истории материальной культуры татарского народа. – Казань, 1981. – С. 52–63.
2. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра. – Казань, 1986. – С. 84–93. (Совм. с Ф.Ш. Хузиным).
3. О христианизации чувашского населения по археологическим источникам // История христианизации народов Среднего Поволжья и ее марксистско-ленинская оценка: Тез. док. науч. конф. – Чебоксары, 1988. – С. 42–44.

4. Религиозные верования народов Казанского края (по материалам погребального обряда) XVI–XIX вв. // Тез. док. краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура». – Казань, 1993. – С. 9–12.
5. О специфике погребальной обрядности населения Среднего Поволжья XVI–XVIII вв. // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 25–28.
6. Исследование окрестностей Билярского городища (по материалам А.Х. Халикова) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. – Казань, 1997. – С. 29–32.
7. Больше-Меминский могильник // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999. – С. 161–173. (Совм. с А.И. Булыгиным).
8. Мордовские параллели в погребальном обряде чувашей // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Саранск, 2000. – С. 66–69.
9. Результаты исследования Больше-Меминского могильника // Диалог культур Евразии. Восток-Запад. Вып. 2. – Казань, 2001. – С. 206–224.
10. К вопросу об истории изучения позднесредневековых кладбищ и погребального обряда чувашского народа // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2002. – С. 180–185.
11. Этнокультурные параллели в погребальном обряде марийцев и чуваш (на материале позднесредневековых могильников XVI–XVIII вв.) // Древние этнокультурные связи финно-угров. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 175–177.
12. О результатах археологического исследования в районах Заказанья в 1999–2000 гг. // Древности. Вып. 36. – Москва; Казань, 2003. – С. 262–267.
13. О взаимодействии язычества и христианства в культуре народов Среднего Поволжья (по материалам позднесредневековых могильников) // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. – Чебоксары, 2003. – С. 141–145.
14. Исследования Новоахпердинского могильника (раскопки 1984–1985 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары, 2003. – С. 214–225.
15. К вопросу о материальной и духовной культуре населения Больше-Меминского могильника // Диалог культур Евразии. Вып. 3. Зеленодольский регион: Проблемы истории и культуры. – Казань; Зеленодольск, 2003. – С. 74–77.
16. Исследование позднесредневековых «черемисских» кладбищ на территории Республики Татарстан // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. (АЭМК. Вып. 27). – Йошкар-Ола, 2004. – С. 141–145.
17. Погребальный обряд чувашского народа XVI–XIX вв. (по археологическим и этнографическим данным) // Изв. Самарского НЦ РАН. – Самара, 2006. – С. 330–335.
18. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX вв. (по археологическим и этнографическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 27 с.
19. Фонд А.Х. Халикова в Музее археологии Татарстана при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ // Альфред Хасанович Халиков: Ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения). – Казань, 2009. – С. 73–182.
20. О позднесредневековых «черемисских» кладбищах на территории Арского района РТ // Арск и Арская земля: Актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань, 2010. – С. 93–96.
21. Предварительные результаты обработки документальных материалов из личного фонда Е.А. Халиковой // Урало-Поволжье в древности и средневековье: Материалы Международ. науч. конф. V Халиковские чтения. (Из серии «Археология евразийских степей». Вып. 11) – Казань, 2011. – С. 72–79.

22. Личные фонды // Путеводитель по научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2011. – С. 111–190.

23. Архив профессора А.Х. Халикова // История археологии: Личности и школы (к 160-летию В.В. Хвойки). Материалы науч. конф. – Киев, 2011.

24. Научные фонды В.Н. Маркова и М.М. Кавеева // Актуальные вопросы археологии Поволжья (к 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета). – Казань, 2012. – С. 186–189.

Информация об авторах:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); Xalimabd@mail.ru

Ситдигов Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

ON THE ANNIVERSARY OF G.I. DROZDOVA

Kh.M. Abdullin, A.G. Sitdikov, F.Sh. Khuzin

Colleagues congratulate the staff member of the Institute of History named after S. Mardjani with the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, candidate of historical sciences Galina Ivanovna Drozdova on her birth anniversary. G. I. Drozdova specializes in the medieval history of the peoples of the Volga river region; she has authored over 50 articles dealing mainly with the funerary rites and religious beliefs of the medieval population of the region. She has discovered and conducted the studies of the later medieval burial ground sites in the territory of Tatarstan and the Chuvash Republic, and the materials obtained served to considerably expand the scientific insight into the spiritual culture of the Volga peoples.

Keywords: the Middle Volga river region, Kazan, G.I. Drozdova, medieval archaeology, funerary rites, religious beliefs.

About the Authors:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

К ЮБИЛЕЮ И.Н. ВАСИЛЬЕВОЙ

© 2013 г. Н.П. Салугина

Коллеги и друзья поздравляют с юбилеем кандидата исторических наук Ирину Николаевну Васильеву, старшего научного сотрудника археологической лаборатории Поволжской социально-гуманитарной академии. Ученица А.А.Бобринского, И.Н.Васильева является специалистом по древнему гончарству разных эпох, от неолита до средневековья. Под ее руководством были исследованы десятки поселений и могильников. Значительную роль в ее научной деятельности занимает проблема разработки структуры научного эксперимента и его применения в исследовании древней керамики. С 1990 г. и по сегодняшний день И.Н. Васильева является одним из руководителей Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства, единственной в России, где проходят обучение методом исследования древней керамики молодые ученые со всей страны и из стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Самара, И.Н.Васильева, древняя и средневековая керамика, гончарные технологии, экспериментальные исследования

Юбилей – всегда немного грустное событие. Несмотря на то, что все вокруг говорят много хороших и добрых слов, это, хотим мы того или нет, определенное подведение итогов.

Совсем недавно мы поздравили с 60-летием нашу подругу, замечательного человека и прекрасного ученого **Ирину Николаевну Васильеву.**

Она родилась 5 марта 1953 г. в г. Куйбышеве (Самаре). В 1970 г. закончила с золотой медалью среднюю школу пос. Курумоч Куйбышевской области. В этом же году поступила на исторический факультет Куйбышевского (Самарского) государственного университета, который закончила с отличием в 1975 г. и была оставлена

для работы в научно-исследовательской группе (археологической лаборатории) КуГУ. В 1990 г. она была приглашена на работу в Институт истории и археологии УрО РАН; с 1994 по 2013 г. Ирина Николаевна – старший научный сотрудник Института истории и археологии Поволжья, в настоящее время – старший научный сотрудник археологической лаборатории Поволжской социально-гуманитарной академии.

Абстрактно при упоминании о таких датах представляются умудренные опытом, нагруженные жизненными проблемами люди, и сложно связать эту цифру с человеком с активной жизненной позицией, жизнерадостным, полноценно работающим, с массой планов. И сразу в памяти всплывает мозаика из разных эпизодов жизни.

1971 год – мы, первокурсники Куйбышевского государственного университета, пришли на заседание археологического кружка, где нас встретили старшие и мудрые товарищи, ведь они-то учились уже аж на 2 и 3 курсах! Они уже бывали в археологических экспедициях, о которых мы только мечтали. Старостой кружка была Ирина Мажанова, невысокая, очень серьезная и строгая девушка. Эта серьезность по отношению к делу была тогда и осталась на всю жизнь отличительной чертой характера Ирины Николаевны. Никакие обстоятельства не могли повлиять на это ее качество, и при ней всегда как-то неловко работать спустя рукава.

А потом было лето 1972 г. – наша практика на Муромском городке, где характер Ирины раскрылся полнее. Это была уже не только серьезная студентка, очень ответственно относящаяся к делу, но и прекрасный товарищ, всегда готовая помочь первокурсникам, что-то подсказать; очень веселый

человек, участвующая во всех розыгрышах и дурачествах, каких было много во время наших экспедиций. Уже тогда определились первые научные интересы Ирины, связанные с изучением самого массового и сложного археологического источника – керамики. Студенческие годы Ирины – это время ее становления как исследователя. Начиная со 2 курса, она – участница УПАСКов, ее доклады часто признавались лучшими и направлялись на Всесоюзные студенческие археологические конференции.

После окончания университета Ирина поступила в заочную аспирантуру МГУ, где ее научным руководителем стал Г.А. Федоров-Давыдов, талантливый ученый и педагог. Во время обучения в аспирантуре полностью проявились качества Ирины Николаевны как честного и скрупулезного исследователя. Она не ставила целью просто написать диссертацию, это должна была быть работа-прорыв, действительно вносящая что-то новое в научные знания.

Пожалуй, поворотным событием в ее жизни стала встреча с А.А. Бобринским, в то время опубликовавшим свой методический труд «Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения». По словам самой Ирины, она тогда сразу поняла, что это – абсолютно новое слово в науке, это то, что может дать ключ к пониманию керамики. С этого момента научные интересы Ирины Николаевны прочно связаны с лабораторией «История Керамики» ИА РАН, где она проходила стажировку и куда она часто приезжала, чтобы обсудить какие-то проблемы, проконсультироваться. Александр Афанасьевич считал ее одной из лучших своих учениц, отмечая ее въедливость, жадность до научной истины. В 1989 г. в Диссертацион-

ном совете МГУ Ирина Николаевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Технология гончарного производства Волжской Болгарии в X–XIV вв.», которая в 1993 г. была опубликована монографически. С этого времени начинается новый этап в научной биографии Ирины Николаевны. Перейдя на работу в Институт истории и археологии УрО РАН, она, оставаясь в исследовательском поле изучения керамики, поменяла хронологию своих исследований и занялась изучением гончарства неолитических племен Волго-Уралья. Наряду с огромными аналитическими исследованиями, которые она проводит постоянно, особо хочется отметить ее вклад в разработку очень сложной и интересной темы происхождения гончарства.

Значительную роль в научной деятельности И.Н. Васильевой занимает проблема разработки структуры научного эксперимента и его применения в исследовании древней керамики. В 1991 г. по ее инициативе и при непосредственном участии в г. Куйбышеве была проведена Всесоюзная научная конференция «Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения)». С 1990 г. и по сегодняшний день И.Н. Васильева является одним из руководителей Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства, единственной в России. В экспедиции проходят обучение методам исследования древней керамики молодые исследователи со всей России и стран ближнего зарубежья. Без преувеличения можно сказать, что экспедиция состоялась во многом благодаря упорству и увлеченности Ирины Николаевны.

Особо необходимо отметить особую скрупулезность, тщательность и удачливость Ирины Николаевны как

полевика. С 1971 г. она активно занимается полевой работой: проводила разведочные обследования Сергиевского, Иса克林ского, Сызранского, Ставропольского районов, Самарской Луки. Под ее руководством раскопаны десятки поселений и могильников эпохи бронзы, средневековья. В их числе курганные могильники срубной культуры: Кировский 1 (1975), «Золотая Нива» (1976), Новоселки (1985); поселения срубной культуры: Федоровское (1982, 2001, 2003, 2006, 2012), Сачково озеро (1999, 2000), Лузановское (2000), Кротовское (2008). Много лет она исследовала ремесленный центр золотоордынского времени – Сухореченское поселение на Кинеле (1971–1976, 1979, 1981) у с. Б. Шихан на р. Самаре, золотоордынское селище в Ульяновской области у с. Кременки (1987), грунтовый мордовский могильник Усинский II на Самарской Луке (1988). На ее счету и ряд раскопанных памятников «исторической» археологии: русские селения XVII–XVIII вв. у с. Подгоры (1974), Шигоны III (2004), Старо-Тимошкинское селище XIX в. в Татарстане (1984).

В сфере профессиональных интересов И.Н. Васильевой средневековая археология, полевая археология, гончарная технология неолита и энеолита, русского средневекового населения, экспериментальная археология. По этим проблемам ею опубликовано более 70 научных статей и монографий. И.Н. Васильева является увлеченным популяризатором археологических знаний, участвует в написании научно-популярных книг, чтении лекций для студентов-археологов.

Но портрет Ирины Николаевны был бы неполным без упоминания о ее семье. Она – счастливая женщина, мать, бабушка. Встреча с И.Б. Васильевым стала для нее судьбоносной.

В 1976 г. они создали семью. Это был союз единомышленников, которые уж точно «смотрели в одну сторону» и которым было интересно друг с другом. Они вместе воспитали дочь Дашу, которая стала не только отличным профессионалом-почвоведом, унаследовавшей от родителей их увлеченность наукой, но и прекрасным порядочным человеком. А сейчас Ирина Николаевна наслаждается своей маленькой внучкой. У нее очень

теплый, гостеприимный и хлебосольный дом, где всегда найдется место друзьям, которых у Ирины много и которым она щедро дарит свою теплоту и доброту.

Дорогая Ирина! Мы, твои друзья и коллеги, искренне поздравляем тебя с юбилеем! Желаем здоровья, творческой неуспокоенности, благополучия тебе и твоим близким. Мы счастливы, что у нас есть такой друг. Долгих тебе лет!

Список основных трудов И.Н. Васильевой

1. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М. 1988.
2. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. – Екатеринбург, 1993.
3. Не боги горшки обжигают. – Самара, 1997. (Соавт. Н.П. Салугина).
4. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. (Соавт. А.А. Бобринский).
5. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. I. – Самара, 1999.
6. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // «Актуальные проблемы изучения древнего гончарства» (коллективная монография). – Самара, 1999. (Соавт. Н.П. Салугина).
7. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 2000.
8. Кыпчаки (половцы) в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 2000.
9. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – М., 2000.
10. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников // РА. – 2005. – № 3.
11. О происхождении гончарства // Материалы Всероссийского археологического съезда. Том I. Современные проблемы археологии России. – Новосибирск, 2006.
12. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара, 2006.
13. Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале в 2008 г. Т. III. – М., 2008.
14. Лоскутный налеп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. – М., 2010. (Соавт. Н.П. Салугина).

15. Раннеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – 2 (46).

16. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV веков Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных земель // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 9. – М., 2013.

Информация об авторе:

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, Самарская государственная академия культуры и искусств (г. Самара, Россия); nsalug@gmail.com

ON THE ANNIVERSARY OF I. N. VASILYEVA'S

N. P. Salugina

Colleagues and friends congratulate Irina Nikolaevna Vasilyeva, candidate of historical sciences, senior researcher of the Laboratory of Archaeology with the Volga Region Social Humanitarian Academy, on her birth anniversary. I.N. Vasilyeva, A.A. Bobrinsky's disciple, specializes in ancient pottery of different epochs, from the Neolithic to the Middle Ages. She has coordinated the studies of dozens of settlements and burial grounds. The problem of developing the structure of scientific experiment and its application in the study of ancient ceramics plays a significant role in her research activity. Starting 1990 to the present, I.N. Vasilyeva has been one of coordinators of the Samara experimental expedition for the study of ancient pottery, a unique center in Russia where young scientists from all over the country and the neighboring states are trained in methods of ancient pottery study.

Key words: archaeology, the Volga river region, Samara, I.N. Vasilyeva, ancient and medieval pottery, pottery technologies, experimental studies.

About the Author:

Salugina Natalya P. Candidate of Historical Sciences. Samara State Academy of Culture and Arts. Frunze St., 167, Samara, 443010, Samara Oblast, Russian Federation; nsalug@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология евразийских степей. – Казань.
АКИО – Ананьинская культурно-историческая область.
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.
АО – Археологические открытия. – М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – СПб.
(Л).
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола.
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. – М.
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва).
ГОМРТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДПДР – Древности Поволжья и других регионов. – М.; Нижний Новгород.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. – М.
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. – М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – М.
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МАР – Материалы по археологии России. – М.
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
НАН – Национальная академия наук (Украины).
НИИИЯЛ – Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан.
ОРРК НБ КГУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.
ПА – Поволжская археология. – Казань.
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет.
ПГУ – Пермский государственный университет.
РА – Российская археология. – М.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология. – М.

САИ – Свод археологических источников. – М.

СГПУ – Самарский государственный педагогический университет.

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб.

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.

Алабина.

СОМК – Саратовский областной музей краеведения.

ТА – Татарская археология. – Казань.

ТАЭ – Туркестанская археологическая экспедиция.

ТКАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь.

ТМНК – Труды международной нумизматической конференции. – М.

Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола.

УАС – Уральское археологическое совещание.

УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Дискуссии», «Заметки», «Рецензии», «Хроника». Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласия с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде. E-mail редакции: arch.pov@mail.ru.

Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30, Национальный центр археологических исследований.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации рукописях.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. Решение редколлегии о принятии рукописи к публикации, отклонении или необходимости доработки материалов сообщается автору после заключения рецензентов.

Представление материалов и требования к их оформлению

Объем. Общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подрисованные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций. Для раздела «Заметки» допустимый объем рукописи не более 15 тыс. знаков. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе «Хроника», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Компьютерный набор. Все материалы принимаются в формате MS Word (doc, docx или rtf) (шрифт Times New Roman, кегль 14).

Таблицы, схемы, иллюстрации. Все они должны быть упомянуты в тексте, пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Иллюстрации принимаются в форматах *.tif и *.jpg с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения). Фотографии и цветные рисунки должны быть высокого качества. Список иллюстраций с названиями должен быть дан в конце текста статьи (см. *Образец*). Сами иллюстрации предоставляются в виде отдельных файлов (один рисунок – один файл).

Резюме и ключевые слова. К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии», «Заметки», «Рецензии») должны быть приложены краткое резюме на русском и английском языках (не более 0,3 стр.) и ключевые слова (не более 10). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

Сведения об авторах. В конце, после всех материалов к статье (см. *Образец*), приводятся сведения об авторах (фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность и ученая степень, с обязательным указанием почтового и электронного адреса, а также контактного телефона).

Присылаемые по электронной почте материалы должны быть в виде папки, содержащей один файл с текстом статьи, ключевыми словами и резюме на русском и английском языках, списком литературы, списком сокращений, списком рисунков и сведениями об авторах. Рисунки предоставляются в виде отдельных файлов, разрешением не менее 300 dpi, в форматах *.tif и *.jpg.

Оформление рукописи (ОБРАЗЕЦ).

Начало рукописи оформляется следующим образом:

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

© 2012 г. Э.Е. Кравченко

Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк (E-mail)

Ключевые слова: на русском языке.

Аннотация на русском языке

Текст статьи.

Постраничные примечания в тексте даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. *Образец:* (Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке после текста статьи и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений (кроме общепринятых – АО, КСИА, КСИИМК, МИА, РА, СА). Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после места издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, № или номер выпуска, включая иностранные издания.

Образец:

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. – 2000. – № 3.

Арциховский А.В. Основы археологии. – М., 1954.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. – 1978. – Вып. 154.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. – Казань, 2007.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. – 1962. – № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Шупилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. – Budapest, 1981.

Далее следуют:

НАЗВАНИЕ РУКОПИСИ, ФИО авторов

Ключевые слова и резюме на английском языке.

Образец:

**THE MESOLITHIC – ENEOLITHIC FLINT ASSEMBLAGES
FROM THE NORTH PART OF IK – BELAYA INTERFLUENT AREA**

M.Sh. Galimova

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, flint, blade industries, burial assemblages, Volga-Kama region.

The article deals with a problem of chronological division of basic multilayer settlements of stone – eneolithic age situated near the mouth of Belaya river (left tributary of Kama), on the bank of Azibey lake etc.

Далее прилагаются:

Список сокращений

Список иллюстраций

Сведения об авторах

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5

Подписано в печать 25.03.2013 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Офсетная печать Усл. печ. л. 15,5 Тираж 1000

Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»